

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Исторический факультет
Кафедра археологии, этнографии и источниковедения

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ

Сборник научных трудов

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АЛТАЙСКОГО

УНИВЕРСИТЕТА

Барнаул – 2001

УДК 930.24:930.26

ББК 63.3(2Рос)2 + 63.3 (2 Рос)4 + 63.3 (2 Рос 537)

П 78

Ответственные редакторы:

доктор исторических наук, профессор **Ю. Ф. Кирюшин**;

кандидат исторических наук, доцент **А. А. Тишкин**

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор **С. В. Цыб**;

кандидат исторических наук, доцент **А. Л. Кунгуров**;

кандидат исторических наук, доцент **А. Б. Шамшин**;

кандидат исторических наук, доцент **В. Н. Владимиров**;

Н. П. Иванова (ответственный секретарь)

П 78 Проблемы изучения древней и средневековой истории: Сборник научных трудов / Под ред. Ю. Ф. Кирюшина и А. А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. 175 с.

ISBN 5-7904-0186-4

Сборник содержит некоторые итоги и основные направления научно-исследовательской работы преподавателей, сотрудников, докторантов и аспирантов кафедры археологии, этнографии и источниковедения АГУ, а также их коллег из других учреждений Сибири. В нем представлены публикации как обобщающего, историографического, источниковедческого и биографического плана, так и касающиеся отдельных проблем изучения истории материальной культуры от древности до средневековья.

Издание рассчитано на специалистов в области археологии, источниковедения, хронологии, историографии и других гуманитарных дисциплин, а также для студентов, краеведов, музейных работников и всех интересующихся проблемами древней и средневековой истории.

Подготовка сборника осуществлялась в рамках темы НИР кафедры археологии, этнографии и источниковедения «Изучение этносоциальных процессов на Алтае в древности и средневековье».

ISBN ISBN 5-7904-0186-4

© Алтайский государственный университет, 2001

КАМЕННЫЕ ИНДУСТРИИ МНОГОСЛОЙНОГО ПАМЯТНИКА КАМЕШОК-1

Многослойный памятник Камешок-1 находится в южных отрогах Салаирского кряжа на северо-восточном склоне г. Камешок, в 200 м к востоку от окраины с. Новиково Бийского района. С юго-востока гору огибает р. Неня, которая в 2,5 км ниже по течению впадает в р. Бия (рис. 1.-1*). Гора сложена изверженными породами, ее высота – около 100 м. Ровная площадка, занятая памятником, возвышается над поймой р. Неня более чем на 50 м, что соответствует IV надпойменной террасе р. Бия, сформировавшейся в первой половине сартана [1, с. 80–95].

Памятник открыт в 1964 г. Б.Х. Кадиковым и Б.И. Лапшиным, которые заложили 3 шурфа и обнаружили в них фрагменты керамики и каменные изделия [2, с. 10]. Кроме этого, в осыпях берега была собрана небольшая коллекция керамики и камня, а также найден бронзовый втульчатый двухлопастной наконечник стрелы (коллекция 209 БКМ) [3, с.100]. Палеолитический культурный слой зафиксирован на глубине 0,45–0,60 м. Кроме 14 мелких отщепов и осколков найдены реберчатый скол, снятие площадки призматического нуклеуса, проксимальный фрагмент крупного и широкого пластинчатого отщепа, два отщепа с обработкой. У одного сколами уплощен край. Другой тщательно ретуширован по левому краю с вентрала, имеет подработку торца и резцовый скол на правом проксимальном углу [2, с. 10; 4, с. 38–40].

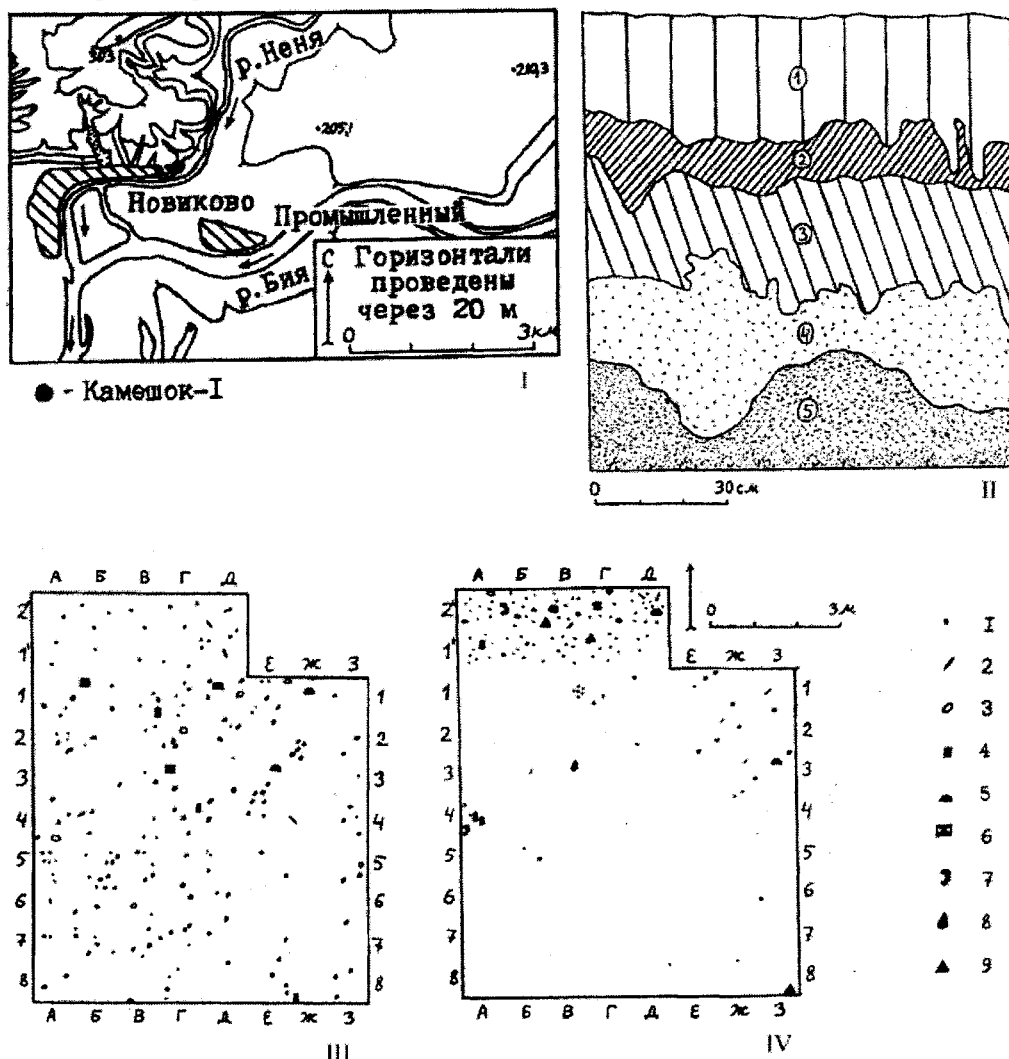

Рис. 1. Многослойный памятник Камешок-1: I – карта-схема расположения памятника; II – стратиграфическая колонка раскопа №1; III – планиграфия культурного горизонта 2; IV – планиграфия культурного горизонта 3. 1 – отщеп; 2 – пластина; 3 – камень; 4 – нуклеус; 5 – скребок; 6 – скребло; 7 – выемчатое орудие; 8 – остроконечник; 9 – проколка, острие

* Первая цифра указывает номер рисунка; вторая и последующие после точки – номер изображения на рисунке.

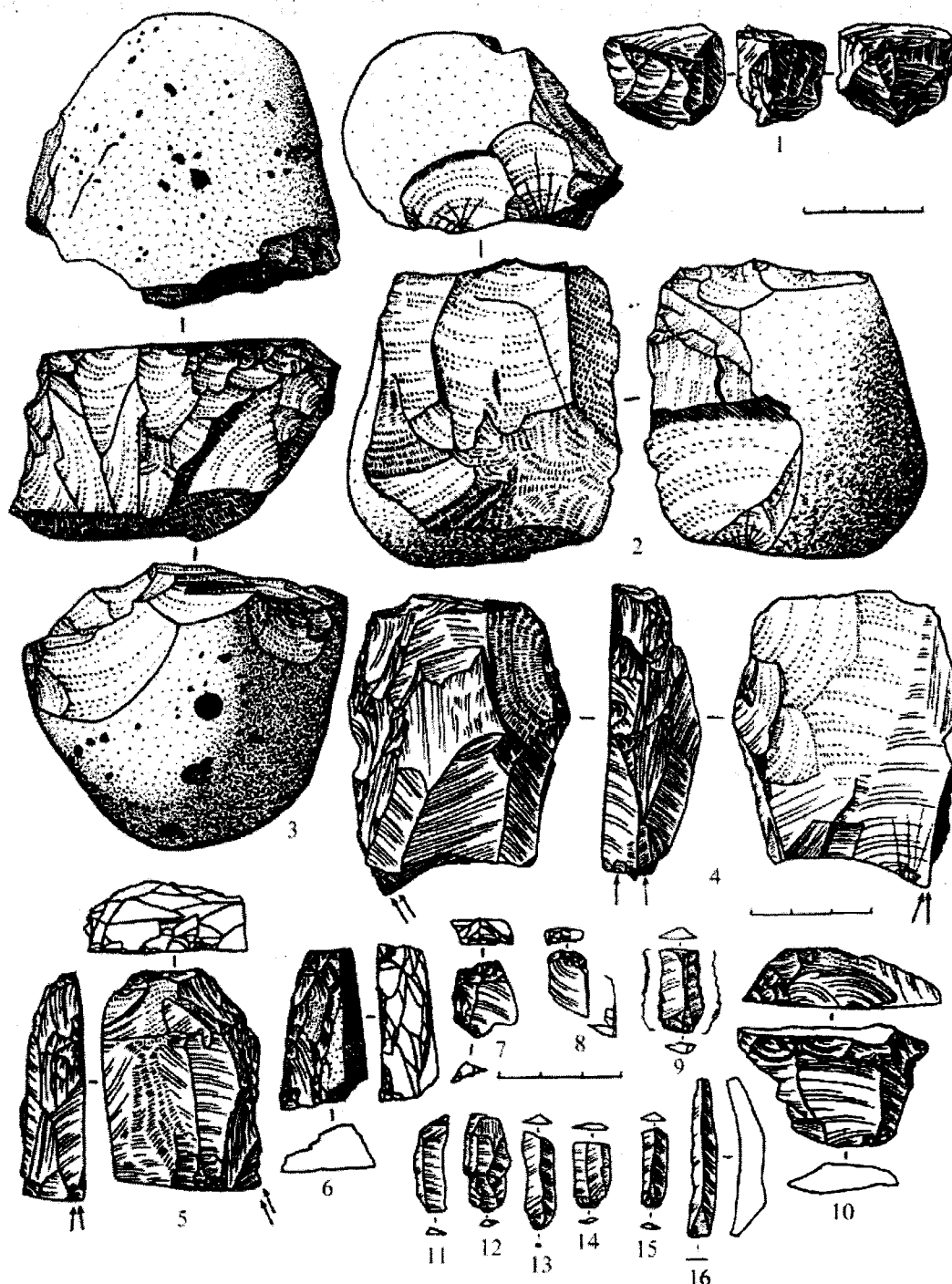

Рис. 2. Каменный инвентарь культурного горизонта 2 многослойного памятника Камешок-1 (раскоп №1):
1–3 – нуклеусы; 4, 5 – скребловидные орудия; 6 – оригинальное орудие; 7, 8 – скребки;
9 – ретушированная пластина; 10 – преформа; 11–16 – пластины

В 1988 г. А.Л. Кунгуров заложил раскоп площадью 10 кв. м, прирезанный к шурфу Б.Х. Кадикова. В 1998 г. М.М. Маркин к раскопу 1988 г. прирезал 64 кв. м (рис. I–III, IV). Еще 48 кв. м вскрыто на склоне горы (раскоп №2), где был изучен культурный горизонт большемысской культуры, залегающий на коре выветривания [5, с. 72–74].

Стратиграфия раскопа №1 следующая (рис. 1.–II):

1) 0,25 м – почвенно-растительный слой черно-бурого цвета с корневой системой ~~травянист~~

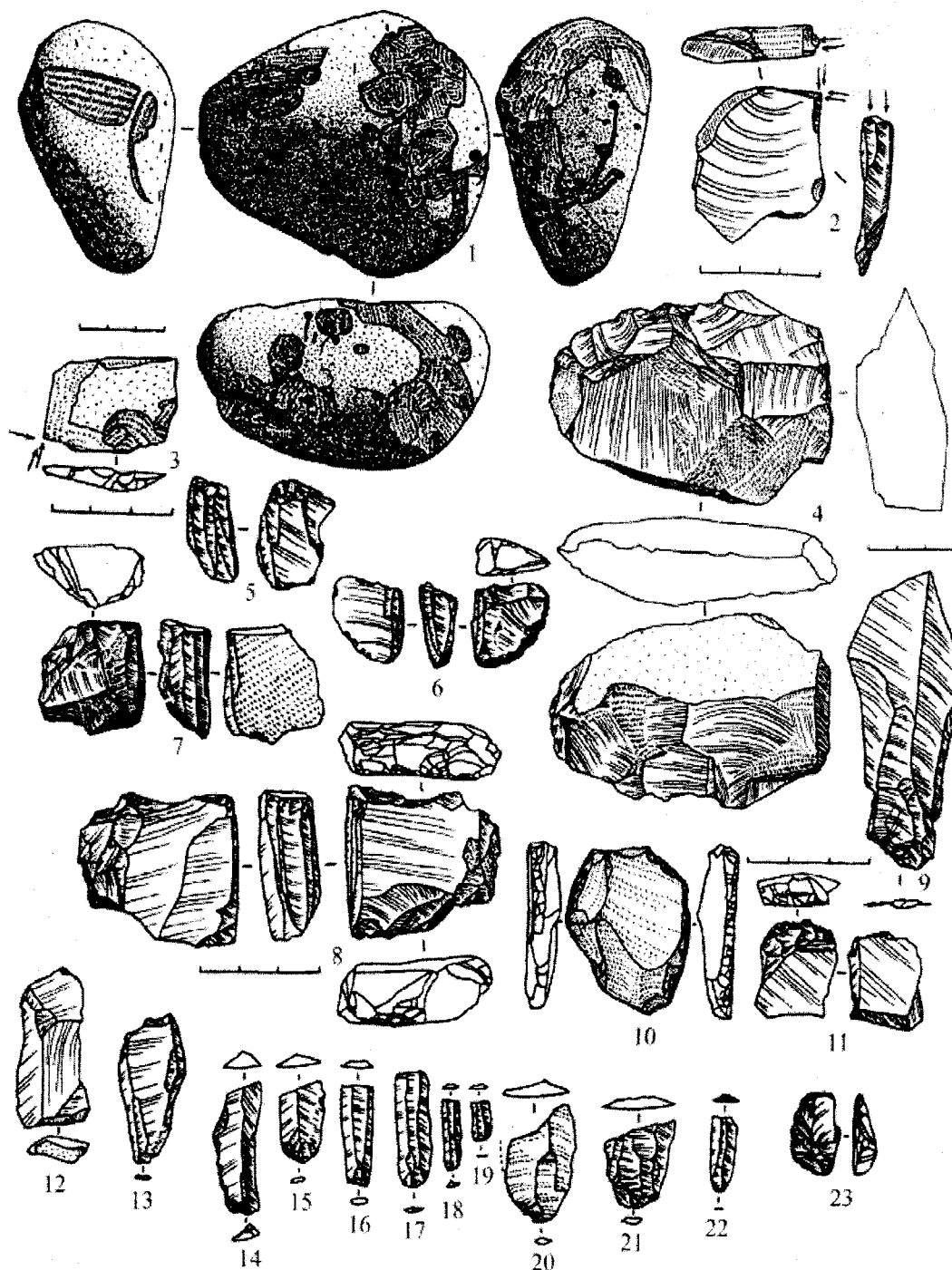

Рис. 3. Каменный инвентарь многослойного памятника Камешок-1 (раскоп №1):

1-4 – культурный горизонт 2; 5-23 – культурный горизонт 3.

1 – галька со следами забитости; 2, 3 – резцы; 4 – бифас; 5 – обломок нуклеуса;

6-8 – нуклеусы; 9, 12-22 – пластины; 10, 11, 23 – скребки

тых растений. На глубине 0,05–0,15 м встречаются находки эпохи бронзы и раннего железного века (культурные горизонты 1А и 1Б);

2) 0,10–0,12 м – супесь гумусированная буровато-серого цвета, субазральная;

3) 0,25–0,30 м – супесь серо-бурого цвета, субазральная. С его кровлей и контактом с выше-лежащим слоем связаны находки культурного горизонта 2, залегающего на глубине 0,35–0,48 м. В подошве слоя на глубине 0,50–0,65 м залегают культурный горизонт 3;

4) 0,18–0,30 м – песок буровато-серого цвета, среднезернистый, аллювиальный. На глубине 0,70–0,80 м выявлен культурный горизонт 4;

5) ниже 0,80–0,90 м – песок серого цвета, среднезернистый, аллювиальный.

Хронология культурных горизонтов 2–3 определяется залеганием их в покровных отложениях, перекрывающих аллювий IV надпойменной террасы р. Бия, которая сформировалась в хронологическом отрезке 18–20 тыс. лет назад [1, с. 93–95]. По-видимому, этим временем и следует датировать материалы культурного горизонта 4. Возраст горизонтов 2–3 можно определить как позднеледниковый.

В качестве сырья палеолитические обитатели Камешка-1 использовали твердый материал вулканогенных и кремнистых осадочных пород, происходящих как из аллювия, так и из скальных выходов. Для расщепления употреблялись алевролиты, микрокварциты, кремни, песчаники, андезитовые порфиры, липаритовые, риодацитовые порфиры и их туфы (определение инженера Минералогического музея при АГУ С.Г. Платоновой).

Коллекции каменных артефактов культурных горизонтов 2–4 весьма немногочисленны (см. табл. 2 на стр. 11 в этом сборнике).

Материалы горизонта 2 насчитывают 118 экземпляров. О технике первичного расщепления можно судить по трем нуклеусам. Первый из них – трехплощадочный монофронтальный (рис. 2.-3), другой – трехплощадочный бифронтальный (рис. 2.-2), третий – аморфный, истощенный до предела (рис. 2.-1). К преформам отнесено изделие, оформленное на четырехугольном в плане и подтреугольном в профиль отщепе, с торца которого произведены немногочисленные снятия (рис. 2.-10).

Орудийный набор каменной индустрии горизонта 2 составили: скребловидные орудия (2 экз.), микроскребки (2 экз.), резцы (2 экз.), бифас (1 экз.) оригинальное орудие (1 экз.), пластина с ретушью (1 экз.). Скребловидные орудия оформлены на аморфных сколах. Первое – двойное продольное (рис. 2.-4), другое – с лезвием по половине периметра (рис. 2.-5). У обоих изделий резцовыми сколами удалены непродолжительные участки лезвий. Не исключено, что здесь, как и при оформлении многофасеточного резца (рис. 3.-2), реализована техника снятия микропластин. Второй резец – двугранный угловой, оформленный на фрагменте полупервичного отщепа (рис. 3.-3). Один из микроскребков является концевым на отщепе (рис. 2.-7), у другого рабочее лезвие оформлено на ударной площадке, левый край ретуширован с дорсальной стороны (рис. 2.-8). Бифас, оформленный на истощенном нуклеусе, имеет форму, близкую к овальной. Двустороннеобработанное лезвие занимает половину периметра (рис. 3.-4). Оригинальное орудие сделано из полупервичного скола, который имеет подчетырехугольную в плане и треугольную в профиль форму. Рабочий край оформлен ретушью полукрутой, распространенной, полуглубокой. Лезвию противостоит обухок-облом (рис. 2.-6). Оба края ретушированной пластины имеют фасетки чередующейся ретуши (рис. 2.-9).

Коллекция каменных артефактов культурного горизонта 3 насчитывает 155 изделий. Все нуклеусы (3 экз.) принадлежат к микроформам. Первые два – клиновидные (рис. 3.-6, 8), последний – торцовый (рис. 3.-7). К торцовым микроформам относится и обломок нуклеуса (рис. 3.-5). Размеры имеющихся в коллекции пластин и отщепов явно не соответствуют мелким остаточным ядрищам, а характер огранки сколов свидетельствует о более значительном ассортименте нуклеусов. Можно с уверенностью говорить о том, что обитатели 3 культурного горизонта Камешка-1 употребляли крупные одно- и двухплощадочные нуклеусы для снятия пластин и отщепов.

Орудийный набор составили: скребло (1 экз.), скребки (3 экз.), острия (2 экз.), выемчатые орудия (2 экз.), проколки (2 экз.), атипичный остроконечник (1 экз.), отщеп с ретушью (1 экз.), ретушированная пластина (1 экз.). Скребло – простое продольное выпукло-вогнутое (рис. 4.-5). Скребки – двойной боковой (рис. 3.-10), концевой на отщепе соразмерный, комбинированный с проколкой (рис. 3.-11), микроскребок боковой на отщепе (рис. 3.-23). Острия и проколки – продольные симметричные (рис. 4.-2–4, 9). Выемчатые орудия – простые дорсальные продольные (рис. 4.-6, 8), остроконечник – атипичный дорсальный подтреугольный (рис. 4.-7). Мелкая пластина имеет на левом крае с дорсала фасетки ретуши утилизации (рис. 3.-14). Крупный скол с алевролитовой гальки обладает бипродольно-краевой огранкой дорсала. Правый край обработан с вентрала и двусторонне прерывистой, краевой ретушью. Аналогичным образом оформлен и левый край изделия (рис. 4.-1).

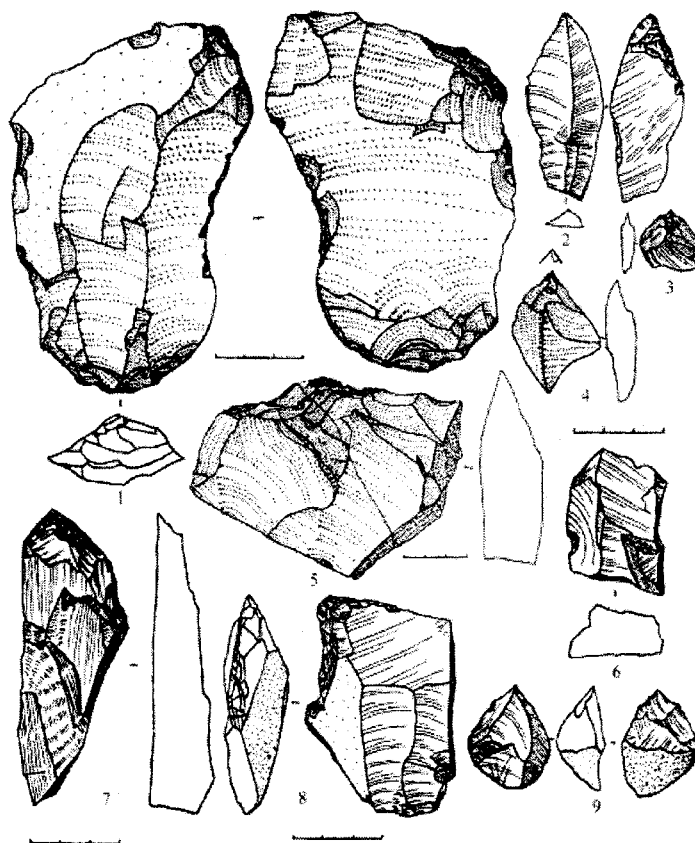

Рис. 4. Каменный инвентарь культурного горизонта 3 многослойного памятника Камешок-1 (раскоп №1):
1 – отщеп с ретушью; 2, 9 – остря; 3, 4 – проколки; 5 – скребло;
6, 8 – выемчатые орудия; 7 – остроконечник

Коллекция артефактов культурного горизонта 4 состоит всего из восьми отщепов.

Таковы предварительные итоги исследования многослойного памятника Камешок-1. Несмотря на свою малочисленность, его материалы по технико-типологическим параметрам демонстрируют единство с позднеледниковыми комплексами долины р. Катунь (Сростки, Урожайная, Майма и др.), по материалам которых выделена нижнекатунская культура [4, с. 34–44; 6, с. 50–63; 7].

Исследования выполнены при поддержке проекта РГНФ №00-01-00374а.

Примечания

1. Барышников Г.Я. Развитие рельефа переходных зон горных стран в кайнозое. Томск, 1992.
2. Лапшин Б.И. История исследования Алтайского палеолита // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1980.
3. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Бийский район. Памятники археологии // Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992.
4. Кунгуров А.Л. К вопросу о восточной границе нижнекатунской палеолитической культуры // Культура народов евразийских степей. Барнаул, 1993.
5. Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В. Новое большемыское поселение – Камешок-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1999. Вып. 10.
6. Кунгуров А.Л. Относительная хронология палеолитических памятников бассейна Катуни // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991.
7. Кунгуров А.Л. Палеолит и мезолит Алтая. Барнаул, 1993.

КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ КАМНЯ ГОРЫ КАМЕШОК (ЮЖНЫЕ ОТРОГИ САЛАИРСКОГО КРЯЖА)

Южный Салаир, представленный узкой скалистой Кивдинской грядой с относительными высотами около 350 м, оканчивается в правобережье р. Бия к западу от р. Неня. На юго-западе гряда разбивается на группу вытянутых в одном направлении сопки и, снижаясь, погружается под рыхлые отложения Бийско-Барнаульской котловины [1].

Описываемые памятники находятся в месте слияния долин Нени и Бии. На участке долины р. Бия от устья Нени до устья Катунь выделяется от 4 до 5 террас, образование которых относится к послекаргинскому времени. Повсеместно развиты высокая и низкая поймы высотой от 1,5 до 5,0 м [2, с. 77–95].

Многослойный памятник Камешок-1 расположен на северо-восточном склоне горы-останца Камешок в 200 м к востоку от окраины с. Новиково Бийского района, в 2,5 км к северо-востоку от устья р. Неня (рис. 1.-1). Ровная площадка, занятая памятником, возвышается над поймой Нени более чем на 50 м, что соответствует IV надпойменной террасе р. Бия, сформировавшейся в хронологическом отрезке 18–20 тыс. лет назад [2, с. 93–95]. Временем формирования террасы, по видимому, и следует датировать материалы культурного горизонта 4, который связан с кровлей аллювиальных песков. Возраст культурных горизонтов 2–3 следует из залегания их в перекрывающих аллювий покровных отложениях, относимых к позднеледниковому времени.

Следующие два памятника (Камешок-2 и 3), открытые в 1988 г. А.Л. Кунгуровым, связаны с мысами надпойменной цокольной террасы с высотой бровки около 10 м (рис. 1.-1). Мысы образованы логами и поймой. Культурные отложения приурочены к супеси буровато-серого цвета (гумусовый горизонт Б), что свидетельствует о явно голоценовом возрасте памятников [3, с. 100–101].

Палеолитические обитатели Камешка-1 в качестве сырья использовали широкий спектр горных пород. Из аллювия брались алевролиты, песчаники, порфириты, порфиры и пр. Предпочтения отдавались также микрокварцитам (26,27–43,23%) и кремням (7,63–8,39%), аналогичным кремням и микрокварцитам кивдинской свиты, из которых сложена Кивдинская гряда Салаирского кряжа. Обитатели Камешка-2 и 3 по-прежнему использовали для расщепления микрокварциты, кремни, алевролиты, песчаники, сланцы и халцедон, практически исключив из употребления магматические породы (табл. 1).

Таблица 1

Распределение артефактов со стоянки Камешок-1–3 по материалу

Наименование сырья	Наименование памятника									
	Камешок-1						Камешок 2		Камешок 3	
	2 к.г.		3 к.г.		4 к.г.					
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Граниты и гранодиориты	4	3,39	1	0,65	—	—	—	—	—	—
Габбро-диорит	4	3,39	2	1,29	—	—	5	—	—	—
Порфир	3	2,54	3	1,94	—	—	—	—	—	—
Андезитовый порфирит	17	14,41	14	9,03	1	—	2	—	—	—
Кварц жильный	1	0,85	—	—	—	—	—	—	1	0,37
Халцедон	—	—	2	1,29	—	—	—	—	15	5,56
Микрокварцит полосчатый от светло-серого до черного	31	26,27	67	42,23	4	—	20	—	103	38,15
Кремень черный массивный	9	7,63	13	8,39	—	—	5	—	15	5,56
Песчаник	18	15,25	24	15,48	1	—	5	—	18	6,67
Алевролит	31	26,27	27	17,42	2	—	13	—	115	42,59
Сланцы кремнистые, глинистые, кварц-хлоритовые	—	—	2	1,29	—	—	1	—	3	1,11
Итого	118	100	155	100	8	—	51	—	270	100

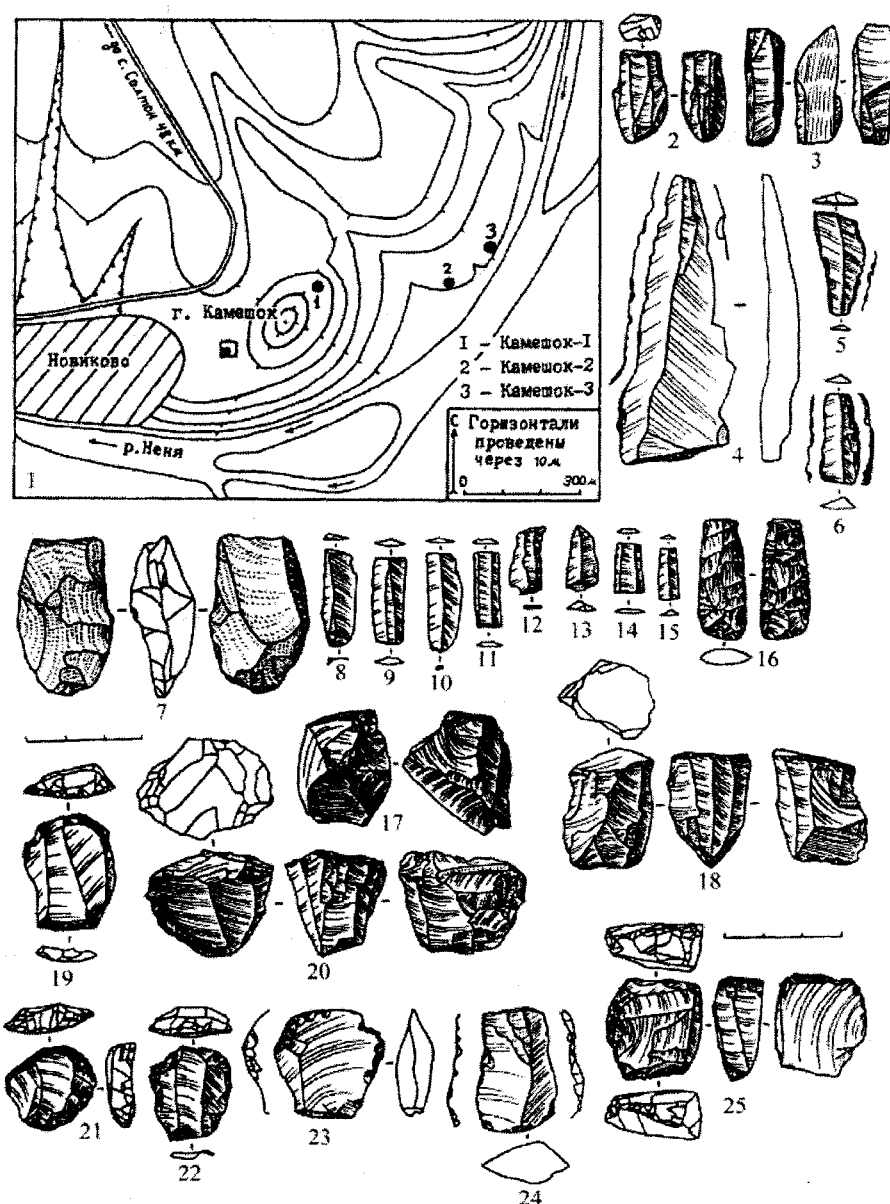

Рис. 1. Комплекс памятников горы Камешок:
1 – карта-схема расположения памятников; 2–15 – каменный инвентарь стоянки Камешок-2;
16–25 – каменный инвентарь стоянки Камешок-3

Описанию археологических материалов Камешка-1 в этом сборнике посвящена отдельная статья, поэтому основное внимание здесь будет уделено коллекциям с Камешка-2 и 3.

Каменный инвентарь стоянки Камешок-2 состоит из 51 артефакта (табл. 2), которые происходят из шурфа площадью 6 кв. м [3, с. 101]. Техника первичного расщепления представлена нуклеусом из кремнистого алевролита (рис. 1.-2) и преформой из черного кремня (рис. 1.-3). Нуклеус – одноплощадочный призматический с концентрическим фронтом скалывания. Орудийный набор состоит из долотовидного орудия (рис. 1.-7) и ретушированных пластин (рис. 1.-4-6). Фасетки бифасиальной или чередующейся ретуши во всех случаях локализируются на двух продольных краях пластин (рис. 1.-4-6), в единственном случае ретушь заходит на торец (рис. 1.-5). Пластин без обработки – 8 экз. (рис. 1.-8-15).

Коллекция каменных артефактов со стоянки Камешок-3 включает 270 единиц (табл. 2), которые происходят из шурфа площадью 4 кв. м [3, с. 101].

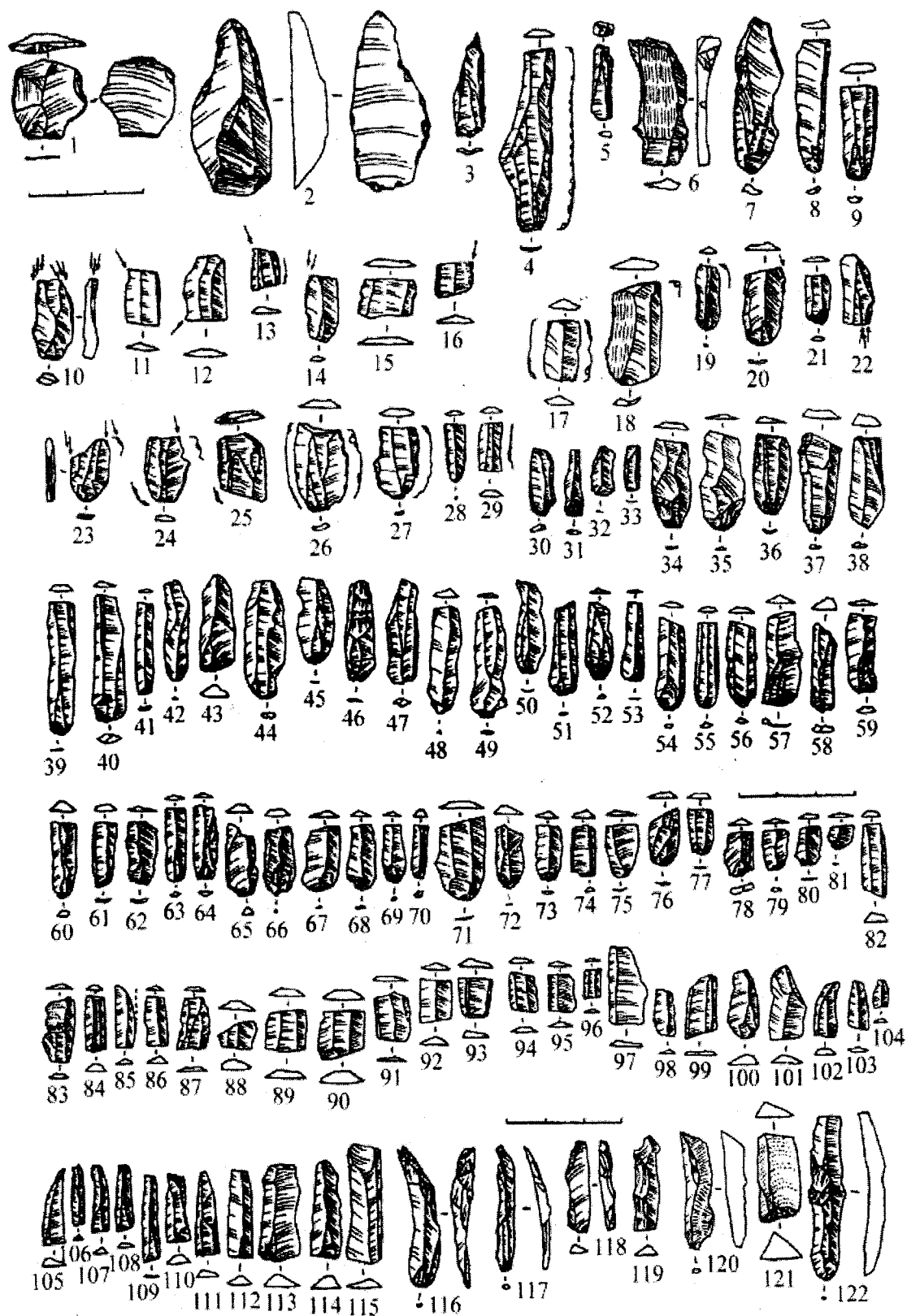

Рис. 2. Каменный инвентарь стоянки Камешок-3

Техника расщепления данного комплекса представлена тремя нуклеусами. Первый – призматический одноплощадочный монофронтальный, выполнен на отщепе. Ударная площадка подчетырех-угольная по контуру, прямая горизонтальная, оформлена серией поперечных сколов. Фронт скалывания треугольный по контуру, плоский по рельефу. Латерали плоские. Одна представлена плоскостью отщепы, другая оформлена серией поперечных пластинчатых снятий. Дистальный конец нуклеуса приострен со стороны оформленной латерали (рис. 1.-25).

Таблица 2

Каменный инвентарь стоянок Камешок-1–3

№ п/п	Наименование изделия	Наименование памятника									
		Камешок 1						Камешок 2		Камешок 3	
		2 к.г.		3 к.г.		4 к.г.		к-во	%	к-во	%
		к-во	%	к-во	%	к-во	%				
1	Отщепы первичные крупные	–	–	1	0,65	–	–	2	–	1	0,37
2	средние	2	1,69	4	2,58	–	–	–	–	1	0,37
3	мелкие	2	1,69	1	0,65	–	–	–	–	–	–
4	Отщепы полупервичные крупные	1	0,85	5	3,23	–	–	1	–	–	–
5	средние	4	3,39	5	3,23	–	–	1	–	2	0,74
6	мелкие	3	2,54	3	1,94	–	–	–	–	1	0,37
7	Отщепы крупные	–	–	2	1,29	–	–	1	–	–	–
8	средние	8	6,78	18	11,61	2	–	3	–	10	3,70
9	мелкие	21	17,80	40	25,81	6	–	12	–	33	12,22
10	Осколки, обломки крупные	1	0,85	5	3,23	–	–	–	–	1	0,37
11	средние	6	5,08	11	7,10	–	–	–	–	2	0,74
12	мелкие	9	7,63	9	5,81	–	–	13	–	11	4,07
13	Технические сколы	5	4,24	3	1,94	–	–	–	–	18	6,66
14	Долечные сколы	–	–	4	2,58	–	–	1	–	5	1,85
15	Чешуйки	18	15,25	11	7,10	–	–	13	–	45	16,66
16	Гальки крупные	1	0,85	–	–	–	–	–	–	–	–
17	мелкие	6	5,08	3	1,94	–	–	–	–	–	–
18	Крошки цоколя	10	8,47	–	–	–	–	–	–	–	–
19	Пластины без обработки	8	6,78	8	5,16	–	–	8	–	100	37,04
20	Пластинчатые отщепы без обработки	–	–	2	1,29	–	–	–	–	–	–
21	Преформы	1	0,85	–	–	–	–	1	–	–	–
22	Нуклевидные изделия	–	–	–	–	–	–	–	–	1	0,37
23	Нуклеусы и их обломки	3	2,54	4	2,58	–	–	1	–	3	1,11
24	Орудия	9	7,63	14	9,03	–	–	4	–	36	13,33
Всего		118	100	155	100	8	–	51	–	270	100

Следующие два нуклеуса – призматические одноплощадочные с полуконцентрическим фронтом скалывания. Первое изделие имеет округлую по контуру, прямую горизонтальную ударную площадку, оформленную серией центростремительных снятий. Фронт скалывания выпуклый, занимает 2/3 периметра площадки. Контрфронт представлен ребром, оформленным серией поперечных снятий (рис. 1.-20). Второй нуклеус данного типа имеет полуовальную по контуру, косую горизонтальную ударную площадку, оформленную одним сколом. Фронт скалывания – треугольный по контуру, выпуклый, занимает 2/3 периметра площадки. Контрфронт плоский, оформлен серией продольно-поперечных сколов. Дистальный конец изделия острый, подработанный двусторонне (рис. 1.-18).

Все нуклеусы имеют сильную степень сработанности. Их подработка представлена снятиями ударных площадок (4 экз.), боковыми (3 экз.) и реберчатыми (11 экз.) сколами (рис. 2.-116–122). Представленные на памятнике типы нуклеусов, а также категории артефактов, связанные с их расщеплением, однозначно свидетельствуют о том, что техника первичного расщепления данного комплекса была ориентирована на получение призматических пластин.

Всего в данном комплексе обнаружено 127 пластин (рис. 2.-3–115), большая часть из которых имеет мелкие размеры (ширина не превышает 0,7 см). Регулярных пластин, имеющих параллель-

ную огранку дорсала, достаточно мало (24 экз.). По фрагментации пластины разделены следующим образом: полные (16 экз.), проксимальные фрагменты (15 экз.), дистальные фрагменты (13 экз.), пластины без проксимальной части (4 экз.), пластины без дистальной части (28 экз.), медиальные фрагменты (15 экз.), сечения (36 экз.). Серийность фрагментов пластин, которые составляют 87,4%, свидетельствует об их намеренной фрагментации. Фрагментация производилась нажимом и изломом основы, ударный и ретушный приемы не выявлены.

Орудийный набор составили: скребки (4 экз.), острия (2 экз.), оригинальные орудия (2 экз.), резцы (13 экз.), пластины с ретушью (6 экз.) и утилизацией (7 экз.), отщепы с ретушью (2 экз.).

Первые два скребка – концевые на пластинчатых отщепах (рис. 1.-19, 22), третий – с ретушью по периметру (рис. 1.-21), последний – угловой (рис. 1.-23). Первое острие – продольное симметричное с притупленным ретушью правым краем, оформлено на пластине (рис. 2.-3). Другое оформлено на техническом сколе с удаленной ретушью ударной площадкой, имеет выделенное симметричное жальце (рис. 2.-2). Все резцы (рис. 2.-10–14, 16–18, 20, 22–25) – простые или двойные угловые на изломе пластины, оформленные при помощи одного или нескольких резцовых сколов. Одно из оригинальных орудий имеет выделенное ретушью по правому краю с дорсальной стороны симметричное острие, на дистальной части заготовки с вентральной стороны ретушью оформлено скребковое лезвие (рис. 2.-1). Другое оригинальное орудие может быть отнесено к вкладышам или к наконечникам стрел (рис. 1.-16). Первый из ретушированных отщепов имеет обработку двух продольных краев (рис. 1.-24), у второго ретушь утилизации локализуется по периметру.

Пластины с ретушью – 6 экз. Локализация ретуши следующая: по правому краю с дорсала – 2 экз. (рис. 2.-6, 7), по левому краю с дорсала – 2 экз. (рис. 2.-27, 28), на торце с дорсала – 1 экз. (рис. 2.-5), на углу заготовки – 1 экз. (рис. 2.-9).

Ретушь утилизации локализуется на пластинах по правому краю с дорсала – 1 экз. (рис. 2.-28), по правому краю с вентрала – 1 экз. (рис. 2.-29), по левому краю с дорсала – 1 экз. (рис. 2.-8), по правому краю двусторонне – 1 экз. (рис. 2.-4), по правому краю и углу заготовки – 3 экз. (рис. 2.-15, 21, 26).

Проблема датировки памятников Камешок-2, 3 является достаточно сложной из-за незначительной выборки материала. Но установленные по каменному инвентарю аналогии с материалами таких памятников, как Усть-Сема [4, с. 29–50; 5, с. 37–39], Манжерок-2 [6, с. 3–18], а также динамика типологического набора орудий внутри данных комплексов позволяют нам датировать материалы Камешка-2 и 3 позднемезолитическим–ранненеолитическим временем в пределах 8–7 тыс. лет назад.

В заключение хотелось бы отметить, что данные памятники демонстрируют эволюцию технологии обработки камня в широком хронологическом отрезке позднеледниковье–ранний голоцен. Продолжение работ на этих объектах позволит проследить динамику типологического набора орудий каменных индустрий южных отрогов Салаирского кряжа на заключительной стадии позднего палеолита и в мезолите.

Исследования выполнены при поддержке проекта РГНФ №00-01-00374а.

Примечания

1. Малолетко А.М. Палеогеография предальтайской части Западной Сибири в мезозое и кайнозое. Томск, 1972.

2. Барышников Г.Я. Развитие рельефа переходных зон горных стран в кайнозое. Томск, 1992.

3. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Бийский район. Памятники археологии // Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992.

4. Кунгуров А.Л., Кадилов Б.Х. Многослойное поселение Усть-Сема // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985.

5. Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Усть-Сема // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997.

6. Молодин В.И., Петрин В.Т. Памятник с микролитическим инвентарем в Горном Алтае // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1990.

МИНЕРАЛЫ КРЕМНЕЗА, КВАРЦЕВЫЕ И ХАЛЦЕДОНОВЫЕ ПОРОДЫ КАК СЫРЬЕ ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ В ДРЕВНОСТИ (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Горные литифицированные (окаменевшие) породы, содержащие кремнезем (двуокись кремния SiO_2), имеют высокую твердость и хорошую износостойчивость, поэтому с древнейших времен использовались для изготовления орудий. Каменные орудия не вышли из употребления даже в эпоху металла. Этому способствовала доступная сырьевая база и навыки их изготовления, выработанные в ходе долгой истории человечества.

Обычно в качестве сырья использовались как собственно минеральные образования – халцедон, опал (реже), так и породы, имеющие опалово-халцедоновый, кварц-халцедоновый и кварцевый состав. Последние обычно представлены кремниевыми породами (силицитами) – яшмами, лидитами, фтанитами, обломочными породами – кварцевыми песчаниками и метаморфическими породами – кварцитами, вторичными кварцитами.

Особенностью кремниевых пород является их ультратонкое строение, что требует обязательного микроскопического изучения при диагностике материала каменных орудий для надежного определения минерального состава и структур, которые являются основными классификационными признаками силицитов (табл.).

Классификация кремниевых пород каменных орудий

Минеральный состав	Структура			
	Органолитовая (остатков организмов более 50%)	Смешанная и криптокристаллическая (остатков 25–50%)	Криптокристаллическая, иногда с участками органолитовой, глобулярная	Кристаллобластовая
Кристобалит-опаловый с халцедоном			Опоки	Кремни
Опалово-халцедоновый с кварцем, кварц-халцедоновый	Радиоляриты	Спонгиевые или радиоляриевые лидиты, фтаниты	Лидиты, фтаниты	
Халцедоновый кварц-халцедоновый				
Кварцевый		Радиоляриевые яшмы	Яшмы	
Формы выделения в природе	Пласты и линзы	Пласты и линзы	Конкреции	Пласты и линзы

Яшма – осадочная кремниевая порода, обладающая раковистым изломом, пятнистая или полосчатая разных цветов: красного, желтого, сургучного, коричневого, реже зеленого цвета. Сложена криптокристаллическим (скрытокристаллическим) кварцем, что установлено современными исследованиями силицитов в электронном микроскопе. Среди яшм выделяют радиоляриевые и безрадиоляриевые типы. Радиоляриевые яшмы содержат, иногда в большом количестве, раскристаллизованные раковины радиолярий (морские одноклеточные организмы, ведущие преимущественно планктонный образ жизни, имеют скелет из водного кремнезема, т.е. опала). Радиоляриевые яшмы представляют собой глубинно-океанические образования. Безрадиоляриевые яшмы имеют вулканогенно-осадочное, химическое и биохимическое происхождение.

В поляризационном микроскопе ультрамикроскопические кристаллики кварца (1–10 мкм) не фиксируются, что затрудняет отличать яшмы от кварц-халцедоновых силицитов, поэтому их основным диагностическим признаком следует считать обычную для них пеструю окраску, обусловленную присутствием оксидов железа и марганца. Кроме того, для яшм характерна повсемес-

тная временная и пространственная связь с вулканическими (эффузивными) и вулканогенными обломочными (туфовыми) породами, что позволяет относить их к ближневулканическим накоплениям, где яшмы обычно образуют выдержанные по простиранию пласты и линзы [1].

Крупные залежи коричневых, красных, шоколадных и лиловых яшм имеются по р. Чарыш у с. Чарышское. Здесь они участвуют в строении засурийской свиты верхнего кембрия–нижнего палеозоя; мощность свиты более 1000 м. Прослой монолитных одноцветных яшм достигают мощности 5–30 м. Преимущественно кремниевый состав свиты отмечается у с. Чарышское (ручьи Чапыжный и Пролетный). Известны радиоляриевые яшмы серого, черного, голубоватого и зеленого цвета в верхах ханхаринской свиты (верхний ордовик) у с. Усть-Чагырка и в левобережье р. Хархара. Яшмы образуют прослой мощностью 1–3 м [2, с. 183–189]. Орудия, изготовленные из красноцветных яшм, известны по многим разновозрастным археологическим памятникам.

Лидит – плотная, с раковистым изломом порода, кварц-халцедонового состава, темно-серого, черного до смоляного цвета. Темные тона окраски обусловлены обильным тонкорастыленным органическим веществом с примесью глинистого материала. Часто содержат остатки скелетов радиолярий и спикулы губок. Таковы черные кремниевые породы по р. Ханхара, традиционно называемые яшмами, хотя более точно их следует определять как лидиты. Лидиты, содержащие значительное количество радиолярий (более 50%), могут быть названы радиоляритами.

Фтанит – массивная криптокристаллическая порода кварц-халцедонового состава, окрашенная преимущественно в серые тона. Это один из отличительных признаков от лидитов, хотя в литературе описаны фтаниты разного цвета и даже черного из-за тонкорассеянной примеси углистого вещества или графита. Некоторые исследователи считают эту породу синонимом лидита. Органические остатки (радиолярии, спикулы губок) либо отсутствуют, либо присутствуют в незначительном количестве.

Лидиты и фтаниты являются пластовыми образованиями и обычно встречаются в виде парагенетических ассоциаций, выделяемых во фтанитовую формацию геосинклинальных бассейнов [3, с. 38–59]. В отличие от яшм, которые непосредственно ассоциируют с вулканогенными образованиями, фтаниты и лидиты более удалены от очагов извержения. Предполагается, что этим и объясняется их различие в минеральном составе и окраске [1]. В ряду яшма–фтанит–лидит кремниевое вещество накапливается в морском осадке на все большем удалении от очагов вулканических проявлений, а значит все больше загрязняется включением органического и глинистого вещества. И, наоборот, в этом же ряду сокращается в осадке количество оксидов железа и марганца, поэтому пестро окрашенные яшмы сменяются разнообразными по окраске, но монотонными и серыми фтанитами и далее темно-серыми и черными лидитами.

Кремниевые породы фтанитовой формации образуют крупные массивы и в древности повсеместно использовались для изготовления каменных орудий. Так, на осевой части массива Кивды (Солтонский р-н) они слагают денудационные останцы, хорошо выраженные в рельефе. По р. Тыткескен (левый приток Катунь) черные и пятнистые бело-черные фтаниты образуют несколько крупных выходов; использовались с верхнего палеолита. На памятниках Дмитриевка (Верхняя Бия) и Кара-Бом (бассейн р. Урсул, левого притока Катунь) также найдены орудия, изготовленные из фтанита.

Таким образом, для точной диагностики кремневых пород необходимы микроскопические исследования. Если таковых нет, то рекомендуется пестрые, красные, желтые, сургучные и зеленые силициты именовать яшмами, однотонные и серые – фтанитами, а черные – лидитами.

Кремни – плотные с раковистым изломом кремниевые образования, состоящие из смеси аморфного и кристаллического кремнезема, что определяет широкие вариации их минерального состава (см. табл.). Для них характерны криптокристаллические, реже глобулярные и смешанные микроструктуры. Окраска разнообразная, монотонная, светло-серая, голубовато- или зеленовато-серая, реже темно-серая. Кремни образуют не крупные линзы, желваки и конкреции в осадочных породах, преимущественно в известняках, доломитах, опоках. В кремневых конкрециях могут присутствовать органические остатки, часто хорошей сохранности. Благодаря повышенной плотности и твердости также широко использовались для изготовления каменных орудий.

Значительно реже встречаются орудия, изготовленные из опок, которые имеют кристобалит-опаловый с халцедоном минеральный состав.

Опока – это легкая, микропористая, относительно плотная, твердая (ноготь не оставляет черту, острый металлический предмет царапает породу) порода с криптокристаллической, участка-

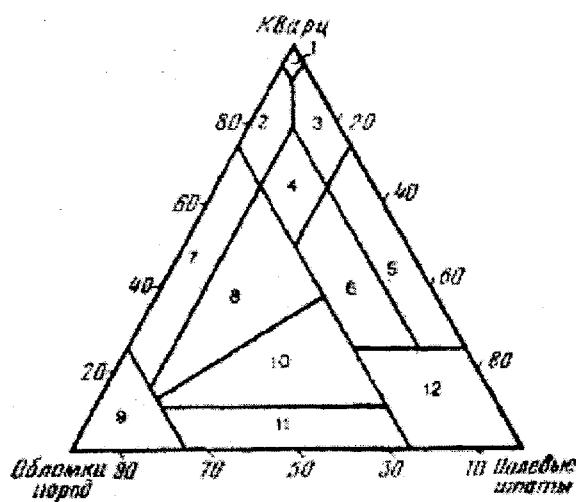
ми органолитовой и аморфной глобулярной микроструктурой. Окраска различная – белая, серая, коричневатая, зеленоватая, обусловленная примесью глинистого материала, глауконита, пирита. Скелетных частей организмов (диатомей, радиолярий, спикул кремниевых губок) нет или мало. Опоки широко распространены среди морских меловых и палеогеновых отложений, особенно в Зауралье. Изредка использовалась для изготовления орудий. Так, на поселении Рубцовское (по сборам А.А. Тишкина) были обнаружены отщепы опоко-песчанистой породы опал-халцедонового состава с примесью терригенного (песчанистого) состава. Другой образец отщепа был получен от обломка опоки с примесью радиолярий, которые имеют халцедоновый состав.

В речных, морских галечных и гравийных отложениях часто встречаются минералы кремния – халцедон и опал, пригодные для изготовления орудий.

Халцедон – это микрокристаллическая разновидность кварца, имеет скрыто-волокнистое строение. Окрашен в самые различные цвета и оттенки: молочно-серый, синевато-черный (сапфирин); желтый, красный, оранжевый (сердолик); коричневый, бурый (сардер); зеленый (плазма); яблочно-зеленый (хризопраз); зеленый с красными точками (гелиотроп). Разновидность халцедона – агат (оникс), в котором тонкие различно окрашенные полоски халцедона имеют концентрически-зональные или параллельные слои. Он образуется при низкотемпературном гидротермальном процессе в пустотах эффузивных пород, слагая миндалины, а также в коре выветривания и зонах окисления в результате дегидратизации гелей кремнезема [4]. Имея высокую твердость (6–7 по шкале Мооса), халцедон часто встречается в галечниковом аллювии. В частности, он нередок в аллювии р. Томи. В древности халцедон использовался не только для изготовления украшений, но и для наконечников стрел, небольших ножей.

Опал – это твердый гидрогель кремнезема (состоит из SiO_2 и некоторого количества воды – 1–5%). Сам по себе опал бесцветен, но бывает окрашен примесями в различные оттенки желтого, бурого, красного и зеленого цвета. Для полупрозрачных разновидностей характерна опалесценция. Опал слагает скелетные части низших водных, преимущественно морских организмов – панцири диатомей, спикулы губок, скелеты радиолярий, для которых коллоидные растворы (золи) кремнезема являются пищей. Опал участвует в сложении некоторых кремней – фтанитов и лидитов, так же, как и халцедон, может выполнять миндалины в эффузивных породах и образуется в корах выветривания.

Опал имеет более низкую твердость (5–5,5), поэтому он реже использовался для изготовления режущих и колющих орудий. Обычно в древности, как и ныне, из него изготавливали украшения. В археологических памятниках Алтая были встречены очень мелкие орудия, изготовленные из опала (тонкие пластинки, мелкий режущий инструмент). Источником опала, который был известен давним насельникам Алтая и его предгорий, возможно, являлся речной аллювий.

Классификационная диаграмма песчаников (по Шутов, 1967): 1–4 – кварцевая группа песчаников: 1 – мономиктовые кварцевые; 2 – кремне-кластито-кварцевые; 3 – полевошпато-кварцевые; 4 – мезомиктовые кварцевые

Наряду с кремниевыми породами (халцедоном и опалом) также широко применялись для изготовления орудий кварцевые песчаники и их метаморфизованные разновидности – кварциты.

Кварцевый песчаник – порода белого цвета, иногда слегка желтоватая за счет слабого ожелезнения. Состоит из зерен кварца, содержание которых превышает 90% от общего количества обломочков (рис.). Зернистость песчаников может быть различной (2,0–0,05 мм), но в одном образце кварц представлен, как правило, зернами близкой размерности. Зерна обычно хорошо окатанные, реже полуокатанные, угловато окатанные. Вообще кварцевые песчаники сложены зернами наиболее высокой окатанности по сравнению с другими петротипами песчаных пород. Первичная форма зерен может быть искажена регенерационными (следы

более позднего наращивания кремнезема) каемками. Цемент базальный, обычно опалового, халцедонового или кварцевого состава (40–50% объема породы). В археологических памятниках орудия из такого рода песчаников встречаются нечасто, что объясняется редкостью самого сырья. Обычно это колющие орудия (наконечники стрел и копий). Пласты чисто кварцевых песчаников встречаются довольно редко в древних толщах Алтая.

Сливные кварцевые песчаники, кварцитовидные песчаники (кварцитники – по терминологии казахстанских археологов). Породы активно использовались человеком в эпохи неолита (или даже позднего мезолита) и бронзы для изготовления многих орудий в разных районах Западной Сибири. Изделия из этого камня были износоустойчивы (твердость 7 по шкале Мооса), но в отличие от кварца не были хрупкими, хорошо обрабатывались методом двусторонней отжимной ретуши. Немалую роль сыграло и широкое распространение сырья. Породы приурочены к позднемеловым и палеогеновым толщам континентального происхождения, в которых они образуют линзы и пропластки различной мощности. Встречаются сливные песчаники в районах Западной Сибири, Восточного и Северного Казахстана. Географическое распространение описываемых пород рассмотрено в специальной работе [5, с. 3–19].

В правобережье Енисея присутствуют сливные песчаники по р. Есаулке (окрестности Красноярска). Это самая восточная точка с описываемыми породами. В левобережье Енисея встречаются между Красноярском и Енисейском [6]. Образование песчаников связано с пропитыванием переотложенных продуктов коры выветривания (это кварцевые пески, каолиновые глинистые породы) кремнеземом в форме опала или халцедона. Кремнезем цементировал рыхлые продукты коры выветривания. Пропитывался обычно маломощный, не более 2 м, приповерхностный горизонт. Об этом, в частности, свидетельствуют повсеместно встречающиеся в песчанике отверстия от корней и прикорневой части кустарниковых растений. Вниз по разрезу сливные песчаники переходят постепенно в рыхлые пески. Встречены они и по р. Кемь и Кеть (в ее верховьях). С верховьев р. Кети мясо-красные сливные песчаники транспортировались за 800 км на Васюган и в Колпашевское Приобье (памятники Тух-Эмтор, Тенга, Малгет).

В районе Томска сливные кварцитовидные песчаники изучены в 2 км от с. Туган, а также по р. Басандайка, Киргизка. Здесь они приурочены к толще третичных (доолигоценовых) полевошпато-кварцевых песков. Горизонты песчаников непостоянной мощности приурочены к верхней и нижней части разреза песков. Визуально притомские сливные песчаники – это светло- и темно-серые породы. Цемент – базальный опаловый. В него погружены обломки кварца и темных кремниевых пород. Местами опал слабо раскристаллизован в криптозернистый халцедоновый агрегат. Под микроскопом песчаники характеризуются псаммитовой структурой. Они средне- и мелкозернистые с различной, но чаще с плохой сортировкой кварцевых зерен [7, с. 40–45]. Многочисленные отщепы светло-серых сливных кварцевых песчаников на памятнике Басандайка у Томска указывают о широком использовании этой породы для изготовления различных орудий в эпохи неолита и бронзы.

Широко распространены сливные кварцевые песчаники в Казахском Прииртышье. В Павлодарском Прииртышье (г. Кайкаин и к северо-востоку от него между озерами Карасор и Кудайколь) эти породы образуют плоские глыбы и глыбовые развалы. Известны они и в Экибастузском районе. В Семипалатинском Прииртышье пятнистые глины континентального происхождения (палеоцен или мел-палеоцен) содержат прослои сливных кварцевых песчаников и окремненных аргиллитов (севернее горы Аркалык, в обрывах Иртыша между Семипалатинском и пос. Семиярка). Древние жители поселения у нынешней д. Павловки Угловского района несомненно пользовались этим источником каменного материала. Об этом свидетельствует обилие орудий, изготовленных из розовых и красноватых сливных песчаников, аналогичных с розоватыми песчаниками Семипалатинского Прииртышья.

В пределах Зайсанской впадины в составе палеогеновых отложений также присутствуют кварцевые песчаники и гравелиты с кремнистым и железистым цементом темно-вишневого цвета. Отличительной чертой зайсанских сливных кварцевых песчаников является их заметная карбонатность и фациальная изменчивость, чего не наблюдается в сливных песчаниках Приенисейского района и района г. Томска. В Южном Алтае песчаники сохранились на эрозионных останцах, где они венчают верхнемеловую кору выветривания.

Чрезвычайно широкое распространение имеют сливные кварцитовидные песчаники в пределах Казахского мелкосопочника – от Прииртышья до Тургайского прогиба. Песчаники эоценово-

го возраста здесь залегают на размытой и выровненной поверхности древней коры выветривания. Первоначально они, видимо, залежали сплошной монолитной плитой мощностью 1–1,5 м.

В Полтаво-Брединском угленосном районе и на берегу оз. Смолино у г. Челябинска известны палеоценовые кремнистые песчаники. А севернее, в Кондо-Сосьвинском районе, в береговых обрывах встречаются опоковые отложения эоцена, в составе которых присутствуют, помимо морских глин, окремненные глины.

В Северном Приаралье сливные песчаники образуют караваи и слои, выдержанные по простиранию. Это белые или светло-серые породы, в которых под микроскопом видны идеально окатанные зерна кварца (эолового происхождения?), сцементированные халцедоном или полностью перекристаллизованным тонкозернистым кварцем.

Кварцит – горная порода, сложенная зернами кварца, различимыми невооруженным глазом или под лупой. Зерна сцементированы кварцевым или кварц-халцедоновым материалом. Цвет серый, светло-серый, иногда желтоватый. Порода очень прочная и устойчива как к физическому износу, так и к химическому выветриванию. На сколе образует острозанозистую грань. Обрабатывается с трудом. Образуется при метаморфизме кварцевых песчаников или перекристаллизации кремниевых пород.

Вторичный кварцит также имеет зернистое строение, сложен главным образом кварцем с примесью слюды, каолинита, диаспора, корунда, топаза, алунита, часто с вкрапленностью пирита и халькопирита. Цвет белый, желтоватый или розоватый, буроватый до ржаво-бурого (за счет лимонита). Отличительным признаком вторичных кварцитов является наличие в них пористых текстур, пустот, каверн выщелачивания. Образуются в результате вулканогенно-метасоматического (вулканогенно-гидротермального) процесса, за счет выщелачивания и окварцевания кислых, средних изверженных горных пород (концепция Н.И. Наковника).

Очень часто хорошо окатанные валуны и крупные гальки кварцитов встречаются в аллювии древних (дочетвертичных) рек, откуда они могли быть заимствованы, и в более позднее время. Использовались охотно такие гальки и валунчики для изготовления чопперов – слегка оббитых с одного края грубых орудий. Таковы орудия с Улалинской раннепалеолитической стоянки (г. Горно-Алтайск). Мелкие орудия из кварцитов изготавливались редко, так как из-за хрупкости он плохо обрабатывается.

Все многообразие горных пород кварцевого, халцедонового, опалово-халцедонового состава при их доступности вследствие широкого распространения обеспечивало человечество в течение тысячелетий надежным сырьем.

Примечания

1. Систематика и классификация осадочных пород и их аналогов / В.Н. Шванов, В.Т. Фролов, Э.И. Сергеев и др. СПб., 1998.
2. Сенников Н.В., Казанский А.Ю., Ермиков В.Д., Ивата К., Михальцов Н.Э., Обуг О.Т., Изов Н.Г., Хлебникова Т.В. Сравнительный анализ седиментационных, палеозоогеографических и палеомагнитных данных по ордовику и силуру Алтая и Тувы // 300 лет горно-геологической службе России: история горнорудного дела, геологическое строение и полезные ископаемые Алтая. Барнаул, 2000.
3. Хворова И.В. Парагенезисы кремнистых пород в герцинских геосинклиналях // Осадкообразование и вулканизм в геосинклинальных областях. М., 1979.
4. Геологический словарь. М., 1973. Т. 1–2.
5. Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Географическое распространение сливных кварцитовидных песчаников – сырья для изготовления орудий в эпохи неолита и бронзы // Древние горянки и металлурги. Барнаул, 1983.
6. Нагорский М.П. Материалы по геологии и полезным ископаемым Приенисейской части Западно-Сибирской низменности // Материалы по геологии Красноярского края. 1936. №2.
7. Григорьев Н.В., Нагорская Е.П. О происхождении кремнистых песчаников северной окраины Колывань-Томской зоны // Вестник Западносибирского и Новосибирского геологического управления. 1969. Вып. 2.

РАННИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СЛОИ МАЛОГО ИТКУЛЯ-1 И ГОРОДИЩА-3

Археологические памятники иткульских озер известны широкому кругу исследователей уже более 40 лет. Несомненная заслуга в этом принадлежит Б.Х. Кадикову и Ю.Ф. Кирюшину, исследовавшим в 1956–1963 и 1978–1981 гг. целый комплекс поселений эпохи энеолита-бронзы [1, с. 59–61]. Яркие керамические комплексы, полученные при раскопках поселений Корчажка-5, Костенкова Избушка, Коровья Пристань-1–3, Озерки Восточные и некоторых других, позволили характеризовать многие этапы развития культур эпохи бронзы Верхней Оби, а два памятника дали наименования большемысской и корчажкинской культурам [2; 3, с. 137–158]. Несмотря на значительный промежуток времени, прошедший с момента окончания полевых работ, подавляющая часть материалов не опубликована до сих пор. Это привело к различной интерпретации одних и тех же комплексов, что осложняется многослойным характером всех памятников, исследовавшихся Ю.Ф. Кирюшиным и Б.Х. Кадиковым на оз. Б. Иткуль.

В 1987–1991 гг. исследования на иткульских озерах были продолжены М.Т. Абдулганеевым и А.А. Казаковым. Цель этих работ – восполнение лакуны в изучении иткульского микрорайона, что было достигнуто раскопками в первую очередь однослойных поселений и городищ эпох раннего железа и средневековья [4, с. 104–108; 5, с. 181–191]. Однако при исследовании поздних памятников в ряде случаев были выявлены культурные слои более ранних хронологических периодов. Данная публикация посвящена ранним комплексам поселения Малый Иткуль-1 (см. описание и планы памятника на стр. # в настоящем сборнике) и Городища-3. На обоих памятниках слои неолита-энеолита перекрывались культурными напластованиями фоминского этапа и, хотя не были отделены от них стерильными прослойками, достаточно четко выделялись стратиграфически.

На поселении Малый Иткуль-1 находки нижнего культурного слоя залегали на глубине 0,35–0,55 м в сером песке (рис. 1в на стр. 104 настоящего сборника). По заполнению красноватого цвета на этом уровне были зафиксированы четыре ямы, две из которых (№2, 4) – без культурных остатков. В яме 1, которую перекрывал южный угол фоминской постройки №2, найдены фрагменты керамики и изделия из камня, в том числе обломок орнаментированного «утюжка» (рис. 2-5, 8; 3-6). Размеры ямы 1 составляли 1,0х2,0 м (длинная ось СВ–ЮЗ), глубина – 0,9 м, мощность – 0,4 м. Яма 3 имела размеры 1,1х1,65 м (длинная ось ССЗ–ЮЮВ), глубину 0,7 м и мощность 0,25 м. В заполнении ее были обнаружены фрагменты одного сосуда, орудия и отщепы (рис. 1.-2; 3.-12). Насыщенность нижнего культурного слоя была слабой, но равномерной. Наибольшее количество находок было сделано восточнее ям №3 и 4, что, возможно, объясняется выбросом из котлованов фоминских построек №2 и 3. Всего в раскопе было найдено 117 единиц каменной индустрии, из них – 50 отщепов без признаков дополнительной обработки и утилитарного износа.

Коллекция каменных изделий состоит из отщепов и изделий на них. Встречено всего четыре пластины, два пластинчатых отщепа и один нуклеус для снятия пластин. Прежде всего отметим, что орудия типологически разнообразны, но выдержаны в единой технологической традиции, основанной на принципах отщепового расщепления. Изделий недостаточно для определения типологического ряда, но все имеющиеся экземпляры являются представителями определенного морфологического стереотипа. Нельзя сказать, что индустрия здесь чисто отщеповая. Присутствие пластин и их оформление указывают на существование вкладышевых инструментов в обиходе населения. Найденные на поселении пластины ретушированы. Среди них выделяются вкладыши с крупной приострающей ретушью со стороны брюшка по одному краю (3 экз.). У одного из вкладышей конец подтесан с двух сторон (рис. 2.-7). Размеры вкладышей стандартны, их ширина 1–1,5 см. Остальные – пластинчатый отщеп и пластина – крупных размеров, шириной до 2,5 см, длиной от 9 до 11,5 см. Их края тоже ретушированы со стороны брюшка. С соблюдением тех же технологических принципов выполнен пластинчатый краевой отщеп (6х1,5 см). Его проксимальный конец приострен с двух сторон крупной ретушью. Трасологически определимы были лишь два вкладыша. Неретушированный край одной пластины содержит признаки использования в качестве вкладыша ножа для разделки мяса. Ретушированный край ее не использовался. Края другой пластины применялись в качестве вкладыша скобеля по дереву. Две крупные пластины коллекции имеют

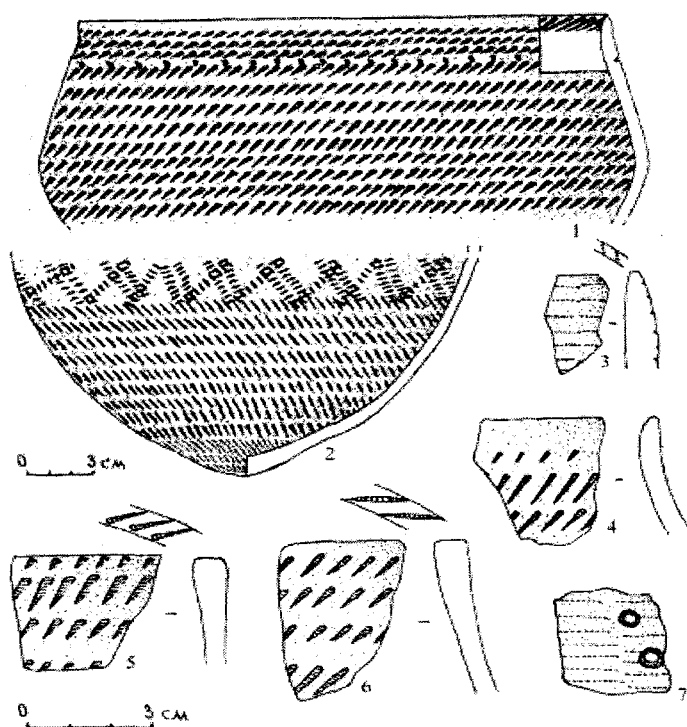

Рис. 1. Керамика нижнего слоя поселения Малый Иткуль-1

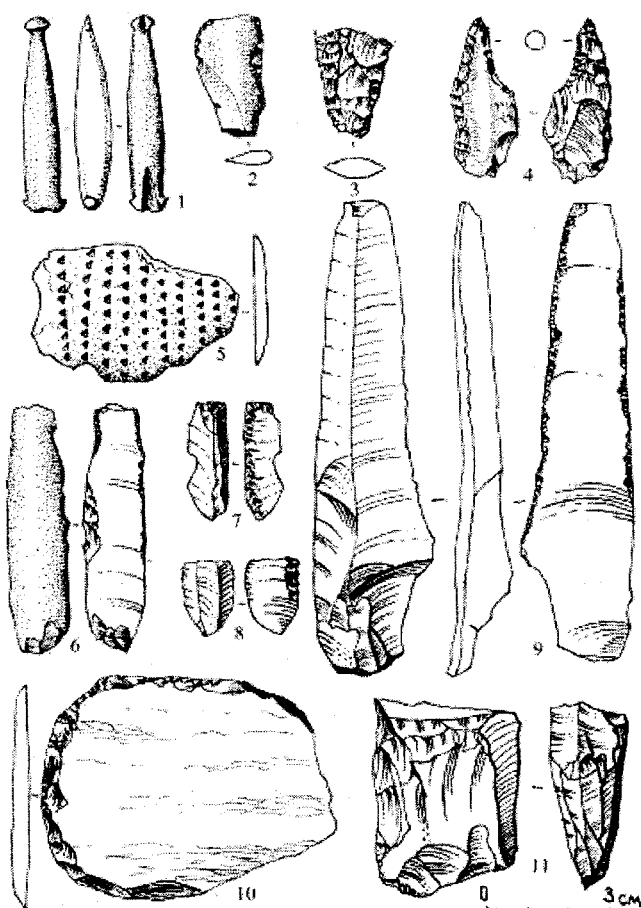

Рис. 2. Изделия из камня нижнего слоя поселения Малый Иткуль-1

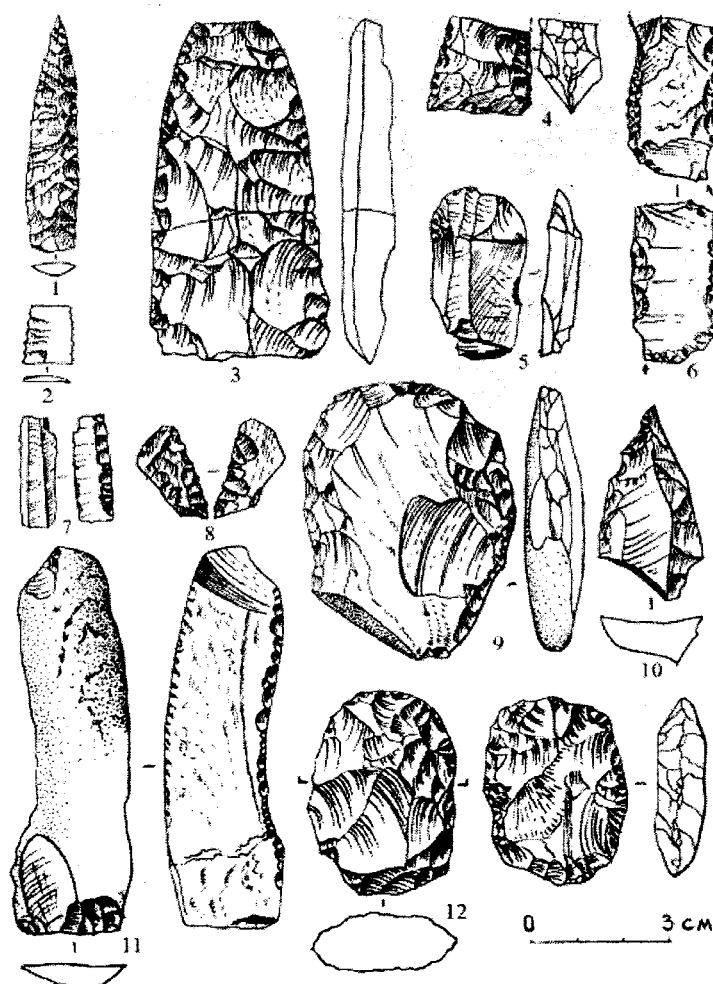

Рис. 3. Изделия из камня нижнего слоя поселения Малый Иткуль-1

относительно правильные пропорции. У обоих образцов ударный бугорок не выражен, а рельеф вентральной поверхности не деформирован, слабо изогнут, что является специфическим показателем уровня развития технологии расщепления (рис. 2.-9; рис. 3).

Изделия из отщепов представлены скребками, долотами, теслами, скобелями, остриями, наконечниками, основанием рыболовного крючка, обломком «утюжка», сланцевыми и двусторонне обработанными орудиями различного назначения. Наибольшую количественную группу составляют скребки (17 экз.). Один скребок концевой типа изготовлен на пластинчатом отщепе, два скребка овальной формы с рабочим краем по периметру оформлены двусторонней ретушью, распространяющейся по всей поверхности орудий (рис. 3.-12, 13), остальные скребки использовались как с предварительной подправкой ретушью, так и без нее. В этом случае в качестве скребков применялись краевые галечные отщепы. Один из них был изготовлен на отщепе, сколотом с шлифованного изделия. Следы утилитарного износа на таких скребках читаются только с помощью бинокля. Таким же образом определяется функция скребла, изготовленного из сланцевой плитки (рис. 2.-10).

Следующая по численности группа орудий – долота и тесла. Типологически долота не выражены. Одно из них изготовлено с помощью двусторонней оббивки и ретуши, массивно в сечении, другое пришлифовано, третье – с концевой подтеской, четвертое – без специальной подработки. Функции их определены трасологически. Всего в районе раскопа обнаружено четыре долота и одно тесло, использованные в работе по дереву.

Тесло высокой трапециевидной формы. Поверхность его полностью перекрыта встречными фасетками сколов, края подправлены ретушью. Трасологически определено, что работа производилась под углом 25–30°, вследствие чего образовался интенсивный односторонний износ (рис. 3.-3).

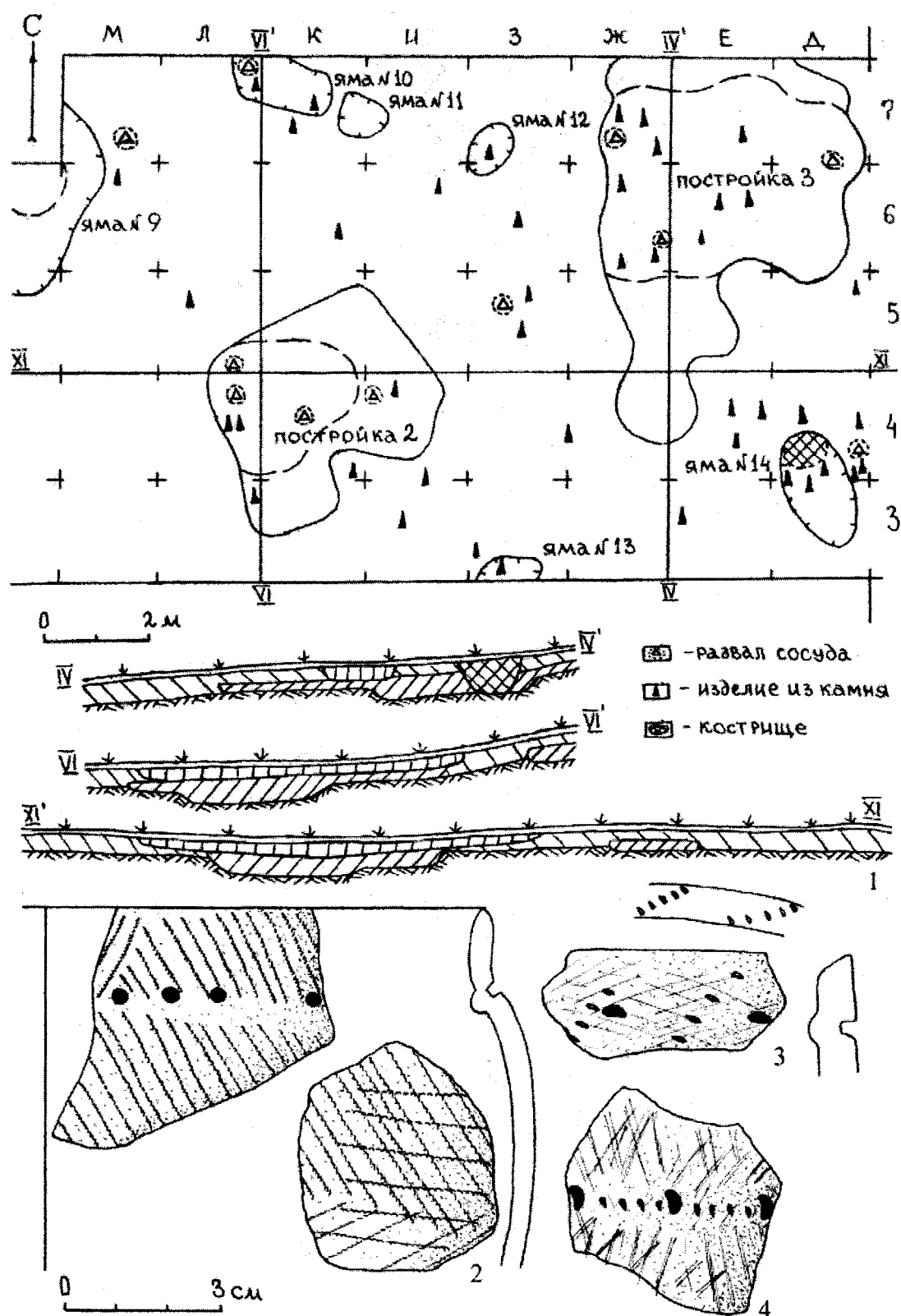

Рис. 4. План раскопа, разрезы (I) и керамика (2-4) нижнего слоя Городища-3

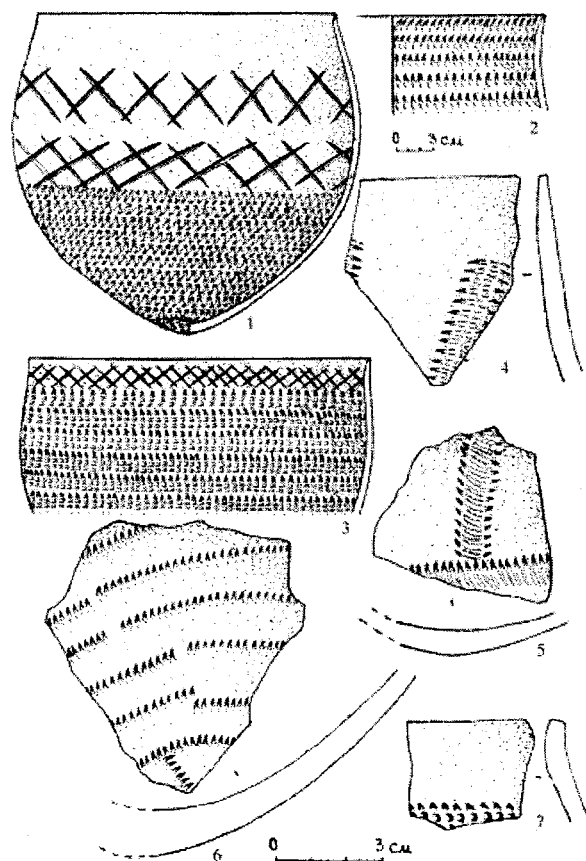

Рис. 5. Керамика нижнего слоя Городища-3

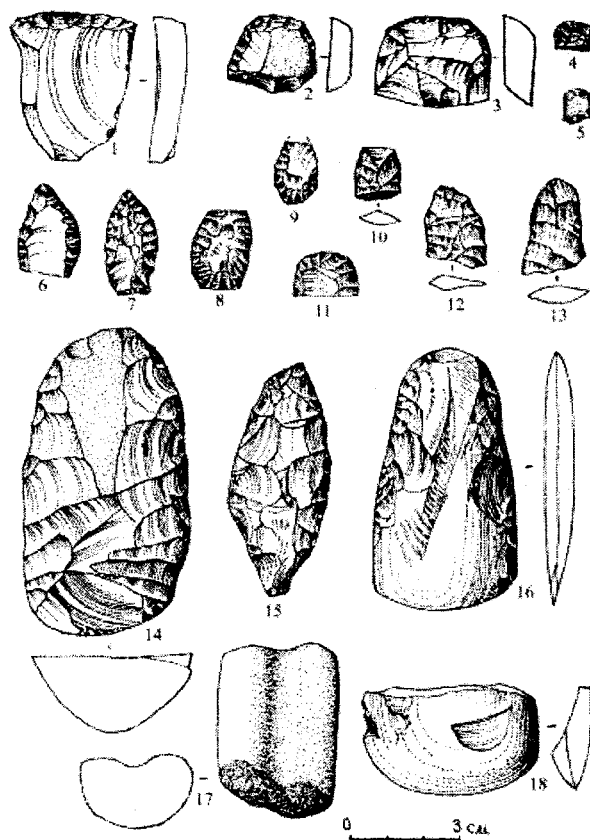

Рис. 6. Изделия из камня нижнего слоя Городища-3

По принципу оформления он близок скреблам с «высокой спинкой», встречаемым на поселениях этого времени.

Остальные типы изделий на поселении встречены в единичных экземплярах. Типологическую единицу представляют два экземпляра шлифованных ножей: обломок и мелкий сломанный экземпляр. На поселении был обнаружен осколок каменного «утюжка», украшенный рядами треугольных ямок (рис. 2.-5). Основание рыболовного крючка цилиндрической формы, длиной 5 см, круглое в сечении, снабжено шляпковидным крепежным концом и головкой с плечиками и продольной прорезью для крючка (рис. 2.-1). Наконечник стрелы удлиненной листовидной формы длиной 5,5 см, ретуширован с двух сторон, причем ретушь с одного края длиннее, чем с другого (рис. 3.-1).

Остальные орудия коллекции были выделены трасологически: два галечных ложила по коже, скобели по дереву, сверло, орудия для обработки камня. В качестве скобелей по дереву использовались отщепы (4 экз.) и одна пластина-вкладыш. Обнаружено сверло, выполненное на треугольном отщепе, по краям обработанное крупными фасетками ретуши. Среди инвентаря большое место занимают орудия по камню: 3 песта-дробильника для разбивания и мельчения грубой породы, 5 отбойников-ретушеров, сверло, пила с двумя рабочими краями. В качестве отбойников использовались длинные гальки.

На основе функциональных определений можно сделать вывод о том, что в хозяйстве жителей этого поселка важную роль играла деревообработка, а именно: выдалбливание, затесывание поверхности. Орудия обработки кожи в основном принадлежат к первоначальным ее процессам: мездрению и разминанию. Промысловые орудия довольно малочисленны, чтобы судить о специализации и общем объеме охоты и рыбной ловли.

Технико-морфологический анализ инвентаря указывает на то, что население практиковало методы отщепового расщепления и изготовления форм путем двусторонней оббивки, ретуши, подшлифовки и шлифовки. Для изготовления орудий использовалось сырье Бийско-Чумышской возвышенности и русла р. Бии: сланцы, песчаники, кварциты и т.д. Однако технология пластинчатого расщепления и использования вкладышевых орудий из обихода не исключена. Традиция расщепления и оформления пластин определенно имеет более раннюю основу. Элементы индустрии Малого Иткуля-1 находят аналогии на поселениях бассейна р. Иткуль: Комарово-1 [6, с. 67–80], Ляпустином Мысе, Коровьей Пристани-2, в инвентаре могильника Большой Мыс; на Бие – на поселении Енисейском [7, с. 7–47, 100–114]. В Верхнем Приобье индустрия Малого Иткуля-1 ближе всего стоит к поселению Киприно [8, с. 93–103; 9, с. 22–23]. В инструментальном наборе этих памятников так же, как и Малого Иткуля, определяющее значение имеют удлиненные листовидные наконечники стрел, вогнутые ножи, сланцевые скребки, двусторонне обработанные формы, пластины средних и крупных размеров с крупной ретушью, крупные скребки с двусторонним оформлением рабочего края.

Керамический комплекс нижнего слоя Малого Иткуля-1 представлен неполными развалами двух сосудов и отдельными фрагментами еще пяти (рис. 1). Дно сосудов приостренное, горловина слабо выражена. У одного в средней части тулова имеется ребро. Срезы венчиков округлые и плоские. Орнамент занимает всю поверхность и располагается рядами: вертикальными и наклонными параллельными полосами, реже – горизонтальными или сеткой. Срезы венчиков и их внутренняя сторона также орнаментированы. Узоры выполнены оттисками мелкозубого длинного и короткозубого штампа, насечками. В расположении орнамента соблюдается зональность: горловина, верхняя и нижняя часть тулова, днище. В одном случае зоны в верхней части сосуда разделены между собой ямками. Ближайшие аналогии керамика Малого Иткуля-1 находит в материалах поселений Ирба, Комарово-1, Енисейское и ряде других памятников ирбинского типа [6, рис. 2–3; 8, рис. 41; 9, табл. XVII–XXIX; 10 рис. 1, 4]. На оз. Большой Иткуль ирбинская керамика в небольшом количестве найдена на многослойных поселениях Костенкова Избушка и Ляпустин Мыс, а также в межмогильном пространстве и заполнении одного из погребений Большого Мыса.

Городище-3 находится на южном берегу оз. Большой Иткуль в 1,3 км к ЮЮЗ от с. Вершинино Троицкого района, в 60 м к западу от оконечности мыса, образцованного озером и его заболоченным заливом (рис. 1а на стр. 104 настоящего сборника). Высота берега в данном месте достигает 8 м, сам он покрыт смешанным лесом с преобладанием сосны. В 1988 г.

один из авторов статьи вскрыл на городище 320 кв. м. Находки эпохи железа в раскопе залегали в слое серого песка на глубине 0,1–0,2 м, эпохи неолита-энеолита, кроме переотложенных, – на глубине 0,3–0,6 м. Насыщенность нижнего культурного слоя была невелика: отщепы, каменные орудия и их обломки, отдельные фрагменты и два скопления керамики, неполный развал сосуда.

На глубине 0,3–0,4 м по заполнению (красноватый песок) были зафиксированы контуры двух построек и пяти ям: постройка №3 и ямы 9–12 в северной части раскопа, ямы 13, 14 и постройка №2 – в южной (рис. 4-1). Обе постройки перекрывались постройкой №1 фоминского этапа. Ямы имели различную форму, размеры и мощность. Находки в них представлены отщепами, обломками камня и отдельными фрагментами керамики. В яме 10 обнаружен неполный развал сосуда (рис. 5.-3), в яме 14 прослежена угольная прослойка мощностью 3–5 см.

Постройка №2 имела подпрямоугольную форму, неровные стенки, размеры 4,5(ЮВ)х3,75(СВ)х3,5(ЮЗ)х3,0(СЗ) м и площадь около 13 кв. м. На глубине 0,5 м размеры постройки уменьшились и вертикальными остались только западный угол и прилегающая к нему часть юго-западной стенки. Размеры углубленной части составили 2,5х3,5 м. Глубина постройки составила 0,7 м, мощность – 0,4 м. Все найденные в постройке №2 вещи: наконечник стрелы, два отбойника, обломки камня, отщепы, три скопления керамики и развал сосуда (рис. 5.-1, 4, 6; рис. 6.-7, 9) были найдены на уровне пола в заглубленной части и рядом с ней.

Постройка №3 имела подпрямоугольную форму и неровные стенки. Размеры раскопанной части составили 4,0х4,9 м (длинная ось В–З). С юга прослежен выход коридорного типа размерами 3,25х2,4 (1,2) м. Не раскопанной осталась незначительная часть постройки, и общая ее площадь составляла около 30 кв.м. На глубине 0,45 м с севера и юга размеры уменьшились до 3,2х4,9 м. С этого уровня и до дна в заглубленной части найдены обломки камня и орудий, отщепы, два наконечника стрел и три скопления керамики (рис. 5.-2, 5, 7; рис. 6.-15, 18). Глубина постройки №3 составила 0,7 м, мощность – 0,4 м.

В раскопе найдено 60 каменных предметов (рис. 6). В основном их набор представлен отщепами, часть которых имеет единичные бессистемные фасетки ретуши. Среди изделий преобладают скребки – 14 экз. Для 7 экз. характерна крупная притупливающая ретушь, оформляющая рабочий край. Большинство скребков – концевые короткие, высокие в профиле. Некоторые имеют скругленные углы и мысовидные выступы (рис. 6.-1–3). Один скребок обработан крутой ретушью по периметру (рис. 6.-2). Найденные скребки разделяются на два вида по размерам: средние и мелкие (микро). Коллекцию дополняют два крупных скребка-скребла. Сланцевый крупный скребок – скребло с параллельными краями, на которых имеется односторонняя многофасеточная выкрошенность. Выразительно в морфологическом отношении скребло с высокой спинкой (рис. 6.-14). Высокая его сторона оформлялась параллельными встречными снятиями. Оба скребла трасологически определены в качестве скорняжных инструментов (скребков). У того и другого в работе участвовали оба параллельных края. К сожалению, выборка инструментов ничтожно мала. Остальные из встреченных скребков морфологически не выразительны и имеют, скорее, случайную форму. Дополняет коллекцию массивный скребок широкой листовидной формы, близкий по форме наконечнику с коротким черешком. Его острие скошено. Поверхность с обеих сторон оформлена встречными снятиями (рис. 6.-15). Тем не менее устойчивыми признаками для скребков с Городища-3 являются: высокий профиль, укороченные пропорции, выступы. Такой набор характерен для некоторых коллекций Верхнего Приобья (Киприно, Кротово-1, Ирба) [8; 9, с. 116].

Среди изделий выделяется группа наконечников и ножевидных острий. Большей частью они обломаны, формы их асимметричны, обработаны с двух сторон. Это три наконечника: два средних (до 3 см длиной) миндалевидных с прямым коротким основанием, один – мелкий. В принципах оформления наблюдается ретуширование по периметру и основанию (рис. 6.-7–9). Три острия, в отличие от наконечников, оформлены встречными снятиями. Ретушь использовалась на участках в качестве нивелирующей (рис. 6.-10, 12–13). Тесло и обломок топорика имеют миниатюрные размеры, относительно узкий профиль (рис. 6.-16, 18). Тесло имеет вытянутую трапециевидную форму с скругленным обушком. Оформлено оббивкой по бокам, оставившей средние и мелкие фасетки. Поверхности обоих изделий шлифованы, особенно тщательно – рабочая часть. Небольшие шлифованные тесла распространены на памятниках Верхнего Приобья: Киприно

[8, с. 74], Завьялово-2 [9, с. 15], в том числе на многослойных поселениях оз. Б. Иткуль: Костенкова Избушка, Озерки Восточные, Ляпустин Мыс.

Интерес представляет найденный в слое Городища 3 абразив с прямым продольным желобком. Ширина желобка – 0,9 см, глубина – 0,3 см (рис. 6.-17). Изготовлено изделие из песчаника. Подобные изделия использовались для подшлифовки и нивелировки поверхностей древков и основ орудий, представляя собой иногда створки составных абразивов. Они широко распространены на разнокультурных памятниках Южной и юга Западной Сибири IV–II тыс. до н.э.

В целом коллекцию инвентаря из нижнего слоя Городища-3 представляют орудия, изготовленные из отщепов и желваков. При их оформлении использовалась крупная ретушь, техника отжима, оббивка и шлифовка. Набор типов изделий крайне ограничен. Остается неясным стереотип наконечников. Остальные формы единичны и имеют очень широкое распространение. Большая часть инвентаря с признаками утилизации использовалась без предварительной подработки.

Сравнивая каменный инвентарь Городища-3 и Малого Иткуля-1, нельзя не отметить некоторые различия, касающиеся в первую очередь использования заготовок. На Малом Иткуле-1 применялись крупные пластины и вкладыши из пластин средней величины, а на Городище-3 орудия изготовлены из отщепов. К сожалению, типы вещей на обоих памятниках малочисленны и использовать их в качестве культурноопределяющих признаков было не корректно. Отдельные морфотипы, характеризующие памятник, можно выделить пока только на Малом Иткуле-1, а в комплексе с вещами из единокультурных памятников они могли бы составить интерпретационный ряд.

В керамическом комплексе нижнего слоя Городища-3 выделяется три типа сосудов. Первый тип представлен развалами трех сосудов и обломками еще трех. Почти все фрагменты от них происходят из построек №2 и 3 и ямы 10 (рис. 5). Форма сосудов реповидная, днища округлые и приостренные, срезы венчиков округлые и прямые. Орнамент заполняет всю поверхность, иногда не украшенной остается верхняя часть венчика. Выделяется три орнаментальные зоны. Венчик и верхняя часть тулова украшены одним-двумя рядами резных линий, образующих сетку, горизонтальными и наклонными рядами гребенчатой качалки. Средняя и нижняя части тулова орнаментированы плотными горизонтальными рядами гладкой и гребенчатой качалки и отступающей гребенки. Днища украшены вертикальными и наклонными рядами гладкой и гребенчатой качалки. Качалка в некоторых случаях поставлена таким образом, что отпечатывался только ее верхний край (рис. 5.-6).

Второй тип представлен мелкими фрагментами четырех сосудов, найденных в восточной части раскопа (квадраты А–Д/1–4) на глубине 0,4–0,55 м (рис. 4.-3, 4). Форма их не реконструируется, днища, скорее всего, округлые, срезы венчиков плоские. В тесте отчетливо заметна примесь травы или шерсти. Почти все фрагменты заглажены травой, в некоторых случаях – веревочкой (?). Заглаженность иногда похожа на намеренную орнаментацию. Орнамент очень бедный и занимает только верхнюю часть тулова. Это ямки овальной формы, перемежающиеся с одним-двумя рядами вертикальных или горизонтальных семечковидных насечек.

К третьему типу относится один сосуд, найденный между постройками №2 и 3 на глубине 0,5 м. Он хорошо профилирован и имел округлое днище. Горизонтальный ряд ямок делит орнамент на две зоны. Венчик украшен наклонными отпечатками веревочки. Такими же наклонными и вертикальными отпечатками, образующими при пересечении сетку и елочку, орнаментировано и тулово.

Керамика второго и третьего типов Городища-3 залегала глубже построек №2 и 3, содержащих керамику первого типа, что косвенно свидетельствует в пользу их большей древности. Сходная со вторым и третьим типами посуда была найдена на поселениях иткульского микрорайона Комарово-1, Коровья Пристань-2 и Озерки Восточные, но, как и на Городище-3, количество ее на этих памятниках незначительно. Сходные приемы орнаментации (отпечатки веревочки, семечковидные насечки, полулунные ямки, прочерченные линии) использовались при украшении сосудов целого ряда неолитических памятников Верхней Оби, Барабы и северных предгорий Алтая [8, рис. 41; 9, табл. XXI, XXII; 11, рис. 5-6]. Но наибольшие аналогии второй и третий типы имеют в материалах кипринского этапа верхнеобской неолитической культуры [8, рис. 40]. Керамический комплекс Городища-3 незначителен, и, видимо, поэтому многие эле-

менты, типичные для орнаментации кипринских сосудов, здесь отсутствуют. В связи с этим отнесение второго и третьего типов керамики Городища-3 к кипринскому этапу может носить только предварительный характер.

Первый тип керамики Городища-3 находит абсолютные аналогии в материалах большемысской культуры: поселениях южного берега оз. Большой Иткуль (Костенкова Избушка, Озерки Восточные, Ляпустин Мыс и др.), Комарово-1 на р. Иткуль, Енисейское-1 на р. Бия, Тыткескень-2 и Усть-Кулом на р. Катунь, Танай-4а на оз. Танай и многих других [6, рис. 2, 3; 12, рис. 1; 13, рис. 7, 8; 14, рис. 1; 15, рис. 3]. Ю.Ф. Кирюшин относит сосуды с подобной орнаментацией к первому типу керамики большемысской культуры. Второй тип характеризовался печатногребенчатой орнаментацией, третий – ложнотекстильной [2, с. 14; 12, с. 37].

Отнесение сосудов с печатногребенчатой орнаментацией к одному из типов большемысской керамики является явным недоразумением. Раздельное нахождение печатногребенчатой (ирбинской) посуды на Малом Иткуле-1 и сосудов с движущейся гребенкой и гладкой качалкой на Городище-3 говорит о полной самостоятельности этих типов нео(энео)литической керамики. Различаются они между собой не только по орнаментации, форме и толщине стенок сосудов (сравни: [6, рис. 2, 3; 8, рис. 41; 12, рис. 1; 15, рис. 3]), но и по составу керамического теста. На поселении Комарово-1 в качестве отощителя применялась дресва, в ирбинской – органические примеси (определения Е.А. Дзгоевой). Органические добавки отмечены в кипринской керамике Городища-3 и неолитической керамике Усть-Васихи-2 [11, с. 41]. Следует отметить также отсутствие на обоих памятниках (Городище-3, Малый Иткуль-1) второго типа большемысской керамики (по Ю.Ф. Кирюшину): сосудов с ложнотекстильной орнаментацией.

Ирбинский этап (тип) датируется в пределах 2-й половины III–начала II тыс. до н.э. и относится к кругу культур гребенчато-ямочной керамики [2, с. 19; 9, с. 43]. В лесостепном и южно-таежном Ишимо-Иртышье и Барабинской лесостепи в этот же круг входят памятники байрыкского этапа, датируемые 2-й половиной III тыс. до н.э., на Енисее – аналогичный байрыкскому карасевский тип [16, рис. 16, 17, 44, 58; 17, с. 57, рис. 3, 5–6]. К более раннему периоду относится среднеиртышская (екатерининская) культура [18, рис. 2-4; 19, с. 4–13; 20, с. 33–36]. Для Малого Иткуля-1 характерна керамика ирбинского типа именно в том виде, который выделила М.Н. Комарова. По форме днищ и отчасти орнаментации ранние ирбинские памятники отличны от поселения Ордынское-16 и ему подобных и, скорее всего, датируются в пределах III тыс. до н.э., не позднее его середины [6, с. 75].

Большемысские памятники локализованы на Средней Катунь, в северных предгорьях Алтая, Барнаульско-Бийском Приобье и северном Присалаирье. Первоначально большемысская культура была датирована III и даже 2-й половиной III тыс. до н.э. После открытия среднекатунских памятников она была удревнена до 2 половины IV–рубежа IV и III тыс. до н.э. [2, с. 16; 12, с. 39; 15, с. 26; 21, с. 42, 52].

Мы не отрицаем возможного взаимодействия ирбинского и большемысского населения, о котором косвенно свидетельствуют сходство отдельных элементов и приемов орнаментации, морфотипов изделий, встречаемость обеих типов керамики на одних и тех же поселениях. Частичное хронологическое и территориальное совпадение памятников ирбинского этапа и большемысской культуры было предпосылками для различного рода контактов и взаимовлияния. Иткульские озера стали одним из районов, где такие взаимовлияния проявились.

Примечания

1. Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Итоги исследований археологических памятников на озере Иткуль // Барнаулу 250 лет. Барнаул, 1980.
2. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1986.
3. Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажнинская культура лесостепного алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987.
4. Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Верхнеобские памятники Малого Иткуля // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990.

5. Абдулганеев М.Т. Поселение Дмитриевская Грива // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993.
6. Абдулганеев М.Т. Поселение Комарово-1 – новый памятник эпохи раннего металла // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987.
7. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Бийский район. Памятники археологии / Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992.
8. Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. №64. М., 1956.
9. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977.
10. Абдулганеев М.Т. Керамика эпохи ранней бронзы с Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985.
11. Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Усть-Васиха-2 на Верхнем Чумыше // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998.
12. Кирюшин Ю.Ф. Исследования энеолитических памятников лесостепного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990.
13. Кунгурова Н.Ю. Древнее поселение в устье Куюма // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1991.
14. Бобров В.В. Материалы большемысской культуры из западных районов Кузнецкой котловины // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. I.
15. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Большемысский комплекс поселения Тыткескень-II // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993.
16. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.
17. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.
18. Петров А.И. Екатерининский тип керамики на памятниках Среднего Прииртышья // Археология Прииртышья. Томск, 1980.
19. Петров А.И. К вопросу о среднеиртышской неолитической культуре // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984.
20. Панфилов А.Н. К вопросу о периодизации неолита лесостепного Притобоя // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991.
21. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры-I (Алтай). Барнаул, 1995.

ПРОБЛЕМЫ БОЛЬШЕМЫССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ

Энеолит или неолит? Именно с этого вопроса в 1997 г. В.В. Бобров начал анализ поселенческого комплекса большемысской культуры памятника Танай-4а в тезисах к V Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН [1, с. 140]. Поставленный вопрос, несмотря на большое количество накопленного материала и пристальный интерес среди исследователей, до сих пор остается открытым. Во многом это связано с тем, что материалы с целого ряда памятников на сегодняшний момент в научной литературе отражены крайне слабо, либо не освещены вовсе (особенно это относится к Бийскому Приобью). Многие основные позиции опубликованы в тезисной форме, без достаточной аргументации. Отсюда целый комплекс нерешенных проблем. Помимо хронологии, они касаются периодизации, хозяйства большемысской культуры, территории расселения, взаимоотношений с другими культурами, интерпретации отдельных типов изделий и вещей. Решению этих проблем посвящена данная работа.

Большемысская энеолитическая культура была выделена одним из авторов в 1986 г. В ее основу легли материалы, полученные в различные годы с оз. Иткуль и других памятников Барнаульско-Бийского Приобья. Свое название культура получила по могильнику Большой Мыс, больше известному в историографии как Иткуль. Имеющиеся на тот момент данные позволяли считать, что культура сформировалась на местной позднеэнеолитической основе при активном участии пришлого населения из южных и юго-западных районов Средней Азии. Граница культуры проходила на севере в районе с. Ордынское, а на юге – между Бийском и Горно-Алтайском. Большемысцы были уже знакомы с металлом, о чем свидетельствуют единичные медные находки с ряда памятников, и производящей формой экономики (скотоводство). Датировка культуры укладывалась в пределах второй половины III тыс.–рубежом III–II тыс. до н.э. [2, с. 14–16].

Данная точка зрения была принципиально новым подходом в интерпретации материалов Бийского Приобья. Это стало возможно благодаря расширению источниковой базы в результате работ на оз. Иткуль Алтайской археологической экспедиции в 1978–1981 гг. под руководством одного из авторов и пересмотру уже известных материалов, собранных М.Д. Копытовым до революции и в 1920-е гг. [3, с. 270–281]; С.М. Сергеевым в 1920–1930-е гг. [4, с. 177–184]; Б.Х. Кадиковым в 1950–1960-е гг., а также местными жителями. Б.Х. Кадиков, проанализировав археологический материал, полученный им с берегов оз. Иткуль во время разведок 1956 г., приходит к выводу, что часть находок аналогична вещам кипринского и ирбинского этапов неолитической культуры в Верхнем Приобье [5, с. 18–19]. В разные годы данные комплексы относились к верхнеобской неолитической культуре [6] и кузнецко-алтайской [7, с. 19–21]. Таким образом, до 1986 г. интересующие нас материалы с оз. Иткуль исследователи хронологически помещали в эпоху неолита.

Большемысская культура вызвала большой интерес среди исследователей. Этому способствовало открытие в Горном Алтае материалов, аналогичных большемысским с Бийского Приобья. Пока находки были относительно малочисленными, бытовало мнение о проникновении отдельных большемысских групп вверх по Катунь [8, с. 39], но с увеличением источниковой базы горноалтайские материалы становятся предметом детального исследования. В 1992 г. Н.Ю. Кунгурова ставит вопрос о передатировке реповидной керамики с оттисками качалки, являющейся классической для большемысской культуры, в сторону удревнения [9, с. 13]. Позднее, в 1995 г., проанализировав материалы с Бийского Приобья и Горного Алтая, она приходит к выводу, что, несмотря на близость керамики, комплексы с данных территорий являются разнотипными [10, с. 22]. С большемысской культурой Н.Ю. Кунгурова связала только материалы с оз. Иткуль. По ее мнению, бытование культуры происходило в два этапа. Материалы первого этапа совпадают с материалами Прибайкалья и Северного Казахстана и датируются в пределах IV–начала III тыс. до н.э. Хронологическую позицию второго этапа следует относить на 2-ю половину III–рубеж III и II тыс. до н.э. [10, с. 15–16], т.е. предложенную одним из авторов в 1986 г. Для хронологического обозначения времени бытования большемысской культуры Н.Ю. Кунгурова использует термин «нео-энеолит», тем самым говоря о проблематичности отнесения культуры только к одной эпохе.

Иная периодизация была предложена Ю.Ф. Кирюшиным и А.Л. Кунгуровым на III Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН в ноябре 1995 г. Согласно этой точке зрения, материалы Горного Алтая и оз. Иткуль следует рассматривать как единокультурные. Различия между ними, очевидно, вызваны их хронологической позицией и природными условиями. Комплексы с Катуня являются ранними и датируются в пределах второй половины IV тыс. до н.э. Комплексы с Иткуля следует считать более поздними (III тыс. до н.э.), и именно с ними связывать ХКТ энеолита [11, с. 63]. Впоследствии Н.Ю. Кунгурова согласилась с данной периодизацией, тем самым признав общую культурную принадлежность горноалтайских и иткульских материалов [12, с. 15–22]. По мнению В.И. Молодина, большемысской культуре соответствуют только комплексы с Горного Алтая, хронологически относящиеся к энеолитической эпохе. Материалы с оз. Иткуль следует связать с неолитом, культурную принадлежность которых еще предстоит выяснить [13, с. 49–53].

На наш взгляд, ни одна из предложенных периодизаций не отражает до конца ситуацию, царившую на Алтае в период бытования большемысской культуры. Более того, различные периодизационные схемы вступают в противоречие друг с другом, что влечет за собой уже упомянутый комплекс проблем. Пришло время более детально рассмотреть точку зрения, представленную в 1995 г. в тезисной форме Ю.Ф. Кирюшиным и А.Л. Кунгуровым. По мнению авторов, на сегодняшний день она является наиболее правильной.

Бытование культуры осуществлялось в два этапа. Первый этап следует генетически вывести из позднего неолита и связать с охотничье-рыболовецким ведением хозяйства. Второй этап протекает на новых территориях. Здесь под влиянием ряда факторов культура приобретает черты, которые характеризуют ее как энеолитическую. Появляются медные орудия, производящая форма ведения хозяйства.

По мнению авторов, данная точка зрения наиболее полно отражает ситуацию, царившую в период бытования культуры. Ее расшифровка (об этом чуть ниже) позволит разрешить или хотя бы сгладить многие противоречия, которые возникают в ходе изучения культуры.

Как уже отмечалось выше, формирование большемысской культуры происходит в условиях среднего течения Катуня на базе позднего неолита. Анализ орудийных комплексов однослойных и многослойных памятников данной территории дает возможность предположить эволюционное развитие каменной индустрии с позднесартанской эпохи до энеолита. Близость неолитических слоев между собой позволила поставить вопрос о выделении культуры эпохи неолита в среднем течении Катуня с несколькими хронологическими этапами или нескольких самостоятельных культур [14, с. 23–28; 10; 11].

Для каменной индустрии неолитических слоев, непосредственно предшествовавших большемысским, характерна постепенная деградация микролитической индустрии и, соответственно, призматической техники расщепления. Особенно хорошо это заметно на примере процентного соотношения мелких пластин (2–8 мм). Для позднего мезолита это число составляет 88,9% от общего количества пластин (памятник Усть-Сема) [15, с. 26]. В раннем неолите – 71,55% (Тыткескень-II, 7 к.г.), чуть позже это число увеличивается до 78,33% [16, с. 29], но в позднем неолите уже 61% [17, с. 81]. В поздненеолитических комплексах наряду с уменьшением доли пластин в составе инвентаря по сравнению с предыдущими эпохами наблюдается увеличение количества бифасиальных изделий, двусторонне обработанных вкладышей и шлифованных орудий [11, с. 62].

Керамика поздненеолитических комплексов представлена двумя группами. Первая группа – толстостенные, круглодонные, неорнаментированные сосуды с высоким отогнутым наружу венчиком, плавно переходящим в тулово. Вторая группа представлена вытянутой посудой, высота которой в 2–2,5 раза больше максимального расширения тулова. Высокий венчик, плавно переходящий в тулово, отогнут наружу. Толщина стенок 4–5 мм. В орнаментации преобладают отпечатки шагающей гребенки. В формовочном тесте присутствует шерсть животных [17, с. 81]. Фиксируются как летние, так и зимние (свыше 200 кв. м) жилища, раскопанные в устьевой зоне притоков Катуня. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют предположить, что поздненеолитическое население Средней Катуня вело охотничье-рыболовецкое хозяйство [18, с. 3–8]. Особенно хорошо поздненеолитические слои выражены на памятниках Тыткескень-II, Курум-Брод, Майма-III [10, с. 12].

Памятники, содержащие слои первого этапа большемысской культуры, расположены в лесостепных низкогорьях Катун и предгорьях левобережья Бии. Это Тыткескень-II, VI, Усть-Куом, Куом-Брод, Нижнетыткескенская пещера-I (НТП-I), Малый Дуган, Пильно. Памятники расположены в устьевых зонах притоков Бии (в одном случае) и Катун на 15–20-метровых цокольных террасах. Исключение составляет слой, зафиксированный в НТП-I. Зачастую памятники граничат с сосновым бором. В основном это поселения и два одиночных погребения. Памятники объединяет общая традиция обработки камня, орудийный набор, керамика.

Керамический комплекс, представленный с большемысских слоев, немногочисленный. В основном, это сосуды с хорошо профилированным туловом, со слегка отогнутым венчиком и реповидным днищем. Они украшены оттисками гладкой и гребенчатой качалки, покрывающих ряды всю поверхность посуды [19, рис. 7; 20, рис. 1]. Другие виды декора представлены единичными находками, но из экономии времени внимание на них заостряться не будет. Диаметр сосудов от 12 до 25 см. Толщина стенок 2,5–6 мм. В качестве добавок в формовочном тесте использовались дресва или шерсть животных [15, с. 26; 20, с. 113–116].

Каменная индустрия на памятниках первого этапа представлена довольно многочисленными сериями, позволяющими сделать ряд принципиально важных выводов. В качестве основного сырья при изготовлении орудий служил кремь, реже – окремненные песчаники и сланцы. Анализ каменной индустрии позволил выявить ранние и поздние памятники данного этапа. К ранним следует отнести Усть-Куом и Тыткескень-II, к поздним – НТП-I и Тыткескень-VI. Между ними, несмотря на различия, которые можно объяснить их хронологическим положением, хорошо прослеживается генетическая связь [10, с. 12–13]. Каменная индустрия горноалтайских большемысских комплексов идет по прогрессирующему пути деградации призматического расщепления. Необработанные отщепы составляют более 50–60% от общего числа артефактов. Для ранних памятников характерен высокий процент пластин относительно всех изделий. Для слоя с Тыткескень II, изолированного от других слоев стерильными прослойками, это число составляет 63,63%, на Усть-Куоме – 28,35%. Из них на Тыткескене-II мелких пластин – 55,35%; средних – 37,73; крупных – 6,92%. По сравнению с поздним неолитом понижается процент ретушированных пластин с 38,44 до 18% [15, с. 26; 9, с. 7]. В основном, на них изготавливали вкладыши, значительно реже – скребки, резцы и резчики. Серию нуклеусов можно разделить на восемь типов, среди которых самыми многочисленными являются клиновидные и атипично-призматические.

На поздних памятниках на ведущие позиции постепенно выходит технология скалывания отщепов. Судя по инвентарю и нуклеидным изделиям, основной тип заготовок – пластинчатый отщеп укороченных пропорций. Большая часть орудий изготовлена на отщепах различных размеров и конфигураций [21, с. 20]. Заготовки скалывания с нуклеидных изделий, в основном, аморфных очертаний. Они представляют собой куски кремня и кремнистого материала с фасетками многочисленных сколов. Достаточно выразительных ударных площадок нет, скорее всего, снятия производились с более-менее плоских поверхностей (в начале расщепления с естественных). Затем в качестве площадок использовались плоскости фронта скалывания. В результате образовывались своеобразные продольно-поперечные ядрища без площадок. Количество пластин относительно всех изделий снижается до 7,6% (Тыткескень-VI). Из них мелкие пластины составили 55,1%, средние – 28,6, крупные – 16,3%.

Орудийный набор из камня в большемысских слоях Горного Алтая представлен большим разнообразием. По сравнению с поздним неолитом наблюдается тенденция увеличения двусторонне обработанных форм на отщепах: ножей-клинков, скребков, наконечников стрел. Особенно это характерно для поздних памятников [10, с. 13]. Абразивные плитки на поселениях представлены единичными экземплярами. Это можно объяснить крайне слабым развитием техники шлифования камня. Шлифовка увеличивает износостойкость орудий, но требует значительно больше трудозатрат. В условиях высокой техники расщепления камня и отсутствия дефицита сырья, шлифовка, естественно, не получает большого распространения. Данной обработке подвергались, в основном, стерженьки рыболовных крючков, а также некоторые тесла и ножи. Как правило, шлифовали окремненные песчаники и сланцы, но есть орудия со следами подшлифовки из кремня. Топоры и тесла представлены единичными экземплярами, но большое распространение здесь получают доло-

та «*Pieces ecailles*»). Такую ситуацию с рубящими орудиями в среднем течении Катунь можно наблюдать на всем протяжении неолита.

Костяные орудия с большемысских комплексов первого этапа немногочисленны. Основная масса их происходит из погребения НТП-I и уже детально опубликована [21]. Вероятно, костяные орудия в это время заменялись похожими изделиями из камня и дерева. Это подтверждают трасологические определения [10, с. 19].

На большинстве горноалтайских памятников фиксируются остатки жилищ. В основном, это стационарные конструкции полужемляночного типа с большой площадью. В одном случае зафиксирован контур жилища со сторонами 16х10 м, углубленный в грунт на 0,15 м (Тыткескень-II). Четко прослеживались столбовые ямы по внешнему и внутреннему контуру, каменные очаги наземного типа, каменные кладки и крепиды [15, с. 25]. Другая конструкция подпрямоугольной или подквадратной формы со сторонами 25–30х30–35 м углублена в песок на 0,4–0,5 м (Тыткескень-VI) [19, с. 112]. Одно из жилищ поселения Усть-Куюм состояло из двух камер: узкой – 6х16 м и овальной – 10х10 м, соединенных узкой перемышкой. На примере последней конструкции фиксируется традиция использования жилищных котлованов, оставленных ранее обитавшим здесь населением [9, с. 4–6]. Помимо стационарных жилищ на поселении Тыткескень-II зафиксированы остатки легких наземных одноочажных конструкций со сторонами 3х3,5 м и выкладкой мелких камней по периметру [15, с. 25]. В качестве жилого места могли использоваться пещеры, о чем ярко свидетельствует культурный слой из НТП-I [21].

Очень мало данных о погребальном обряде. К этому этапу отнесено только два одиночных погребения: первое – вторичное захоронение шамана из НТП-I; во втором погребении – костяк вытянут на спине с подогнутыми прямо стоящими коленями. Керамика в обоих случаях отсутствовала [21].

На основании анализа каменного инвентаря и радиоуглеродных дат, полученных с НТП-I, верхнюю границу этапа становления большемысской культуры следует отнести к середине второй половины IV тыс. до н.э. Нижняя граница, по мнению Н.Ю. Кунгуровой, может быть датирована не позднее середины IV тыс. до н.э. [10, с. 14]. Не исключено, что последняя дата может быть удревнена, так как изменения, произошедшие в каменной индустрии большемысской культуры в течение ее бытования в Горном Алтае, «рассчитаны» на время, как минимум, в несколько столетий.

Наличие стационарных жилищ с большой площадью говорит о привязанности большемысцев к одному месту. Это предусматривает под собой ведение оседлого, либо, что менее вероятно, полuosедлого (сезонные перекочевки) образа жизни. Для этого необходим очень важный момент: ведение такого хозяйства, которое гарантировало бы успешное существование общества и получение постоянного достаточного продукта на протяжении всего года с одной локальной территории. По мнению М.Ф. Косарева, это возможно только при ведении хозяйства, в основу которого положена производящая форма экономики, либо рыболовство [22]. В настоящий момент свидетельств о наличии у большемысцев Горного Алтая производящей формы экономики в распоряжении исследователей нет. Не позволяют это сделать и имеющиеся фаунистические останки [23, с. 75]. Проводя аналогии с другими культурами этого времени Южной Сибири, авторы склоняются к версии, что в основе ведения хозяйства большемысцев лежало рыболовство. За это говорит расположение стационарных поселений в устьевой зоне притоков Катунь, изобилующих рыбой, и наличие большого количества рыболовных крючков в погребении из НТП-I. Аналогичную картину мы можем наблюдать на памятниках китайской культуры Прибайкалья [24].

Главным прямым свидетельством рыболовства у большемысцев служат стерженьки составных крючков. Каменные изделия представлены здесь двумя основными типами. Один из них – китайский [21, рис. 22-3, 5], широко распространенный в Южной Сибири и далеко за ее пределами [24; 25]. Другой тип характерен только для Алтая. Такие стерженьки имеют веретенообразный стержень с хорошо выделенной головкой в верхней части. Нижняя часть оснащена срединным пропилом и боковыми выступами, что позволяло более качественно крепить острие [21, рис. 22.-1, 2]. Подобная форма, возможно, была самой оптимальной для рыболовства в реках с быстрым течением, какими являются Катунь и ее многочисленные притоки. Стерженьки составных крючков, вероятно, играли роль не только утяжелителей, но и блесны, которую человек тянул против течения, привлекая тем самым хищную рыбу. Разница в размерах и формах стерженьков,

возможно, говорит об их специализации – расчете на конкретный вид рыбы. Это, очевидно, свидетельствует о высоком знании большемысцами ее повадок.

В подтверждение гипотезы о принципах рыбной ловли на Катунь приведем пример стерженьков с территории северо-западных предгорий. Здесь памятники со следами рыболовства приурочены к озерам руслового происхождения, основанным древними притоками Оби. Они представляют собой вытянутый стержень, который может расширяться к центру. Края изделий имеют круговые нарезки, либо хорошо выделенные головки, служившие, очевидно, для крепления лески [26, рис. 1-3, 4]. Судя по внешнему облику, стерженьки использовались, вероятно, в качестве грузиков-перехватов, к которым крепился один (возможно, несколько) рыболовный крючок. Забросив снасти, древний человек ждал, когда рыба сама найдет в воде наживку и заглотит крючок, т.е. действовал принцип современной удочки. Подобный способ ловли возможен только в условиях водоемов со стоячей водой и реках равнинного характера [27, с. 8–10].

Вероятно, на территории Горного Алтая в период бытования большемысской культуры существовали и другие принципы рыболовства (с помощью сетей, сооружение запруд и др.), но, к сожалению, прямых свидетельств этому нет.

Помимо рыболовства большую роль в хозяйстве играла охота, о чем свидетельствуют остеологический материал и анализ каменного инвентаря [23, с. 86; 18], но вряд ли она лежала в основе экономики большемысцев. Охота очень тесно связана с миграцией животных и предусматривает ведение подвижного образа жизни. Это делает строительство стационарных жилищ с площадью более 100 кв. м нецелесообразным. Спектр промысловых животных очень широк, начиная от лосей, благородного оленя, яка и заканчивая сусликами. Ведущее место занимала охота на косулю и марала. На поселениях крайне мало обломков наконечников копий и дротиков. Вероятно, это свидетельствует о традиции изготовления вкладышевого охотничьего инвентаря, сложившейся здесь еще в эпоху мезолита. Вкладыши оружия колюще-метательного типа, на изготовление которых шли, в основном, мелкие пластины, составляют 21–28% от общего количества индустрии и доминируют в составе промысловых орудий [10, с. 19]. Снижение процента мелких пластин от их общего числа и деградация призматической индустрии в целом на всем протяжении неолита (об этом речь шла выше), возможно, говорят о постепенном повороте промыслового хозяйства от охоты к рыболовству. Исходя из этого, увеличение числа пластин, произошедшее на одном из этапов неолита по сравнению с предыдущим периодом (Тыткескень-II), объясняется усилением роли охоты на каком-то временном отрезке. О высокой роли охоты у большемысцев свидетельствует слой с поселения Тыткескень-II, где зафиксированы легкие наземные одноочажные жилища. Как отмечалось выше, пластины здесь составили 63,63% от общего числа изделий. Вероятно, данный слой оставлен группой охотников, занимавшихся заготовкой мяса впрок. Высокий процент пластин объясняется потребностью в замене вкладышей наконечников.

В целом хозяйство большемысцев Горного Алтая, вероятно, следует считать комплексным, основа которого базировалась на рыболовстве, а охота являлась значительным добавлением к ней. Говорить о наличии у большемысцев в это время скотоводства пока не приходится. Характер каменной индустрии является продолжением единой линии развития, начавшейся еще в поздне-сарганское время, и по своему уровню развития на момент бытования культуры отвечает завершающим этапам неолитического времени. Таким образом, уровень развития первого этапа большемысской культуры, вероятно, совпадает с поздним или даже финальным неолитом.

Второй этап существования большемысской культуры следует связать с предгорной и лесостепной зонами Алтайского края. Это район оз. Иткуль и устьева зона правых притоков Бии, а также лево- и правобережье Оби в ее верхнем течении. Памятники расположены на террасах коренного берега крупных водных артерий, вблизи соснового бора. Оба этапа между собой объединяет, прежде всего, близость керамического комплекса. Основным критерием объединения памятников внутри этапов послужил анализ каменной индустрии. Несмотря на определенные сходства, этапы имеют ряд принципиальных различий. Различия между первым и вторым этапами обусловлены, прежде всего, территориальным и хронологическим положениями, а также некоторыми другими факторами, на которых мы остановимся чуть ниже.

Исход большемысских племен из Горного Алтая в предгорья и лесостепь, вероятно, происходит в конце IV–рубеже IV и III тыс. до н.э. Хронологически эта дата совпадает с приходом в

Алтайские горы афанасьевских племен. Очевидно, они просто вытеснили большемысцев с данной территории. В подтверждение этого говорит тот факт, что на ряде памятников большемысские слои перекрыты афанасьевскими без стерильных прослоек (НТП-I; Малый Дуган). Противники данной точки зрения считают, что это маловероятно, так как в таком случае большемысским племенам, чтобы переселиться в предгорья и лесостепь, пришлось бы двигаться навстречу афанасьевцам. Следует сразу отметить, что в правобережной зоне Оби афанасьевских памятников нет. Нет их и на Южном Урале. Здесь встает вопрос о путях заселения Алтайских гор афанасьевцами. По мнению Э.Б. Вадецкой, в сложении афанасьевской культуры приняло участие население среднего и позднего этапов развития древнеямной культурно-исторической общности. Эта точка зрения была поддержана некоторыми исследователями. Однако, опираясь на радиоуглеродные даты, видно, что наиболее ранние афанасьевские памятники Алтая древнее афанасьевских Минусы и древнеямных на 1000 лет. Одним из авторов настоящей работы было высказано предположение, что близость с древнеямным населением следует объяснить не тем, что афанасьевцы – это какая-то часть переселившихся на восток древнеямников, а тем, что те и другие вышли из одного района древних цивилизаций Ближнего Востока. Только одна группа мигрировала в северо-западном направлении в южно-русские степи, а вторая – на северо-восток в районы Монголии, Алтая и Южной Сибири. Если принять эту точку зрения, то становится понятна близость с поздним неолитом Средней Азии и более раннее появление афанасьевских памятников в Горном Алтае и древнеямных в южнорусских степях [28, с. 61–64]. Подтверждают эту точку зрения и пути распространения колесного транспорта [29, с. 21]. Вероятно, племена, сформировавшие афанасьевскую культуру, двинулись с Ближнего Востока и через Монголию по долинам рек и межгорным котловинам проникают в Центральный Алтай и уже оттуда двигаются вниз по течению Катунь. Данной точки зрения не противоречит карта распространения афанасьевских памятников. То, что контакты афанасьевцев и большемысцев носили враждебный характер, свидетельствует тот факт, что с поздних памятников первого этапа большемысской культуры происходит большое количество наконечников стрел, которые вряд ли можно объяснить только потребностями охоты. Большемысцы не смогли противостоять более развитым племенам и вынуждены покинуть насиженные места. С приходом афанасьевской культуры в среднем течении Катунь завершается непрерывная эволюционная линия развития каменной индустрии [1, с. 63].

Памятники первого и второго этапов, помимо общих признаков, которые являются культуроопределяющими, имеют ряд принципиальных отличий. Последнее можно объяснить хронологическим положением комплексов. Кроме этого, перемена района бытования культуры способствовала расширению связей с племенами, обитавшими на сопредельных территориях. Прежде всего, это контакты с древними народами, обитавшими в Средней Азии. В VIII тыс. до н.э. на территории Переднего Востока возникает древнейший очаг становления земледелия и скотоводства. На протяжении VII–VI тыс. до н.э. население здесь быстро росло, и отдельные группы время от времени покидали родину. Это способствовало расширению зоны производящей экономики [30, с. 97]. По мнению М.Ф. Косарева, наибольшее распространение в данной ситуации получает пастушеско-земледельческое хозяйство, предусматривающее ведение оседлого образа жизни либо сезонные перекочевки на незначительные расстояния от базового лагеря [22]. В VI тыс. до н.э. производящее хозяйство распространяется на территорию Южной Туркмении, а оттуда на рубеже IV–III тыс. до н.э. приходит в Среднюю Азию [30, с. 100]. Влияние среднеазиатских культур, сложившихся на базе производящей экономики, способствовало переменам, произошедшим на втором этапе в материальном облике большемысской культуры, а также в образе жизни и ведении хозяйства. О всех этих изменениях речь пойдет ниже.

Керамика в данном случае является культуроопределяющим признаком, характерным для обоих этапов. В основном, в предгорьях и лесостепи она такая же, как в Горном Алтае, и судя по всему является классической для большемысской культуры.

Однако на втором этапе значительно увеличивается роль керамики в жизни древнего человека. Так, на памятнике Костенкова Избушка с площади 2412 кв. м собраны фрагменты как минимум от 120 сосудов, имеющих отогнутый венчик, реповидное тулово и украшенных гладкой или гребенчатой качалкой сверху донизу.

На памятниках Бийского Приобья фиксируются и другие группы керамики. Им следует уделить особое внимание. В одном случае – это тонкостенная, хорошо обожженная кругло- и остродонная посуда, украшенная оттисками угла косо поставленного гребенчатого штампа [31, рис. 48]. Данная группа очень малочисленна. В другом случае группу представляют сосуды с ложнотекстильным орнаментом. Эти сосуды более толстостенные, чем остальная керамика [32, рис. 2]. Они хорошо обожжены и имеют круглое или уплощенное дно [2, с. 14]. Однако вопрос: «Насколько керамику этих двух групп можно считать большемысской?» неоднократно поднимался в литературе и пока остается открытым [32, с. 75–77; 12, с. 17]. В данной статье мы не будем решать проблему ее культурной принадлежности. Отметим только, что в нашем распоряжении нет ярко выраженных свидетельств интеграции этих двух групп керамики с классической большемысской.

Каменная индустрия второго этапа по технико-морфологическим признакам близка индустрии большемысских комплексов Горного Алтая, особенно с поздними памятниками. Это проявляется в основных принципах расщепления камня, а также в орудийном наборе. Однако, помимо сходств с первым этапом, каменная индустрия второго этапа имеет ряд различий. Прежде всего, изменилось сырье, которое шло на изготовление каменных орудий. Несмотря на то, что от памятников Бийского Приобья до Катунских источников расстояние не превышает 150 км, а обратный путь можно было легко проделать по воде, большемысцы обращаются к яшмам, кварцитам, песчаникам – сырью, больше характерному для памятников юго-западных районов Алтайского края и Восточного Казахстана. Выходы этих пород находятся на значительном удалении и, вероятно, поступали в Бийское Приобье путем обмена [33, с. 3–19; 12, с. 17]. Данное сырье шло, в основном, на производство вкладышей, наконечников, ножей и т.п. Помимо привозного камня широко использовались местные породы, слабо отвечающие требованиям камнеобработки. Отказ от сырья Катунских источников, вероятно, следует рассматривать как еще одно доказательство враждебного отношения большемысцев и афанасьевцев.

Изменения происходят в призматической технике расщепления. Меняется процентный состав пластин, и на ведущие позиции выходят средние пластины. Соответственно снижается относительное количество мелких пластин. Ведущий тип нуклеусов – атипично-призматический. Говорить о причинах перемен в призматической технике расщепления можно пока только гипотетически. Племена Горного Алтая имели тысячелетние традиции обработки кремня. Уровень расщепления камня был очень высоким, о чем свидетельствует орудийный набор. После переселения в предгорья Алтая и Салаира большемысцы пытаются применять навыки обработки кремня на новых породах с совершенно иной структурой (яшмы, кварциты, песчаники). Вероятно, это и привело к увеличению среднего размера пластин. Для производства мелких пластин требовался особый навык, которого, в отличие от племен северо-западных предгорий Алтая и Восточного Казахстана (в этих районах мелкие пластины преобладают), у большемысцев не было. Как следствие этого, значительно снижается процент вкладышей оружия колюще-метательного типа. В среднем для второго этапа они составили 3,3% [10, с. 21]. В качестве альтернативы на смену им приходят цельнокаменные наконечники и костяные охотничьи гарпуны.

Дефицит поделочного камня определил дальнейшее развитие каменной индустрии. Значительно возрастает количественный и типологический состав комбинированных орудий. Износостойкость становится одним из основных требований к орудиям, что приводит к увеличению роли шлифованных изделий (топоров, тесел, ножей). По сравнению с Горным Алтаем падает значение резцового скола. В Бийском Приобье и предгорьях Салаира резцы представлены единичными экземплярами. Вероятно, их малое число является характерной чертой всей эпохи энеолита, о чем свидетельствуют материалы с других регионов [34, с. 32; 35, с. 27]. На ведущее место выходит сплошная бифасиальная обработка и орудия, связанные с ней (наконечники, клинки, ножи, часть рубящих орудий, вкладыши-бифасы). В качестве самостоятельных орудий широко использовались отщепы без дополнительной подработки. Ярким проявлением влияния среднеазиатских племен на территорию Бийского Приобья является наличие здесь каменных «утюжков». До сих пор не решен окончательно вопрос о происхождении этих предметов и их функциональном назначении. Традиционно утюжки с поперечным желобком рассматривают как выпрямители древков стрел. По мнению В.Ф. Зайберта, эти изделия следует считать предметами магических и культовых обрядов [36, с. 187]. В Монголии подобные вещи использовались до настоящего времени

для разглаживания швов на кожаной одежде [19, с. 112]. Орудие нагревали на огне, после чего, уперев в паз палку, работали им как утюгом.

Дефицит поделочного камня способствует развитию косторезного дела. Однако относительно широкое распространение получают только отдельные категории изделий. Прежде всего, это наконечники стрел, гарпуны различных типов, основы вкладышевых орудий, украшения и т.п. Говоря в целом, костяные орудия, дошедшие до нас, немногочисленны.

Расширение межкультурных связей способствовало появлению первых медных орудий. На поселениях они представлены единичными экземплярами, основная масса которых происходит с поселения Цыганкова Сопка-I. Это небольшие ножи с двусторонней заточкой и обоюдоострые пиля, квадратные в сечении. На памятниках не зафиксированы следы меднолитейного производства. Вероятно, орудия в готовом виде поступали на территорию лесостепного Алтая и предгорий с сопредельных территорий. Отметим, что основы для самостоятельного возникновения меднолитейного производства у большемысских племен не было. Сформировавшись на базе позднего неолита, они переселяются на территории, находящиеся в стороне от меднорудных источников.

К погребальному комплексу второго этапа следует отнести могильник Большой Мыс на оз. Иткуль и два одиночных захоронения на поселении Костенкова Избушка. Покойные лежат в вытянутом положении на спине, руки вдоль туловища, либо чуть согнуты в локтях, кисти покоятся на тазовых костях. Ориентация на Большом Мысу – СВ, на Костенковой Избушке – западная и СВ. Сопроводительный инвентарь представлен украшениями из зубов животных, подвесками из кости, наконечниками стрел, несколькими топорами и вкладышевыми орудиями и т.п. Керамика в могилах отсутствовала, за исключением одного из двух погребений на Костенковой Избушке, где обнаружена стенка сосуда, украшенного наколами углом лопаточки по венчику и горизонтальными и диагональными рядами оттиска гладкой качалки. В связи с тем, что это захоронение было совершено непосредственно в культурном слое, вполне вероятно случайное попадание керамики в могилу [37, с. 254–261; 31].

Антропологический тип умерших, по определению В.А. Дремова, следует отнести к монголоидному палеосибирскому типу, имеющему в отличие от своих восточных соседей (погребальные комплексы Восточной Сибири) самую значительную примесь европеоидной крови. Европеоидный компонент в составе большемысского населения, вероятно, относится к средиземноморскому элементу, который следует связать с племенами юга Средней Азии VI–V тыс. до н.э. [38, с. 19–46].

По мнению ряда исследователей, могильник Большой Мыс следует относить не к большемысской культуре, а к предшествующей неолитической эпохе [12, с. 16; 13, с. 51]. Однако достоверно проследить связь неолита с данными погребальными комплексами никому не удалось [12, с. 21]. Ближайшее известное неолитическое поселение в этом районе находится на удалении порядка 20 км от могильника (Комарово-I). На самом оз. Иткуль неолитические комплексы не выявлены вовсе.

Несмотря на относительно большое количество памятников, содержащих слои второго этапа, остатки жилищных конструкций зафиксированы в единичных случаях. Так, на поселении Комарово-I, содержащее как неолитический, так и большемысский комплексы, жилища представляли полуземлянки овальной формы размерами 5,5х4 м и глубиной в материке 0,3–0,35 м [2, с. 15]. На памятнике Камешок 1 зафиксированы остатки легкого навеса, один край которого держался на столбах, а другой упирался в склон горы [39, с. 72–74]. Несмотря на то, что на поселении Костенкова Избушка не читаются следы столбовых конструкций, скопление большемысской керамики позволяет очертить предполагаемый контур двух жилищ. Их длина составила 24 м, а ширина – 12–14 м. Отсутствие на других памятниках каких-либо следов жилищ позволяет предположить о существовании на них легких конструкций типа чума.

Основные изменения на втором этапе, которые в первую очередь следует связать с влиянием среднеазиатских племен, происходят в области ведения хозяйства. Наряду с охотой и рыболовством успешно развивается производящая форма экономики – скотоводство. Так, на поселении Костенкова Избушка кости домашних животных, принадлежащих лошади, крупному и мелкому рогатому скоту, собаке, составили 27,9% от общего количества [2, с. 29]. О наличии скотоводства также свидетельствует значительное преобладание орудий обработки кожи над охотничьим оружием, т.е. не только охота была источником скорняжного производства [10, с. 21].

Безусловно, производящая форма экономики в Бийском Приобье складывается не сразу после переселения сюда большемысских племен, а по истечении какого-то времени. Однако отметим, что для ее появления создаются все условия. Преобладание рыболовства в хозяйстве древних племен и связанного с ним оседлого образа жизни, по мнению М.Ф. Косарева, сделало переход к производящей форме экономики максимально безболезненным. С появлением скотоводства на смену оседлости приходят сезонные перекочевки, но не всего населения племени. Вероятно, часть оставалась на базовом лагере-зимнике, другая же часть со скотом уходила на период теплого времени года на летники [22]. Возможно, этим мы можем объяснить значительную керамическую серию на одних памятниках и небольшую на других.

Небольшой процент костей домашних животных относительно остатков дикой фауны, а также отсутствие жертвенной пищи в погребениях, вероятно, свидетельствуют о еще слабой роли скотоводства для хозяйства данного населения. Рыболовство и охота, очевидно, остаются ведущими отраслями экономики большемысцев. Так, на поселении Костенкова Избушка кости диких животных составили 72,1% от общего количества. Объектами охоты по остеологическому материалу являлись лось, благородный олень, косуля, кабан, зубр, медведь, барсук, лиса, бобр, сурок, заяц [2, с. 29]. Однако перемена территории бытования, вероятно, вносит в охоту некоторые изменения. На смену косули и маралу, как главным промысловым животным, приходит лось. Марал обитает небольшими группами до 10 голов, косуля зимой – более 10 голов, летом – поодиночке, реже парами. Лось, по сравнению с другими копытными, менее подвижен. Держится, как правило, в одиночку или небольшими группами из 3–5 животных [40, с. 187–188]. Вероятно, эти данные свидетельствуют о наличии коллективной охоты в Горном Алтае и индивидуальной, либо небольшими группами в предгорьях и лесостепи.

Рыболовство по-прежнему играет большую роль в жизни древнего человека. Однако равнинный характер рек, а также озера приносят в эту форму хозяйства ряд изменений. В условиях стоячей и слабопроточной воды широко использовалась лодка-долбленка, о чем свидетельствует наличие на памятниках большого количества шлифованных топоров и тесел. Именно с лодкой можно связать «новые» приемы рыбалки, которые не фиксируются на Катуні в большемысское время. Так, распространение гарпунов и острог на памятниках Бийского Приобья, вероятно, свидетельствует о лучении рыбы. Находят широкое распространение стерженьки-перехваты, больше характерные для северо-западных предгорий Алтая. Рыбалка с помощью таких стерженьков особенно удобна с лодки. «Новые» приемы рыболовства успешно сочетаются с традицией блеснения, пришедшей в предгорья Алтая и Салаира и лесостепь с Катуні.

О наличии у большемысцев земледелия говорить пока не приходится. Находки роговых мотыг и вкладышей жатвенных ножей единичны [10, с. 21].

В середине III тыс. до н.э. на территориях Ближнего востока и северной Месопотамии наблюдается заметное иссушение климата. Примерно одновременно с этой датой в Средней Азии и в Северном Казахстане происходит распространение производящей формы экономики. Вероятно, здесь следует сделать осторожное предположение, что изменения природных условий вынуждают «варварские» племена, жившие по соседству с древнейшими очагами цивилизации Переднего Востока и перенявшими от них скотоводство, двигаться на север в поисках более благоприятных условий для жизни. Отличительными чертами этих племен являлись: средиземноморский антропологический тип, ведение пастушеско-земледельческого хозяйства, традиция изготовления черешковых наконечников и знание меднолитейного производства [41]. Влияние этих племен распространяется на значительную территорию и достигает Рудного Алтая – региона, объединяющего богатейшие месторождения меди. Как уже отмечалось, с этим населением мы связали появление у большемысцев производящей экономики, медных орудий и других черт, не характерных для первого этапа большемысской культуры. Очевидно, из Рудного Алтая начинается распространение бронзолитейных традиций Западной Сибири, о чем уже неоднократно говорилось в научной литературе [42, с. 119; 43, с. 103]. Возможно, что данный район становится своеобразным «плацдармом» для освоения пришлыми племенами новых территорий. Очевидно, именно из Рудного Алтая одна группа племен уходит вниз по Иртышу, где формирует кротовскую культуру. Другая группа в конце III тыс. до н.э. через Алейскую степь проникает в Верхнее Приобье. Вначале они осваивают левобережье, где, вероятно, происходит складывание так называемой елуниинс-

кой культуры и сосуществуют с большемысскими племенами, не вторгаясь на их территорию, а уже оттуда на рубеже III и II тыс. до н.э. проникают в правобережье Оби – территорию заселения большемысской культуры.

В пришлом населении преобладали, видимо, молодые мужчины в возрасте 20–30 лет. Осваивая новые территории они вступают в брачные отношения с местными женщинами. Об этом свидетельствует антропологический материал из могильников Елунино-I, Староалейка-2, Озерки Восточные. Мужчины – это бесспорно европеоиды с признаками южной средиземноморской ветви. Женщины – метисный тип, характерный для большемысской культуры. Разница в росте мужских и женских костяков составляет 30–35 см, такую разницу можно объяснить только расовыми отличиями. Мужское население большемысской культуры, очевидно, подвергалось истреблению, о чем свидетельствуют находки убитых людей как энеолитического, так и раннебронзового населения [42, с. 100–125].

Таким образом, к началу II тыс. до н.э. большемысская культура прекращает свое существование. Мощные миграционные волны переселенцев, сформировавших афанасьевскую и елунинскую культуры на Алтае и ставшие причиной угасания большемысцев, являются, очевидно, не случайностями в развитии древнего населения, а закономерностями, вызванными естественными потребностями человека. Широкое распространение экстенсивного скотоводства требовало освоения новых территорий, зачастую за счет жизненного пространства других племен. Естественно, это сопровождалось вооруженными столкновениями. Подобные ситуации можно наблюдать практически на всем протяжении древней и средневековой истории, вплоть до освоения Севера и Сибири русским населением.

Таким образом, учитывая все данные, имеющиеся в нашем распоряжении, нижнюю границу существования памятников второго этапа большемысской культуры следует отнести к концу IV–началу III тыс. до н.э., а верхнюю границу провести на рубеже III–II тыс. до н.э. [11, с. 63; 31, с. 55]. Всю культуру в целом следует датировать в пределах второй половины IV тыс. до н.э.–рубежа III и II тыс. до н.э.

Налицо двухкомпонентность культуры, обусловленная хронологическими и территориальными различиями, а также этнокультурными влияниями. Первый этап – это высокий уровень развития камнеобработки и ведение присваивающего хозяйства. Все это характеризует его как финально-энеолитический. Второй этап сформировался на новых территориях под сильным влиянием среднеазиатских племен. Появляются первые медные орудия и производящая форма экономики.

Итак, мы сталкиваемся с противоречивой ситуацией. Наличие в целом для культуры неолитических и энеолитических признаков не позволяет однозначно решить вопрос о ее эпохальной принадлежности. Похожую ситуацию мы можем наблюдать у большинства культур (аятская, шапкульская, суртандинская, екатерининская и др.) Зауралья этого времени и многих других территорий. Для их характеристики часть исследователей используют термин «поздний неолит–энеолит». Вероятно, такая позиция является правильной. Термин как бы определяет генетическую связь энеолита с предшествующей эпохой и отражает определенный этап развития общества и его уровень материальной культуры. Очевидно, термин «поздний (или даже финальный) неолит–энеолит» следует применять и по отношению к большемысской культуре.

Работа подготовлена при поддержке РГНФ, грант №00-01-00374а и по гранту Минобразования РФ ГОО-1.2-298.

Примечания

1. Бобров В.В. Исследования поселения Танай-4а и некоторые проблемы Западно-Сибирской археологии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1997. Т. III.

2. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1986.

3. Кунгуров А.Л. Научная деятельность М.Д. Копытова // Алтайский сборник. Барнаул, 1995. Вып. XVI.

4. Кунгуров А.Л. Сергей Михайлович Сергеев // Алтайский сборник. Барнаул, 1992. Вып. XV.

5. Кадиков Б.Х. Итоги археологических разведок Бийского музея // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Томск, 1959. Вып. 3.
6. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век) // Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье (Верхнеобская неолитическая культура). Ч. I: Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 9.
7. Окладников А.П., Молодин В.И. Турочакская писаница (Алтай, долина р. Бия) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.
8. Кирюшин Ю.Ф. Исследования энеолитических памятников лесостепного Алтая // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990.
9. Кунгурова Н.Ю. Древнее поселение в устье Куюма // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992.
10. Кунгурова Н.Ю. Неолитические индустрии Катунь и озера Иткуль: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1995.
11. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Проблемы каменного века бассейна р. Катунь // III Годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН, ноябрь 1995. Новосибирск, 1995.
12. Кунгурова Н.Ю. Технологические традиции большемысской культуры предгорной зоны Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. №3.
13. Молодин В.И. Неолитическое погребение на озере Иткуль и некоторые соображения по поводу погребальных комплексов данной эпохи в предгорьях и горах Алтая // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. Кемерово, 1999.
14. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Кунгурова Н.Ю. Хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. Всес. науч. конф. Барнаул, 1991.
15. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Большемысский комплекс поселения Тыткескень-II // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993.
16. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Позднеэнеолитический горизонт поселения Тыткескень-II // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск, 1992.
17. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Новые находки эпохи позднего неолита на Средней Катунь // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. I.
18. Кунгурова Н.Ю. Охота неолитических обитателей Катунь // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. №2.
19. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескень-VI на Катунь // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994.
20. Степанова Н.Ф. Керамика большемысской культуры поселения Малый Дуган // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. Вып. VIII.
21. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры-1. Барнаул, 1995.
22. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984.
23. Гальченко А.В. Фауна Нижнетыткескенской пещеры-1 и охотничье хозяйство древних племен Горного Алтая // Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры-1. Барнаул, 1995.
24. Георгиевская Г.М. Китайская культура Прибайкалья. Новосибирск, 1989.
25. Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири. Каменный век. Новосибирск, 1988.
26. Шмидт А.В. Этнокультурная ситуация на Алтае в эпоху неолита // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. №4.
27. Шмидт А.В. Развитие рыболовных стерженьков на Алтае // Студент и научно-технический прогресс. Ч. I. История: Материалы XXXVIII МНСК. Новосибирск, 2000.
28. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин А.Ю. Вопросы датировки и происхождения афанасьевской культуры Горного Алтая // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1997.
29. Кожин П.М. Этнокультурные контакты на территории Евразии в эпохи энеолита-раннего железного века (палеокультурология и колесный транспорт): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1990.
30. Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. М., 1989.
31. Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул, 2000.
32. Абдулганеев М.Т. Поселение Комарово-1 – новый памятник эпохи раннего металла // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987.
33. Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Географическое распространение сливных кварцитовидных пес-

чаников – сырья для изготовления орудий в эпохи неолита и бронзы // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983.

34. Зайтов В.И. Характеристика каменных орудий поселения Ботай (предварительный анализ) // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985.

35. Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. О результатах изучения каменной индустрии поселения Павловка-I // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1984.

36. Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск, 1993.

37. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин А.Ю. Особенности погребального обряда и датировки большемысской энеолитической культуры // Актуальные вопросы истории Сибири: Научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина 20 мая 1997 г. Барнаул, 1998.

38. Дремов В.А. Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуля (к вопросу о происхождении неолитического населения Верхнего Приобья) // Палеоантропология Сибири. М., 1980.

39. Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В. Новое большемысское поселение – Камешок-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1999. Вып. X.

40. Горный Алтай. Томск, 1971.

41. Бадер И.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М., 1989.

42. Кирюшин Ю.Ф. Новые материалы ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987.

43. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.

НЕКОТОРЫЕ ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ НА ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ

Исследованные в Верхнем Приобье погребально-поминальные комплексы эпохи ранней бронзы имеют достаточно сложную внутреннюю структуру, которая отражает процесс реализации определенных представлений населения того периода времени. Планиграфические наблюдения, произведенные при изучении целого ряда таких объектов, позволяют выявить закономерности в расположении погребальных сооружений и отдельных находок на могильном поле, а также наметить другие показатели и характеристики, необходимые для более целостной реконструкции культуры. Следует указать, что высокая эффективность рассматриваемого анализа возможна лишь при вскрытии значительной площади нескольких памятников, с учетом расположения их на местности и при изучении соотношений разных признаков обрядности. Идеальным вариантом для планиграфических исследований является полностью раскопанный могильник. Такой объект можно рассматривать как законченный архитектурный комплекс, изучение которого позволит более точно представить место, роль и значение его отдельных элементов, а также проследить последовательность их сооружения (см.: [1, с. 53–60; 2, с. 176–179; 3, с. 153] и др.).

Прежде чем рассматривать материалы, полученные при исследованиях погребально-поминальных комплексов эпохи ранней бронзы на территории Верхней Оби, необходимо хотя бы в общем виде представить уже имеющиеся наработки планиграфического характера. При этом следует указать на небольшое количество подобного рода публикаций, а также на отсутствие развернутых аналитических рекомендаций и методологических положений общего характера. Для этого требуется проведение специальных исследований на значительном массиве сравнительных данных. Особое внимание необходимо уделить раскрытию теоретических вопросов планиграфии как неотъемлемого этапа в процессе археологических изысканий и реконструкций. Перспективность такой научной работы, на наш взгляд, несомненна.

Реализация возможностей планиграфического метода определяется видом и особенностями изучаемого памятника. После выявления определенного набора признаков погребального обряда, как правило, исследователями осуществляется анализ соотношений между отдельными объектами на могильном поле, определяются его площадь и границы, а также место среди синхронных, единокультурных и других памятников.

Планиграфический анализ могильников важен для проведения социальных реконструкций. Однако он невозможен без качественных археологических источников и их тщательной проработки [4, с. 71]. Стратиграфико-планиграфический подход, предложенный М.Д. Хлобыстиной, позволил ей не только группировать погребения по половозрастным признакам в составе могильников раннего голоцена, но и решать другие вопросы палеосоциологического моделирования [5]. Подобный метод был применен В.В. Бобровым в процессе изучения могильников Титово (андроновская культура) и Журавлево-4 (ирменская культура) [6, с. 20]. В результате планиграфических наблюдений у исследователя появилась возможность установить на памятниках взаимосвязь центра с периферией и то, как сопряжены могилы мужчин, женщин, детей. Это позволило реконструировать половозрастную структуру общества и семейно-брачные отношения [6, с. 21].

Интересные особенности пространственного восприятия территории могильника древним населением удалось зафиксировать благодаря изучению планиграфии на знаменитом памятнике Пазырык в Горном Алтае. Там разновременные объекты составляют целые архитектурные комплексы, которые хорошо соотносятся друг с другом культурно и хронологически. Это позволило сделать предположение о том, что у разных групп населения, соорудивших объекты на площади памятника, прослеживается преемственность в восприятии пространства могильного поля [7, с. 68]. Изучение планиграфии таких же крупных погребально-поминальных комплексов, как Пазырык, позволит получить значительное количество информации по древней и средневековой истории Алтая.

Создание погребального комплекса – это, как правило, процесс структурирования пространства древним населением путем наложения последовательных ограничений [8, с. 45]. Данное

обстоятельство, отраженное в планировке могильников, следует обязательно учитывать, так как это даст возможность реконструировать мировоззренческие представления людей, оставивших изучаемый памятник, а также позволит отразить этнографические, этнокультурные и хронологические характеристики [9, с. 49].

Успешное применение планиграфического метода зависит от целого ряда обстоятельств и факторов. Главным остается степень изученности и сохранности объектов, хотя исследователи отмечают важность указанных наблюдений даже тогда, когда памятники подвергнуты значительным разрушениям [4, с. 71]. Всесторонний анализ невозможен без тщательной обработки имеющегося достаточного количества данных. Поэтому обратимся к представлению той источниковой базы, которая имеется в нашем распоряжении для раскрытия исследовательских направлений обозначенной темы.

К настоящему времени в Верхнем Приобье археологические исследования проведены на нескольких могильниках, относимых нами к елунинской культуре и датируемых эпохой ранней бронзы (конец III–первая треть II тыс. до н.э.) (рис. 1.-I): **Елунино-I**, **Цыганкова Сопка-II** [10, с. 100–102, 111–115]; **Староалейка-II** [10, с. 103–111; 11, с. 79, 81–83]; **Ордынское-I** [12, с. 31–32; 14, с. 57–67]; **Телеутский Взвоз-I** [14, с. 116–118; 15, с. 329; 16, с. 250–252; 17, с. 392–395]; **Озерки Восточные** [10, с. 111]; **Березовая Лука** [16, с. 391; 18, с. 9–10] и на некоторых других. Кроме этого, опубликованы сведения об обнаруженных погребениях и отдельных находках, связанных с захоронениями рассматриваемого периода древней истории. Эти объекты зафиксированы в пределах предгорно-равнинной части Алтайского края и некоторые из них имеют конкретные обозначения: **Поселковая улица** [11, с. 89, 91; 19, с. 3; 20, с. 13–14]; **Бураново (Морозов Лог)** [21, с. 18–19, 166]; **Елбанка-III** [22, с. 7–8, 12]; **Молоково-I** [23, с. 112–114], **Нижняя Суетка** [21, с. 22–24; 24, с. 51–55]; **Баево** [25, с. 73]; **Шипуновка-V** [26, с. 124–125] и др.

Несмотря на достаточное количество перечисленных погребальных памятников елунинской культуры, все же планиграфический анализ в полной мере мы выполнить не имеем возможности. Дело в том, что на указанных объектах при раскопках были вскрыты небольшие площади, на которых также находились сооружения, относящиеся к другим археологическим культурам. При этом многие захоронения были разрушены культовым или хозяйственным использованием территории могильника последующим населением. Так, например, на памятниках Староалейка-II и Телеутский Взвоз-I помимо погребений эпохи ранней бронзы находятся разные археологические объекты более позднего времени. На могильнике Цыганкова Сопка-II располагалось поселение ирменской культуры, а памятник Елунино-I разрушался при современных хозяйственных работах.

Многие исследования осуществлялись, как правило, на аварийных объектах, что отразилось на характере необходимой информации. Тем не менее зафиксированные ниже наблюдения будут способствовать, на наш взгляд, не только эффективным поискам необходимых памятников эпохи ранней бронзы, но и обеспечат дальнейшие продуктивные исследования на уже обозначенных в данной статье погребально-поминальных комплексах.

Зафиксированные могильники елунинской культуры в основном располагаются на левом коренном берегу р. Оби, часто на высоких и длинных мысах. При этом отмечены и другие случаи обнаружения подобных погребальных объектов. Остановимся на конкретных примерах.

Погребально-поминальный комплекс эпохи ранней бронзы Телеутский Взвоз-I находится на высоком (до 70 м от уровня воды), разрушающемся мысу левого коренного берега р. Оби в 5 км к северо-востоку от с. Елунино Павловского района Алтайского края (рис. 1.-I; рис. 3.-1). К настоящему времени там выявлены и исследовались археологические объекты разных исторических эпох. Раскопки на указанном памятнике были предприняты из-за аварийной обстановки, создавшейся при негативном воздействии антропогенных и природных факторов [1].

«Елунинцы» выбрали указанное место не случайно. Ближайший аналогичный памятник Елунинский грунтовый могильник-I также располагался на высоком мысу [10, с. 100]. По всей видимости, при выборе территории для кладбища людей того времени привлекал высокий, порой господствующий в определенном месте мыс или возвышенность, с которых открывался вид на пойму реки. В то же время подобный участок был хорошо виден с многих сторон. Таких свободных мест в эпоху ранней бронзы на берегах р. Оби и ее притоков было много. Сейчас их следует рассматривать перспективными для выявления погребально-поминальных комплексов елунинской куль-

туры. Как показывают уже имеющиеся данные, плотность расположения могильников должна быть достаточно высокой.

Существует и еще одна выявленная особенность нахождения археологических объектов эпохи ранней бронзы. Это касается, например, таких погребальных памятников, как Цыганкова Сопка-II, Староалейка-II и некоторых других. Они находятся внизу и ближе к реке, но тоже на возвышенностях, которые обеспечивают панорамный обзор поймы Оби и ее притоков.

Таким образом, при рассмотрении мест расположения могильников елунинской культуры выявляется ряд общих характеристик: близость к реке, на одной из высоких точек ближайших окрестностей с панорамным видом на пойму, при определенной подконтрольности, защищенности и относительной изолированности. Это результат не только религиозного, но и практического подхода при организации кладбища [1]. При этом следует учитывать значимую роль и определенной системы жизнедеятельности населения того периода. В связи с этим важным показателем для понимания изучаемого вопроса может стать сопоставление места расположения могильника относительно стационарного поселения. Однако в настоящее время пока этого сделать не представляется возможным. Так, например, поселение «елунинцев», оставивших памятник Телеутский Взвоз-I, находилось в пойме Оби, но оно, как и другие подобные объекты последующих эпох, включая деревню Телеутскую, оказалось смытым рекой. Подтверждением того, что в эпоху ранней бронзы люди селились непосредственно у водной артерии, являются результаты исследований хозяйственно-культурного центра Березовая Лука в пойме р. Алей (левый приток Оби) [27, с. 203–207; 28, с. 75–80; 17]. Однако большинство необходимых в рассматриваемых случаях поселений вблизи исследованных могильников найти сейчас затруднительно или практически невозможно. Они уничтожены или замыты реками. Есть шанс получить реальное соответствие памятника Березовая Лука с некрополем его жителей. Однако такой могильник, в свою очередь, еще необходимо обнаружить. Пока исследованы лишь погребения младенцев, зафиксированные при раскопках культурного слоя поселенческого комплекса [17; 18]. Там также найдены и отдельные части скелетов людей других разных половозрастных групп. Указанные последними показатели также являются планиграфическими особенностями памятников елунинской культуры. Кроме поселения Березовая Лука, такой же факт нашел отражение и на памятнике Озерки Восточные [10, с. 111].

Решению ряда вопросов по расположению могильников и их планировки могут способствовать мировоззренческие представления населения эпохи ранней бронзы. Однако процесс реконструкции этой стороны жизни общества еще находится в стадии накопления археологических материалов и далек от своего разрешения, поэтому обратим внимание на уже зафиксированные при раскопках ситуации.

При изучении могильников практически не отмечались факты нарушения могил одновременными сооружениями. Это свидетельствует в пользу того, что какие-то надмогильные конструкции существовали и был определенный порядок в организации территории некрополя. Исключение составляет пока один случай, когда на памятнике Цыганкова Сопка-II могила №5 оказалась частично врезана в могилу №4, нарушая ее [10, с. 114].

Зачищенные на исследованных памятниках могильные пятна имели разную конфигурацию. Как правило, форма их была ближе к подчетырехугольной. Реже встречался овальный контур. На могильном поле погребальные сооружения располагались группами. В большинстве случаев могилы составляли ряды, вытянутые по линии ЮВ–СЗ с отклонениями разного плана. Исследованные могильные ямы, за редким исключением, ориентированы длинной осью по линии ЮЗ–СВ или З–В.

На исследованных участках могильного поля памятника Староалейка-II пока планиграфически выделены две группы погребений эпохи ранней бронзы (рис. 1.-II; рис. 2). Первая состояла из двух параллельных цепочек, ориентированных с юга на север. Одну цепочку составляли пять погребений, другую – два (рис. 2.-2). Особо значимым захоронением этой группы являлась могила №6, которая выделялась не только большими размерами 2,8х1,85 м, но и количеством погребенных. В яме найдены части от скелетов трех–четырёх взрослых людей, трех–четырёх детей и скелет ребенка 7–8 лет. В заполнении могилы встречены черепа двух взрослых людей, а в канавках на дне могилы их было восемь. В общей сложности там зафиксированы останки 17–19 человек. Рассматриваемый комплекс погребений объединяет не только близость

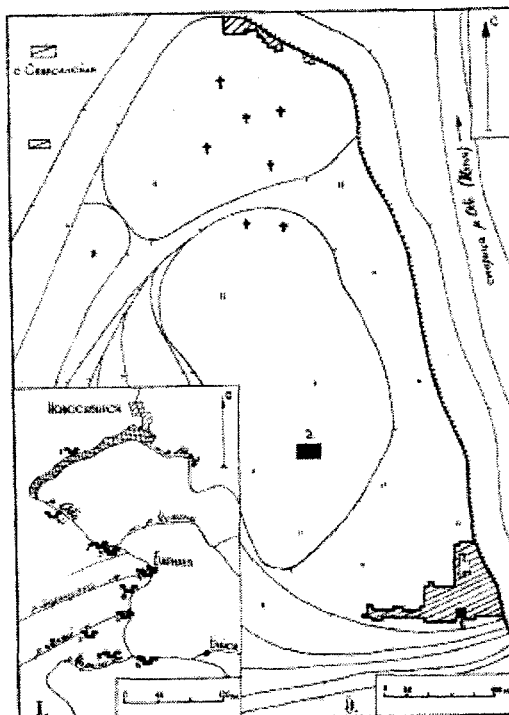

Рис. 1. I – расположение могильников елунинской культуры на левобережье р. Оби:
1 – Ордынское; 2 – Елунино-I; 3 – Телеутский Взвоз-I; 4 – Поселковая улица; 5 – Староалейка-II;
6 – Цыганкова Сопка-II; 7 – Березовая Лука; 8 – Бураново; 9 – Елбанка-III;
10 – Молоково-I; II – Староалейка-II (ситуационный план)

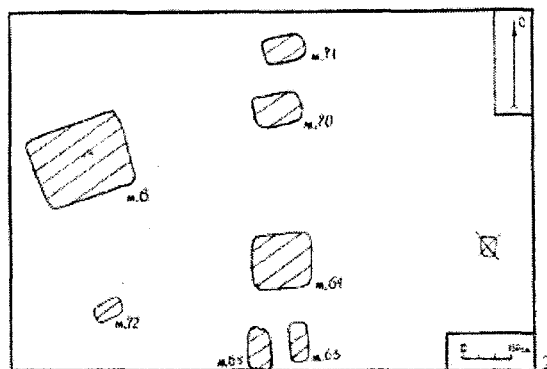
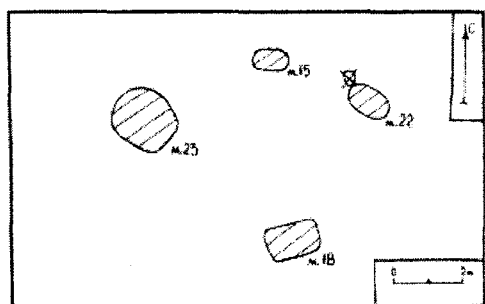

Рис. 2. Староалейка-II: 1 – расположение могил в южном раскопе;
2 – расположение объектов в центральном раскопе

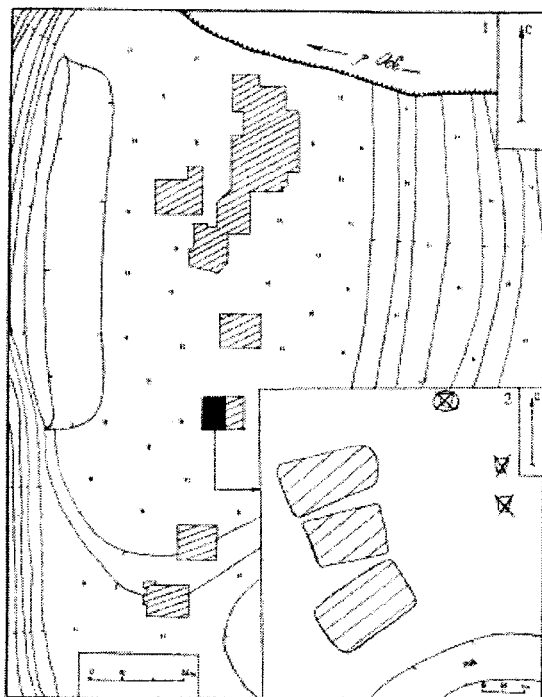

Рис. 3. Телеутский Взвоз-I: 1 – ситуационный план расположения раскопок; 2 – исследованные могилы №8–10 и обнаруженные рядом с ними развалы сосудов

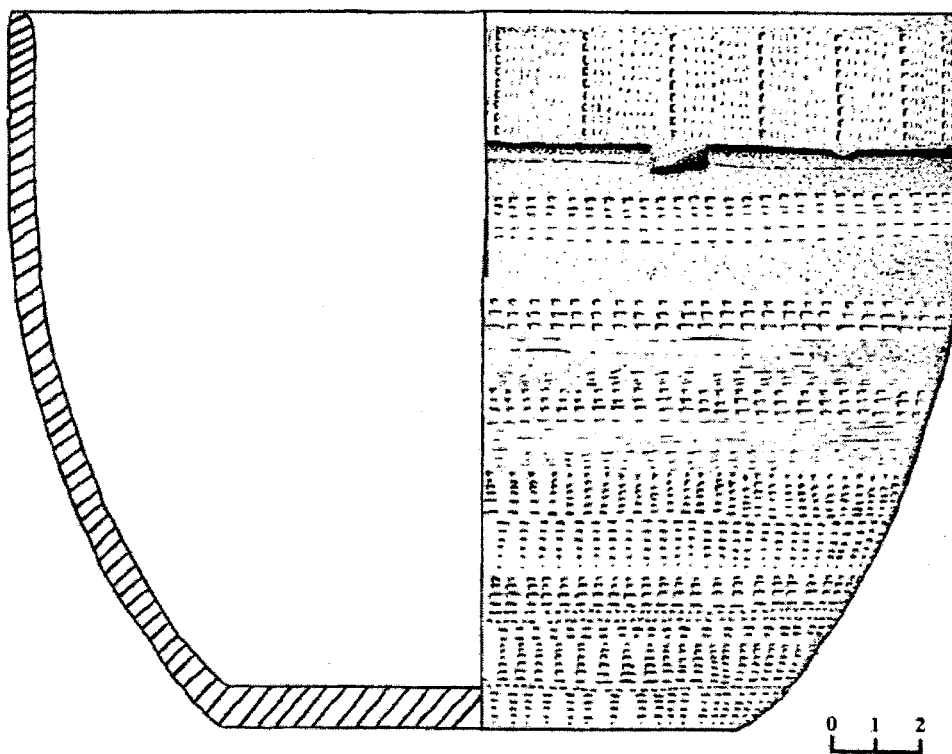

Рис. 4. Телеутский Взвоз-I. Реконструкция керамического сосуда, обнаруженного напротив могилы №2

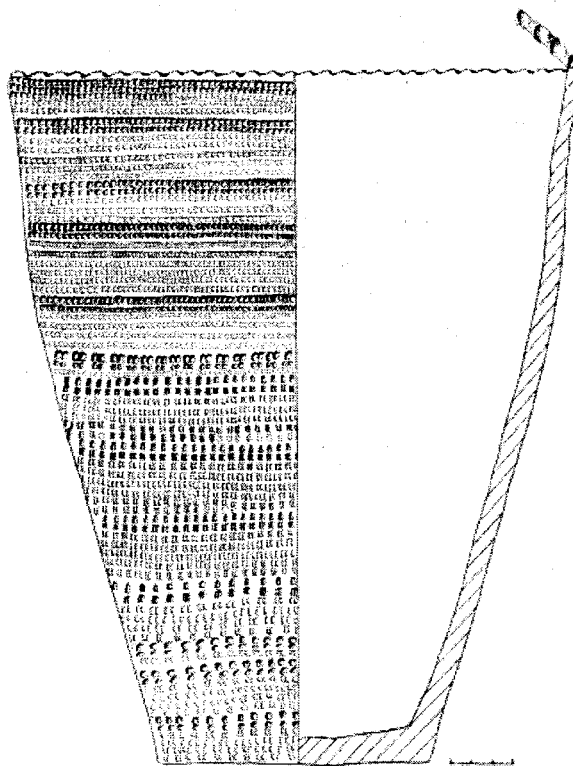

Рис. 5. Телеутский Ввоз-І. Реконструкция керамического сосуда, обнаруженного напротив могилы №8

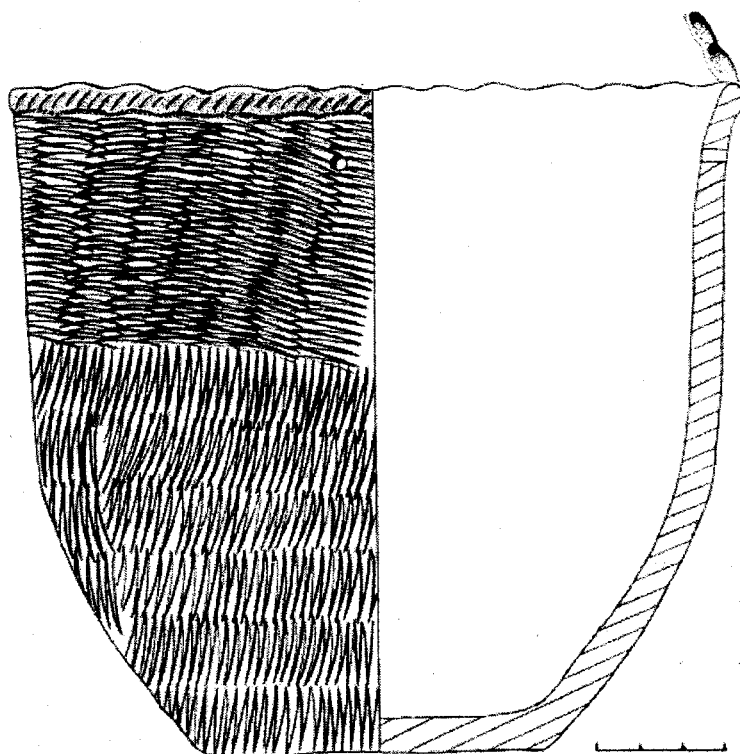

Рис. 6. Телеутский Ввоз-І. Реконструкция керамического сосуда, обнаруженного напротив могилы №9

расположения, но и то обстоятельство, что в четырех погребениях из семи присутствовали захоронения детей, а в двух находились отделенные человеческие головы.

Вторая группа из восьми могил располагалась в 120 м к юго-востоку от первой и состояла из трех подгрупп (рис. 1.-II). К востоку от цепочки, состоящей из двух погребений и ориентированной по линии Ю–С, находились четыре могилы расположенные как бы по окружности (рис. 2.-1). Еще два погребения локализовались к северу от указанных могил. С северо-востока от последних двух захоронений проходил ров, имевший форму разомкнутого на востоке полукольца. Подобные рвы были также выявлены и на могильнике Телеутский Взвоз-I [14, с. 116], но зафиксировать закономерности их расположения относительно погребальных сооружений пока не удалось. Однако не вызывает сомнения то, что часть рвов совпадает по времени бытования с погребениями эпохи ранней бронзы.

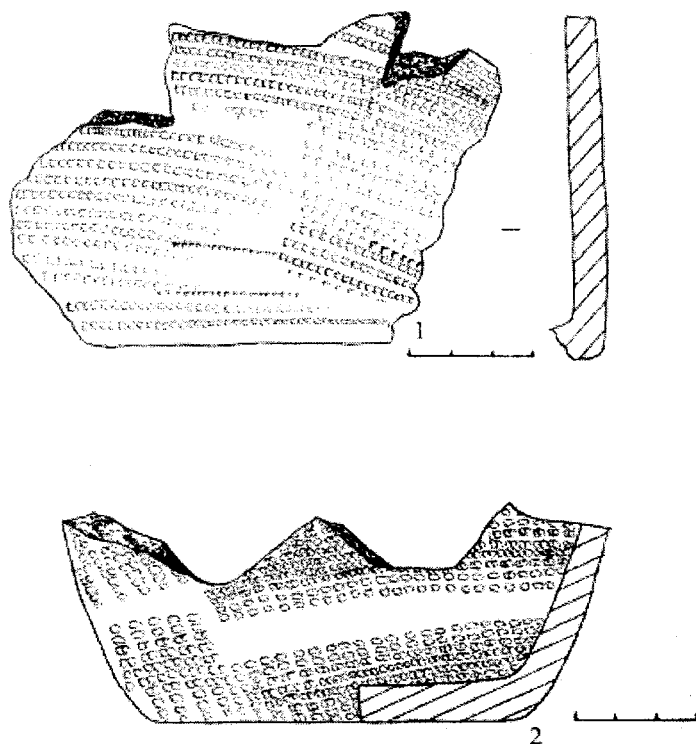

Рис. 7. Телеутский Взвоз-I: 1 – крупный фрагмент от керамического сосуда, развал которого находился напротив могилы №10; 2 – нижняя часть сосуда, зафиксированная в раскопе кургана №11

Во-первых, они не перекрывают друг друга. Во-вторых, в заполнении многих сооружений встречено большое количество костей животных, а также фрагментов керамической посуды елуниинской культуры.

Археологические исследования грунтового могильника эпохи ранней бронзы на памятнике Телеутский Взвоз-I (рис. 3.-1) осуществлялись в рамках раскапываемых курганов монгольского времени, что соответствовало первоначально поставленным задачам. При таком подходе достаточно трудно было уловить определенные планиграфические закономерности расположения выявляемых объектов елуниинской культуры. Для этого требовалось вскрытие больших площадей. Тем не менее уже на этих этапах удалось зафиксировать некоторые характерные черты погребально-поминального комплекса эпохи ранней бронзы. Так, в 1996 г. при исследовании кургана №8 монгольского времени в раскопе были обнаружены две своеобразные могилы елуниинской культуры, расположенные неподалеку друг от друга [14, с. 116–117]. Кроме этого, напротив грунтовой могилы №2 в оставленной бровке был зафиксирован развал керамического сосуда (рис. 4), находившийся в фиксируемом на памятнике слое эпохи ранней бронзы. Напротив могилы №1 располагалась конструкция погребального сооружения монгольского времени, при оформлении

которой подобный «приклад» был разрушен. Об этом свидетельствовали находки фрагментов керамического сосуда елунинской культуры, обнаруженные в заполнении средневековой могилы и рядом с ней. В том же раскопе кургана №8 было найдено скопление четырех камней, относящихся к слою эпохи ранней бронзы, что, возможно, также является одним из маркеров для дальнейшего обнаружения могилы. Последний факт можно проверить при дополнительных исследованиях. В то же время обнаружение одного крупного каменного изделия в другом раскопе, также в достоверно культурном слое «елунинцев», подобное предположение о наличии погребения пока не подтвердило [16, с. 250–251].

В 1998 г. Елунинской археологической экспедицией АГУ исследовались курганы монгольского времени №11 и 12. В одной половине раскопа последнего объекта зафиксирована «эталонная» ситуация, которая подтвердила ранее выявленные планиграфические черты. Так, у рва три могилы №8, 9, 10 располагались в ряд, ориентированный по линии ЮВ–СЗ (рис. 3-2). Почти напротив каждого захоронения к северо-востоку примерно в 2–3 м находились развалы керамических сосудов. Причем один из них, относящийся к могиле №8 (рис. 5), зафиксирован компактно в яме диаметром 0,35 м, углубленной в материк до 0,2 м (рис. 3-2). Сосуды, располагавшиеся напротив могил №9 (рис. 6) и №10 (рис. 7-1), были частично разрушены, по-видимому, при сооружении кургана монгольского времени.

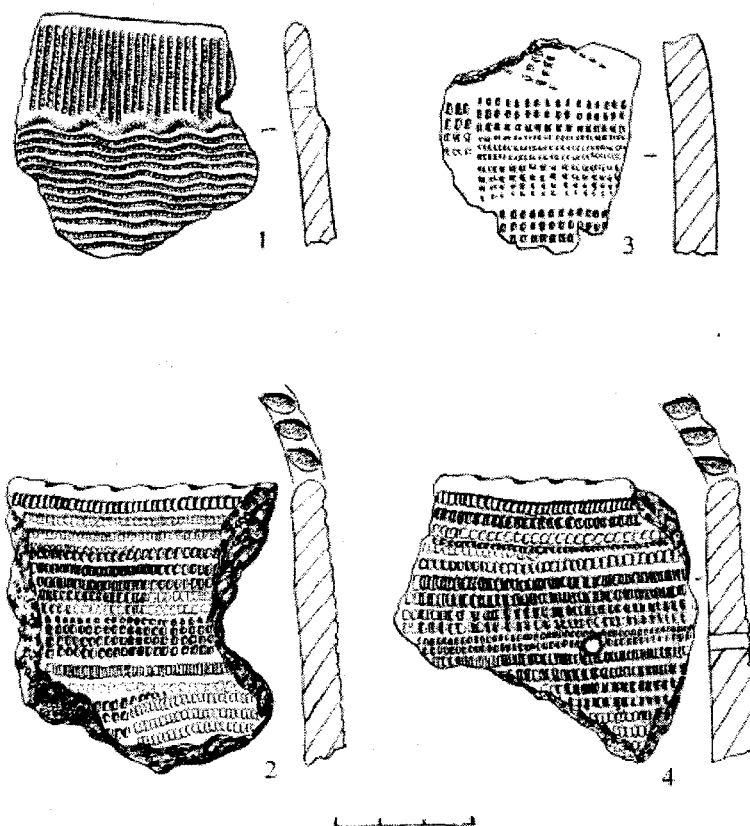

Рис. 8. Телеутский Взвоз-I. Фрагменты от керамических сосудов эпохи ранней бронзы, найденные при раскопках курганов монгольского времени №11 (3, 4) и №12 (1, 2)

Тем не менее удалось обозначить их более или менее точное месторасположение по оставшимся крупным фрагментам и мелким скоплениям. Один из сосудов удалось графически полностью реконструировать (рис. 6). Судя по высоте обнаруженных горшков, по глубине залегания и характеру их развалов, можно свидетельствовать о том, что установленные емкости располагались близко от уровня той поверхности, которая была в эпоху ранней бронзы. Не исключено, что верхние края сосудов частично выступали из земли. Подобные единичные случаи нахождения

отдельного сосуда или скопления керамики были ранее зафиксированы на могильниках Староалейка-II (рис. 2-2) и Цыганкова Сопка-II [10, с. 111, 115]. Такая же характерная ситуация отмечена на памятнике Ростовка, где керамические сосуды и ряд вещей помещались в межмогильном пространстве [29]. Аналогичные данные зафиксированы на могильнике Сопка-II [30]. Однако в указанных примерах связь с конкретными погребениями отмечена не была.

На памятнике Телеутский Взвоз-I в раскопе кургана №11, датируемого монгольским временем, обнаружены нижняя часть «елунинского» сосуда (рис. 7.-2) и другие фрагменты керамики (рис. 8.-3, 4). Основываясь на этих находках, можно уже целенаправленно выявить очередную группу захоронений эпохи ранней бронзы. Отдельные фрагменты и скопления керамики елунинской культуры встречались в других раскопах (рис. 8.-1, 2).

Имеющиеся исследовательские заделы на памятниках Телеутский Взвоз-I и Староалейка-II требуют дальнейших изысканий с учетом выявленных закономерностей и особенностей погребально-поминальных комплексов эпохи ранней бронзы. Планомерные и масштабные раскопки создадут прочную основу для дальнейшей характеристики елунинской культуры.

Некоторые интересные планиграфические наблюдения удалось провести и на памятнике Цыганкова Сопка-II. Там основная часть раскопанных могил (7 из 11) располагалась в ряд, вытянутый с ЮЮВ на ССЗ. Остальные исследованные погребения находились к востоку или северо-востоку от них. Сравнительный анализ выявленных групп (по количеству погребенных, их ориентации и положению) показал, что могилы основного ряда помимо одиночных захоронений содержат и коллективные. Умершие, за исключением одного случая, имели положение скорченно на левом боку, головой на восток или северо-восток. Во всех захоронениях, находившихся за пределами основной цепочки, обнаружены одиночные погребения людей, уложенных на правый бок головой на ЮВ или ЮЗ. В данном случае планиграфически демонстрируется зависимость ориентации и положения умерших людей от расположения могилы относительно основной цепочки.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы по елунинской культуре позволяют отметить еще ряд данных планиграфического характера. Однако это корректно будет сделать при полной публикации материалов проведенных раскопок. Задача данной статьи заключалась в том, чтобы привлечь внимание к необходимости проведения планиграфического анализа, как обязательной составляющей археологического исследования.

В заключение необходимо все же подчеркнуть, что все рассматриваемые могильники полностью не раскопаны и дальнейшие полевые работы позволят скорректировать имеющиеся выкладки. Однако уже на данном этапе изучения выявленные особенности в расположении памятников, могил и других объектов эпохи ранней бронзы позволяют приступить к решению вопросов хронологии, социальной структуры и мировоззренческих представлений населения, оставившие погребально-поминальные комплексы, обозначенной елунинской культуры.

Работа выполнена по гранту Минобразования РФ Г00-1.2-298.

Примечания

1. Тишкин А.А., Грушин С.П. Комплекс разнокультурных археологических объектов на памятнике Телеутский Взвоз-I в Алтайском Приобье // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. Т. III.
2. Казаков А.А. Пространственные данные поселений как источник по реконструкции // Поселения: Среда, культура, социум. СПб., 1998.
3. Елин В.Н. Использование планиграфического метода для определения относительной хронологии памятников предтюрокского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1990.
4. Васютин А.С. Особенности планировочной структуры грунтовых погребений Агофоново-I // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: Теория методика, интерпретация. Кемерово, 1997.
5. Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Восточной Европы как памятник социальной истории. Археологические изыскания. СПб., 1993. №8.
6. Бобров В.В. Социологические реконструкции в археологии и метод планиграфии // Новейшие архе-

ологические и этнографические открытия в Сибири: Мат. IV Годовой итоговой сессии ИАиЭт СО РАН. Декабрь 1996 г. Новосибирск, 1996.

7. Илюшин А.М. Планиграфия могильника Пазырык // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992.

8. Епимахов А.В. Погребальные памятники синташтинского времени (архитектурно-планировочное решение) // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Челябинск, 1995. Ч. 1. Кн. 1.

9. Николаев Н.Н. Планиграфия курганов-кладбищ могильника Кокэль, как хронологический признак // 100 лет гуннской археологии. Улан-Удэ, 1996.

10. Кирюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987.

11. Бородаев В.Б., Кунгуров А.Л. Новые материалы к археологической карте Барнаульского Приобья // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980.

12. Зах В.А. Погребение кротовской культуры у с. Ордынское // Сибирь в древности. Новосибирск, 1979.

13. Зах В.А. Новые исследования памятников у с. Ордынское // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск, 1983.

14. Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкин А.А. Новые памятники эпохи ранней бронзы на территории Алтайского края и перспективы их исследования // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Мат. IV Годовой итоговой сессии ИАиЭт СО РАН. Декабрь 1996 г. Новосибирск, 1996.

15. Казаков А.А., Тишкин А.А. Результаты раскопок в Барнаульском Приобье // Археологические открытия 1996 года. М., 1997.

16. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Погребально-поминальный комплекс эпохи ранней бронзы на памятнике Телеутский Взвоз-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы VI Годовой итоговой сессии ИАиЭт СО РАН. Декабрь 1998 г.). Новосибирск, 1998.

17. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Краткие итоги археологического изучения памятников эпохи ранней бронзы Березовая Лука и Телеутский Взвоз-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат. VII Годовой итоговой сессии ИАиЭт СО РАН. Декабрь 1999 г. Новосибирск, 1999.

18. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Находки свинца при исследованиях памятников эпохи ранней бронзы в предгорно-равнинной части Алтайского края // 300 лет горно-геологической службе России: история горнорудного дела, геологическое строение и полезные ископаемые Алтая. Барнаул, 2000.

19. Бородаев В.Б. Археологические памятники в районе г. Барнаула // 250 лет горного производства на Алтае. Барнаул, 1977.

20. Бородаев В.Б., Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Археологические памятники на территории Барнаула // Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул, 1983.

21. Уманский А.П. Находки эпохи бронзы Верхнего Приобья // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992.

22. Фролов Я.В. Древние памятники Усть-Пристанского района // Нижнее Причарышье: Очерки истории и культуры. Ползуновские чтения. Барнаул; Усть-Пристань, 1999.

23. Тишкин А.А., Грушин С.П. Материалы эпохи ранней бронзы с памятника Молоково-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI.

24. Уманский А.П. Находка 1961 г. из Нижней Суетки // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. Вып. IV.

25. Могильников В.А., Уманский А.П., Шемякина А.С. Баевские курганы // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V. Ч. 2.

26. Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово). Барнаул, 2000.

27. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Начало раскопок поселения эпохи ранней бронзы Березовая Лука в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат. V Годовой итоговой сессии ИАиЭт СО РАН. Новосибирск, 1997. Т. III.

28. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Реконструкция системы жизнедеятельности населения эпохи ранней бронзы в лесостепном Алтае // Поселения: Среда, культура, социум. СПб., 1998.

29. Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988.

30. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ В ЭПОХУ РАННЕЙ БРОНЗЫ

К настоящему времени в Верхнем Приобье известно более 10 могильников эпохи ранней бронзы: Комсомольский Мыс, Поселковая, Елунино-I, Староалейка-II, Цыганкова Сопка-II, Елбанка, Волчий Мыс, Бураново, Телеутский Взвоз-I, Ордынское-I [1, с. 229–230; 2, с. 31–32; 3, с. 59–61; 4, с. 73–92; 5, с. 7–30; 6, с. 100–125; 7, с. 18–27; 8, с. 51–55; 9, с. 116–119; 10, с. 250–252; 11, с. 391–396]. Могильники изучены очень не равномерно, наиболее полно – Телеутский Взвоз-I (34 погребения), Староалейка-II (23 погребения), Цыганкова Сопка-II (11 погребений), Елунино-I (три погребения). На остальных могильниках раскопано по одному захоронению или материал представлен сборами из разрушенных погребений. Две могилы исследованы на поселении Озерки Восточные. В общей сложности, к настоящему времени в Верхнем Приобье опубликованы материалы 48 погребений. Остальные пока не введены в научный оборот. Данная источниковая база позволяет перейти на уровень реконструкции некоторых элементов погребального обряда населения, оставившего эти комплексы.

Картография и планиграфия погребальных комплексов эпохи ранней бронзы свидетельствуют о том, что при выборе места для устройства могильников древнее население выбирало господствующие мысы, как правило, на коренном левом берегу р. Обь, с которых открывается панорамный вид на пойму. Некоторые могильники использовались как культовые места, где производились погребальные, поминальные и другие обряды (подробно о планиграфии могильников этого времени см. на стр. 40–48 в настоящем сборнике, а также [10, с. 250; 12, с. 53–60]).

В некоторых могилах на памятниках Староалейка-II и Телеутский Взвоз-I зафиксированы остатки погребальной камеры [4, с. 81; 9, с. 116]. Конструкция состояла из деревянной рамы и продольного перекрытия, которое сооружалось из плах, уложенных в могиле продольно. Сверху на плахи помещали бересту [9, с. 116]. Погребальная камера сооружалась, вероятнее всего, прямо в могиле, об этом свидетельствуют специально оставленные для удобства земляные приступки [9, с. 116], или могильную яму преднамеренно делали больших размеров, чтобы оставить место для изготовления погребальной камеры [10, с. 252].

Умерший человек укладывался на специально изготовленную подстилку. Веточки, камыш или плашки шириной до 2 см помещались продольно на дно могилы, на них укладывалась береста [10, с. 251]. В некоторых случаях, перед тем как уложить тело умершего на приготовленную подстилку, на нее посыпалась зола. Такой факт зафиксирован в могиле №10 на Телеутском Взвозе-I [10, с. 252]. Это объясняется, вероятно, верой в очистительную функцию подобной погребальной практики.

Анализ общего количества погребенных, у которых удалось определить ориентацию по сторонам света, показал, что в подавляющем большинстве случаев умерших укладывали головой на восток и северо-восток – 80,6% (за 100% из опубликованных материалов был взят 41 погребенный). В четырех случаях (9,7%) умершие были ориентированы головой на юго-запад, 7,3% погребенных (три случая) – на юго-восток. В могиле №2 на Озерках Восточных умерший был ориентирован головой на северо-запад (2,4%). Отмечены случаи, когда в одном коллективном погребении умершие были ориентированы в разные стороны света (например, в могиле №2 на Цыганковой Сопке-II [6, с. 114] пара умерших была ориентирована головой на восток, другая пара – на юго-запад).

На основе имеющихся данных можно судить, что преобладает положение погребенных на левом боку, с согнутыми ногами. В такой же позе, но на правом боку известно семь случаев. Еще одним характерным для погребального обряда племен эпохи ранней бронзы на рассматриваемой территории является положение на спине с согнутыми в коленях и повернутыми влево ногами (девять зафиксированных фактов). Пока не отмечено ни одного случая, когда такое положение костей ног погребенного можно было бы рассматривать как завалившееся, а первоначальную их позу определять как согнутые и поднятые вверх коленями. Хотя полностью исключать такое первоначальное положение нельзя, однако, вероятнее всего, умерший укладывался на спину предна-

мерно с подогнутыми ногами влево. Иначе сложно объяснить, что в девяти случаях ноги зава-
лились влево и нет вариантов, когда – вправо. О том, что левая сторона в представлении людей
изучаемой культуры играла важную роль, говорит и тот факт, что у всех умерших, которые были
уложены на спину, не только подогнутые в коленях ноги, но и голова была повернута влево.

Положение рук умерших очень разнообразно:

- согнутые в локтях, кисти – у лица;
- полусогнуты, кисти – в районе пояса;
- согнутые в локтях, кисти – на груди;
- одна рука вытянута под углом к туловищу, другая согнута в локте, кисть – у лица;
- вытянуты, кисти – между ног;
- руки одного погребенного обнимают другого.

Определить, чем диктовался выбор того или иного положения умершего при погребении на
данном этапе изучения, пока сложно. Возможно, это было связано с различными причинами смерти,
с половозрастными особенностями или другими причинами.

Население в исследуемый период практиковало вторичные захоронения. Они обнаружены в
двух вариантах:

- кости умершего в беспорядке лежат в могиле небольшой кучкой – могила №42, Старо-
алейка-II [6, с. 107];
- кости умершего лежат в беспорядке по всей площади погребения – могилы №6, 51, 53, 65,
Староалейка-II [6, с. 105, 109, 111].

До погребения тело умершего помещалось на специально сооруженный над могилой погребаль-
ный помост (реконструкция Ю.Ф. Кирюшина погребального обряда, совершенного в могиле
№6 на могильнике Староалейка-II [6, с. 105]), после разложения связок останки укладывались в
могилу под настилом. В первом случае они помещались сначала в мешок, который затем клали в
могилу, во втором – беспорядочно ссыпались.

Отсутствие признаков (столбовые ямки по углам на дне могильной ямы) подобного настила в
других случаях вторичного погребения не исключает другого способа первоначального захоро-
нения умершего.

В отдельных случаях сложно определить некоторые погребения как вторичные захоронения
останков, поскольку ряд признаков ограбления или осквернения совпадает с характеристиками
вторичного погребения [13, с. 14–16]. Тем не менее факты ограбления или осквернения, как нам
кажется, определяются, во-первых, наличием костей человека в заполнении могильной ямы и, во
вторых, сочетанием костей человека *in situ*, расположенных по канонам погребального обряда, с
беспорядочным положением других костей скелета или их отсутствием. Так, в некоторых погребениях
фиксируются нетронутые кости ног в подогнутом и наклоненном влево положении, осталь-
ные кости скелета лежат в беспорядке (могилы №2, 3, Староалейка-II) [4, с. 81–83]. Как ограбление,
вероятно, следует интерпретировать случаи, когда в беспорядке находились только ко-
сти ног (могила №64, Староалейка-II) [6, с. 109].

Некоторые исследованные могилы дают основания трактовать их как результат многоакто-
вой погребальной деятельности. Такие факты периодических подзахоронений фиксируются в не-
скольких вариантах:

- коллективное погребение, в котором кости одного человека лежат в полном анатомическом
порядке, а останки других – в беспорядке [9, с. 117]. Такие случаи свидетельствуют о том, что при
очередном подзахоронении останки предшественников сдвигались в сторону, костяк последнего
по времени погребенного человека оказался нетронутым;
- подзахоронение не нарушало останков предшественников, признаком многоактового дей-
ствия в этом случае выступает наличие гумусированных прослоек мощностью 1–3 см между ос-
танками людей в одном погребении (могила №1, Староалейка-II) [4, с. 79]. Вероятно, такие факты
говорят также и об отсутствии погребальной камеры.

На могильнике Староалейка-II исследовано четыре кенотафа (могилы №17, 70–72), представ-
ляющие собой неглубокие (0,3 м) ямы, в которых не зафиксированы остатки умерших [4, с. 105].
Важно отметить, что рассматриваемые объекты входят в одну планиграфическую группу с реаль-
ными погребениями [6, с. 111]. Никакого инвентаря, кроме металлической бусины в могиле №70,

в кенотафах не обнаружено. Могильные ямы №70–72 имеют небольшие размеры (0,4х0,15 м), что позволяет их трактовать как детские погребения, в которых по объективным причинам не сохранились останки [6, с. 111]. Поэтому, вероятнее всего, мы имеем дело с фиктивными кенотафами [14, с. 24]. Возможно, исключение составляет могила №17, которая имеет стандартные размеры для взрослого человека и где были зафиксированы охра и угли [6, с. 105].

Раскопки поселений эпохи ранней бронзы (Колыванское-I, Березовая Лука) позволили говорить о многоотраслевом хозяйстве населения, оставившем эти памятники, где важную роль играло скотоводство. Население занималось преимущественно разведением овец, лошадей, крупного рогатого скота [15, с. 22–26; 16, с. 52–55; 17, с. 75–80]. На могильниках рассматриваемого периода встречается большое количество костей этих животных, что можно трактовать как остатки тризны, а наличие костных остатков в погребениях – как заупокойная пища. В исследуемый период захоронения лошади с человеком до настоящего времени не известны. Однако в одном погребении на Телеутском Взвозе-I в центре погребальной камеры обнаружен череп лошади [9, с. 117]. Такой факт, как отмечают В.В. Бобров и В.С. Горячев, не может трактоваться как остатки тризны, а символизирует целое животное [18, с. 184]. Поэтому зарождение традиции использования лошади и других животных в погребальном обряде на территории Верхнего Приобья следует отнести не ко времени существования андроновской культуры [18, с. 182–186], а к предшествующему периоду (елунинская культура). О важной роли, которую в этот период играл в религиозной жизни образ лошади и барана, говорит культовая символика. Изображения лошади, барана или их голов присутствуют на навершиях культовых ножей (Елунино-I [6, рис. 4]; Ростовка [19, рис. 60-2]) и на каменных жезлах (Восточный Казахстан, Алтай [20, с. 64; 21, рис. 21]).

Огонь являлся важным элементом в погребальном обряде населения Верхнего Приобья в эпоху ранней бронзы [22, с. 63], о чем свидетельствуют многочисленные следы огня в погребениях этого времени: угли, обгорелые остатки погребальной камеры, обожженная глина в могилах и т.д. [6, с. 100; 9, с. 116; 10, с. 251–252]. Можно выделить два варианта использования огня в погребальной практике:

1) сожжение на стороне с последующим погребением праха в могиле (могила №22 на Староалейке-II) [6, с. 100].

2) обожжение умершего в могиле, когда огонь разводился на перекрытии погребальной камеры или возле могилы (в последнем случае костер сваливали в могилу). В этом случае кости умершего лишь частично повреждены огнем. Разведенный костер засыпался землей, об этом говорят отмеченные случаи обугливания берестяной подстилки, которое было возможным без доступа кислорода. Археологическими фактами, указывающими на совершение подобной погребальной практики, являются: наличие сожженных остатков от деревянной камеры; мощных (до 0,2 м) прокалов по периметру могильной ямы, на ее стенках и внутри погребения; обугленные и кальцинированные кости человека. Костер разводился на перекрытии после того, как тело умершего было уложено в камеру по всем канонам погребального обряда, что четко фиксируется при раскопках.

На всех исследованных могильниках этого времени присутствуют погребения с охрой – отдельные кусочки; следы охры на отдельных костях, костяки, полностью окрашенные охрой (могилы №3, 17, 18, 25, 51, 63–65, Староалейка-II) [6]; окрашенное древко стрелы охрой (Ордынское-I) [2, с. 31]. На могильнике Телеутский Взвоз-I в одном исследованном погребении зафиксирована меловая подсыпка [9, с. 117].

Широко в погребальной практике елунинских племен были распространены обрядовые действия с головой умершего. На материале исследованных погребений можно выделить несколько вариантов подобной практики:

– наличие черепа человека в отдельном погребении. Могильные ямы таких погребений имеют малые размеры, другие – стандартные, рассчитанные на длину тела умершего человека. Интересное захоронение было выявлено в могиле №63 на могильнике Староалейка-II, где были захоронены два человеческих черепа, засыпанные охрой, а между ними была обнаружена нижняя челюсть лошади [6, с. 109];

– захоронения черепов людей в канавках на дне могилы. Показательным в этом отношении является погребение №6 на могильнике Староалейка-II. Здесь были захоронены части

скелетов 3–4 взрослых, 3–4 детей, скелет ребенка 7–8 лет. В заполнении могилы встречены два человеческих черепа, в канавках на дне могилы – восемь черепов взрослых людей. В общей сложности здесь зафиксированы останки 17–19 человек [6, с. 105];

– в некоторых случаях черепа были захоронены не на дне могилы, а на уровне материка или в заполнении могильной ямы до деревянного перекрытия [9, с. 117]. Важно отметить, что большинство захоронений черепов, независимо от конкретных условий погребения, объединяет положение черепа на основании, что в некоторых случаях и позволяет трактовать их как обрядовые захоронения, а не как результат ограбления или осквернения. Аналогичные факты отмечены на могильнике Сопка-II в Барабе [23, с. 81]. Захоронение черепов взрослых людей, поставленных на основание поверх погребения ребенка, отмечено в могиле №14 памятника Маринка в Восточном Казахстане, который относится к раннему периоду андроновской культуры [24, с. 53–55]. Важно отметить, что в трех описанных случаях захоронение черепов сопровождало погребение ребенка. Остатки ритуальных действий с головой умершего отражают сложную картину мировоззренческих представлений населения, оставившего рассматриваемые памятники, и несомненно перспективность комплексного археолого-этнографического изучения данной проблематики.

Из опубликованных 48 погребений 20 могил были безынвентарными. Среди найденного погребального инвентаря можно отметить сосуды, как правило, баночной формы, небольших размеров, они были обнаружены в 9 случаях. Сосуд помещался в районе головы в 5 погребениях, в ногах – в 4. Расположение инвентаря в могиле очень разнообразно. С умершим помещались стрелы с костяными, каменными и металлическими наконечниками, в одном из исследованных погребений на Телеутском Взвозе-I найден фрагмент деревянной томары [9, с. 118]. Бронзовый инвентарь представлен сейминско-турбинскими выгнутообушковыми ножами с орнаментированной рукояткой и со скульптурным или кольцевым навершием, хозяйственными ножами небольших размеров, четырехгранными шильями с деревянной рукояткой и чехлом [10]. Среди каменного инвентаря можно отметить песты, оселок, коленчатый подшлифованный нож с выраженной рукояткой, каменные диски. В одной из могил на Телеутском Взвозе-I обнаружено 14 астрагалов барана, 10 из которых подшлифованны с одной стороны, остальные – с другой [9, с. 117].

Как видно из сказанного, погребальный инвентарь племен эпохи ранней бронзы Верхней Оби отличается разнообразием, в основном преобладают охотничий инвентарь и оружие. Важная деталь погребального обряда, по сравнению с предшествующим и последующим периодами, населения эпохи ранней бронзы – это небольшое количество украшений, найденных в погребениях. Среди них можно отметить металлические серьги в полтора оборота, обнаруженные, преимущественно, в детских захоронениях, и браслет из пастовых бусин [6, с. 111; 9, с. 117; 11, с. 391].

Такой элемент погребального обряда, как сооружения погребений на поселении, зафиксирован в культурном слое поселения Озерки Восточные, где выявлены два захоронения взрослых людей. Границы могильных ям не фиксировались. Останки одного погребенного были захоронены по традиционному обряду (на левом боку, с согнутыми ногами), однако ориентация головой на северо-запад не характерна для захоронений изучаемого периода.

Традиция сооружения погребений на поселениях уходит своими корнями в погребальную практику населения раннеземледельческих культур VIII–VII тыс. до н.э. в Северной Месопотамии [25].

Подводя итог, в погребальном обряде населения Верхнего Приобья в эпоху ранней бронзы можно отметить следующие характерные элементы: группировка погребений на могильном поле рядами; грунтовые погребения; сооружение внутримогильных конструкций; преобладание положения умерших на левом боку с подогнутыми ногами и на спине с согнутыми в коленях ногами и повернутыми влево; использование животных и их частей в обрядовой погребальной практике в качестве заупокойной пищи и, возможно, в качестве жертвоприношений; зарождение традиции захоронения лошади с человеком; большая роль огня и охры в погребальной практике; захоронение отдельно головы человека; совершение погребений на поселениях; вторичные захоронения в разных вариациях, периодические подзахоронения и некоторые другие.

Разнообразие элементов, зафиксированное в исследованных погребальных комплексах, говорит о формировании сложной религиозной картины мира у населения, проживающего на территории Верхнего Приобья в эпоху ранней бронзы. Во многом это связано с наличием металлур-

гии и производящего хозяйства, где основную роль играло разведение мелкого и крупного рогатого скота, лошадей; сложным многокомпонентным характером формирования культуры данного населения [6, с. 116]. Кроме того, племена Верхней Оби во 2-й четверти II тыс. до н.э. находились на восточной периферии синташтинско-петровской общности [26, с. 24], которая идентифицируется рядом исследователей с древними индоиранцами [27; 28, с. 9; 29, с. 65]. В евразийских степях в этот период происходят значительные изменения в социально-экономической, политической и духовной жизни. С этого времени начинается миграция индоиранских племен в восточные и южные районы, в результате чего отдельные элементы культуры мигрантов оказали большое влияние на соседние культурные образования [27; 28, с. 6; 30, с. 14; 31, с. 4]. Не исключено, что ряд черт в погребальном обряде населения Верхнего Приобья в рассматриваемый период является проявлением их культурных контактов с индоиранскими племенами синташтинско-петровской общности, что отразилось на формировании сложной религиозной картины мира и как следствие – погребального обряда.

Кроме того, елунинская археологическая культура, к которой относятся рассматриваемые погребальные комплексы, связана с возникновением и формированием сейминско-турбинской традиции в бронзолитейном производстве, что нашло свое отражение в погребальном обряде. Поэтому дальнейшим этапом в исследовании данной проблематики должно являться изучение выявленных элементов в контексте рассмотрения соответствующих характеристик других погребальных комплексов, связанных с сейминско-турбинским феноменом. Выявление общих, единичных и особенных показателей в могильниках Верхнего Приобья эпохи ранней бронзы позволит подойти к решению вопроса о месте этих памятников в системе сейминско-турбинских комплексов Северной Евразии.

Работа выполнена по гранту Минобразования РФ Г00-1.2-298.

Примечания

1. Кирюшин Ю.Ф., Шемякина А.С. Работы на оз. Иткуль // АО 1978 года. М., 1979.
2. Зах В.А. Погребение кротовской культуры у с. Ордынское // Сибирь в древности. Новосибирск, 1979.
3. Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Итоги исследования археологических памятников на оз. Иткуль // Барнаулу 250 лет: Тез. докл. Барнаул, 1980.
4. Бородаев В.Б., Кунгуров А.Л. Новые материалы к археологической карте Барнаульского Приобья // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980.
5. Бородаев В.Б., Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Археологические памятники на территории Барнаула // Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул, 1983.
6. Кирюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987.
7. Уманский А.П. Находки эпохи бронзы из Верхнего Приобья // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992.
8. Уманский А.П. Находка 1961 г. из Нижней Суетки // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая: Тез. докл. Барнаул, 1995.
9. Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкин А.А. Новые памятники эпохи ранней бронзы на территории Алтайского края и перспективы их исследования // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Тез. докл. Новосибирск, 1996.
10. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Погребально-поминальный комплекс эпохи ранней бронзы на памятнике Телеутский Взвоз-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат. VI Годовой итоговой сессии ИАЭ СО РАН. Новосибирск, 1998.
11. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Краткие итоги археологического изучения памятников эпохи ранней бронзы Березовая Лука и Телеутский Взвоз-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат. VII Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 1999 г. Новосибирск, 1999. Т. 5.

12. Тишкин А.А., Грушин С.П. Комплекс разнокультурных археологических объектов на памятнике Телеутский Взвоз-I в Алтайском Приобье // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. Т. 3.
13. Грушин С.П. К вопросу о диагностирующих признаках «вторичных» захоронений // Студент и НТП: Материалы XXXVIII МНСК. История. Новосибирск, 2000.
14. Тишкин А.А., Грушин С.П. Что такое кенотаф? // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. Вып. 2.
15. Алехин Ю.П., Гальченко А.В. К вопросу о древнейшем скотоводстве Алтая (по материалам поселения Колыванское-I) // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Челябинск, 1995. Ч. 5. Кн. 1.
16. Кирюшин Ю.Ф., Гальченко А.В., Тишкин А.А. Результаты анализа остеологического материала с поселения Березовая Лука // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Мат. конф. Барнаул, 1995. Вып. 5.
17. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Реконструкция системы жизнедеятельности населения эпохи ранней бронзы в лесостепном Алтае // Поселения: среда, культура, социум: Мат. темат. науч. конф. СПб., 1998.
18. Бобров В.В., Горячев В.С. Лошадь в погребальном обряде ирменской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998.
19. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989.
20. Леонтьев Н.Л. Каменные фигурные жезлы Сибири // Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
21. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. №88. 1960.
22. Лузин С.Ю. Особенности погребального обряда памятников доандроновской бронзы лесостепного Алтая // Научно-техническому прогрессу – творческий поиск вузов: Тез. докл. Барнаул, 1983.
23. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.
24. Ткачев А.А., Винокурова Е.И. Могильник эпохи бронзы Маринка // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. к XXXIV РАЭС. Барнаул, 1994.
25. Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М., 1989.
26. Грушин С.П. Индоиранские элементы в погребальном обряде племен I-й половины II тыс. до н.э. лесостепного Алтая // Студент и научно-технический прогресс: Мат. XXXVII МНСК. История. Новосибирск, 1999. Ч. 2.
27. Генинг В.Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. 1977. Вып. 4.
28. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей: В 2-х ч. Челябинск, 1992. Ч. 1.
29. Зданович Г.Б. Синташтинско-микенский культурно-хронологический горизонт: Степи Евразии и элладский регион в XVIII–XVI вв. до н. э. // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Челябинск, 1995. Ч. 5. Кн. 1.
30. Ашихмина Л.И. К проблеме древних контактов индоевропейцев и финно-угров в Северном Приуралье (II тыс. до н. э.) // Россия и Восток. Проблемы взаимодействия. Челябинск, 1995. Ч. 5. Кн. 1.
31. Ковалева В.Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: Поселение Ташково-II. Екатеринбург, 1997.

А.Л. Кунгуров, Д.В. Папин

МОГИЛЬНИК-5 АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА МАЛЫЙ ГОНЬБИНСКИЙ КОРДОН-I

Малый Гоньбинский Кordon-I (МГК-I) – крупный останец коренного правого берега Оби, расположенный напротив пригорода Барнаула с. Гоньба. Размеры останца около 1 км по линии Ю–С и 0,5–0,6 км по линии З–В (рис. 1). Первые находки были сделаны в 1977 г. А.Л. Кунгуровым и В.Б. Бородаевым. В этом же году провел обследование Ю.Ф. Кирюшин, раскопавший три погребения VI в. до н.э., в 1982 г. работы продолжили М.Т. Абдулганеев и А.Л. Кунгуров. В 1997 г. исследование комплекса возобновилось авторами статьи.

Останец имеет подтреугольную форму, ориентированную острым углом на юг. Высота южной оконечности достигает 10 м, к северу она снижается до уровня поймы, поперек останца вытянуты гривы (З–В), разделенные лощинами. Памятники приурочены прежде всего к оконечностям грив, выходящих к краю останца в виде высоких мысов, так как глубина лощин в этом месте увеличивается (рис. 1–2). Всего на останце известно восемь археологических объектов: Поселение 1 – III–II вв. до н.э.; Могильник-1 – VI в. до н.э.; Могильник-2 под Поселением-I (могилы одиночской, староалейской и большереченской культуры); Поселение-2 – V–III вв. до н.э.; Могильник-4 – VI–V вв. до н.э.; Поселение-3 – VIII вв. до н.э.; Могильник-5 – X–II вв. до н.э. (разновременный) [1, с. 267–272].

Цель нашей статьи – введение в научный оборот материалов раскопок и Могильника-5, полученных авторами в полевых сезонах 1997–1998 гг.

Могильник-5 МГК-I обнаружен на крайней северной гриве останца размерами 400х100 м. Высота гривы от уровня поймы 8 м, от выделяющих ее лощин 4–5 м (рис. 1–2). Общая вскрытая площадь на сегодняшний момент составляет 588 кв. м. На изученной площади зафиксированы комплексы погребений разных эпох, ритуальное сооружение, возможно, эпохи энеолита–ранней бронзы [2, с. 61–64] и угол постройки (рис. 2). Ритуальное сооружение (рис. 2) представляет собой незамкнутый ров, охватывающий прямоугольник размерами 5х5 м. Ширина рва 0,5–0,7 м, глубина от древней поверхности 0,3–0,6 м, в заполнении найдены мелкие фрагменты керамики, украшенные оттисками качалки, и кости животных, а также обломки позднебронзового сосуда (рис. 5–14). Рядом с сооружением, внутри и снаружи фиксировались мощные прокалы [1].

На площади раскопа обнаружено 21 погребение. Могилы с первой по пятую датируются ранним железным веком. К периоду поздней бронзы относятся остальные.

Могила 1. Яма овальной формы, размерами, предположительно, 1,11х0,3 м и глубиной 0,07 м от материка, ориентирована по оси СЗ–ЮВ. На дне вытянуто на спине, головой на СЗ, лежал скелет ребенка 6–7 лет. Справа от черепа острием к СЗ лежал костяной черешковый наконечник стрелы.

Могила 2. Яма овальной формы размерами 3,1х0,65–1 м и глубиной 1,6 м от материка, ориентирована по оси ЮЗЗ–СВВ. На дне вытянуто на спине, головой на ЮЗЗ, лежал скелет женщины 40–45 лет. В заполнении могилы темно-серого цвета с вкраплениями древесного угля на глубине 0,3–0,4 м встречены череп и кости женщины 50–55 лет и ребенка 5–7 лет. По-видимому, это остатки первоначального захоронения, которое было вскрыто для организации новой могилы. Этим объясняется значительная длина и особенности погребальной конструкции. Первоначальный контур ямы имел размеры 2,48х1,04 м и сохранялся до глубины 1,29–1,39 м. Затем ширина ямы сузилась до 0,5 м и вдоль продольных стенок образовались уступы шириной до 0,2–0,25 м. В то же время длина ямы была увеличена подбоями с торцов: ЮЗЗ – 0,32 м; СВВ – 0,3 м. Таким образом, длина могилы по дну составляет 3,1 м. Под первоначальным контуром на глубине 1,29–1,39 м от материка была устроена погребальная конструкция из 24 поперечных досок-горбылей, опирающихся на продольные уступы и из 10–12 продольных бревен диаметром до 0,09–0,1 м. Впоследствии вся эта конструкция рухнула во внутрь погребальной камеры высотой от дна могилы 0,54–0,44 м. Реконструкция этого погребального сооружения представлена на рисунке 7.-1. В головах умершей женщины стоял сосуд (рис. 7.-3), за правой ногой найдено каменное плоское пряслице (рис. 7.-6).

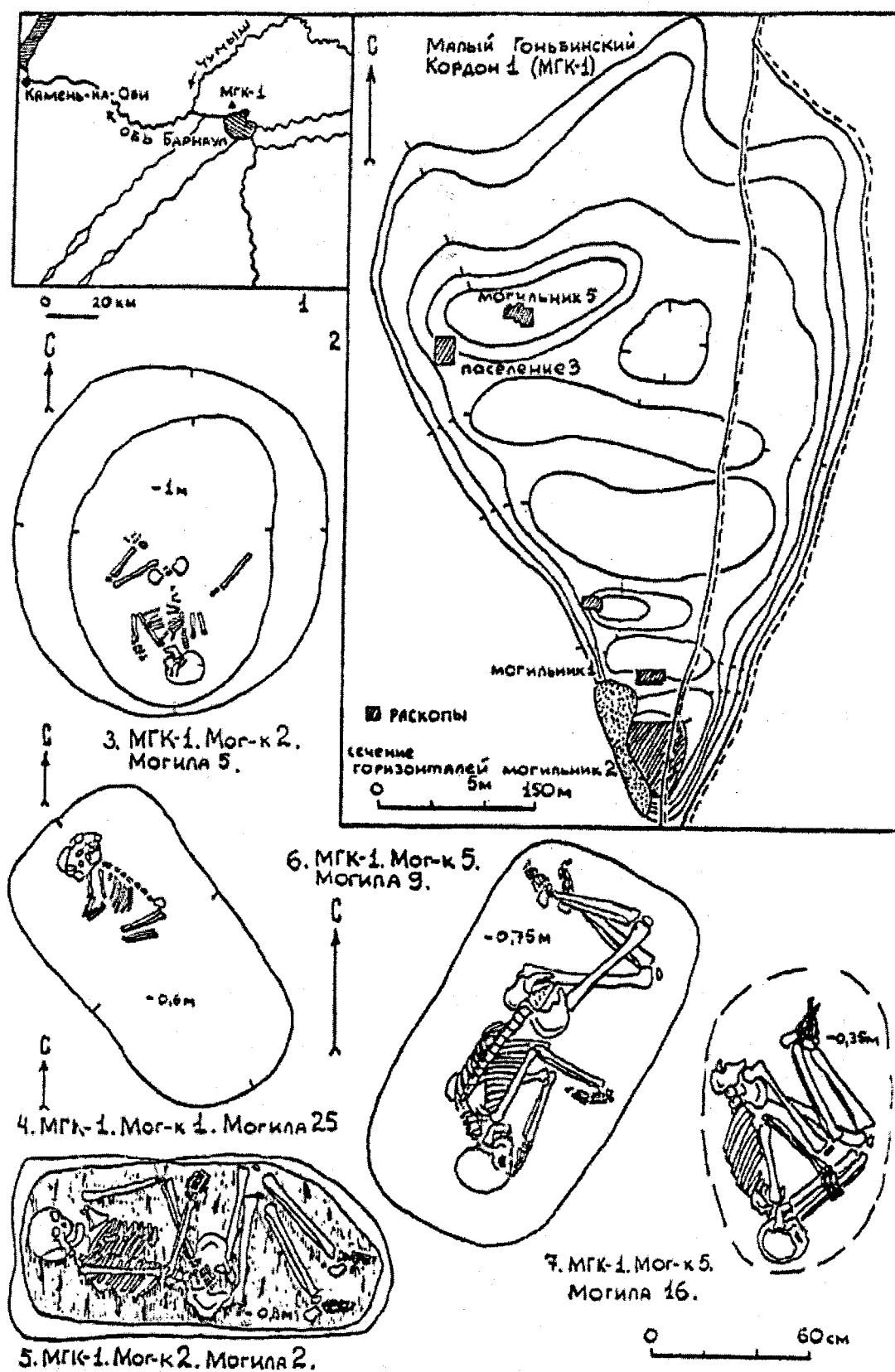

Рис. 1. Расположение МГК-1 (1, 2) и безынварные погребения
могильников 1 (4), 2 (3, 5) и 5 (6, 7)

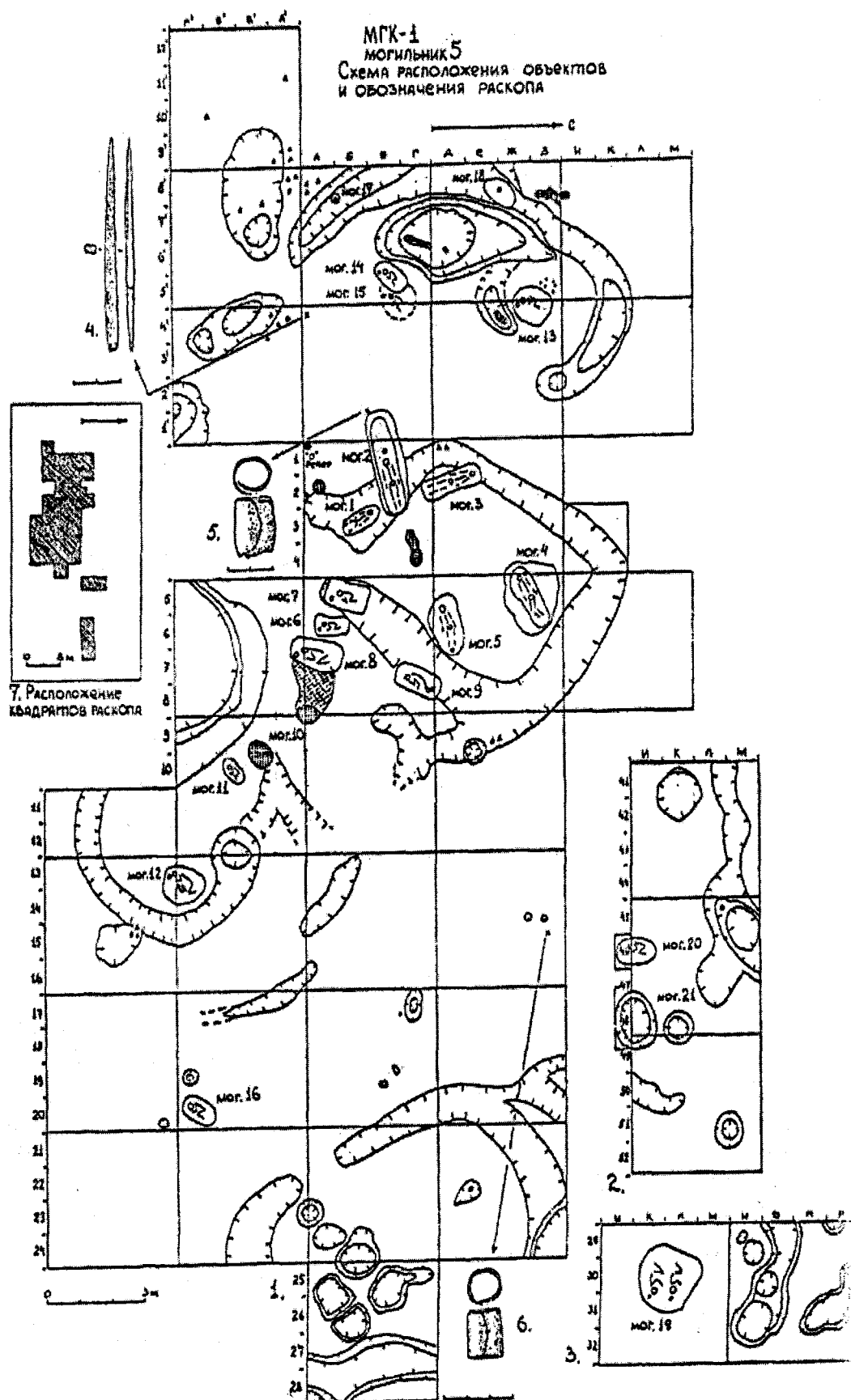

Рис. 2. МГК-1. Могилиник-5. Схема расположения объектов и обозначения раскопа

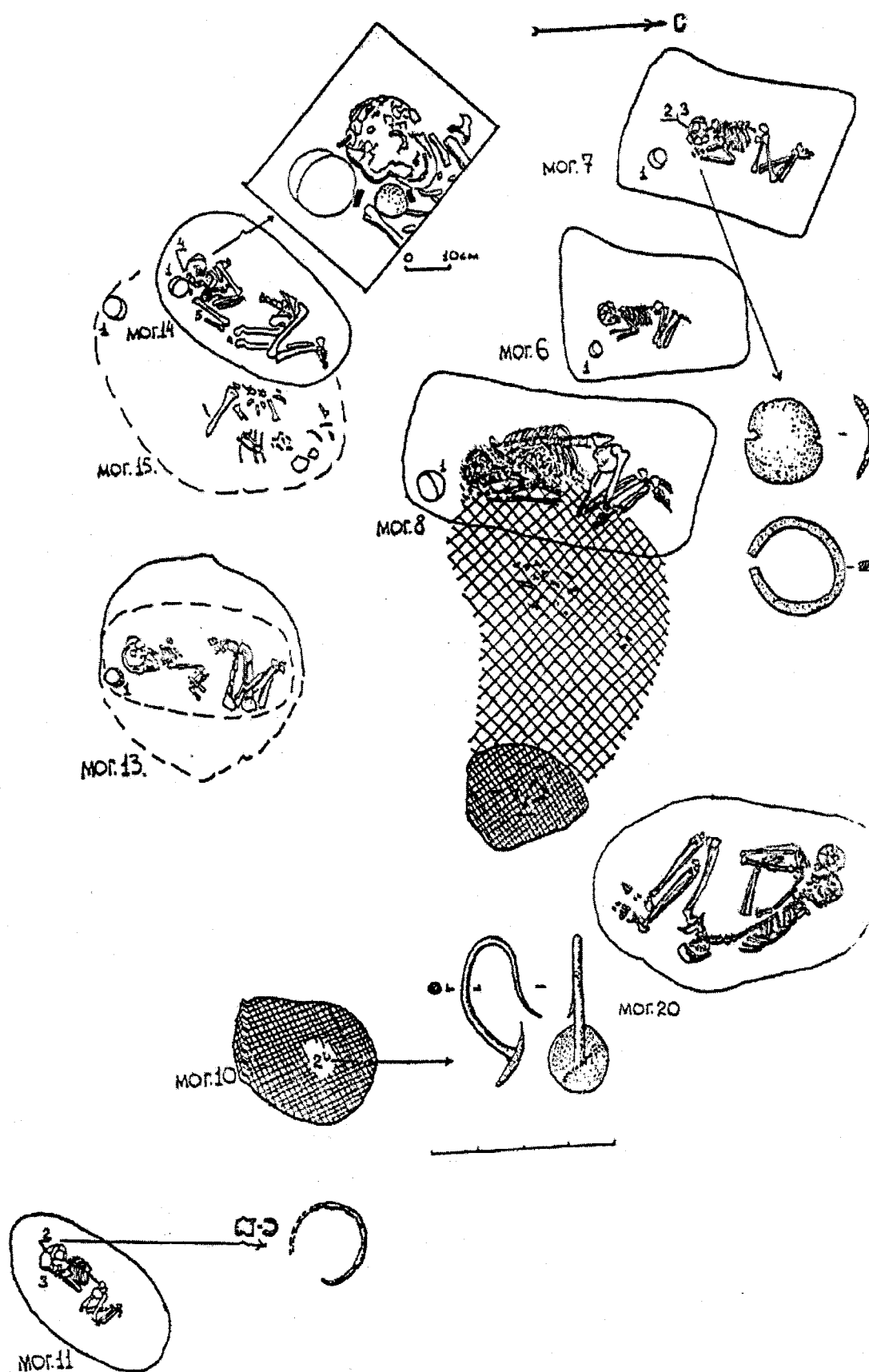

Рис. 3. Ирменские погребения Могильника-5 МГК-1 (могилы 7, 6, 8, 10, 11 составляют ряд)

Могила 3. Яма подпрямоугольной формы со скругленными углами размерами 1,87х0,62–0,67 м и глубиной 0,42 м от уровня материка, ориентирована по оси ССЗ–ЮЮВ. Перекрытие не прослежено. На дне вытянуто на спине, головой на ССЗ, лежал скелет женщины 18–20 лет. Кротовиной были нарушены шейные позвонки, из-за чего третий и четвертый оказались в районе левой руки и правой бедренной кости умершей. За черепом лежали позвонки курдючной части и крестец молодого барана.

Могила 4. Яма неправильной овальной формы размерами 2,2х1,65–1,2 м и глубиной 0,61 м от уровня материка, ориентирована по оси ЮЗ–СВ. Как и у могилы 2, неровность контура связана с вторичным подхоронением. На глубине 0,1–0,2 м от материка в СВ углу ямы найдены череп и кости женщины 25–30 лет. Первоначальный контур на глубине 0,19–0,2 м сузился до размеров 1,97х0,6–0,6 м, при этом получились достаточно широкие уступы по периметру могилы (северо-западный имел ширину до 0,7 м, остальные – от 0,05 до 0,2 м. На дне вытянуто на спине, с небольшим завалом ног и черепа вправо, лежал скелет мужчины 35–40 лет. Никаких следов перекрытия не фиксировалось. Слева от головы находился небольшой сосуд на поддоне, украшенный рядами косых насечек (рис. 7.-2), справа – кость барана в сочленении с астрагалом. В заполнении встречались крошки древесного угля.

Могила 5. Яма овальной формы размерами 1,6х0,9 м и глубиной 0,3 м от уровня материка, ориентирована по оси ЮЗ–СВ. Заполнение интенсивно черного цвета, насыщено древесным углем. Перекрытие не прослежено. На дне вытянуто на спине, с небольшим изгибом верхней части тела вправо, лежал скелет женщины 25–30 лет. Справа от стоп находился небольшой сосуд (рис. 7.-4), на черепе – бронзовая булавка (рис. 7.-5), справа от плеча – бедренная кость барана.

Могила 6 (рис. 2; 3). Подпрямоугольная яма с небольшим расширением в южной части размерами 1х0,6 – 0,77 м и глубиной 0,3 м от материка. Заполнение темно-серого цвета, насыщено древесным углем. На дне скорченно на правом боку, головой на юг, лежал скелет ребенка 7–9 лет. Кисти рук перед лицом, справа от черепа стоял сосуд (рис. 5.-13).

Могила 7 (рис. 2; 3). Прямоугольная яма размерами 1,25х0,8 м и глубиной 0,26 м от уровня материка, ориентирована по оси ЮЮЗ–ССВ. Заполнение серого цвета, насыщено древесным углем. На дне скорченно, на правом боку, головой на ЮЮЗ, лежал скелет ребенка 7–9 лет. Кисти рук перед лицом, правее кистей найдено четыре человеческих зуба. Юго-восточнее головы стоял сосуд (рис. 5.-10). Под черепом (в районе правого виска) найдены бронзовая нашивка и несомкнутая бронзовая серьга (рис. 3).

Могила 8 (рис. 2; 3). Трапезиевидная яма размерами 1,7х0,7–0,9 м и глубиной 0,25–0,3 м от уровня материка, ориентирована по оси ЮЮЗ–ССВ. Заполнение черного цвета, насыщено древесным углем. Кроме того, восточная часть ямы перекрыта крупным прокалом размерами 2,15х1,2–0,9 м неправильной формы. Мощность прокала, насыщенного золой, костным и древесным углем, – 0,07 м. Заполнение прокалилось до дна. В восточной части прокала зафиксирована яма с пережженными костями животных.

На дне могильной ямы скорченно, на правом боку, кисти рук перед лицом, лежал скелет мужчины 18–20 лет. Практически вся верхняя половина скелета и район колен сильно обожжены, вплоть до разрушения структуры кости, но они не кальцинировались и не приобрели белый цвет. Можно предположить, что огонь горел над могилой и доступа воздуха к скелету не было. Справа от черепа стоял сосуд (рис. 5.-11).

Могила 9 (рис. 1-6; 2). Яма овальной формы размерами 1,55х0,8 м, глубиной 0,3 м от материка, ориентирована по оси ЮЮЗ–ССВ. Заполнение черного цвета с древесным углем, по цвету аналогично рву. Скорее всего было впущено в ров. На дне могилы скорченно, на правом боку, лежал скелет мужчины 45–50 лет. Правая кисть находилась перед лицом, левая рука согнута под углом 90°. Ноги также располагались неодинаково. Находок нет.

Могила 10 (рис. 2; 3). Яма овальной формы размерами 0,86х0,64 м и глубиной 0,05–0,06 м от уровня материка, ориентирована по оси ЮЮЗ–ССВ. Яма содержала остатки трупосожжения на стороне (под костями отсутствовал прокал). По площади могилы были равномерно рассыпаны кальцинированные кости вперемешку с древесным углем и пережженной почвой. Среди них найдены зубы человека, обломки нижней челюсти (остальные не определимы), а также бронзовая «гвоздевидная» серьга (рис. 3).

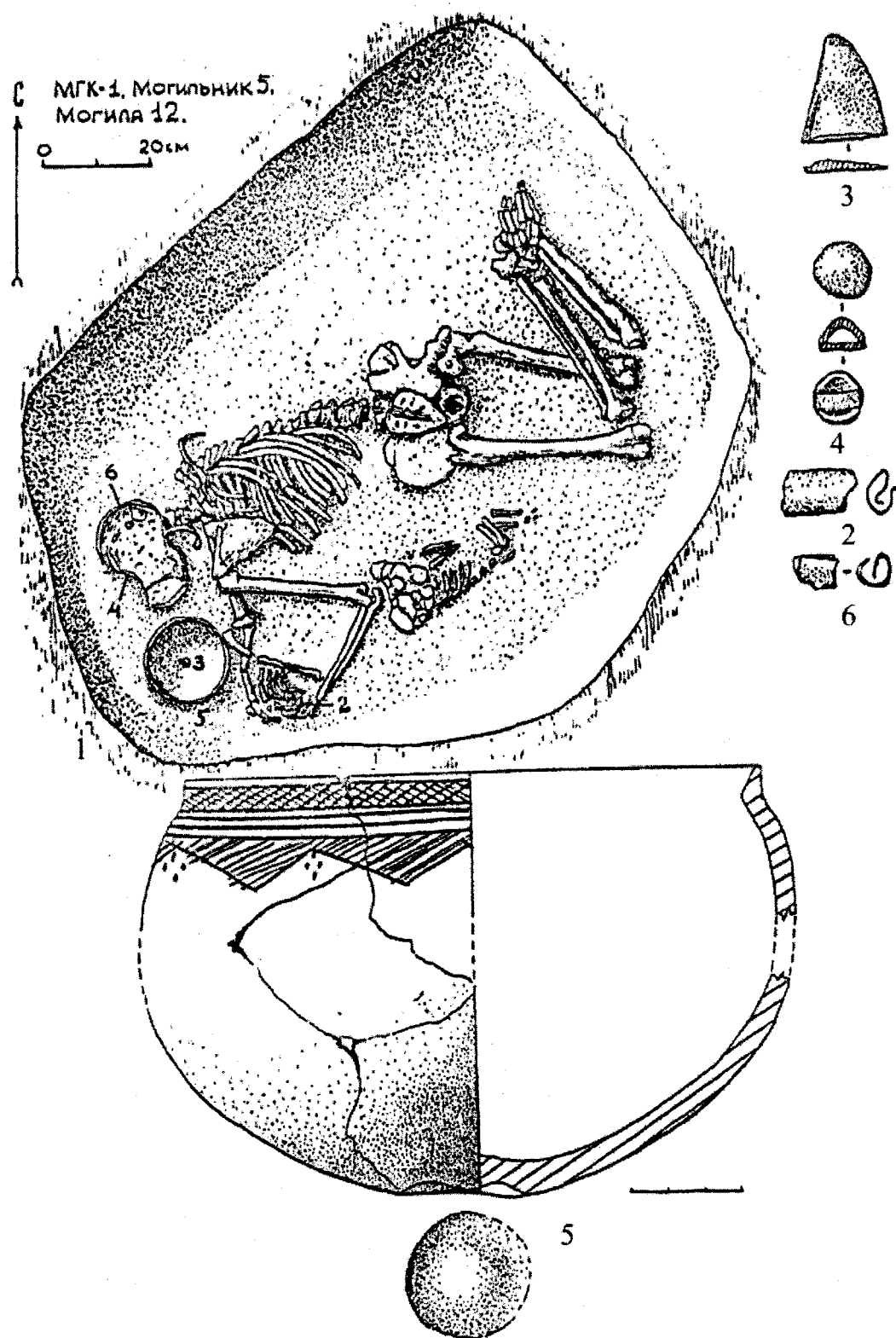

Рис. 4. План могилы 12 Могильника-5 МГК-1 и находки из нее

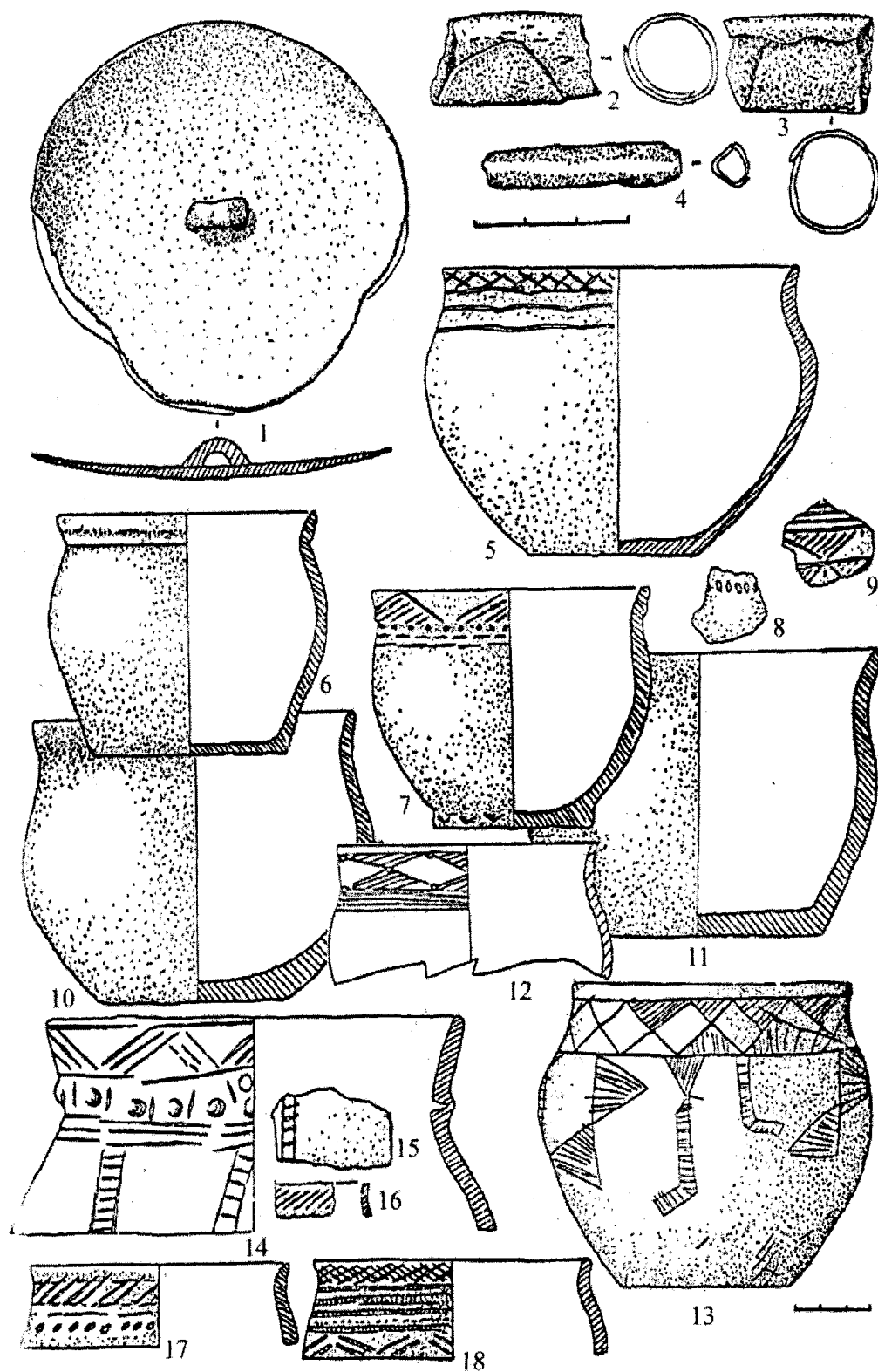

Рис. 5. МГК-1. Могильник-5. Находки из ирменских могил.
 1–5–могила 14; 6 – могила 13; 7 – могила 15; 10 – могила 7; 11 – могила 8;
 13 – могила 6; 8, 9, 12, 14–18 – находки на площади раскопа

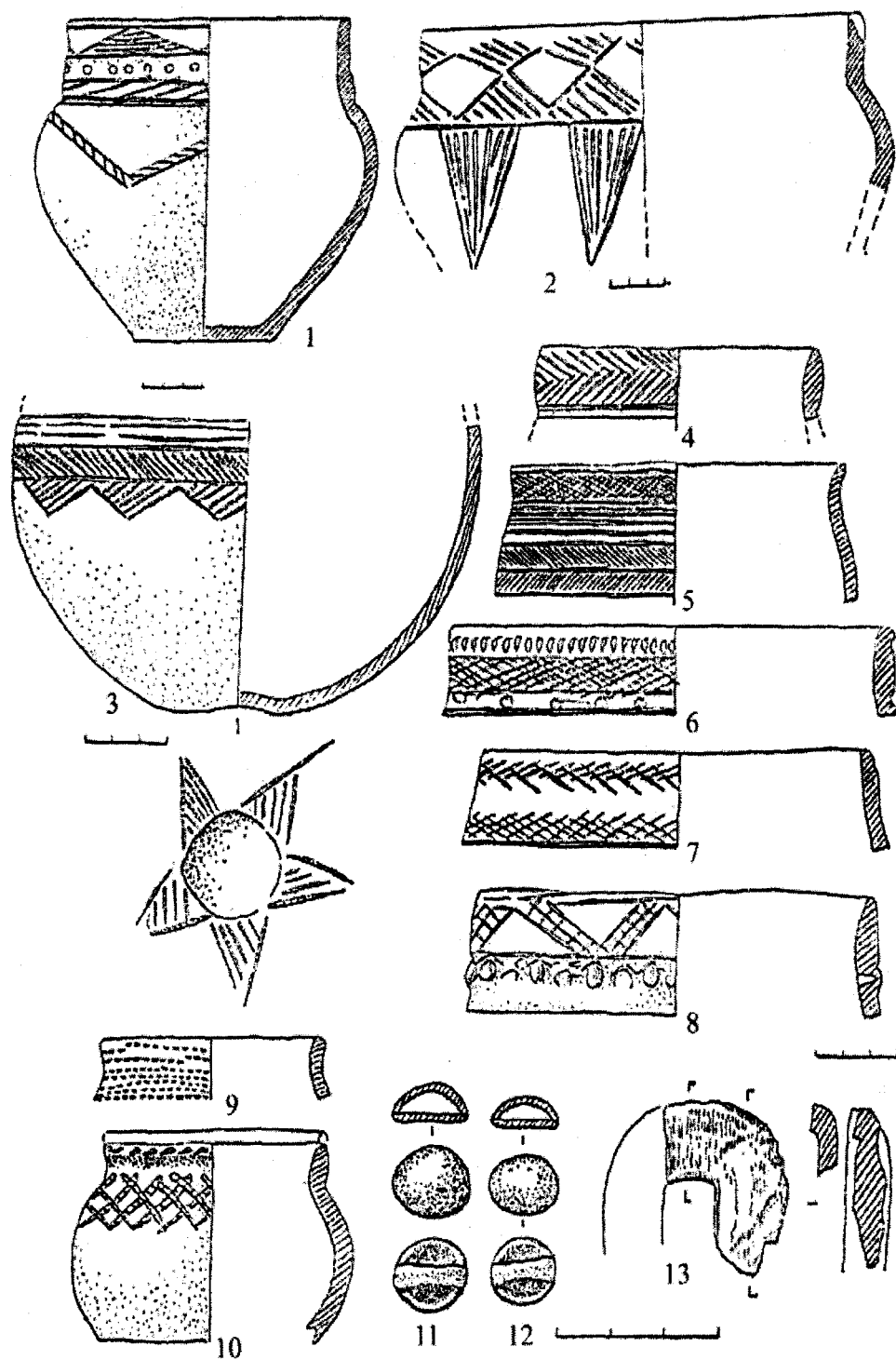

Рис. 6. МГК-1. Могильник-5. Находки из могил:

1, 11, 12 – могила 20; 2 – могила 21; 3 – могила 17; 9, 10, 13 – могила 19.

Находки на площади раскопа: 4, 5 – кв. А' Б' / 7', 8'; 6, 7 – кв. А' Г' / 1'-4'; 8 – кв. ДЗ / 7' 8'

Могила 11 (рис. 2; 3). Яма овальной формы размерами 1,13x0,52 м и глубиной 0,3 м от дневной поверхности, ориентирована по оси ЮЗ–СВ. В почвенном горизонте пятно не читалось. На дне скорченно, на правом боку, лежал скелет ребенка. Кисти рук перед лицом, около черепа найдены бронзовые пронизки, а под ним – серьга в обломках (рис. 3).

Могила 12 (рис. 2; 4). Расположена в 3 м западнее ряда. Яма подпрямоугольной формы – 1,35x0,7–1,10 м и глубиной 0,35 м от дневной поверхности. Заполнение – серая супесь. На дне скорченно, на правом боку, лежал скелет женщины (?) 25–30 лет (?). Правая рука вытянута, левая согнута под острым углом перед грудью. Ноги согнуты в коленях и заведены за спину. Рядом располагался скелет новорожденного, скорченно, на левом боку. Перед лицом взрослого погребенного стоял сосуд (рис. 4.-5), в котором найден обломок пластинчатого бронзового ножа. Под черепом, в районе правого виска, обнаружена бронзовая нашивка-бляшка, возле затылочной кости – бронзовая пронизь-накосница, второе такое изделие найдено среди фаланг пальцев (рис. 4-4, 2, 6). Левая доля черепа и венчик сосуда были повреждены бороздой плуга. Могила окружал ровик подковообразной формы, разомкнутый в СЗ части, глубиной 0,45 м, и шириной 0,6–0,8 м, его северная оконечность углублена на 0,6 м. В примыкающей к ровику яме были найдены обломки сосуда. На правой половине черепа отсутствовала височная кость (трепанация?).

Могила 13 (рис. 2; 3). Расположена в противоположном секторе раскопа, по диагонали СЗ–ЮВ от погребения №12. Могила также окружена ровиком (шириной до 1 м) подковообразной формы, на одной его оконечности имеется яма глубиной 0,8 м, а на другой – углистое пятно с прокалом. Могильная яма округлой формы, сужающейся к овалу, углублена в материк на 0,1 м. Заполнение – серая супесь, в западной части контур нечеткий. На дне скорченно, на правом боку, лежал потревоженный распашкой скелет (отсутствует часть ребер и позвоночного столба), ориентированный головой на юг. Юго-восточнее черепа стоял керамический сосуд (рис. 5.-6).

Могила 14 (рис. 2; 3). Расположена южнее могилы №13, за пределами ровика. Яма овальной формы, размерами 1,5x0,85 м и глубиной 0,37 м от дневной поверхности и 0,07 м в материке. Ориентирована по оси ЮЗ–СВ. Заполнение серого цвета. На дне могилы скорченно на правом боку лежал скелет взрослого человека. Кисти рук находились перед лицом, ноги подтянуты к области живота. Погребение потревожено распашкой, отсутствуют ребра и часть позвоночного столба. Слева от черепа стоял сосуд (рис. 2; 5.-5). В районе правого предплечья лежали крупная бронзовая бляха и бронзовая пронизь (рис. 5.-2), вторая пронизь была около сосуда (рис. 2; 5.-3), третья – на черепе (рис. 2; 5.-4).

Могила 15. По всей видимости, разрушена могилой №14, *in situ* сохранился сосуд (рис. 5.-7), кости скелета взрослого человека смещены (сохранились обломки черепа, рук, ног) в восточную часть могилы, у могил №14 и 15 был один общий контур на глубине 0,30 м. Подхоронение произошло, по всей видимости, когда мягкие ткани уже разрушились.

Могила 16. Находилась в восточной части раскопа (рис. 1; 2). Захоронение совершено в почвенном горизонте, контур распахан и читался на 0,25 м, дно – 0,35 м. Умерший мужчина лежал скорченно, на правом боку, головой на юг. Инвентарь отсутствовал.

Могила 17. Захоронение левой кисти и части предплечья человека. Яма округлой формы размерами 0,35x0,4 м глубиной 0,1 м от уровня материка была впущена в более древний ров. На дне ямы лежала кисть левой руки «на ладони» и обломок лучевой кости. Рядом с кистью, частично перекрывая ее, стоял сосуд с отбитым при распашке венчиком (рис. 6.-3). В заполнении встречен древесный уголь.

Могила 18. Яма подовальной формы, размерами 1,15x0,55 м, глубиной 0,1 м от уровня материка, ориентирована по оси ЮЗ–СВ. Могила впущена в более древний ров. Примерно посередине ямы, ближе к северо-западной части, находился сильно разбитый распашкой керамический плоскодонный сосуд. Кроме этого, найдена часть локтевой кости и несколько обломков ребер. По-видимому, захоронение не пострадало от распашки, а содержало отдельные кости человека. В заполнении встречались древесные угли.

Могила 19. Подквадратная яма с округленными углами размерами 1,76x1,95 м, глубиной 0,65 м от уровня материка, ориентирована по оси СЗЗ–ЮВВ. На дне лежали остатки двух погребенных взрослых людей. Очевидно, погребение ограблено или осквернено. Судя по сохранившейся *in situ* нижней половине человека в южной части и остатков стоп в северо-западной части ямы, положение умерших было скорченное, на правом боку, ориентация – головой на вос-

ток. В заполнении, кроме костей скелета и древесного угля, встречены фрагменты двух сосудов (рис. 6.-9, 10) и обломок костяной пряжки (рис. 6.-13).

Могила 20 (рис. 3). Яма подовальной формы размерами 1,25х0,8 м и глубиной 0,05 м от материка, ориентирована по оси С-Ю. На дне скорченно, на правом боку, головой на юг, лежал сильно разрушенный распашкой скелет женщины (?). Перед лицом умершей стоял плоскодонный сосуд, верхняя часть которого разрушена плугом, а тулово и днище сильно раздроблено (рис. 6.-1). В районе челюсти с левой стороны черепа и под черепом у правого виска найдены две полусферические бляшки (рис. 6-11, 12).

Могила 21. Овальная яма размерами 1,65х1,2 м, глубиной 1,13 м от уровня материка, ориентирована по оси ССВ-ЮЮЗ. Погребение ограблено или осквернено. В заполнении найдены многочисленные кости взрослого человека (женщины?) и обломки сосуда (рис. 6.-2).

Кроме погребений зафиксировано большое количество рвов, ям, столбовых ямок и фрагментов погребальной керамики (рис. 2, 5, 6). За исключением опубликованного «раннего» подпрямоугольного рва зафиксированные сооружения имеют форму окружностей или дуг различной длины. Все изученные сооружения не сомкнуты и связаны, видимо, с погребально-поминальной обрядностью. На площади раскопа зафиксированы пять групп подобных сооружений.

Квадраты 1'-12/Г'-М (западная группа). Сооружения этой части могильника связаны с могилами 13-15, позднее в них впущены могилы 17, 18. Рвы различной глубины (0,01-1 м от уровня материка) создают разомкнутые кольца вокруг могил и содержат кости крупного и мелкого рогатого скота, угли, прокалы и мелкие фрагменты керамики. Примечательна крупная овальная яма, ориентированная по оси С-Ю (размеры 4х2,5 м, глубина 0,95 м), в которой на дне лежало бревно длиной около 1 м и диаметром около 0,25 м. Других находок не зафиксировано. Сама яма и бревно несут следы огня. Связь бревна с погребально-поминальными комплексами несомненна, однако непонятна. С восточной стороны могилы 13, огороженной несомкнутым с ЮВ рвом, зафиксированы корни дерева и пятна прокалов (наиболее крупный в кв. ЗИ/8'). Может быть, в этой большой яме «похоронено» некое священное дерево, растущее на могильном поле? Южнее рвов зафиксированы три разно ориентированные неглубокие ямы с костями коровы и лошади. Здесь же найдены фрагменты сосудов, разрозненные кости человека и бронзовое шило (рис. 2.-4).

Квадраты 1-15/З'-М (центральная группа). Здесь концентрируются разновременные могилы, пересекающие прямоугольный ров более раннего времени (энеолит-ранняя бронза). Скопление этих погребений сейчас объяснения не находит. Возможно, с прямоугольной конструкцией было связано некое всхолмление, уничтоженное распашкой. Другое объяснение – могилы №6-8, 10-11 были подкурганскими захоронениями и в насыпь этого ирменского кургана подхоранивали умерших в раннем железном веке. Юго-восточнее описанного комплекса обнаружен край жилища-святилища, аналогичного раскопанному на краю гривы с Могильником-5 (Поселение-3). К этому объекту с востока примыкает «полукольцо», охватывающее могилу 12. Частично этот ров разрушает яму с обломками ирменского сосуда.

Квадраты 17-24/Г'-М (западная группа). Линии 15-19 не содержат сколь-нибудь серьезных сооружений, за исключением мелких ям, двух парных столбовых ям и могилы 16, не сопровождающейся рвами. Около столбиков в кв. 3, Ж/14, 15 найдена бронзовая пронизка (рис. 2-6). В северо-западной части основного раскопа расчищена сложная система взаимосвязанных рвов, не изученная до конца. «Полукольцо», разомкнутое с юго-западной стороны, охватывает шесть овальных и подпрямоугольных ям, содержащих древесные угли, колотые кости животных и немногочисленную неорнаментированную керамику. К северо-западу от этих компактно расположенных ям зафиксирована «каплевидная» яма, ориентированная по оси ЮВ-СЗ с остатками разбитого плугом крупного плоскодонного сосуда.

Рекогносцировочные раскопы, разбитые восточнее основного, показали продолжение погребально-поминального поля могильника (рис. 2.-2, 3).

В 50 м на ЮЗЗ от могильника располагается Поселение-3, на территории которого изучается объект, относимый нами к периоду финальной бронзы. Здесь в настоящее время вскрыто 160 кв. м. Основные находки составляет керамика, найдены костные остатки овцы, лошади, крупного рогатого скота, заготовка для псалия, черешковый наконечник стрелы и застежка из кости, зооморфная глиняная пластина. Для орнаментальной схемы керамического комплекса этого поселения

характерно преобладание резной техники и гладкого штампа, использование таких элементов, как сетка по венчику, горизонтальные прочерченные линии, заштрихованные треугольники, жемчужник с разделителем, несколько рядов «подвешенных» треугольников. Зафиксировано использование валика как формованного, так и налипного. В основном это плоскодонные, слабо профилированные горшки и полусферические чашки со слегка отогнутым венчиком. Заслуживает внимания обнаружение в центре исследуемой постройки восьми целых сосудов. Они находились чуть ниже уровня пола и были засыпаны материковым песком. Полусферическая чашка с солярным орнаментом в виде звезды была закрыта другой чашей с подтреугольным вырезом венчика. Тут же стояла перевернутая чашка без орнамента. В 0,3 м на юго-запад находились три сосуда, вложенные друг в друга вверх дном. Рядом со столбовой ямкой располагались два сосуда, вложенные один в другой. Сверху эту группу керамических изделий перекрывал слой прокаленного песка, скопление керамики и куски обожженной глины.

Особое значение местонахождения объясняется тем, что эти сосуды, небольшие полусферические чашки без орнамента и орнаментированные зигзагом, характерны для погребальной посуды большебереченской культуры (VIII–VI вв. до н.э.) [3, рис. 8, 9; 4, табл. XIX]. Установка сосудов вверх дном, как традиция, зафиксирована в комплексах переходного времени в грунтовых могильниках Алтая: Фирсово-XIV, Осинки, Бобровка. Ярким примером подобной практики из сопредельных регионов является Чудская гора, интерпретируемая как жертвенное место [5, с. 85, рис. 30]. На сакральный характер и связь с погребальным ритуалом исследуемого нами сооружения Поселения-3 МГК-1 указывает идентичность сосудов из могил 12, 17 Могильника-5 и некоторых керамических материалов Поселения-3.

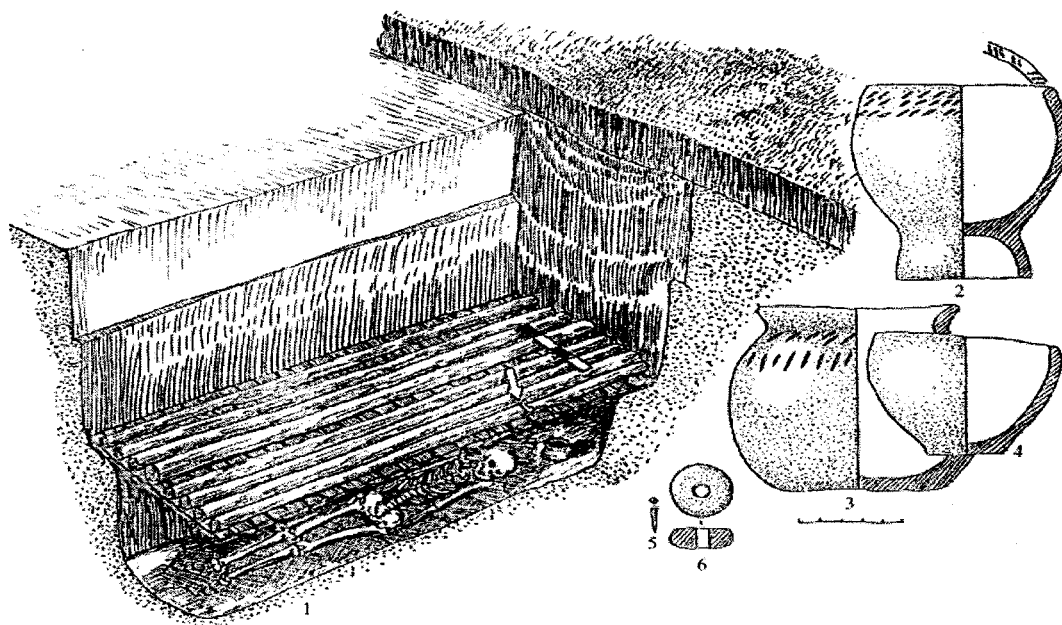

Рис. 7. МГК-1. Могильник-5. Материалы раннего железного века:
1 – реконструкция могилы 2; 2 – могила 4; 4, 5 – могила 5; 3, 6 – могила 2

Погребальный обряд исследуемого могильника относительно устойчив. Захоронение производилось в скорченном положении на правом боку, головой в юго-западный сектор в могильной яме, сооруженной в почвенном горизонте или врезанной в материк до 0,3 м. Сосуды устанавливались перед лицом или за головой. В двух случаях зафиксирован ровик. Как уже отмечалось выше, могилы 6–8, 10–11 образуют один ряд, вытянутый по линии СЗ–ЮВ, и не исключается возможность, что они были подкурганые, но насыпь сnivelирована распахкой. Могилы №12 и 13, обнесенные подковообразными ровиками, как бы ограничивают могилы 6–8, 10–11, соответственно, с СЗ и ЮВ. На это указывает разомкнутость рвов в сторону этого ряда. Возможно, что могилы

№12–15, 17 были сооружены позднее, этим можно объяснить своеобразность керамики из них (рис. 5.-5, 6, 7; 6.-3).

Особенность этой группы могил – яркое свидетельство культа огня. Могила №10 – полная кремация, могилу №8 перекрывал мощный прокал и скелет был обожжен. Огонь в погребениях поздней бронзы известен на соседних территориях. В ирменских погребениях Барабы встречена одна кремация и в нескольких погребениях следы огня [6, с. 135], на ирменском могильнике Е.К.-II В.И. Матющенко проследил 18 случаев применения огня: как частичного обожжения, так и полного сожжения [7, с. 123], в Журавлево-IV и Сапогово в Кузнецкой котловине огонь занимал значительное место в погребальной традиции [8, с. 82; 9, с. 202], в Новосибирском Приобье кремация и костер над могилой встречен в Милованово-I [10, с. 49]. В алтайских памятниках следы огня довольно редкое явление, но в могильнике Плотинная они прослежены в пяти случаях [11, с. 4], встречена также кремация в курганном могильнике Новотроицк [12, с. 14] и Телеутский Взвоз-I [13, с. 365–368].

Два захоронения, №9 и 16, находились в стороне от основной группы погребений, им близки такие же безынвентарные могилы №5 и 25 Могильника-1 и могила №2 Могильника-2 (скелет лежал на подстилке из березовой коры) (рис. 1.-3–7).

В целом приведенные признаки погребального обряда характерны для ирменской и больше-реченской культур переходного времени Алтая [15].

Инвентарь Могильника-5 МГК-I позднебронзового комплекса представлен бронзовыми изделиями и керамикой. С площади раскопа происходят две пронизи и шило (рис. 2). В погребениях найдены бляшки, пронизи, сережки, гвоздевидная серьга, обломок ножа, бляха (рис. 3–4; 5-1–4; 6-11–12).

Этот материал стандартен для ирменской культуры Верхнего Приобья и Кузнецкой котловины, в меньшей степени для больше-реченской культуры переходного времени Алтая [4, табл. V; 8; 11]. Привлекает внимание крупная бляха из могилы №14, находившаяся на правом предплечье (рис. 3). Она слегка выпукла, с петелькой на обороте, диаметр 7 см (рис. 5.-1). Подобные находки известны в могильниках Милованово-I (располагалась под нижней челюстью, с остатками косы [10, рис. 4-20], Журавлево-IV (в районе поясицы) [8, рис. 25-9], Сапогово (под нижней челюстью, около ключицы) [9, рис. 16], Еловском Могильнике-II [7, рис. 74]. Вопрос об интерпретации этого изделия до конца не решен. Примечательна традиция помещения обломка ножа в сосуд. Кроме вышеперечисленных памятников, подобный случай зафиксирован в могильнике Ордынское-1, относимом А.В. Матвеевым к позднеирменскому этапу [16, с. 92].

Керамическая серия из погребений представлена небольшими профилированными плоскодонными горшками, исключение составляет полусферическая чашка из могилы 12 (рис. 4, 5). В целом эта керамика характерна для погребальной посуды ирменской культуры [6; 8; 11]. Но есть определенные отличия: обедненность и снижение геометрических мотивов в декоре. Своеобразие сосудов из могил №12–15, 17: воротничок по венчику, сам венчик укорочен, орнаментация придонной части, резкий переход от венчика к тулову, тулово не орнаментировано (рис. 5.-5–7). Возможно, это указывает на их более позднее время, чем горшки из могил №6–8 (рис. 5.-10, 11, 13), что подтверждается планиграфией могильника. На связь Поселения-3 МГК-I и части погребений могильника МГК-I указывает керамика. Своеобразием отличаются материалы могилы №19, сам характер погребения указывает на его позднебронзовую принадлежность, но соотнести с какой-либо культурой из-за фрагментарности находок пока затруднительно.

Таким образом, на памятнике Малый Гоньбинский Кordon-I в период финальной бронзы мы имеем два комплекса: ирменский (Могильник-5 погребения №6–8, 10–11, 20, 21) и позднеирменский (Поселение-3, Могильник-5 погребения №9, 12–17), отражающих трансформацию ирменского компонента в позднеирменский в рамках начального этапа формирования больше-реченской культуры переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку. В рамках раннего железного века выделяется также два комплекса: позднестароалейский (могилы 2, 4, 5) и, возможно, кулайский (могилы 1, 3). Материалы из сборов с пахоты и межмогильного пространства памятника соответствуют этим комплексам.

Примечания

1. Кунгуров А.Л. Комплекс археологических памятников Малый Гоньбинский Кордон-I // Актуальные вопросы истории Сибири: Научные чтения памяти А.П. Бородавкина. Барнаул, 1998.
2. Шмидт А.В. Культовый комплекс Малый Гоньбинский Кордон-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998.
3. Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996.
4. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. №48.
5. Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М., 1995.
6. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.
7. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 4: Еловско-ирменская культура. Томск, 1974.
8. Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск, 1993.
9. Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово. Кемерово, 1996.
10. Новикова О.И. Могильник ирменской культуры Милованово-I // Археология вчера, сегодня, завтра. Новосибирск, 1995.
11. Уманский А.П., Демин М.А. Бронзовый инвентарь эпохи поздней бронзы у станции Плотинная // Вопросы истории СССР. Барнаул, 1974.
12. Уманский А.П. Новотроицкие курганы // Нижнее Причумышье: Очерки истории и культуры. Тальменка, 1997.
13. Папин Д.В., Тишкин А.А. Ирменский комплекс памятника Телеутский Взвоз-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998.
14. Уманский А.П., Демин М.А. Керамика карасукского могильника у ст. Плотинная // Некоторые вопросы истории СССР. Барнаул, 1974.
15. Шамшин А.Б. Погребальный обряд Алтайского Приобья в эпоху поздней бронзы и переходное время // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1992. Ч. II.
16. Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ БОЛЬШЕРЕЧЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ К ЭПОХЕ ЖЕЛЕЗА (VIII–VI вв. до н.э.)

Одной из наиболее дискуссионных проблем в изучении археологических памятников Верхнего Приобья переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку является происхождение большереченской культуры, ареал которой расположен в лесостепной зоне Барнаульско-Бийского Приобья.

Обзор различных точек зрения по этому вопросу позволяет выделить две основные позиции. Согласно одной из них, большереченская культура формируется на ирменской (карасукской) основе [1, с. 68, 71; 2, с. 84; 3, с. 174], согласно другой – в результате смешения двух традиций: ирменской и андроновидной, причем ведущая роль в этом процессе отводится не ирменской основе, а андроновидной [4, с. 76–77; 5, с. 66; 6, с. 151–154; 7, с. 119–121]. Происхождение андроновидного компонента вызывает, однако, у сторонников этой позиции серьезные разногласия. По мнению одних исследователей, это была корчажкинская культура, сформировавшаяся на местной андроновской основе под влиянием носителей традиций гребенчато-ямочной керамики [4, с. 71–77; 5, с. 66; 7, с. 119–121; 8, с. 53; 9, с. 52; 10, с. 63; 11, с. 211–212]. Корчажкинская культура существовала в Барнаульском Приобье одновременно с ирменской, но занимала иную экологическую нишу – лесные районы долины р.Обь [12, с. 47; 13, с. 57; 14, с. 138]. Другие исследователи связывают андроновидный компонент с еловской культурой Томского Приобья. В соответствии с этой версией еловцы появляются в Барнаульском Приобье довольно поздно – на финальном этапе существования ирменской культуры. В результате еловский компонент как бы «накладывается» на ирменский [6, с. 151–154; 14, с. 64–65]. Исследователи расходятся не только в идентификации андроновидного компонента, но и неодинаково трактуют происхождение ирменского. Если еловцы смешиваются с ирменцами – потомками местных андроновцев [6, с. 152; 14, с. 64–65], то корчажкинцы – с ирменцами, родственными бегазы-дандыбаевцам степной Кулунды [8, с. 53; 9, с. 53; 11, с. 212; 12, с. 47; 13, с. 57]. Фактически спор идет о том, какой из двух компонентов, участвовавших в формировании большереченской культуры, – ирменский или андроновидный, был для своего времени местным, а какой – пришлым.

Помимо двух слагающих компонентов эпохи поздней бронзы, из которых лишь один – ирменский – является бесспорным, в культуре населения переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку выделяют инородные примеси, отражающие его контакты с ближним и дальним инокультурным окружением. Появление в декоре керамических комплексов поселений большереченской культуры таких элементов, как «крестовый штамп» южно-таежного происхождения и «валик» степного происхождения, связывается с двумя миграционными потоками – с севера и запада соответственно, которые усиливаются на завершающем этапе переходного периода [5, с. 66; 16, с. 98; 17, с. 94–95; 18, с. 57].

Отношения большереченцев с «ранними скифами» вырисовываются еще более расплывчато. Известно, что на границе «своего» леса и «скифской» степи большереченцы возводили укрепленные поселения, в то же время их основной вещевой комплекс включал предметы скифского облика [1, с. 70–71; 7, с. 124; 18, с. 57; 19, с. 59–60].

Существующие схемы этногенетического развития не только противоречивы, но и недостаточно обоснованы, поскольку опираются лишь на один источник – керамические комплексы поселений, значительная часть которых опубликована к тому же в тезисной форме. Задачей нашего исследования является детальный анализ в свете проблем происхождения большереченской культуры новых источников – погребального обряда и палеоантропологических материалов. При этом основное внимание уделяется наиболее спорным вопросам о роли и характере андроновидного компонента.

К настоящему времени в Барнаульском Приобье известны 10 могильников переходного времени от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку, в которых раскопано в общей сложности 142 погребения. К ним относятся могильники Ближние Елбаны (БЕ)-VII (52)*, XII (13), XIV

* Цифра в скобках – число погребений.

(9); Бобровский грунтовый могильник (58); могильник Мыльниково-I (3); Елунинский грунтовый могильник-III (ЕГМ III) (1); Кротовский Елбан (2); Охотничья Грива (2); Красный плакат-I (1) и, возможно, могила №4 на поселении Костенкова Избушка [1, с. 57–69; 20, с. 69–88; 21, с. 124–129; 22, с. 39; 23, с. 35, рис. 47; 24, с. 213; 25, с. 233; 26, с. 36–39; 27, с. 51–52].

Значительная численность погребений могильников БЕ-VII, XII, XIV (рассматриваются совместно) и Бобровского позволила не только получить суммарную характеристику их погребального обряда, но и проанализировать вариабельность его элементов.

По частоте встречаемости многих признаков погребальный обряд могильников БЕ-VII, XII, XIV и Бобровского довольно сходен. Наиболее существенные различия между ними проявляются в ориентации погребенных. В могильниках БЕ-VII, XII, XIV абсолютно преобладает юго-западное-юго-юго-западное направление (94,6%). В Бобровском юго-западное направление характерно только для 50% погребений, в 45,8% случаев встречается юго-восточное-южное направление. Некоторые различия демонстрирует также состав инвентаря – сосуды чаще встречаются в погребениях Бобровского могильника (25,9 и 14,7%), а ножи (27 и 8,6%) и оружие (17 и 8,6%), наоборот, в погребениях БЕ.

Анализ коэффициентов взаимовстречаемости и ассоциации признаков показывает, что погребальный обряд могильников БЕ-VII, XII, XIV достаточно устойчив, а некоторые различия инвентаря можно связать с половой дифференциацией погребенных [28, с. 97–100].

В Бобровском могильнике, который, по всей видимости, является более ранним, выделяются два комплекса признаков: один из них включает такие особенности, как юго-восточная, южная ориентация и сильная скорченность погребенных, наличие следов огня и бронзовых пластинок в погребении, другой – юго-западную ориентацию и слабую скорченность погребенных, наличие сосуда (табл. 1, 2).

Таблица 1

Коэффициенты ассоциации Кэндалла признаков
погребальной обрядности могильника Бобровка

	Признак	ЮЗ	ЮВ	Левый бок	Правый бок	Сильно скорченный	Слабо скорченный	Следы огня	Сосуд	Нож	Оружие	Бронзовые пластинки	Украшения	Инвентарь отсутствует
1	ЮЗ		–	0,67	–0,6	–0,47	–0,57	–0,16	0,6	–0,45	–0,56	–0,82	0,4	0,07
2	ЮВ			–0,62	0,55	0,61	–0,61	0,33	–0,54	0,51	0,61	0,88	–0,33	–0,15
3	Левый бок					1	–1	0,04	0,27	0,14	0,03	0,05	0,55	–0,45
4	Правый бок					–1	1	0,21	–0,46	–0,26	–0,16	–0,21	–0,5	0,32
5	Сильно скорченный							0,71	–0,27	–0,4	0,62	1	0,33	–0,35
6	Слабо скорченный							–0,71	0,27	0,42	–0,6	–1	–0,3	0,38
7	Следы огня								–0,65	–0,47	0,53	0,8	–0,24	0,12
8	Сосуд									0,25	–1	–1	0,57	–
9	Нож										0,55	–1	–1	–
10	Оружие											0,45	–1	–
11	Бронзов. пластинки												0,27	–
12	Украшения													–
13	Инвентарь отсутств.													–

Основой этих комплексов является ориентация погребенных. Связи между признаками, характеризующими степень скорченности погребенных, наличие или отсутствие следов огня, бронзовых пластинок и сосудов, менее устойчивы. Исходя из этого правомерно предположить, что в погребальном обряде Бобровского могильника смешались две традиции, культурно-диагностическим признаком которых является ориентация погребенных головой на ЮЗ или ЮВ–Ю.

QDC-группировка, осуществляющая автоматическую классификацию объектов на заданное число классов по заданным эталонам [28, с. 60–62], методика проведения которой применительно к археологическим объектам заимствована авторами из статьи В.Н. Владимирова и Н.Ф. Степановой [30, с. 3–8], подтвердила, что в Бобровском могильнике представлены две «модели» погребального обряда, и позволила выделить погребения с большей или меньшей вероятностью («ядро» и «периферия»), соответствующий каждой из них (табл. 3).

В погребениях первой группы, которые маркирует ЮЗ ориентация (86,4%), сильно скорченное положение погребенных встречается только в 31,8% случаев. Основной категорией инвентаря

ря являются сосуды (45,5%). Оружие (9,1%) и, особенно, ножи (4,6%) в наличии бывают редко, бронзовые пластинки отсутствуют. Следы огня довольно малочисленны (18,2%).

Таблица 2

Коэффициенты взаимовстречаемости признаков
погребальной обрядности могильника Бобровка

Признак	Класс 1	Класс 2
	n = 21	n = 18
	Встречаемость в %	
Юго-западная ориентация	86,4	11,8
Юго-восточная ориентация	13,6	88,2
Положение на левом боку	13,6	5,9
Положение на правом боку	90,1	94,1
Сильная скорченность костяка	31,8	88,2
Слабая скорченность костяка	68,2	5,9
Следы огня в погребении	18,2	47,1
Сосуд	45,5	11,8
Нож	4,6	23,5
Оружие	9,1	11,8
Бронзовые пластинки	0	41,2
Отсутствие инвентаря	36,4	23,5

Таблица 3

Результаты QDC-группировки погребений Бобровского могильника

	Признак	ЮВ-Ю	ЮЗ	Сильно скорчен	Слабо скорчен	Следы огня	Бронзовые пластинки	Сосуд	Оружие	Нож	Украшение	Отсутствие инвентаря	Левый бок	Правый бок
1	ЮВ-Ю	-	-	0.33	0.04	0.19	0.23	0.03	0.1	0.12	0.05	0.09	0.01	0.15
2	ЮЗ		-	0.11	0.32	0.08	0.01	0.27	0.01	0.03	0.08	0.17	0.09	0.41
3	Сильно скорчен			-	-	0.23	0.3	0.03	0.17	0.01	0.03	0.09	0.1	0.37
4	Слабо скорчен				-	0.03	0.0	0.18	0	0.03	0.01	0.08	0.08	0.37
5	Следы огня					-	0.19	0.0	0.12	0.01	0.03	0.22	0.07	0.21
6	Бляшки						-	0.0	0.04	0.0	0.07	-	0.02	0.12
7	Сосуд							-	0.0	0.04	0.08	-	0.04	0.19
8	Оружие								-	0.0	0.03	-	0	0.09
9	Нож									-	0.03	-	0.02	0.1
10	Украшение										-	-	0.04	0.1
11	Отсутст. инвент.											-	0.01	0.22
12	Левый бок												-	-
13	Правый бок													-

Во второй группе погребений доминирует юго-восточная-южная ориентация (88,2%). В подавляющем большинстве случаев погребенные имеют сильно скорченное положение (88,2%). Сосуды являются одной из наиболее редких категорий инвентаря (11,8%), ножи встречаются довольно часто (23,5%). Самая распространенная категория инвентаря – бронзовые пластинки (41,2%). Не менее часто в этих погребениях встречаются следы огня (47,1%).

Первая группа погребений более монолитна. Типичное для нее преобладание ЮЗ ориентации погребенных имеет параллели в погребальной обрядности ирменской культуры. Вторая группа более разнородна, а характерное для нее доминирование ЮВ-Ю ориентации погребенных и часто встречающиеся следы огня могут найти более северные аналогии в погребальной обрядности андроновидных культур (еловской, корчажкинской, сузгунской).

Для уточнения генетических истоков погребального обряда большереченской культуры и, в частности, двух традиций, выявленных на материалах Бобровского могильника, было проведено сопоставление памятников эпохи поздней бронзы и памятников переходного времени от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку методами многомерной статистики (анализ главных компонент, кластерный анализ).

Сравнение проводилось по комплексу 13 признаков, характеризующих ориентацию (ЮЗ или ЮВ, Ю) и положение (на правом или левом боку) погребенных, наличие трупобожжения и других следов огня, а также состав инвентаря (по категориям) – наличие сосуда, ножа, оружия, костяных изделий, астрагалов, украшений ирменского типа. В последнюю категорию включались гвоздевидные серьги, перстни, желобчатые браслеты, круглые выпуклые бляшки, наконечники.

Учитывались материалы 4 могильников переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа – БЕ-VII, XII, XIV (суммарно), Бобровского, Мыльниково, Томского [1, с. 26–29, 57–64, 64–65; 21, с. 124–129; 20, с. 69–88], а также большинства могильников эпохи поздней бронзы Верхнего Приобья – БЕ-IV, IX, Еловский-I и II, Камышенка, Малый Гоньбинский Кордон-I, могильник 5 (МГК-I/5), Милованово-I, Ордынское-I, Староалейка-2, Телеутский Взвоз-I, Фирсово-XIV [1, с. 30, рис. 6; 31, с. 75–77; 32, с. 105–110; 33, с. 90–92; 34, с. 41–51; 35–36; 37, с. 100–103; 38, Приложение. С. 15–35; 38, с. 18–21] (не рассматривались только материалы ряда неопубликованных могильников и могильников, представленных малым количеством погребений). Кроме того, к анализу были привлечены наиболее представительные памятники эпохи поздней бронзы с сопредельных территорий – Барабы (Преображенка-3) и Кузнецкой котловины (Журавлево-1, 4; Титовский могильник; Заречное-1) 40, с. 61–78; 41, с. 8–75; 42, с. 72–82; 43, с. 125–156; 44, с. 50–56; 45, с. 122–135]. В связи с отсутствием представительных материалов из погребений корчажкинской и сузгунской культур в качестве андронидных памятников в сравнительном анализе фигурируют только могильники словской культуры. Матрица исходных данных приводится в таблице 4.

Таблица 4

Матрица исходных данных

№	Могильник		Юго-западная ориентация	Юго-восточная ориентация	Положение на левом боку	Положение на правом боку	Следы огня в погребении	Трупобожжение	Сосуд	Нож	Оружие	Отсутствие инвентаря	Костяные изделия	Астрагалы	Ирменские украшения
1	Бобровский грунтовый могильник (БГМ)	BOBR	50,0	45,8	12,8	91,5	36,2	29,3	25,9	8,6	8,6	41,4	15,5	5,2	3,4
2	БГМ. Группа погребений №1	BOBR1	76,0	20,0	12,0	92,0	22,2	25,0	44,4	11,0	3,7	25,9	22,2	3,7	3,7
3	БГМ. Группа погребений №2	BOBR2	21,7	73,9	13,6	90,9	48,4	32,2	9,7	6,5	12,9	54,8	19,4	6,5	3,2
4	Ближние Елбаны 7, 12, 14.	BE7	94,6	2,7	24,2	75,8	18,9	17,6	14,7	27,0	16,2	29,7	27,0	8,1	1,4
5	Еловский могильник 1	EL1	35,0	50,0	62,5	37,5	15,2	9,1	72,7	6,0	0,0	18,2	0,0	0,0	9,1
6	Еловский могильник 2. Еловский могильник.	EL2	73,7	10,5	100,0	0,0	10,0	3,3	70,0	16,7	6,7	16,7	26,7	20,0	20,0
7	Еловский могильник 2. Ирменский могильник.	EL2I	45,9	48,7	0,0	100,0	29,3	17,2	46,6	12,1	0,0	44,8	1,7	0	18,9
8	Малый Гоньбинский Кордон I, могильник. 5.	MGK	54,6	45,5	0,0	100,0	50,0	6,2	75,0	6,2	0,0	12,5	6,3	0	37,5
9	Томский могильник.	TOMS	41,7	62,5	16,7	91,7	6,3	0,0	20,8	68,8	14,6	0,0	4,2	2,1	16,7
10	Мыльниково I	MIL	33,3	66,7	50,0	50,0	50,0	0,0	50,0	0,0	75,0	0,0	25,0	0,0	0,0
11	Камышенка	KAM	56,3	12,5	0,0	100,0	2,0	0,0	60,8	17,7	0,0	19,6	0,0	0,0	35,3
12	Староалейка II	STAR	100,0	0,0	0,0	100,0	0,0	0,0	33,3	33,3	0,0	33,3	0,0	0,0	66,7
13	Журавлево IV	JQUR4	73,5	25,0	0,8	99,2	6,4	0,0	40,1	8,3	0,0	28,7	0,0	0,0	50,3
14	Заречное-I	ZAR	72,0	11,4	15,4	87,2	10,2	8,2	38,8	2,0	0,0	44,9	6,1	4,1	34,0
15	Ближние Елбаны 9, 4	BE9	90,9	9,1	11,1	88,9	13,3	0,0	86,7	26,7	0,0	0,0	0,0	0,0	66,7
16	Ордынское I г	ORD	90,9	9,9	0,0	100,0	9,1	9,1	45,5	27,3	0,0	9,1	0,0	0,0	72,7
17	Милованово I	MILO	55,6	44,4	0,0	100,0	100,0	7,7	53,9	7,7	0,0	15,4	0,0	0,0	61,5
18	Журавлево I	ZUR1	80,0	20,0	0,0	100,0	0,0	0,0	29,4	17,7	0,0	41,9	0,0	0,0	35,3
19	Титовский могильник	TIT	82,1	17,7	0,0	100,0	3,3	0,0	33,3	23,3	0,0	10,0	0,0	0,0	73,3
20	Телеутский Взвоз I	TEL	75,0	25,0	0,0	100,0	37,5	25,0	25,0	37,5	0,0	25,0	0,0	0,0	37,5
21	Фирсово XIV	FIRS	84,6	15,4	45,5	54,6	16,8	22,2	72,2	0,0	0,0	16,7	5,6	5,6	11,1
22	Преображенка 3	PREOB	29,3	68,9	0,0	100,0	14,3	9,8	49,1	2,7	1,8	38,4	0,9	0,0	12,5

Положение погребальных памятников большереченской культуры между двумя «полюсами» – «ирменским» и «андроноидным» позволяет установить разделение исходной совокупности объектов на два кластера методом *k*-средних. Весьма показательным результатом его является не только то, что все большереченские могильники оказались в «андроноидном» кластере, но и то, что не все могильники ирменской культуры оказались в «ирменском» кластере.

Кластеры 1 и 2 различаются по таким признакам, как ориентация и положение погребенных, наличие следов огня и трупобожжения, оружия, костяных изделий, астрагалов, украшений ирменского типа (табл. 5).

Таблица 5

Средние значения частоты встречаемости признаков в могильниках I и II кластеров

Признак	Кластер I		Кластер II	
	М	С	М	С
Юго-западная ориентация	75,5	15,4	53,6	26,1
Юго-восточная ориентация	20,0	14,3	41,9	27,1
Положение на левом боку	2,5	5,4	32,5	31,9
Положение на правом боку	97,8	4,8	69,3	33,0
Следы огня в погребении	14,1	16,4	23,1	15,1
Трупобожжение	5,1	7,7	13,6	11,0
Сосуд	47,4	19,7	45,0	23,4
Нож	18,4	11,8	15,1	20,6
Оружие	0,0	0,0	13,1	22,6
Отсутствие инвентаря	21,9	14,3	24,5	18,0
Костяные изделия	1,1	2,5	13,3	11,7
Астрагалы	0,4	1,2	4,6	6,2
Ирменские украшения	51,9	16,5	9,7	7,4
	JQR4, ZUR1, KAM, STAR, ORD, TIT, BE9, TEL, MGK, ZAR, MILO		EL1, EL2, EL21, PREOB, FIRS, BE7, MIL, TOMS, BOBR	

Для могильников кластера 1 («ирменского») типичными признаками является резкое преобладание ЮЗ ориентации (75,5%) и положение погребенных на правом боку (97,8%), редко встречающиеся следы огня (14,1%) и трупобожжения (5,1%), относительно однообразный инвентарь, состоящий преимущественно из специфических украшений (51,9%). Костяные изделия (1,1%), астрагалы (0,4%) и оружие (0%) в составе этого комплекса практически отсутствуют. Комплекс признаков, характерный для кластера 1, объединяющего 11 из 14 могильников ирменской культуры, отличается значительной устойчивостью. На фоне общего единообразия выделяется лишь могильник МГК-I/5.

Могильники кластера 2 («андроноидного») характеризуются повышенной частотой встречаемости ЮВ ориентации (41,9%) и положения погребенных на левом боку (32,5%), следов огня (23,1%) и трупобожжения (13,6%), а также более разнообразным составом инвентаря, включающего изделия из кости (13,1%), астрагалы (4,6%) и оружие (13,1%). Украшения ирменского типа в погребениях этой группы присутствуют относительно редко (9,7%). Данный комплекс признаков обладает, однако, значительной вариабельностью. Кластер 2 объединяет могильники, в погребальном обряде которых в той или иной мере проявляются андроноидные особенности – еловские, большереченские и некоторые ирменские (Преображенка-3, Фирсово-XIV, Еловский-II).

Результаты проведенного анализа показывают, что погребальный обряд большереченской культуры не может являться хронологической трансформацией чисто ирменской традиции и, вне всякого сомнения, отражает воздействие андроноидных культур. Вместе с тем они показывают, что андроноидное влияние характерно не только для погребального обряда большереченской культуры, но и для погребального обряда некоторых могильников ирменской культуры.

Анализ вариабельности погребального обряда могильников эпохи поздней бронзы и переходного времени методом главных компонент дает следующие результаты. Первая компонента (32,8% дисперсии) положительно коррелирует с такими признаками, как ЮВ ориентация и положение погребенных на левом боку, наличие следов огня, трупобожжения, изделий из кости, астрагалов; отрицательно – с такими признаками, как юго-западная ориентация и положение погребенных на правом боку, наличие украшений ирменского типа. Таким образом, I компонента дифференцирует погреб-

ния ирменской и андронидной культур и может служить шкалой для оценки удельного веса ирменского и андронидного влияния в традициях смешанного происхождения (табл. 6).

Таблица 6

Нагрузки по I–IV главным компонентам (ГК)

1		ГК I	ГК II	ГК III	ГК IV
2	Юго-западная ориентация	–0,53	–0,6	–0,4	0,09
3	Юго-восточная ориентация	0,47	0,68	0,43	0,04
4	Положение на левом боку	0,73	–0,62	0,07	–0,06
5	Положение на правом боку	–0,72	0,63	–0,08	0,1
6	Следы огня в погребении	0,59	0,51	0,15	–0,04
7	Трупобожжение	0,38	0,42	–0,59	–0,19
8	Сосуд	0,06	–0,46	0,54	–0,63
9	Нож	–0,39	–0,14	–0,05	0,76
10	Оружие	0,62	0,08	0,39	0,49
11	Отсутствие инвентаря	0,04	0,47	–0,69	–0,31
12	Костяные изделия	0,81	–0,18	–0,29	0,28
13	Астрагалы	0,58	–0,55	–0,47	0,03
14	Ирменские украшения	–0,84	–0,21	0,17	–0,04
	Л	4,27	2,87	1,97	1,44
	P(%)	32,8	22,1	15,19	11,1

По II компоненте (22,1% дисперсии) высокие положительные нагрузки имеют такие признаки, как ЮВ ориентация и положение погребенных на правом боку, следы огня и тропобожжение, отсутствие инвентаря; высокие отрицательные нагрузки имеют юго-западную ориентация и положение погребенных на левом боку, сосуд, астрагал. Интерпретировать ее довольно сложно, но можно отметить, что некоторые признаки, маркирующие ирменскую и андронидную традиции, в пределах соответствующих комплексов обладают повышенной вариабельностью. Распределение могильников в пространстве I–II компонент, являющихся основными и объясняющими 54,9% дисперсии, приводится на рисунке 1.

Ирменские могильники характеризуются нулевыми или отрицательными значениями I компоненты. Наиболее высокие значения по I компоненте, соответствующие значительному весу андронидного комплекса, имеют могильники еловской культуры (Еловский могильник-I и II), Мыльниково-I и вторая группа погребений Бобровского могильника. В могильниках БЕ-VII, XII, XIV, Фирсово-XIV и в первой группе погребений Бобровского могильника влияние андронидного компонента выражено слабее. Памятники, в которых доминирует андронидный комплекс, обнаруживают значительные расхождения по II компоненте. Крайние позиции по ней занимают, с одной стороны, Еловский могильник-II, с другой – вторая группа погребений Бобровского могильника. Еловский могильник-II далеко отстоит не только от андронидных памятников переходного времени, но и от Еловского могильника-I. Могильники Еловский-I и БЕ-VII, XII, XIV в этом отношении очень близки, но расстояние между ними и второй группой погребений Бобровского могильника значительно. Ирменские могильники образуют довольно компактную группировку, за пределами которой оказался лишь один памятник – Фирсово-XIV. Некоторые ирменские могильники обнаруживают небольшой сдвиг в «андронидном» направлении, особенно Преображенка-3 и ирменский комплекс Еловского-II могильника, расположенные на северной окраине ирменского ареала. Слабее, но не менее отчетливо андронидное влияние проявляется в могильнике МГК-I/5 и, возможно, присутствует в Заречном, не исключается в могильниках Телеутский Взвоз и Милованово. С ирменским могильником МГК-I/5 сближается первая группа погребений Бобровского могильника, а также Томский могильник. Таким образом, ранжирование памятников по значениям I «ирменско-андронидной» компоненты показывает, что в погребальном обряде большереченской культуры андронидный компонент имеет более высокий удельный вес, чем ирменский. В то же время оно позволяет уточнить, что примесь андронидных особенностей присутствует не только в ирменских могильниках, расположенных на северной окраине этого культурного ареала, но и в некоторых ирменских могильниках более южных районов.

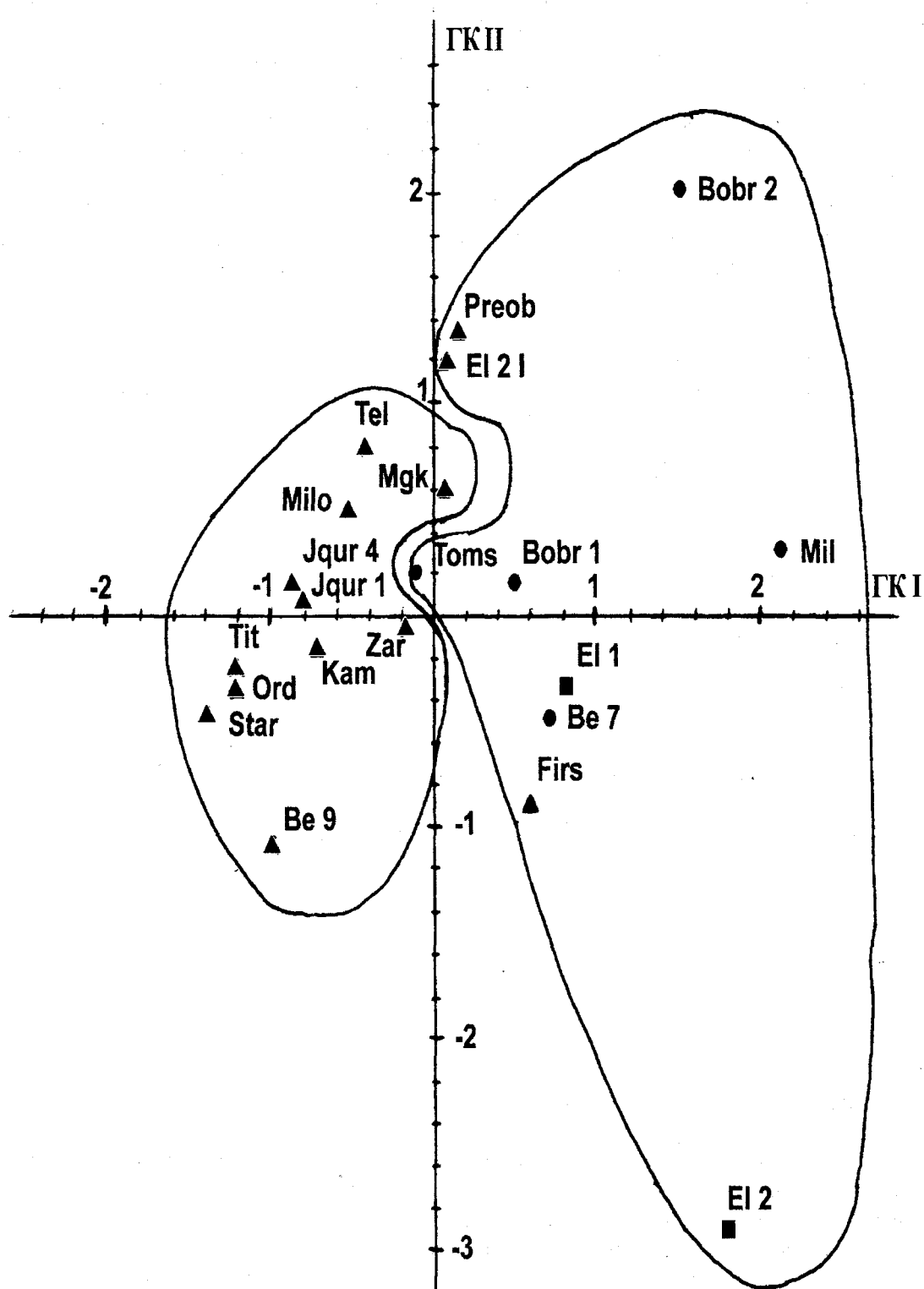

Рис. 1. Распределение могильников эпохи поздней бронзы и переходного времени в пространстве I–II ГК и его соотношение с результатами неиерархического кластер-анализа:

■ – могильники еловской культуры; ▲ – могильники ирменской культуры; ● – могильники переходного времени от поздней бронзы к раннему железному веку (буквенные обозначения памятников те же, что и в таблице 4)

При кластеризации в пространстве признаков (по методу Ворда) в составе исходной совокупности памятников выделяются три основные группировки, которые условно можно обозначить как «андроноидная», «ирменско-андроноидная» и «ирменная». Расстояние между двумя последними на порядок меньше. Памятники переходного времени включаются в состав двух группировок – андроноидной и ирменско-андроноидной. Андроноидный кластер объединяет оба могильника еловской культуры, Фирсово-XIV и Мыльниково-I. Ирменско-андроноидный кластер состоит из двух подкластеров, каждый из которых объединяет как ирменные памятники, так и памятники переходного времени. В одном из этих подкластеров оказались могильник Преображенка-3, ирменные погребения Еловского могильника II и вторая группа погребений Бобровского могильника, в другом – Томский могильник, первая группа погребений Бобровского могильника, могильники БЕ-VII, XII, XIV и Телеутский Взвоз-I. Судя по всему, на уровне этих подкластеров степень влияния андроноидного компонента дифференцируется уже с учетом культурной специфики памятников: во второй группе погребений Бобровского могильника андроноидное влияние проявляется сильнее, чем в Томском могильнике, БЕ-VII, XII, XIV или первой группе Бобровского могильника, а в ирменных погребениях Еловского могильника-II и могильнике Преображенка-3 андроноидное влияние более ощутимо, чем в могильнике Телеутский Взвоз-I (рис. 2).

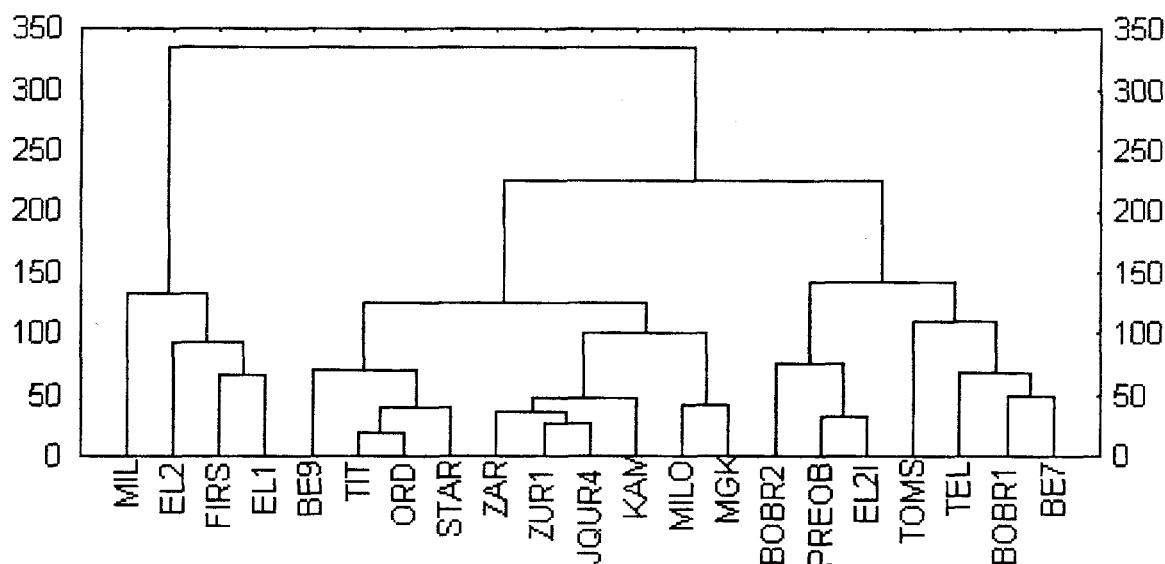

Рис. 2. Дендрограмма кластеризации могильников эпохи бронзы и переходного времени по 13 признакам (методом Ворда)

Дендрограмма кластеризации (по методу Ворда) в пространстве 4 главных компонент, объясняющих 81,2% общей дисперсии признаков, имеет значительные отличия (рис. 3). Исходная совокупность памятников разделилась на две – чисто ирменскую, где андроноидный компонент отсутствует, и смешанную ирменско-андроноидную, где андроноидный компонент присутствует хотя бы в виде слабой примеси. В структуре смешанной ирменско-андроноидной совокупности выделяются два основных кластера, каждый из которых включает контрастные в культурном отношении варианты. На более низком уровне – в пределах этих подкластеров – памятники группируются уже в соответствии с количественным фактором, по соотношению ирменского и андроноидного компонентов. Совершенно очевидно, что иерархическая структура ирменско-андроноидной совокупности отражает качественную неоднородность андроноидного компонента и свидетельствует в пользу существования двух его вариантов, имеющих разное происхождение. В одном из кластеров оказался могильник Еловский-I (позднееловский компонент), в другом – БЕ-VII, XII, XIV и обе группы Бобровского могильника, к которым на значительно более высоком уровне присоединяется могильник Еловский-II (раннеееловский компонент). Следовательно, наибольшее расхождение обнаруживают позднееловский и андроноидный компоненты большереченских могильников, раннеееловский имеет недифференцированный характер и занимает между ними промежуточное положение. Таким образом, если кластер, включающий могильник Еловский-I, пред-

ставляет еловский компонент, то кластер, включающий могильники большереченской культуры, должен представлять корчажкинский компонент. При этом большинство могильников ирменской культуры, имеющие андронидную примесь, оказались в еловском кластере. Обособленное положение двух могильников переходного времени – Томского и Мыльниково может объясняться смешанным происхождением их андронидного компонента.

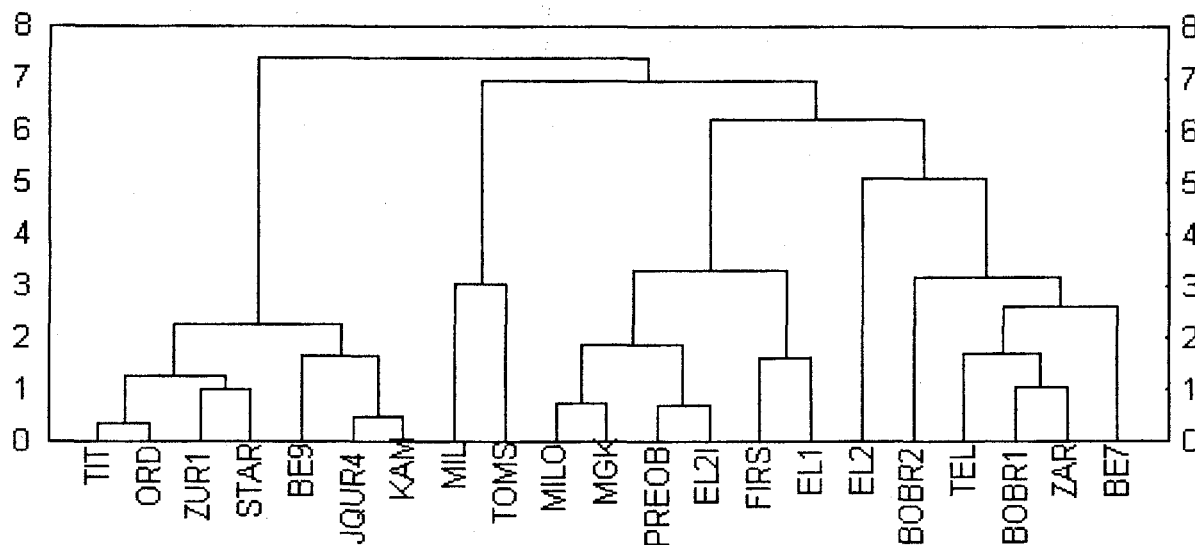

Рис. 3. Дендрограмма кластеризации 4 главных компонент варибельности погребального обряда могильников эпохи бронзы и переходного времени (методом Ворда)

При кластеризации компонент по методу полных связей в структуре исходной совокупности «еловский» и «корчажкинский» кластеры сохраняется. Но на этот раз к «корчажкинскому» кластеру на значительном расстоянии присоединяются могильники Томский и Мыльниково, а к «еловскому» – могильник Еловский-II (рис. 4).

Таким образом, кластерный анализ по компонентам позволил выявить еще один фактор, определяющий варибельность погребального обряда могильников эпохи поздней бронзы и переходного к железу времени – неоднородность андронидного компонента, включающего два варианта разного происхождения – еловский и корчажкинский. В ирменских могильниках, имеющих андронидную примесь, отмечается преимущественно еловский компонент, в большереченских могильниках преобладает корчажкинский компонент. Сравнение результатов, полученных разными методами, показывает, что они не только во многом сходятся, но и существенно дополняют друг друга. Суммируя их, можно сделать следующие заключения.

Погребальный обряд населения Верхнего Приобья переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку формируется в результате смешения двух культурных традиций эпохи поздней бронзы – ирменской и андронидной.

Типичными особенностями ирменской традиции являются положение погребенных на правом боку, головой на юго-запад и относительно однообразный инвентарь, состоящий преимущественно из специфических украшений.

Для андронидных традиций характерны относительно высокий процент ЮВ ориентации погребенных и положение их на левом боку, относительно разнообразный состав инвентаря, включающий наряду с украшениями ирменского типа, оружие, изделия из кости, астрагалы. В андронидных погребениях нередко встречаются следы огня и трупобожжение.

Среди ирменских могильников выделяются классические, погребальный обряд которых не выходит за пределы соответствующего культурного стандарта, и нетипичные, в погребальном обряде которых проявляется влияние андронидных традиций. Андронидное влияние прослеживается не только на самой северной окраине ирменского ареала, но и в ирменских могильниках Барнаульско-Новосибирского Приобья и, возможно, Кузнецкой котловины.

Андронидный компонент неоднородный и включает два варианта – еловский и корчажкинский. Корчажкинский компонент преобладает в большереченских могильниках, примесь еловс-

кого отмечается преимущественно в ирменских могильниках. Корчажнинская примесь в ирменских могильниках встречается реже. Некоторая примесь еловского компонента, по-видимому, имеется и в большереченских могильниках.

Соотношение ирменского и андронидного компонентов в культуре разных локальных групп большереченцев неодинаково: андронидный компонент доминирует в могильнике Мыльниково-I, значительно преобладает в Бобровском могильнике, в БЕ-VII, XII, XIV выражен меньше. В Томском могильнике удельный вес андронидного компонента, по сравнению с ирменским, невелик. В целом же в погребальном обряде большереченской культуры преобладает андронидный компонент.

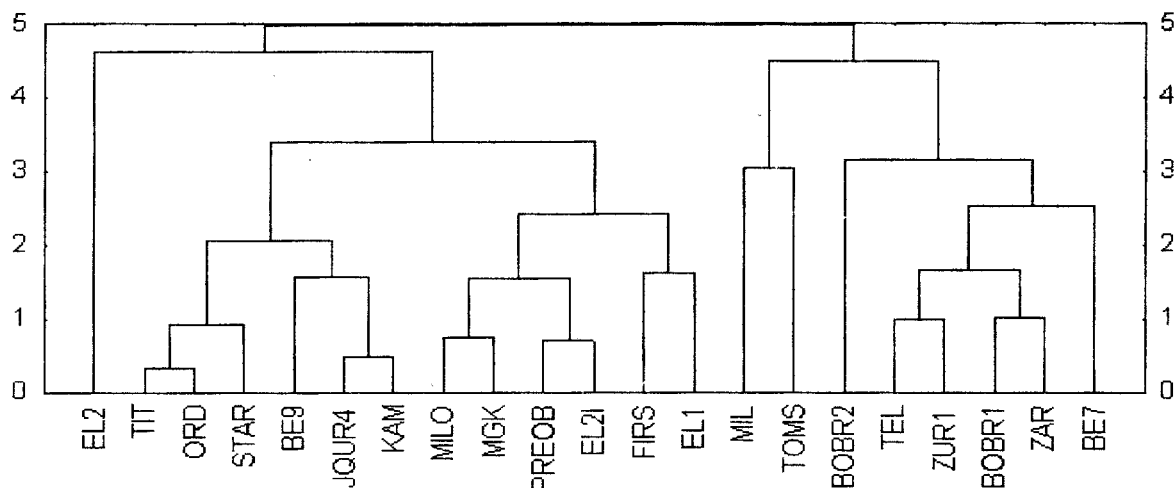

Рис. 4. Дендрограмма кластеризации 4 главных компонент вариальности погребального обряда могильников эпохи бронзы и переходного времени (методом полных связей)

При кластеризации компонент по методу полных связей в структуре исходной совокупности еловский и корчажнинский кластеры сохраняются. Но на этот раз к корчажнинскому кластеру на значительном расстоянии присоединяются могильники Томский и Мыльниково, а к еловскому – могильник Еловский II (рис. 4).

В материалах погребальных памятников большереченской культуры находит отражение не только конечный результат синтеза ирменской и андронидной традиций, но и предшествовавший этому процесс их относительно самостоятельного сосуществования в пределах одной локальной группы населения (Бобровский могильник).

Дополнительный анализ топографических, планиграфических и конструктивных особенностей погребальных памятников эпохи поздней бронзы – переходного к железу времени позволил выявить в погребальной обрядности большереченской культуры еще ряд черт, которые можно связать с андронидной традицией. Это обычай сооружения грунтовых могильников, который в большей степени присущ андронидной погребальной обрядности и совершенно не характерен для ирменской культуры, где преобладал подкурганый способ захоронения. Аналогии в некоторых андронидных памятниках находит и традиция размещения могильников большереченской культуры в непосредственной близости от поселений (50–200 м).

Для анализа антропологического состава населения большереченской культуры используется краниологическая серия из Бобровского могильника, включающая 16 мужских и 13 женских черепов.

Суммарная краниометрическая характеристика этих материалов в аспекте происхождения населения большереченской культуры оказалась недостаточно информативной и не давала возможности выйти за пределы представлений о местной генетической основе. Анализ вариальности признаков позволил установить, что антропологический состав мужской и женской части населения большереченской культуры был неоднородным. Сопоставление черепов из погребений с разной ориентацией скелетов показало, что морфологическая неоднородность краниологических материалов тесно сопряжена с неоднородностью погребального обряда. Анализ выделенных морфологических комплексов на фоне морфологической изменчивости значительного числа

краниологических серий широкого хронологического и культурного диапазона методами многомерной статистики позволяет сделать следующие заключения.

Мужские черепа из погребений с северо-западной ориентацией скелетов, которая в могильниках большереченской культуры встречается очень редко, самое ближайшее сходство имеют с мужскими черепами некоторых «раннескифских» могильников степного Алтая. Направление различий между мужскими и женскими черепами из погребений с юго-западной и юго-восточной ориентацией, маркирующей соответственно ирменскую и андроновскую традиции в Бобровском могильнике, совпадает. Черепа из андроновских погребений, по сравнению с черепами из ирменских погребений Бобровского могильника, особенно мужские, более близки к еловским. В то же время мужские черепа из андроновских погребений отличаются от еловских более резко выраженным комплексом особенностей, характерных для мужских черепов андроновской культуры Верхнего Приобья. Мужские черепа еловской культуры наибольшее сходство имеют с черепами ирменцев Барнаульско-Новосибирского Приобья.

Различия между женскими черепами из ирменских и андроновских погребений Бобровского могильника выражены сильнее, чем между мужскими черепами. Максимально расходятся женские черепа из ирменских и мужские из андроновских погребений. Мужские черепа из ирменских погребений и женские из андроновских наиболее близки. Морфотип их обнаруживает сходство с морфотипом черепов карасукской культуры. Женские черепа из ирменских погребений, характеризующиеся геперморфным типом с ошутимой монголоидной примесью, сближаются с женскими черепами из андроновских могильников степной зоны Верхнего Приобья и женскими черепами Верхнего Приобья эпохи неолита–ранней бронзы. Судя по всему, формирование ирменского компонента, вошедшего в состав населения большереченской культуры, происходило на местной андроновской основе. При этом генетическая преемственность ирменского и андроновского населения Верхнего Приобья находит более яркое отражение в морфотипе женских черепов из ирменских погребений Бобровского могильника. Андроновский компонент в антропологическом составе большереченского населения отличается от еловского более высоким удельным весом андроновского морфологического комплекса и, по-видимому, имеет самостоятельное происхождение. Примесь еловского компонента проявляется в антропологическом составе ирменского населения Новосибирско-Барнаульского Приобья.

Антропологические данные позволяют также заключить, что взаимодействие ирменского и андроновского компонентов регулировалось, преимущественно, системой брачных связей – мужчины-андроиды вступали в брак с ирменскими женщинами.

Таким образом, комплексный анализ материалов двух независимых источников – погребального обряда и антропологического состава населения Верхнего Приобья переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа убедительно доказывает, что большереченская культура формируется в результате смешения двух культурных традиций эпохи поздней бронзы – ирменской и андроновской. Не менее отчетливо выявляется доминирующая роль в этом процессе андроновских традиций.

Наряду с этим удалось уточнить, что формирование ирменского компонента происходило на местной андроновской основе степной зоны Верхнего Приобья. Андроновский компонент был неоднородным и включал два варианта – корчажкинский и еловский, формирование которых происходило, по-видимому, параллельно на разных территориях под воздействием общего фактора – гипотетического гребенчато-ямочного компонента. Корчажкинский компонент формируется на андроновской основе лесостепной зоны Верхнего Приобья. Еловский появляется в Барнаульском Приобье относительно поздно, в результате чего он как бы «накладывается» на ирменский. Еловская примесь концентрируется главным образом в ирменской среде. В большереченской культуре преобладает корчажкинский компонент. Взаимодействие ирменского и корчажкинского компонентов регулировалось преимущественно системой брачных связей – мужчины-корчажкинцы вступали в брак с ирменскими женщинами. Формы взаимодействия ирменского и еловского компонентов могли быть более разнообразными. Нивелировка различий ирменского и андроновского компонентов становится в развитии большереченской культуры основной хронологической тенденцией.

Проведенное исследование показало также, что отношения большереченцев с ближайшими соседями, чужеродными им не только по культуре, но и по происхождению, «ранними скифами» степных районов Алтая и Кулунды, нередко принимали форму вооруженных конфликтов, в то же

время фиксируются случаи включения «ранних скифов» (мужчин!) в структуру большереченских популяций. Появление в декоре большереченской керамики такого нового элемента, как крест, происходит в результате контактов большереченцев с населением родственной завьяловской культуры Новосибирского Приобья, для которой он достаточно характерен. Наиболее вероятная форма этих контактов – брачные связи мужчин-большереченцев с завьяловскими женщинами.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 00-01-00425а.

Примечания

1. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби // МИА. 1956. №48.
2. Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994.
3. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.
4. Кирюшин Ю.Ф. Лесостепной Алтай в эпоху поздней бронзы, раннем железном веке // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986.
5. Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Исследования памятников энеолита и бронзы лесостепного Алтая // III годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН. Ноябрь 1995: Тез. докл. Новосибирск, 1995.
6. Могильников В.А. Эпоха поздней бронзы Верхнего Приобья и проблема происхождения большереченской культуры // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул. 1988.
7. Шамшин А.Б. Переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа в Барнаульском Приобье (VIII–VI вв. до н.э.) // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989.
8. Кирюшин Ю.Ф. О культурах бронзового века в лесостепном Алтае // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. III.
9. Кирюшин Ю.Ф. Итоги и перспективы изучения памятников энеолита и бронзы Алтая // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985.
10. Кирюшин Ю.Ф. Периодизация культур неолита и бронзы Верхнего и Среднего Приобья // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988.
11. Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Итоги археологического изучения памятников энеолита и бронзового века лесостепного и степного Алтая // Алтайский сборник. Барнаул, 1992. Вып. XV.
12. Кирюшин Ю.Ф. Проблемы хронологии памятников энеолита и бронзы Южной Сибири // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991.
13. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век лесостепного и степного Алтая // История Алтая. Ч. 1: С древнейших времен до 1917 года. Барнаул, 1995.
14. Кирюшин Ю.Ф., Гальченко А.В., Удодов В.С., Шамшин А.Б. Хозяйственно-культурные типы поздней бронзы лесостепного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988.
15. Могильников В.А. Некоторые проблемы генезиса и этнической принадлежности культур раннего железного века лесостепи Западной Сибири // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989.
16. Шамшин А.Б., Папин Д.В. Керамика с крестовым штампом Барнаульского Приобья // Керамика как исторический источник. Тобольск, 1996.
17. Папин Д.В., Шамшин А.Б. Поселения переходного времени от эпохи бронзы к железному веку в лесостепном Алтайском Приобье // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998.
18. Шамшин А.Б., Харченко Т.В. Переходный период от бронзового века к железному в Барнаульском Приобье // Археологические исследования в Сибири. Барнаул, 1989.
19. Абдулганеев М.Т. К этнокультурной ситуации в северных предгорьях Алтая в середине I до н.э. середины I тыс. н.э. (по материалам поселений) // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1992.
20. Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996.
21. Шамшин А.Б., Фролов Я.В. Грунтовый могильник Мыльниково-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998.
22. Папин Д.В., Шамшин А.Б. Исследование памятников эпохи поздней бронзы и переходного времени в Павловском районе // Павловский район. Очерки истории и культуры. Барнаул; Павловск, 2000.
23. Сидоров Е.А. Отчет о работах в Новосибирском Приобье в 1984 г. Новосибирск, 1985. Р. I. 9521.

24. Членова Н.Л. Раскопки на Северном Алтае // Археологические открытия 1970 года. М., 1971.
25. Членова Н.Л. Раскопки на Северном Алтае // Археологические открытия 1973 года. М., 1974.
26. Уманский А.П., Бородаев В.Б. Погребение раннескифского времени близ села Красный Плакат // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991.
27. Абдулганеев М.Т. Памятники бийского этапа на Верхней Оби // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993.
28. Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализовано-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев, 1990.
29. Белова Е., Бородкин Л. QDC: программа классификации нечисловых данных с учетом экспертного знания // Информационный бюллетень комиссии по применению количественных методов и ЭВМ в исторических исследованиях при отделении истории РАН и ассоциации «История и компьютер». М., 1993.
30. Владимиров В.Н., Степанова Н.Ф. Исследование афанасьевского погребального обряда методом автоматической классификации // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994.
31. Шамшин А.Б. Погребение корчажнинской культуры из Лесостепного Алтая // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул, 1995. Ч. 2.
32. Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Погребения ирменской культуры из могильника Староалейка-II // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998.
33. Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993.
34. Новикова О.И. Могильник ирменской культуры Милованово-I // Археология вчера, сегодня, завтра. Новосибирск, 1995.
35. Членова Н.Л. Отчет о работах Алтайского отряда Западно-Сибирской экспедиции. Раскопки курганов у д. Камышенка №Р-I 1969 г. 4020,4020-а. Научный архив ИА РАН г. Москва.
36. Членова Н.Л. Отчет о работах Алтайского отряда Западно-Сибирской экспедиции. Раскопки курганов у д. Камышенка №Р-I 1970 г. 4947.
37. Членова Н.Л. Ирменское погребение с богатым инвентарем // КСИА. №167.
38. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Часть IV. Еловско-ирменская культура. Приложения. Томск, 1974.
39. Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., Шамшин А.Б. Могильники развитой и поздней бронзы на Ближних Елбанах // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996.
40. Бобров В.В. Охранные раскопки могильника поздней бронзы Журавлево-I // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996.
41. Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск, 1993.
42. Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья. Новосибирск, 1997.
43. Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск, 1989.
44. Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник (к вопросу о памятниках эпохи поздней бронзы на юге Западной Сибири) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.
45. Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник эпохи поздней бронзы на реке Инге // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ В ГОРНОМ АЛТАЕ В VI–II вв. до н.э.

В течение нескольких десятилетий большинство отечественных археологов пользовались периодизацией М.П. Грязнова, предложившего еще в 1939 г. выделить в рамках скифской эпохи Горного Алтая три периода: 1) майэмирский – VII–V вв. до н.э.; 2) пазырыкский – V–III вв. до н.э.; 3) шибинский – II в. до н.э.–I в. н.э. [1, с. 143]. Однако по мере накопления археологического материала в 60–80-е гг. становилось все более очевидно, что данная хронологическая схема не отражает реальные исторические процессы в этом регионе. Вероятно, М.П. Грязнов понимал искусственность своей концепции и пытался ее модернизировать путем выделения раннего куртуского этапа (VIII–VII вв. до н.э.) и сужения даты майэмирского этапа до VII–VI вв. до н.э. [2, с. 163]. Однако данная идея, как и предложение некоторых ученых объединить куртуский и майэмирский этапы в рамках VIII–VI вв. до н.э. [3, с. 164], вызвали серьезные возражения у некоторых исследователей [4, с. 126], что свидетельствует о несоответствии опубликованной периодизации уровню развития отечественной науки.

В связи с пересмотром концепции М.П. Грязнова ряд ученых стал высказываться о неправомерности использовать понятие «ранние кочевники» применительно к скифской эпохе Евразии. В этой ситуации Д.Г. Савинов попытался конкретизировать и уточнить данный термин, предложенный М.П. Грязновым еще в 1939 г. [5, с. 76–80]. Используя данные этнографии, Д.Г. Савинов отметил, что термин «кочевники» можно рассматривать в двух взаимосвязанных аспектах: хозяйственном и социальном. По его мнению, ошибкой М.П. Грязнова было отнесение к «ранним кочевникам» культур, которые далеко не все являлись кочевническими (например, тагарская, большереченская). Д.Г. Савинов предложил определить эпоху ранних кочевников как конкретный исторический период от конца эпохи бронзы до начала становления государств (гунно-сарматское время), для которого характерна определенная соционормативная модель культуры, основанная на полукочевом или отгонном скотоводстве со всеми присущими ему атрибутами и соответствующим уровнем развития социальных отношений, идеологии и искусства. При этом необходимо учитывать и региональную специфику отдельных археологических культур. Понятие «поздние кочевники» Д.Г. Савинов предложил не использовать, поскольку оно ничем не мотивировано, кроме неопределенной хронологической позиции по отношению к «ранним кочевникам» [5, с. 76–80].

Новые данные, полученные при раскопках сотен курганов VI–II вв. до н.э. в Горном Алтае, позволили исследователям вновь обратиться к анализу культурно-исторической ситуации той эпохи. Одним из первых к решению этой проблемы в первой половине 80-х гг. приступил А.С. Суразаков. В 1983 г. он в одной из своих статей пытался обосновать выделение особой кара-кобинской культуры, которая вместе с ранее известной пазырыкской культурой укладывалась в VI–II вв. до н.э. Основные особенности кара-кобинских памятников – погребения с умершими в каменных ящиках, обычно без сопроводительного захоронения лошади, отсутствие балбалов, кольцевых выкладок [6]. Эти идеи получили дальнейшее развитие в работах А.С. Суразакова, в том числе в его диссертации [7], а также в статьях В.А. Могильникова [8, с. 40–71; 9, с. 35–67; 10, с. 60–107]. В рамках кара-кобинской и пазырыкской культур все известные памятники А.С. Суразаков подразделил на три хронологические группы: 1) конец VI–V вв. до н.э.; 2) V–IV вв. до н.э.; 3) III–II вв. до н.э. [7]. Кроме того, памятники данного периода Северо-Западной Монголии, Тувы, Восточного Казахстана и Горного Алтая он объединил в саяно-горно-алтайскую культурно-историческую общность [11, с. 65].

В.А. Могильников, обращаясь к той же проблематике, предложил разделить раннескифское время, в рамках особой пазырыкской культуры, на два этапа: куртуский – VIII–VII вв. до н.э. и майэмирский – VII–VI вв. до н.э. При этом он отметил территорию распространения культуры в двух локальных вариантах: южный (куртуско-катонский) и северный (усть-куюмский). На основе усть-куюмского локального варианта сформировалась кара-кобинская культура V–III вв. до н.э., пазырыкская представляла собой результат взаимодействия местного населения и племен, пришедших из степей Казахстана [9, с. 53; 10, с. 74, 83]. Исследователь также отметил, что в Юго-Восточном Алтае преобладают пазырыкские, а в Центральном Алтае, по среднему течению р. Катунь и

Урсул – кара-кобинские и смешанные памятники. В то же время обнаружение в Центральном Алтае курганов пазырыкской знати (Башадар, Туекта, Шибе и др.) свидетельствует о контроле пазырыками этой территории. Наличие смешанных могильников, включающих памятники обеих культур, свидетельствует о взаимодействии этих племен и даже об ассимиляции кара-кобинцами пазырыками [10, с. 75–77].

Предложенная В.А. Могильниковым схема этнокультурного развития населения в Горном Алтае в раннем железном веке вызвала неоднозначные оценки исследователей. По мнению А.А. Тишкина, эта концепция выглядела «гипотетичной и в некотором плане искусственной, но не лишенной логичности и имела своеобразный подход к культурно-хронологической проблеме формирования и развития скифской эпохи, определив задачи и направления дальнейших исследований» [4, с. 125].

В то же время точку зрения В.А. Могильникова в целом поддержали А.С. Суразаков, П.И. Шульга и некоторые другие археологи. Так, П.И. Шульга, развивая отдельные положения концепции В.А. Могильникова отмечал, что формирование пазырыкцев происходило, с одной стороны, под влиянием внешнего импульса [12, с. 77–80], а с другой – от «кююмцев», «семисартцев» и от раннескифского населения предгорий и примыкавших южных территорий [13, с. 248]. В то же время исследователь неоднократно высказывался против необходимости выделения особой кара-кобинской культуры. Он вполне правомерно, на основе анализа всех имеющихся материалов, пришел к выводу, что в Горном Алтае существовала одна культура, но с разными типами погребений, в том числе и в каменных ящиках [13; 14, с. 20–23]. В данном случае речь идет не столько даже о разных типах погребений, сколько о разнообразных погребальных конструкциях, поскольку по остальным показателям, как выяснилось, пазырыкские и кара-кобинские памятники не имели принципиальных отличий, которые могли послужить критериями для выделения новой культуры. Позднее П.И. Шульга предложил выделить еще один тип погребения, не давая ему определенного названия. Основными особенностями нового, третьего, типа являются, по мнению ученого, захоронения (часто парные) в срубках, деревянных рамах и сооружениях из камня с деревянным перекрытием; умершие ориентированы на восток или юго-восток; расположение инвентаря во всех погребениях одинаково [13, с. 247].

Проблема выделения новых типов погребений требует отдельного рассмотрения. В данном случае следует лишь отметить, что отнесение разных типов погребальных сооружений к одному типу погребения в дальнейшем требует более детального обоснования. Это связано с тем, что в контексте разработанного отечественными археологами традиционного подхода к погребальному обряду пазырыкской культуры погребальные конструкции являются одним из наиболее определяющих показателей при выделении конкретного типа захоронения. Особо стоит указать на погребения в рамах [15, с. 19–24; 16, с. 77–83; 17, с. 581–591], которые в совокупности с рядом других черт погребального обряда (в том числе и не характерных для «классических» пазырыкских памятников, например, ориентация курганных цепочек (по линии ССВ–ЮЮЗ, СВ–ЮЗ, З–В), вытянутое положение умершего и др.) встречаются, главным образом, на памятниках, расположенных в районе нижнего и среднего течения р. Катунь и верхнего течения р. Ануй. Вероятнее всего, зафиксированные особенности погребального обряда являются следствием взаимодействия племен предгорной зоны с населением прилегающих западных и северо-западных районов Алтая.

Накопление огромного количества фактического материала к концу 80–началу 90-х гг. по скифской эпохе Горного Алтая привело к тому, что ряд исследователей вынуждены были пересмотреть свои прежние позиции на этнокультурную историю древних кочевников этого региона. Так, А.С. Суразаков отказался от необходимости выделения особой кара-кобинской культуры и склонился к точке зрения П.И. Шульги, согласно которой в Горном Алтае в VI–II вв. до н.э. существовала одна – пазырыкская культура, но с разными типами погребений. Ученый также отметил, что в формировании культуры ранних кочевников Алтая приняли участие племена культуры керексуров и монгуй-тайгинской культурной общности [18, с. 171]. В своей монографии «Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения» исследователь обобщил известные к первой половине 80-х гг. материалы из рядовых курганов, представил анализ различных категорий инвентаря и ранее предложенную периодизацию. Все рассмотренные памятники по времени сооружения условно были объединены в три хронологических отрез-

ка в рамках пазырыкской, кара-кобинской и чумышско-ишимской групп. Каждая группа памятников характеризовалась определенными особенностями погребального обряда [11].

Обобщенный А.С. Суразаковым археологический материал, накопленный к середине 80-х гг., показал, что завершающий этап пазырыкской культуры следует датировать III–II вв. до н.э., а не II в. до н.э.–I в. н.э., как это предлагали М.П. Грязнов [1; 2], а затем В.Д. Кубарев [19, с. 131] и некоторые другие исследователи.

Необходимо отметить, что в свое время еще С.И. Руденко, а затем С.С. Черников высказывались против отнесения позднепазырыкских памятников к так называемому шибинскому этапу (II в. до н.э.–I в. н.э.), выделенного М.П. Грязновым [20, с. 162–171; 21, с. 133]. В конце 70-х гг., после исследования курганов рядовых кочевников и повторного изучения материалов из кургана Шибе [22, с. 37–44; 23, с. 55–65; 24, с. 48–58] вновь был поставлен вопрос о правомерности такой датировки завершающего этапа скифской культуры Горного Алтая. В результате было установлено, что Шибинский курган следует датировать не позднее III в. до н.э. [22, с. 48]. Учитывая все эти новые данные, Д.Г. Савинов предложил поздний период пазырыкской культуры отнести ко II–I вв. до н.э. [25, с. 53–54]. Однако первоначально эта точка зрения существовала как альтернативная традиционной. Только постепенно со второй половины 80-х гг. большинство ученых стали придерживаться новой датировки завершающего этапа пазырыкской культуры II–I вв. до н.э. [26, с. 138; 27, с. 16] или немного более ранней III–II вв. до н.э. [11, с. 116–117; 14; 28, с. 193–196]. Л.Р. Кызласов даже высказался за переименование шибинского этапа в уландрыкский [29, с. 119], но не встретил поддержки у других исследователей. В.Д. Кубарев, в частности, отметил, что это ничего кроме терминологической путаницы не принесет [19, с. 131].

Другая культурно-хронологическая концепция представлена в работах Л.С. Марсадолова. Памятники Алтая он отнес к двум этапам. Первый, майэмирский, этап датирован VIII–VII вв. до н.э., возможно, первой четвертью VI в. до н.э., и включал в себя две группы памятников («вытянутые» и «сгорченные»). Второй пазырыкский период условно укладывался в рамки VI–IV вв. до н.э. [30, с. 10–11]. Исследователь также обратил внимание на то, что завершение майэмирского и начало пазырыкского этапов синхронно ряду исторических событий, в частности, разгрому Ассирии мидийцами, походам скифов в Малую Азию, усилению державы Ахеменидов. Завершение пазырыкского этапа совпало с походами А. Македонского в Малую и Среднюю Азию, что привело к большим перемещениям племен и народов (330–320 гг. до н.э.) [30, с. 15]. Корреляция дат, полученных на основе анализа различных источников, в том числе с привлечением данных естественных наук, позволила соотнести этапы развития древних кочевников с конкретными историческими событиями. В наиболее полном виде синхронизация археологических и письменных источников была представлена позднее Д.Г. Савиновым, который отметил, что на протяжении всего пазырыкского времени доминировала западная линия синхронизации, а с 201 г. до н.э. (северный поход Мадония) она меняется на восточную [31, с. 93–94].

В монографии, посвященной истории изучения памятников Алтая VIII–IV вв. до н.э., Л.С. Марсадолов дополнил свои ранее сделанные выводы реконструкцией этнических и этногенетических процессов, протекавших в данном регионе. В различных частях Алтая в рамках VIII–VII вв. до н.э. и VI–IV вв. до н.э. ученый выделил локальные этнокультурные группы археологических памятников, которые, возможно, соответствовали расселению древних племен («куртусцы», «майэмирцы», «пазырыкцы», «семисарцы» и др.) [32, с. 57–73]. В дальнейшем, развивая теорию этногенеза пазырыкцев, Л.С. Марсадолов провел сопоставление материалов из тумулусов Гордиона (Турция, VIII–VII вв. до н.э.) и Алтая (VI–IV вв. до н.э.), указав на черты сходства в погребальном обряде и в инвентаре, свидетельствующих, по мнению автора, о существовании определенной генетической преемственности между ними [33, с. 22–24, 42]. В целом же этногенетическое развитие пазырыкцев проходило в несколько этапов по следующей схеме: Синташта (СМ, погр. 10, 16 – XVII–XVI вв. до н.э.)–памятники срубной культуры (XV–XII вв. до н.э.) переходные памятники (XI–IX вв. до н.э.)–киммерийцы +Гордион (VIII–VII вв. до н.э.)–пазырыкцы (VI–IV вв. до н.э.)

В предложенной концепции исследователь попытался отразить сложную картину культурно-исторического развития кочевников этого региона. Ученый вполне правомерно указал на приток населения на Алтай после известных исторических событий. В дальнейшем следует особо обратить внимание на данные, свидетельствующие о перемещении сакских племен в данный регион

в VII–начале VI вв. до н.э. [34, с. 709]. Существование таких этнокультурных связей подтверждается материалами Алтая, Казахстана и Восточного Туркестана [28; 34; 35, с. 13–14; 36; 37, с. 156–189]. Следует также отметить перспективность подхода Л.С. Марсадолова к построению хронологии памятников, основанного на естественно-научных методах датирования. Создание абсолютной дендрохронологической шкалы позволит существенно продвинуться в решении проблем культурно-хронологического характера.

В конце 80-х гг. наблюдается повышение интереса ряда исследователей к раннему железному веку Китая [38, с. 75–82; 39, с. 122–124], а также к связям Китая и Алтая в скифское время [40; 41, с. 90–92; 42, с. 143; 43, с. 26–30; 44–48].

Н.В. Полосьмак в одной из своих статей, посвященных этому же вопросу, указывает на то, что материалы из погребений северо-западного Синьцзяна (элементы звериного стиля, посуда, оружие, одежда и татуировка), а также некоторые черты погребального обряда, например, мумификация, имеют определенные аналогии в культуре, которая определялась образом жизни кочевников в горной местности, общностью основных мировоззренческих представлений, постоянными контактами между пазырыкцами Горного Алтая и населением Синьцзяна а также, возможно, их этнической однородностью. А.А. Ковалев полагает, что в позднескифское время сложилось определенное религиозно-политическое единство Ордоса и Саяно-Алтая, что нашло проявление, с одной стороны, в передвижении групп населения из Ордоса на Саяно-Алтай и Западную Сибирь, а с другой – в формировании на базе саяно-алтайских традиций особой субкультуры высшего слоя ордосского общества. Исследователь также делает предположение, что, возможно, существовало этническое единство между социальной верхушкой ордосских и алтайских племен [38, с. 81–82].

Некоторые из исследователей, рассматривая образы пазырыкского искусства, высказали предположение о Северо-Западном Китае как об «исходном районе обитания предков пазырыкцев» [49, с. 157]. Однако не все ученые склонны разделять эту точку зрения. Так, П.И. Шульга отметил, что, во-первых, китайские вещи (шелковые вещи и зеркало) появляются лишь в поздних курганах, а во-вторых, большая часть так называемых «китайских» образов, возможно, является не китайскими, а переднеазиатскими [34, с. 709–710]. По мнению ученого, связи Алтая с Восточным Туркестаном уже в раннескифское время [28] не дают оснований выводить пазырыкскую культуру из юго-восточных территорий, а наоборот, на традиционные контакты скотоводов Алтая с Передней Азией [34, с. 710]. Несмотря на то, что следует признать наличие определенных культурных связей между ордосскими и пазырыкскими племенами, в то же время говорить об их этническом единстве, даже хотя бы социальной верхушки, пока явно преждевременно.

Отдельной проблемой является попытка соотнести пазырыкцев с конкретным этническим объединением, известным по письменным источникам. В свое время С.И. Руденко предложил отождествить пазырыкцев с юечжами, упоминавшимися в китайских летописях. При этом часть пазырыкских племен под давлением хуннов на рубеже III–II вв. до н.э. переместилась в Среднюю Азию, а другая часть осталась в Горном Алтае [20]. Точку зрения С.И. Руденко поддерживали Д.Г. Савинов (1984), Б.И. Кузнецов (1997), В.И. Сарияниди (1989), Ю.В. Тетерин (1994) и некоторые другие ученые. Но в последние годы появляются работы, в которых авторы высказываются против такого решения проблемы. Так, А.А. Ковалев указывает на то, что юечжи впервые достоверно локализируются во II в. до н.э. китайскими источниками в Ганьсуйском коридоре «между Дуньхуаном и горами Цзяньнь» [38]. Однако в одной из своих последних статей Д.Г. Савинов и С.Г. Кляшторный привели весомые аргументы в пользу правомерности отождествления юечжей с пазырыкцами, но при условии широкого понимания границ распространения памятников пазырыкской культуры, включающих территории южных районов Саяно-Алтайского нагорья, Западной Монголии и Восточного Туркестана [74, с. 169–177].

В 80–90-е гг. ученые вновь, как и в предшествующий период, обращают серьезное внимание на антропологические материалы, полученные в результате раскопок курганов пазырыкской культуры [50, с. 175–178; 51, с. 38–65; 52, с. 167–175; 53, с. 249–250]. Первоначально исследователи восприняли идеи, высказанные в 40–50-е гг. Г.Ф. Дебецем, В.П. Алексеевым о расовой неоднородности носителей пазырыкской культуры, которая заключалась в наличии представителей европеоидного, монголоидного и метисных типов. В последующие годы по мере накопления антропологического материала, исследования в этой области продолжались. В результате этой работы

было установлено, что основной европеоидный компонент пазырыкцев имеет те же генетические корни, что и население кочевых и полукочевых племен скотоводов, обитавших на территории Парфии, Маргианы, Северной Бактрии [53, с. 251]. По мнению Т.А. Чикишевой, преобладание переднеазиатских влияний в пазырыкское время объясняется не только контактами, но и вкладом групп населения, переселившихся с запада на Алтай в эпоху бронзы. Именно в пазырыкском населении сохранился в наименее модифицированном виде атропологический тип, характерный для древних скотоводов Передней и Средней Азии. Обнаружение в антропологическом составе пазырыкских племен автохтонного монголоидного расового компонента, генетически связанного с мощным антропологическим пластом носителей культур окуневского круга, позволяет поставить под сомнение определяющую роль расового компонента байкальского типа расогенеза пазырыкцев. Кроме того, в одной из своих работ исследовательница отмечает, что пазырыкцы и популяция Улангома близки части сакских племен, которые сформировались при участии окуневско-карасукского компонента [53].

Эти антропологические данные подтвердили предположение ученых о культурно-исторической общности племен Горного Алтая, Восточного Туркестана, Северо-Западной Монголии, Восточного Казахстана.

С.С. Тур, проведя антропологический анализ черепов людей с могильников среднего и нижнего течения р. Катунь, отметила наличие в них уралоидного компонента автохтонного происхождения. Это свидетельствует о том, что сходство черепов пазырыкцев этой части Горного Алтая и современных тюрко-самодийских групп Западной Сибири и кетов базируется на общей генетической основе, истоки которой уходят в неолит-энеолит [75, с. 205]. Результаты исследования С.С. Тур дают дополнительные основания для обоснования положения об этногенетической неоднородности представителей пазырыкской культуры. Очевидно, что дальнейшие исследования в этом направлении с привлечением других материалов будут способствовать выявлению истоков пазырыкской культуры и определению ее локальных вариантов.

Следует отметить, что анализ культурно-хронологической ситуации в скифское время в Горном Алтае построен, главным образом, на материале погребений, но постепенно привлекаются результаты раскопок синхронных поселений. Это привело к возникновению целого комплекса проблем, связанных с изучением самих поселенческих комплексов, в том числе установлению их датировки и культурной принадлежности [54, с. 168; 55]. П. И. Шульга в свое время предложил условно разделить поселения на две группы: скотоводческую и земледельческую. Первая, наиболее многочисленная, группа связана, по его мнению, с собственно пазырыкцами и кара-кобинцами, а вторая, к которой относится всего несколько памятников, с автохтонным населением, проживавшим еще до прихода пазырыкских племен и позже. Подобный подход к проблеме вызвал у некоторых исследователей ряд возражений [54, с. 168], в том числе и вопрос о необходимости передачивать земледельческую группу памятников. По мнению М.Т. Абдулганеева, эту совокупность поселений следует относить не к скифскому времени, а к гунно-сарматскому и связывать с материалами булан-кобинской культуры [54, с. 168].

Рассматривая проблемы этнокультурного развития кочевников Горного Алтая в раннем железном веке, необходимо отметить сложение двух противоположенных тенденций в современной скифологии в связи с изучением скифской архаики в целом. С одной стороны, ряд исследователей пытается «удревнить» памятники скифской эпохи, используя для этого во многих случаях, кроме традиционных археологических источников, данные дендрохронологического и радиоуглеродного анализа [32, с. 48; 56, с. 141–156; 57; 58, с. 36–44; 59, с. 86–93; 60; 61, с. 265–283; 62]. С другой стороны, вторая группа ученых, опираясь на анализ предметов вещевого комплекса и письменные источники, настаивает на необходимости «омоложения» скифских памятников Евразии, в том числе и пазырыкских курганов [63–69].

Дискуссия по вопросам датировки скифских памятников евразийских степей, в том числе и Горного Алтая, нашла отражение во многих научных публикациях. Одной из последних работ, посвященных этой проблеме, является монография Н.Л. Членовой «Скифы и Центральная Азия. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира». В ней автор подробно рассматривает датировку «опорных» скифских курганов, прежде всего Аржана, на основе традиционного анализа археологических источников. В результате Н.Л. Членова, как и в предыдущих своих публикациях, настаивает на необходимости пересмотреть датировку кургана Аржан в сторону его «омоложения»

до VII–VI вв. до н.э. [70, с. 26], что в свою очередь ведет к пересмотру дат базовых памятников скифского времени Горного Алтая и других регионов. Следует отметить, что такой традиционный подход автора к решению проблемы хронологии через установление аналогий отдельным предметам вещевого комплекса, при игнорировании методов датировки естественных наук не позволяет в полной мере решать проблемы культурно-хронологического характера на современном этапе развития науки.

Таким образом, анализ основных культурно-хронологических концепций развития культуры кочевников Горного Алтая в скифскую эпоху показал, что данная проблема еще далека от своего окончательного решения. Большинство ученых ограничивают пазырыкскую культуру хронологическими рамками VI–II (I) вв. до н. э. Сформировалась эта культура в Горном Алтае в результате перемещения сакских племен с более западных районов, но с каких, конкретно пока сказать окончательно не представляется возможным. Вероятно, в процессе формирования пазырыкской культуры приняло определенное участие местное население раннескифского времени, подвергнувшееся непосредственному всестороннему воздействию пришедших сакских племен. Упадок этой культуры связан с военной экспансией хуннов, в результате чего часть пазырыкцев (юечжей) переместилась в Среднюю Азию, а другая часть приняла участие в формировании новой булан-кобинской культуры. Не разработана окончательно внутренняя периодизация самой пазырыкской культуры, что связано с дискуссией об «омоложении»/удревнении скифских памятников. Отдельной проблемой является выделение локальных вариантов культуры, на что уже обращали внимание исследователи [71, с. 16–19; 72, с. 40–41]. В сложившейся ситуации наиболее перспективным представляется комплексный подход в изучении скифских древностей на более широкой источниковой основе, а не только на материалах «элитных» курганов. Следует особый упор сделать на естественно-научные методы датирования и создание абсолютной дендрохронологической шкалы евразийских степей. Для окончательного решения вопросов этнокультурного разграничения целесообразно провести археологические раскопки в слабоизученных районах Горного Алтая (Усть-Канский, Усть-Коксинский), на что уже указывали некоторые из археологов [73]. Особо следует обратить внимание на материалы раскопок из Восточного Туркестана, Северо-Западной Монголии, которые современные отечественные археологи знают слабо из-за публикации их главным образом на иностранных языках. Между тем именно анализ всей совокупности источников, в том числе и с сопредельных территорий, позволит значительно продвинуться в реконструкции культурно-исторических процессов, протекавших в этом регионе в скифское время.

Примечания

1. Грязнов М.П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет издания АН СССР). Т. 2. М.; Л., 1939.
2. Грязнов М.П. Алтай и приалтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
3. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматскую эпоху. М., 1992.
4. Тишкин А.А. Некоторые аспекты культурно-хронологического решения проблемы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994.
5. Савинов Д.Г. Соотношения социального уровня развития южносибирских археологических культур во второй половине I тыс. до н.э. // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1989. Ч. 1.
6. Суразаков А.С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань-I // Археологические исследования в Горном Алтае. Горно-Алтайск, 1983.
7. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в конце-VI начале II вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1985.
8. Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар-II-V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тыс. до н.э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983.
9. Могильников В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986.
10. Могильников В.А. Курганы Кер-Кечу // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988.
11. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988.

12. Марсадолов Л.С. Об этногенезе пазырыкцев Алтая // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997.
13. Шульга П.И. Этнокультурная ситуация в Горном Алтае и северо-западных предгорьях в VII–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.
14. Шульга П.И. К вопросу о культуре скотоводов Горного Алтая в VI–II вв. до н.э. // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986.
15. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Классификация погребальных сооружений скифской эпохи Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. Вып. 2.
16. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Ориентация и положение погребенных людей в курганах скифской эпохи Горного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. Вып. 3.
17. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Значение лошади в культуре населения Горного Алтая скифской эпохи // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998.
18. Суразаков А.С. Об этногенезе населения Горного Алтая рубежа эпохи бронзы и скифского времени // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988.
19. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
20. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
21. Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников // Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
22. Баркова Л.Л. Курганы Шибе и вопросы его датировки // АСГЭ 1978. Вып. 19.
23. Баркова Л.Л. Погребение коней в кургане Шибе // АСГЭ. 1979. Вып. 20.
24. Баркова Л.Л. Курганы Шибе. Предметы материальной культуры из погребальной камеры // АСГЭ. 1980. Вып. 21.
25. Савинов Д.Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // КСИА 1978. Вып. 154.
26. Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы». Новосибирск, 1994.
27. Кубарев В.Д. Древние кочевники Восточного Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1997.
28. Шульга П.И. О сакском влиянии на Алтай в раннескифское время // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997.
29. Кызласов Л.Р. Древняя Тува. М., 1979.
30. Марсадолов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985.
31. Савинов Д.Г. Возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучение культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991.
32. Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV вв. до н.э. (от истоков до нач. 80-х гг.). СПб., 1996.
33. Марсадолов Л.С. Исследование в Центральном Алтае (Башадар, Талда). СПб., 1997.
34. Шульга П.И. О происхождении и развитии пазырыкской культуры // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998.
35. Литвинский Б.А. Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблемы этнокультурной общности) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984.
36. Литвинский Б.А., Погребова М.Н., Раевский Д.С. К ранней истории саков Восточного Туркестана // Народы Азии и Африки. 1985. Вып. 5.
37. Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранний железный век // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1988.
38. Ковалев А.А. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.
39. Миняев С.С. К хронологии и периодизации скифских памятников Ордоса // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991.
40. Переводчикова Е.В. Еще раз об этнокультурных влияниях в скифском зверином стиле Алтая и соседних областей в V–VI вв. до н.э. // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1992. Ч. 2.
41. Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М., 1994.
42. Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск, 1994.
43. Варенов А.В. Скифские материалы из китайской части Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.
44. Bunker E.C. Dangerous Scholarship: On citin unexcavated Artefacts from Inner Mongolia and North China

// Orientations. 1989. №6.

45. Bunker E.C. The Chinese artifacts among the Pazyryk finds // Notes in the history of art. 1991. №4. Vol. 10.
46. Bunker E.C. Ancient bronzes of the Eurasian steppes from the A. M. Sacler collections. Seattle and London, 1997.
47. Haskins G.F. China and Altai//Bulletin of the Asia Institute. New Series. Volume 2. 1988.
48. Orioli M. Pastoralism and nomadism in south-west China a Brief Survey of the archaeological evidence // The archeology of the steppes. Methods and strategies. Napoli, 1994.
49. Яценко С.А. Загадочные монстры пазырыкцев и китайская мифология эпохи Чжоу // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996.
50. Алексеев В.П. К палеоантропологии Горного Алтая в эпоху раннего железа // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.
51. Алексеев В.П. Палеоантропология степей Евразии в скифское время // История и палеоантропология скифо-сибирского мира. Кемерово, 1986.
52. Чикишева Т.А. Характеристика палеоантропологического материала памятников Бертекской долины // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск, 1994.
53. Чикишева Т.А. К вопросу о формировании антропологического состава населения пазырыкской культуры // Новые археологические и антропологические открытия в Сибири. Новосибирск, 1996.
54. Абдулганеев М.Т. Поселение Майма-1 и культурно-хронологическая атрибуция земледельческих поселений Горного Алтая // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998.
55. Дашковский П.К. Основные проблемы изучения поселений скифской эпохи Горного Алтая // Поселения: среда, культура, социум. СПб., 1998.
56. Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., Лебедева Л. М. Корреляция дендрохронологических и радиоуглеродных определений для больших курганов Саяно-Алтая // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994.
57. Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., Семенцова А.А., Лебедева Л.М. Возможности радиоуглеродного датирования для привязки плавающей шкалы больших курганов Саяно-Алтая к календарному времени // Радиоуглерод и археология. СПб., 1996. Вып. 1.
58. Зайцева Г.И., Васильев С.С., Марсадолов Л.С., Ван дер Плихт Х., Семенцов А.А., Дергачев В.А., Лебедева Л.М. Радиоуглерод и дендрохронология ключевых памятников Саяно-Алтая: статистический анализ // Радиоуглерод и археология. СПб., 1997.
59. Семенцов А.А., Зайцева Г.И., Герсдорф Й., Боковенко Н.А., Парцингер Г., Наглер А., Чугунов К.В., Лебедева Л.М. Вопросы хронологии памятников кочевников скифской эпохи Южной Сибири и Центральной Азии // Радиоуглерод и археология. СПб., 1997.
60. Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и древний Восток // РА. 1993. №3.
61. Исмагилов Р. Б. О некоторых тенденциях развития современной отечественной скифологии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.
62. Исмагилов Р.Б. Ранние скифы и Центральная Азия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993.
63. Погребова М.Н. О принципах датировки скифской архаики // РА. 1993 №2.
64. Раевский Д.С. О логике построения раннескифской хронологии // РА. 1993. №2.
65. Тохтасев С.Р. К хронологии и этнической атрибуции памятников скифского типа на Ближнем Востоке и в Малой Азии // РА. 1993. №2.
66. Чугунов К.В. Датировка больших пазырыкских курганов – новый виток старой дискуссии // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. 1.
67. Грантовский Э.А. О хронологии пребывания киммерийцев и скифов в Передней Азии // РА. 1993. №2.
68. Раев Б.А. Пазырык и «Хохлач»: некоторые параллели // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1984.
69. Раев Б.А. Аланы в евразийских степях: восток–запад // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989.
70. Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М., 1997.
71. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Погребения человека с конем в курганах пазырыкской культуры Горного Алтая // История и культура народов Саяно-Алтая: в прошлом, настоящем и будущем. Горно-Алтайск, 1998.
72. Миронов В.С. К вопросу о выделении культурно-хронологического типа памятников конца I тыс. до н.э. на средней Катуни // Материалы XXXVII международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск, 1999.
73. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Основные этапы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.
74. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Пазырыкская узда. К предыстории хуннско-юэчжийских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб., 1998.
75. Тур С.С. Об уралоидном компоненте в антропологическом составе населения Горного Алтая скифского времени // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.

АВАРИЙНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ У С. КАСТАХТА

Разновременный курганный могильник Кастахта, расположенный у с. Кастахта Усть-Коксинского района Горно-Алтайской автономной области (в настоящее время – Республика Алтай), был открыт в 1979 г. и частично исследовался в период полевых работ 1983 г. [1, с. 184; 2, с. 244; 3, с. 223–224; 4, с. 168–183]. В настоящей работе рассматриваем хронологические, этнокультурные характеристики трех исследованных курганов данного памятника.

Курган 24 расположен в южной части могильного поля в ряду основной цепочки объектов. Задернованная каменная конструкция округлой формы диаметром 14 м, в центральной части ее имелось углубление диаметром 6 м, глубиной 0,80 м, которое возвышалось над современной дневной поверхностью на 0,83 м.

Прямоугольная в плане могильная яма размерами 4,80х3,20 м на глубине 1,40 м ориентирована по линии запад-восток и имеет слегка покатые, с незначительным уступом при глубине 2,55 м, стенки, сужающиеся ко дну до 3,80х2,40 м, глубиной 3,60 м. В заполнении ямы встречались кости животных, человека, угольки, обожженное дерево и тлен. Вероятно, некогда существовало деревянное перекрытие захоронения, разрушенное и истлевшее со временем. На дне ямы вдоль северной стенки лежал скелет лошади на правом боку с подогнутыми конечностями, головой, ориентированной на восток (рис. 1). Голова лежала на «каменной подушке» (2 плоских камня уложены вплотную друг к другу). Лошадь, вероятно, укладывалась взнузданной и оседланной, о чем свидетельствуют найденные во рту железные удила, костяная пряжка узды под черепом и костяная подпружная пряжка (рис. 4). Детали узды и седла, видимо, были украшены листовым золотом, ибо их фрагменты обнаружены при расчистке конского костяка (рис. 1).

Сильно потревоженный скелет человека находился на дне могилы на 25–20 см ниже уровня конского костяка. Правые бедренная кость, правое крыло таза, левая плечевая кость руки все же находились в анатомическом порядке. Судя по ним, умерший был положен у южной стенки ямы на правом боку с подогнутыми в коленях ногами, головой ориентирован на восток (рис. 1).

Сопроводительный инвентарь покойника представлен глиняным сосудом, который косвенно подтверждает восточную ориентацию умершего (рис. 8.-2). Известно, что в исследованных горно-алтайских памятниках скифского времени керамические сосуды ставились в большинстве случаев в районе головы погребенных.

Курган 38 расположен в центральной части могильного поля в ряду основной цепочки объектов. Задернованная каменная конструкция округлой формы диаметром 9 м, в центральной части которой имелось углубление диаметром около 2,80 м, глубиной 0,56 м, возвышалось над современной дневной поверхностью на 0,50 м.

Подпрямоугольная в плане могильная яма с сильно закругленными углами имеет размеры 5,40х2,40х2,80 м и ориентирована по линии запад-восток (рис. 2). В заполнении ямы встречались кости человека, угольки, обожженное дерево. На дне ямы, в ее южной части, обнаружены бронзовый кинжал в ножнах из сыромятной кожи, обломок бронзового кинжала в деревянных ножнах, бронзовый чекан, два керамических сосуда, один из которых с носиком-сливом, фрагменты листового золота (рис. 5.-1, 2; 6.-1, 2). Из ямы полностью выкинут человеческий костяк, которого в потусторонний мир сопровождали два конских костяка (рис. 2). Они уложены вдоль северной стенки на 0,15 м выше уровня находок, на левом боку с подогнутыми конечностями, ориентированы черепами на восток и были, видимо, взнузданными и оседланными (во рту найдены плохой сохранности железные шарнирные удила, также обнаружены костяные подпружные и уздечная пряжки) (рис. 5.-3, 4; 6.-3).

Курган 40 на дневной поверхности выделялся в виде всхолмления округлой формы диаметром 10 м, высотой 0,64 м. В центральной части задернованной каменной конструкции имелось углубление диаметром 4 м, глубиной 0,72 м.

Подпрямоугольная в плане могильная яма с сильно закругленными углами имеет размеры 3,20х2,0х2,60 м и ориентирована по линии запад-восток (рис. 3). В яме обнаружено погребение человека в сопровождении двух конских костяков. Умершего уложили вдоль южной стенки на

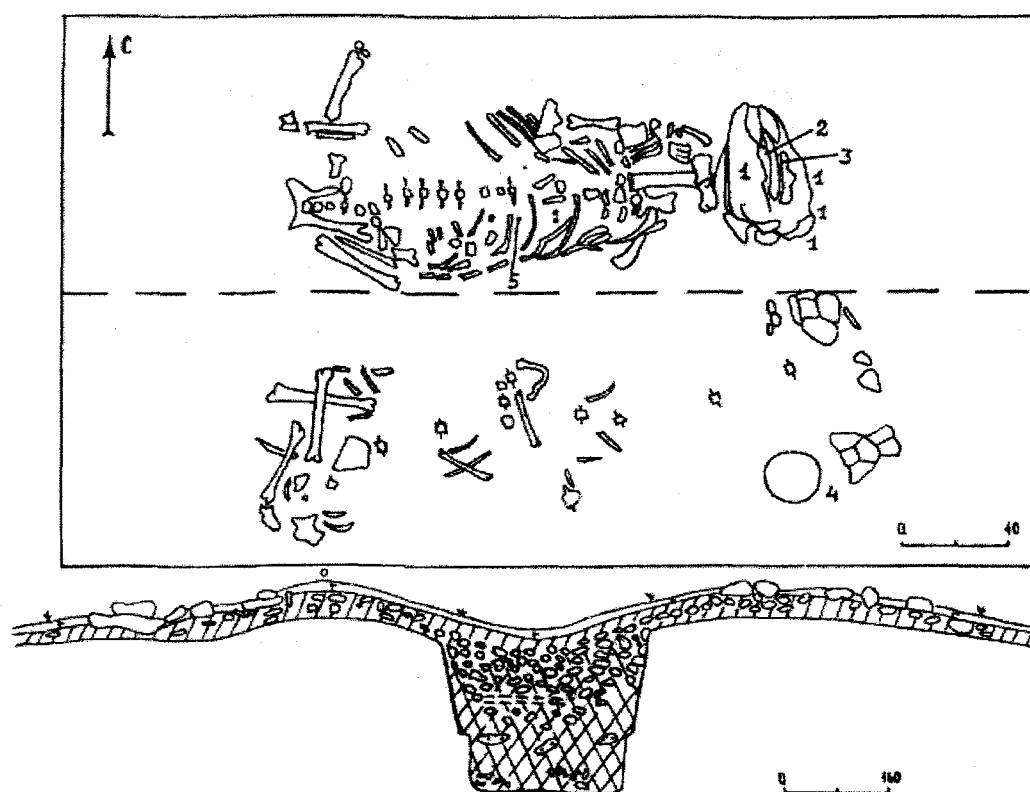

Рис. 1. Могильник Кастахта. Курган 24. Погребение. Разрез

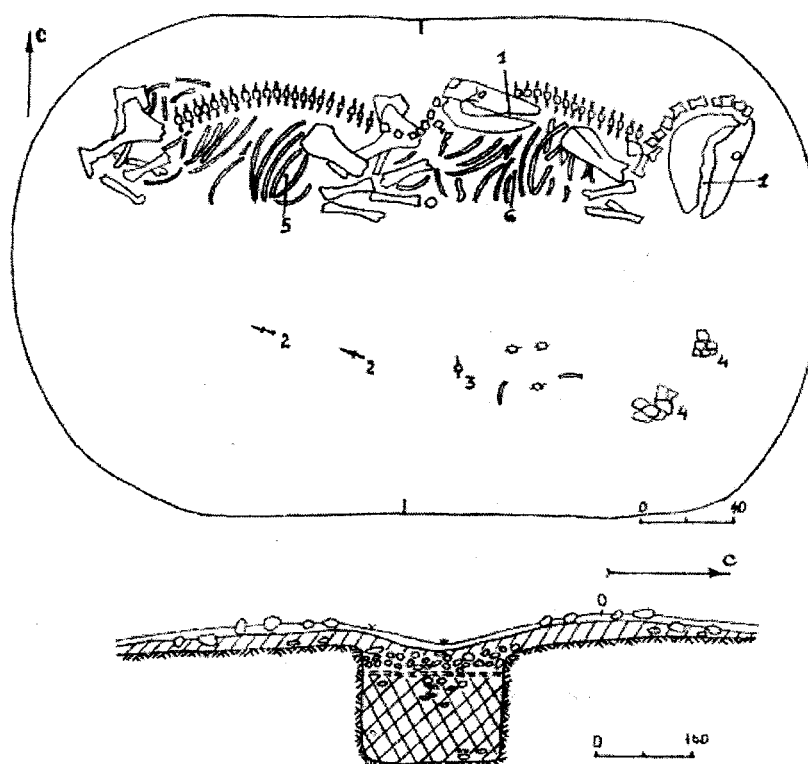

Рис. 2. Могильник Кастахта. Курган 38. Погребение. Разрез

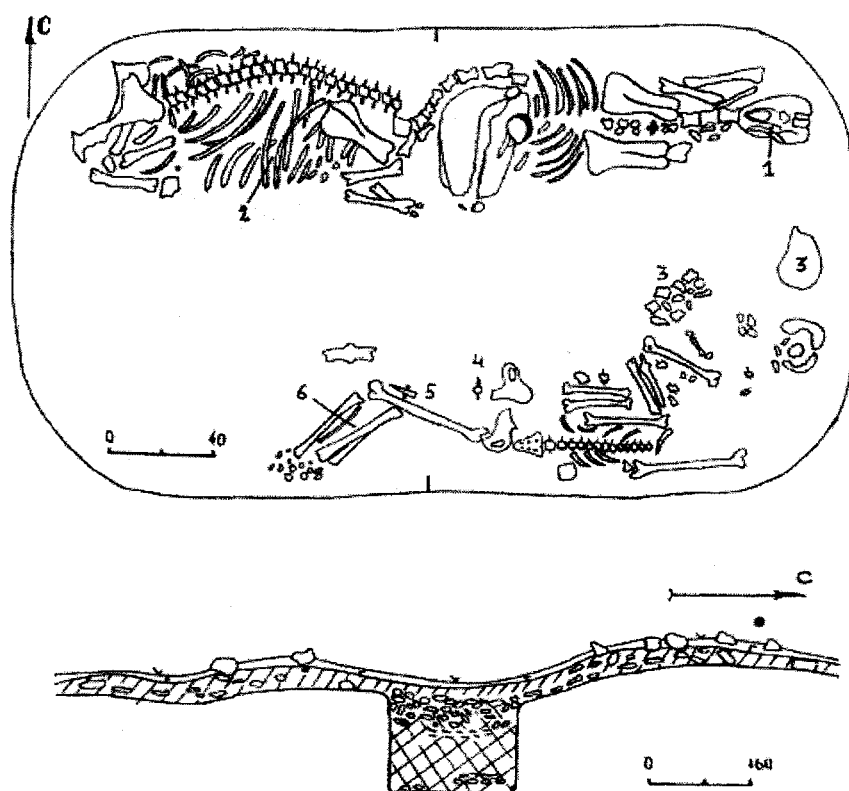

Рис. 3. Могильник Кастахта. Кургan 40. Погребение. Разрез

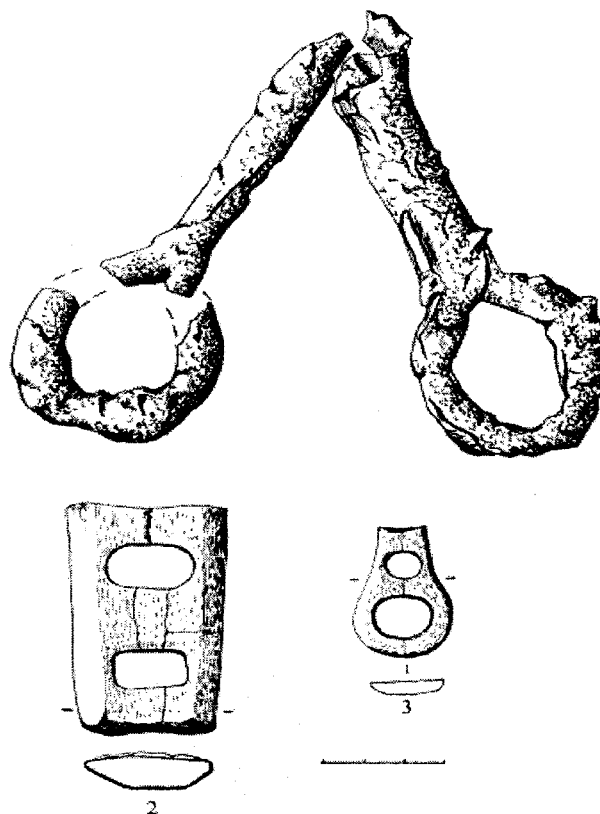

Рис. 4. Могильник Кастахта. Кургan 24. Предметы:
1 – железные удила; 2 – костяная подпружная пряжка; 3 – костяная уздечная пряжка

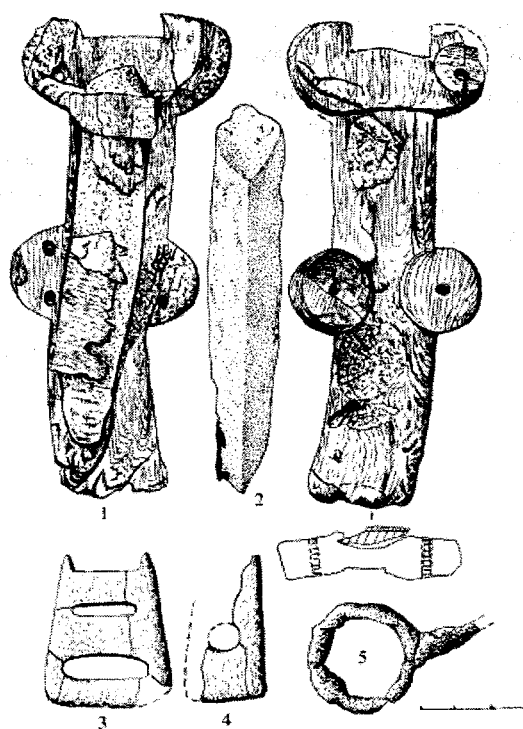

Рис. 5. Могильник Кастахта. Курган 38. Предметы:
1 – деревянные ножи; 2 – бронзовый кинжал; 3 – костяная подпружная пряжка;
4 – костяная уздечная пряжка; 5 – железные удила (курган 40)

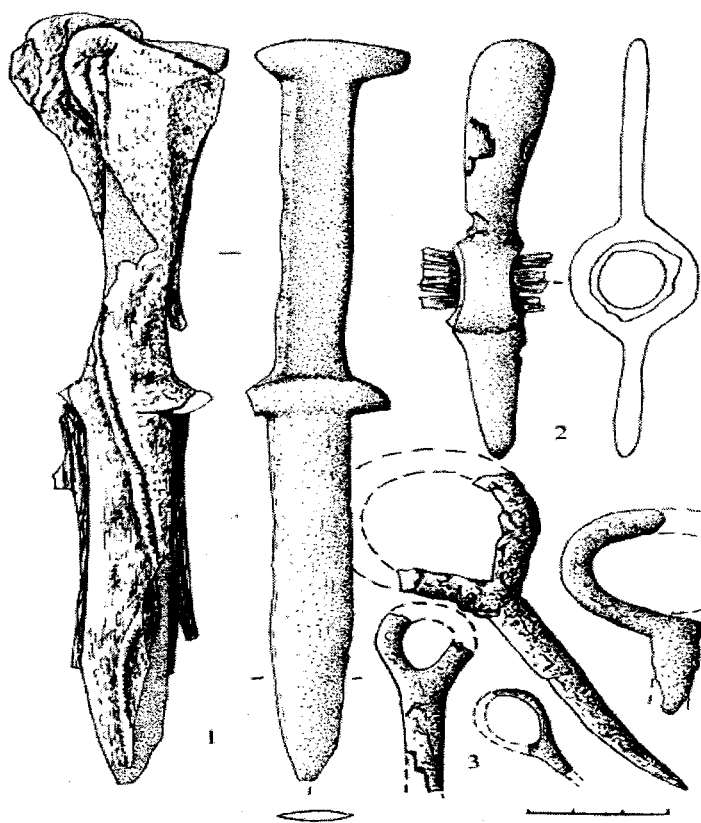

Рис. 6. Могильник Кастахта. Курган 38. Предметы:
1 – бронзовый кинжал; 2 – бронзовый чекан; 3 – железные удила

правом боку с подогнутыми в коленях ногами, головой – на восток, руки вытянуты вдоль туловища. Керамический сосуд был поставлен в районе головы покойника у восточной стенки ямы (рис. 3; 8.-3). Рядом с правым крылом таза умершего обнаружен бронзовый чекан, найдены бронзовый кинжал в деревянных ножнах и шесть костяных наконечников стрел (рис. 7). Вдоль северной стенки, выше уровня покойника, лежали два костяка лошади, ориентированные головой на восток. Один из них лежит на животе с подогнутыми под себя конечностями с железными шарнирными удилами во рту, второй – на левом боку также с подогнутыми конечностями, при нем найдена подпружная костяная пряжка.

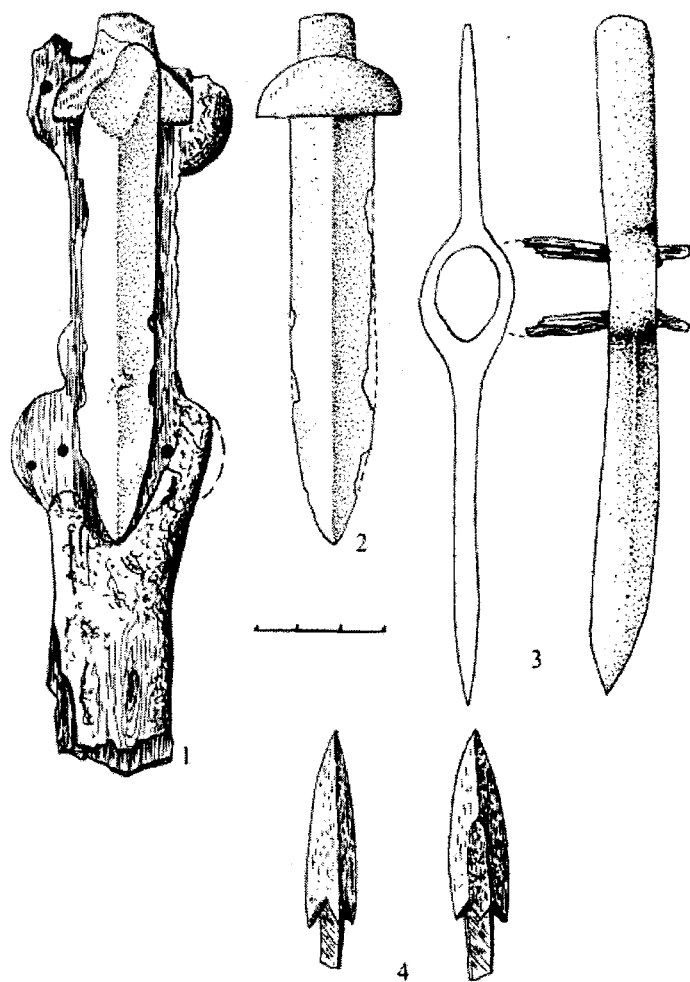

Рис. 7. Могильник Кастахта. Курган 40. Предметы:
1 – деревянные ножны; 2 – бронзовый кинжал; 3 – бронзовый чекан;
4 – костяные наконечники стрел

Вполне устойчивый и характерный погребальный обряд исследованных курганов по основным признакам (способ погребения, помещение останков, состав и размещение погребального инвентаря, сопровождающего коней) при полном отсутствии срубов, ящиков и других составляющих пазырыкских элементов все же подчеркивает, на наш взгляд, местную, кастахтинскую, особенность проживавшего населения в составе горноалтайцев данного времени. Эта особенность имеет прежде всего локальный, территориальный характер и ни в коем случае не подчеркивает значительные этнокультурные различия древних кастахтинцев от большинства населения скифского времени Горного Алтая, ибо по основным этнообразующим параметрам исследованные захоронения существенно не обособляются от большей части известных пазырыкских погребений горной страны. Как и любая горная страна, Горный Алтай имеет свои орографические

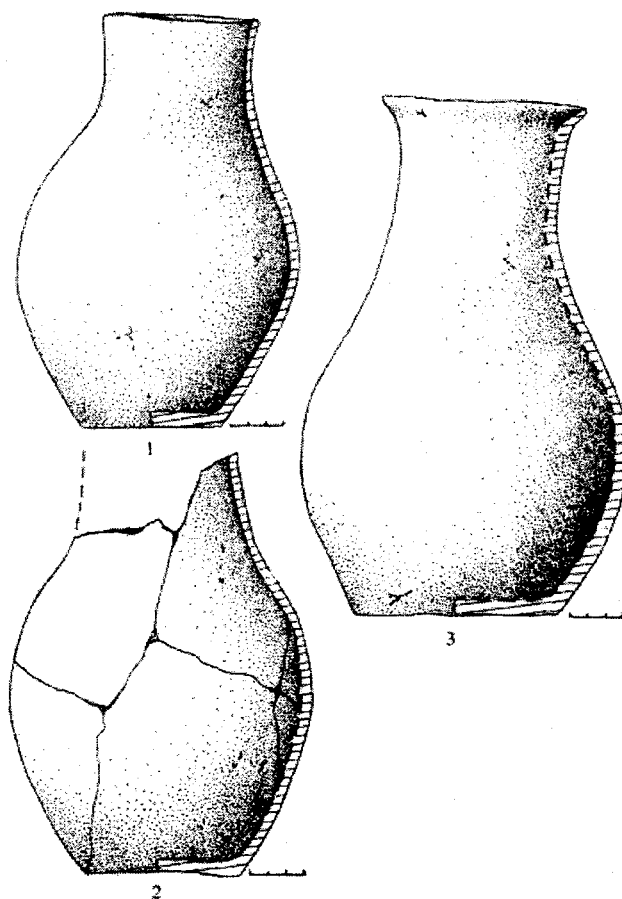

Рис. 8. Могильник Кастахта. Курганы 24, 38, 40.
1 – керамический сосуд кургана 38; 2 – керамический сосуд кургана 24;
3 – керамический сосуд кургана 40

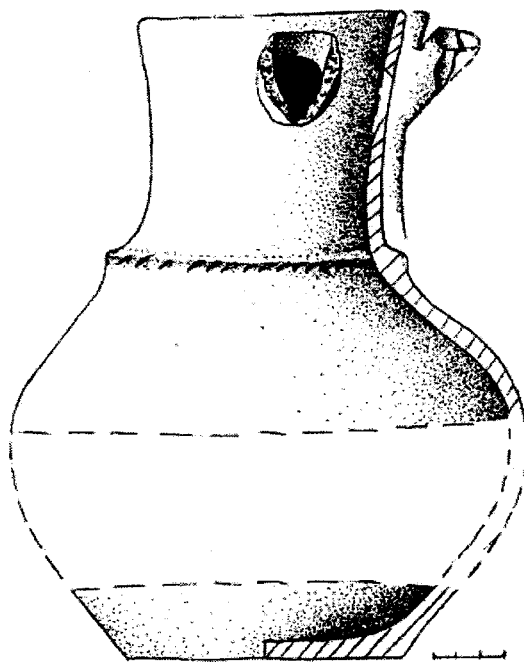

Рис. 9. Могильник Кастахта. Курган 38. Керамический сосуд

особенности, что позволяет разделить его на отдельные районы с вполне определенными климатическими и географическими характеристиками. И в этих условиях естественными являются территориальные различия в материальной, духовной культуре населения. Они тем более вероятны в условиях длительной замкнутости любой группы этноса и широкой хронологии пазырыкской культуры, в частности [5, с. 164; с. 197, 335–341; 6, с. 155–156; 7, с. 10–15; 8; 9, с. 115–117]. Не эти ли обстоятельства входят в группу главных причин, объясняющих «разнообразие погребального обряда... сложный состав населения» пазырыкской культуры [10, с. 138]. К сожалению, и кастахтинский материал не способствует скорейшему разрешению проблем, в числе которых и вопросы об узкой датировке указанной культуры. Так, кастахтинские бронзовые литые кинжалы представляют собой небрежно выполненные, асимметричной формы уменьшенные копии и соответственно не поддаются детальному исследованию, а значит обоснованной датировке. Правда, один из кинжалов кургана 38, положенный в тщательно зашитые длинные кожаные ножны, по своим размерам приближается к настоящим (рис 6.-1). Время бытования последнего и двух миниатюрных кинжалов Кастахты может быть определено в несколько веков (V–III–II вв. до н.э.) [4, с. 182; 9, с. 46–48; 11, с. 86; 12, с. 55–61]. При этом необходимо обратить внимание на деревянные дуговидные перекрытия уменьшенных кинжалов Кастахты, отражающих некогда бытовавший в реальной жизни облик бронзовых перекрытий конца V–III вв. до н.э. [9, с. 46–48].

Кастахтинские миниатюрные кинжалы найдены в двух частично сохранившихся моделях деревянных ножен с легким расширением в нижней части (рис. 5.-1; 7.-1). Они представляют собой деревянные пластины, плоские с внутренней и рельефно вырезанные с внешней стороны в виде двух пар округлых выступов-лопастей с сквозными отверстиями для ремешков. Первые два выступа вырезаны у эфеса, два других – посередине ножен. С внутренней стороны ножны имеют врезной паз, соответствующий форме клинка кинжала. Хронологические рамки подобных вещей исследователи определяют IV–II вв. до н.э. [11, с. 86; 13, с. 45; 14, табл. 63, 10]. При этом они, как и любой другой предмет во времени, претерпевают изменения в общей форме и деталях. Так, по мнению В.Д. Кубарева, для данных видов ножен характерно их расширение нижней части [13, с. 47]. Судя по всему, кастахтинские модели ножен не самые поздние из горно-алтайской серии и могут быть датированы не позднее III в. до н.э. Данное предположение подкрепляется исследованием уменьшенных бронзовых копий настоящих проушных чеканов V–III вв. до н.э. (рис. 6.-2; 7.-3) [9, с. 54; 15, с. 100, рис. 3.-17]. Видимо, не позднее III в. до н.э. могут быть датированы и кастахтинские костяные трехгранные черешковые с шипами наконечники стрел – довольно частые вещи в пазырыкских захоронениях. Они имеют широкое распространение в памятниках Южной Сибири [16, с. 30–39; 17, с. 256] (рис. 7.-4).

Конская упряжь представлена предметами седла (подпружные пряжки) и уздечного набора (рис. 4; 5.-3–5). К последним относятся железные шарнирные одноколычатые удила с круглыми окончаниями и костяной уздечный блок. Они в горно-алтайских памятниках широко распространены с VI в. до н.э. Поэтому конская упряжь, в частности Кастахты, сама по себе вряд ли может быть использована в качестве обоснованного хронологического индикатора. Убедительное доказательство тому – исследование могильников Белый-Бом-II, Булан-Кобы-IV, Усть-Эдиган, в погребениях которых найдены аналогичные вещи, и они вне всякого сомнения свидетельствуют о преемственности и длительном употреблении вплоть до первой половины I тыс. н.э. ранних подпружных пряжек в иной этнокультурной среде [18, с. 200, рис. 1.-2; 19, рис. 36]. С подобной ситуацией сталкиваемся при рассмотрении керамической посуды данного могильника, которая бытовала на протяжении всей пазырыкской культуры. Между тем вполне естественный интерес вызывает сосуд редкого типа, форма и пропорции которого позволяют относить его к группе горшков (рис. 9). Сосуд с наlepным валиком и насечками по нему имеет носик-слив на горле и не типичен для посуды указанной культуры. Тем не менее они присутствуют в составе инвентаря пазырыкских курганов Юго-Восточного Алтая и кургана 2 могильника Верх-Еланда-II (Средняя Катунь), датируемых IV–III вв. до н.э. [9, с. 190, рис. 25.-2; 12, с. 218, рис. 12.-5; 20, с. 23, рис. 4.-4]. Видимо, в эти же хронологические рамки укладывается и кастахтинский сосуд с носиком-сливом, как и весь инвентарь кургана 38.

В целом погребальный инвентарь рассматриваемых пазырыкских захоронений Кастахты не содержит четких данных для их узкой датировки. При этом подчеркиваем, что они не моложе III в. до н.э., поскольку явно преобладают предметы, относимые в основном к концу V–III вв. до н.э.

Примечания

1. Абдулганеев М.Т., Глоба Г.Д. Разведка в Горном Алтае // АО 1979 г. М., 1980.
2. Степанова Н.Ф. Раскопки могильника Кастахта // АО 1983 г. М., 1985.
3. Мамадаков Ю.Т. Раскопки памятников Горного Алтая // АО 1983 г. М., 1985.
4. Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кастахта // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987.
5. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
6. Боковенко Н.А., Мошкова М.Г., Могильников В.А. Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Западной и Южной Сибири и Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
7. Марсадолов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985.
8. Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV вв. до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996.
9. Суразakov А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988.
10. Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск, 1994.
11. Мамадаков Ю.Т. Курганы скифского могильника Кырлык-2 // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V. Ч. 1.
12. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992.
13. Кубарев В.Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
14. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
15. Могильников В.А., Уманский А.П. Новотроицкое 1, курган 15 и хронология некоторых категорий вещей Южной Сибири середины–третьей четверти I тысячелетия до н.э. // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999.
16. Кулемзин А.М. Тагарские костяные наконечники стрел // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1976. Вып. VII.
17. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
18. Мамадаков Ю.Т. О памятниках первой половины I тыс. н.э. в Горном Алтае // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987.
19. Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990.
20. Степанова Н.Ф., Неверов С.В. Курганный могильник Верх-Еланда-II // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА ДВУХ КОСТЯНЫХ ПЛАСТИНАХ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ

Несмотря на целый ряд работ, где в той или иной степени рассматривались костяные ножны из могильника Усть-Иштовка-I (рис. 1.-2) и накладка из кости, происходящая из могильника Новотроицкое-II (рис. 1-1), нанесенным на них изображениям не уделялось большого внимания [1, с. 68–69; 2, с. 95; 3, с. 134–135; 4, с. 48, 59; 5, с. 19]. Это связано с трудностями их интерпретации. Несмотря на то, что все исследователи видят в композициях на этих костяных изделиях изображения головы кошачьего хищника, аналогий им не приводится. По-разному истолковываются и сами детали изображений (глаза, уши, пасть). Кроме того, изображения на данных предметах рассматривают и как растительный орнамент и как морды волков, развернутые в фас, или просто как морды хищников и даже как рога буйвола. В связи с этим и возникают разногласия при соотнесении данных изображений с произведениями искусства других археологических культур, в частности с пазырыкской [1, с. 68–69; 3, с. 134–135; 4, с. 48, 59; 5, с. 19].

Мы наиболее достоверной считаем интерпретацию изображений на костяных изделиях из Новотроицкого-II и Усть-Иштовки-I как развернутой в фас морды кошачьего хищника. Наиболее близкие аналогии им можно найти в пазырыкских материалах [6, рис. 99, 128, табл. LVI-4–6, LXIII-2, 3, LXVII-3–6, LXVIII-3–5, 7, LXXX-1, 4, LXXXII-3, CV-2; 7, рис. 92б, 129к, 131и, 137а, 144д, м, о, ц, 154-е, табл. XCIV-4, 5, XCV-1, XCVI-1, СШ-3, СХШ-7; 8, табл. 1, 2; 9, рис. 113-2, 125-2, 126-2; 10, рис. 36-4].

Композиционно резьба на описываемых костяных изделиях представляет собой выстроенные в ряд по вертикальной оси изображения, повернутой в фас морды хищника, которые друг от друга отделены прямыми линиями (рис. 1.-1, 2). Прямые линии ограничивают ряд изображений и по вертикали. Таким образом, отдельное изображение головы хищника вписано в подквадратную фигуру (рис. 1.-1а–е, 2а–г).

На костяной пластине-накладке из Новотроицкого-II (далее пластина) и ножнах из Усть-Иштовки-I (далее ножны) различаются количество вырезанных в прямоугольниках морд (шесть и девять соответственно) и детали самих изображений (рис. 1.-1, 2).

Исходя из предлагаемой нами интерпретации верхнюю часть отдельно взятого изображения морды следует рассматривать как уши (рис. 1.-1г1, 2е1), которые переданы двумя каплевидными углублениями с завитком внутри, что наиболее четко видно на пластине из Новотроицкого-II (рис. 1.-1г1). Возможно, верхние детали головы хищника на этой пластине представляют собой стилизацию – переходную форму от передачи ушей в виде завитков к закрученным рогам, которые можно увидеть на пазырыкских изображениях (рис. 1.-3–7). Центральная ромбическая плоскость на пластине (рис. 1: 2е2) и ромбическая выемка на ножнах отделяют уши ото лба кошачьего хищника, который на пластине заполнен мелкими точечными ямками (рис. 1.-1г2). Ниже лба представлены миндалевидные глаза, аналогично выполненные на обоих изделиях (рис. 1.-1г3, 2е4). Центральное место в низу композиции занимает нос хищника, по бокам от которого изображены щеки (рис. 1.-1г4, 2е5). На мордах, вырезанных на ножнах, отображены еще и складки на щеках (рис. 1.-2е5).

Данную интерпретацию изображений на описываемых костяных изделиях из Верхнего Приобья подтверждают стилистические аналогии. Так, на подавляющем большинстве изображений, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле на предметах из дерева, кости и бронзы (прежде всего это характерно для Горного Алтая и Верхнего Приобья), именно уши передаются выемками, а глаза только очерчиваются. Н.Л. Членова выпуклый глаз, обведенный рельефным кантиком, отмечает как особенность «алтайского» звериного стиля [11, с. 143]. Миндалевидный разрез глаз характерен для изображений животных и, прежде всего хищников на множестве изделий, выполненных в зверином стиле [12, с. 98, табл. 2], и особенно для изображений пазырыкской культуры [7, рис. 142–144, 146, 148 и т.д.]. Уши, как раз наоборот, передаются в виде выемок. Так, совершенно аналогичная трактовка ушей, внутри которых имеется завиток, обнаруживается на изделиях пазырыкской культуры, в том числе на иконографически сходных изображениях [6, табл. LXII и т.д.; 7, рис. 144м, п, т, ф и т.д.]. Хотя данную трактовку ушей можно обнаружить на изображениях в скифо-сибирском зверином стиле на широких территориях евразийского пояса степей,

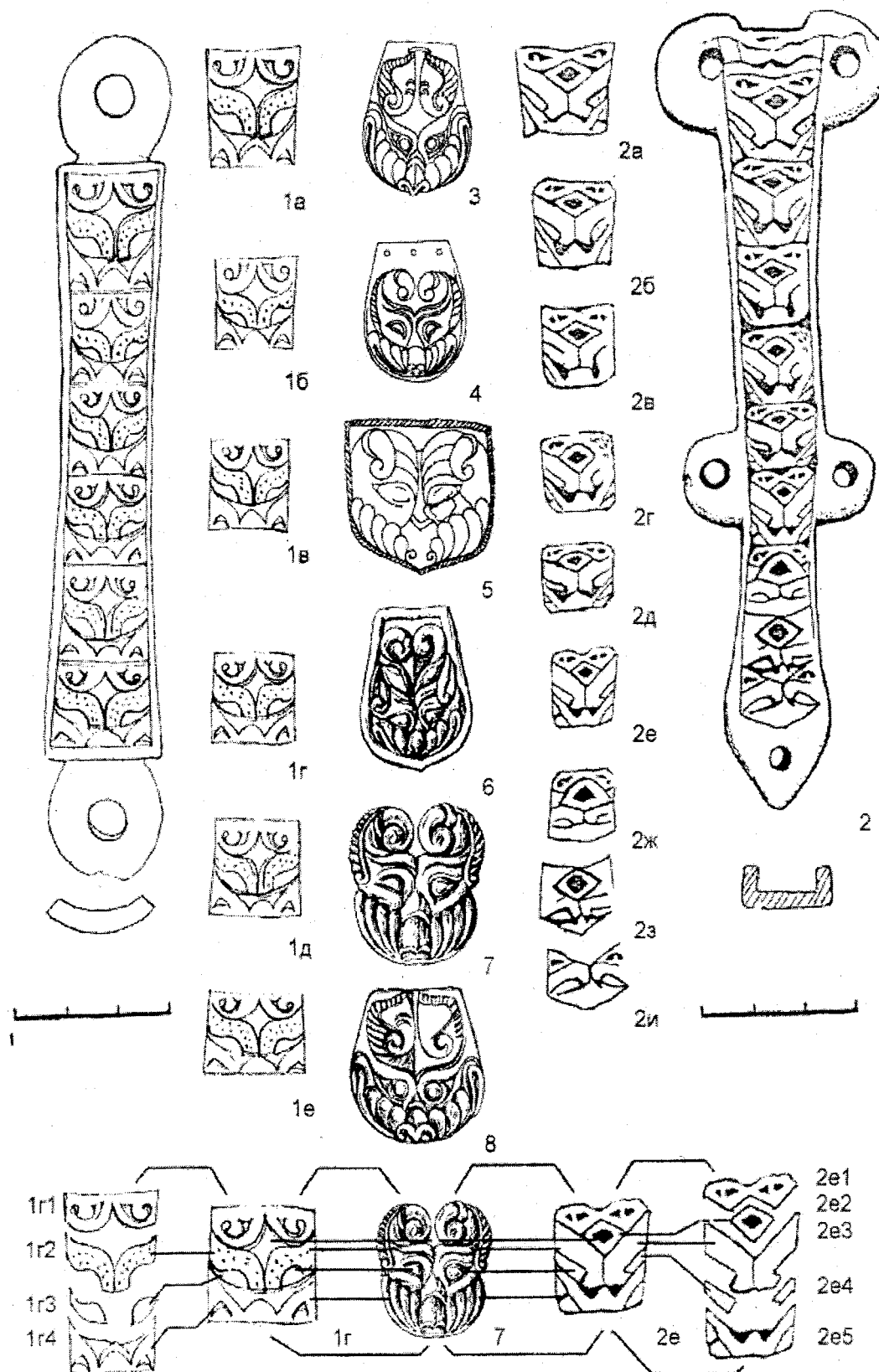

Рис. 1. 1 – накладка костяная. Новотроицкое-II, курган 12, п. 3; 2 – ножны костяные. Усть-Иштовка-I, п. 10; 3, 4 – третий и пятый Пазырыкские курганы; 5 – Alagou (Turfan) [8, табл. II – 1, 2, 3]; 6, 7 – Пазырыкские курганы [7, рис. 144-д, о]

в количественном отношении подобная деталь преобладает на пазырыкских вещах. Таким образом, нет никаких оснований рассматривать верхние выемки на анализируемых изображениях как глаза животного, что предлагается некоторыми исследователями [3, с. 135].

Особенно само композиционное построение изображений на узких костяных изделиях. Они вписаны в вертикальную плоскость и расположены в один ряд друг над другом (рис. 1.-1, 2). Для предметов скифского времени евразийского пояса степей подобное композиционное решение не является редкостью, но на подавляющем большинстве предметов мы имеем дело с расположенными друг над другом целыми фигурами стоящих животных, и они обычно не ограничены резными линиями [13, рис. 102 и т.д.]. А на костяной пластине и ножнах из Верхнего Приобья представлены вписанные в подквадратные фигуры на узкой прямоугольной плоскости, однотипные, развернутые в фас морды животных (рис. 1.-1, 2), в результате чего образуется единое орнаментальное поле, занимающее всю внешнюю поверхность изделий. Предметы, украшенные подобным образом, довольно редко встречаются в прикладном искусстве скифской эпохи. Наиболее близкую аналогию данному композиционному построению можно обнаружить на деревянном наконечнике из кургана 12 могильника Уландрык I, где на каждой половине этого предмета вырезано по три морды кошачьего хищника, вписанных в прямоугольники [10, рис. 36.-4]. Возможно, такие же изображения присутствуют и на золотой накладке на наконечник из могильника Барбургазы-I [14, рис. 26.-4]. Сходную форму композиционного решения можно увидеть на кафтане золотого человека из Иссыка, где золотые бляхи с аналогичным изображением повернутой в фас морды кошачьего хищника расположены ряд друг над другом по краям отворотов кафтана и образуют вертикальный ряд [15, рис. 64]. В.А. Могильников отмечает сходство данной орнаментации с изображениями на деревянных поножах из Туэктинского кургана [4, с. 59; 7, табл. LIX].

На костяной пластине-накладке насчитывается шесть изображений морды хищника (рис. 1.-1); на ножнах из Усть-Иштовки-I – 9 (рис. 1.-2). Три последних изображения (рис. 1.-2ж, з, и) морд на ножнах полностью не входили, и художник был вынужден опустить некоторые детали. Так, на всех мордах отсутствуют щеки (рис. 1.-2ж, з, и). На втором снизу изображении не проработаны уши, что, возможно, связано с тем, что они занимают место щек верхнего изображения и поэтому мастер не проработал ни те, ни другие детали (рис. 1.-2з, и). На последнем объекте отсутствует ромбическое углубление между лбом и глазом (рис. 1.-2и). На трех «масках хищников» изменена конфигурация лба (рис. 1.-2ж, з, и). Мастер, нанося изображение, сбился с ритма, и детали, обозначающие лоб животного, на последних мордах хищника расположены под другим углом, в результате чего между ушами и лбом появляются дополнительные треугольники (рис. 1.-2ж, з, и). Все эти искажения связаны с тем, что художник стремился заполнить всю поверхность украшаемого предмета (в соответствии с традициями скифо-сибирского искусства) и, по-видимому, ему необходимо было отобразить именно девять голов хищника на этом изделии. Кроме того, он пытался соблюсти пропорции в изображениях и придать им квадратную форму, поэтому у него полностью не вошли и три последних морды, которые должны были быть более длинными и равными ширине головы хищника, как большинство изображений на анализируемых костяных изделиях.

Интересно, что по этим искажениям можно проследить иерархию семантической нагрузки деталей морды хищника. Так, на всех трех искаженных изображениях наиболее устойчивой деталью являются глаза. Они наименее подвержены искажениям (рис. 1.-2ж, з, и). На всех головах хищников присутствуют элементы, обозначающие лоб и детали, выражающие нос, это обусловлено тем, что они тесно примыкают к глазам и должны обрамлять их сверху и снизу (т.е. непосредственно связаны с глазами) (рис. 1.-2ж, з, и). Но уже эти части изображения сильно деформированы. Менее значимыми являются уши, хотя они и отражены на всех изделиях, но в одном случае детально не проработаны (рис. 1.-2и). Наименьшую семантическую нагрузку несут складчатые щеки, которые отсутствуют на некоторых мордах и в двух случаях заменены ушами находящегося ниже изображения (рис. 1.-2ж, з, и).

Как уже отмечалось, иконографически наиболее полные аналогии данные изображения находят в материалах пазырыкской культуры. Здесь имеются морды хищника, представляющие как бы вид сверху, где присутствуют иногда рога в виде завитков, уши, выемка между ушами или рогами и лбом, миндалевидные глаза и щеки со складками [6, рис. 99, 128, табл. LVI-4-6, LXIII-2, 3, LXVII-3-6, LXVIII-3-5, 7, LXXX-1, 4, LXXXII-3, CV-2; 7, рис. 92б, 129к, 131и, 137а, 144д, м, о, ц,

154е, табл. ХСIV-4, 5, ХСV-1, ХСVI-1, СIII-3, СХIII-7; 8, табл. 1, 2; 9, рис. 113-2, 125-2, 126-2; 10, рис. 36.-4]. Кроме Горного Алтая, подобные изображения известны довольно широко: в Ордосе, Синьцзяне, Казахстане [8, табл. II; 15, табл. 13, 14; рис. 86, 87; 16, с. 86, 87, 90–93] и Северном Причерноморье [17, рис. 26.-7; 18, кат. 49; 19, с. 28–67, рис. 20–22, 39]. Более характерны данные изображения для азиатской части скифского мира, а в западных районах этой культурной общности они присутствуют гораздо реже и представлены в довольно стилизованной форме с искаженными деталями [17, рис. 26.-7; 18, кат. 49]. Кроме того, искажения присутствуют и на казахстанских изделиях, где проработаны изображения пасти [15, табл. 13, 14; рис. 86, 87; 16, с. 86, 87, 90–93]. Классические изображения повернутой в фас морды присутствуют в восточной части скифского мира, в частности, в Синьцзяне и Горном Алтае [8, табл. II и т.д.].

Сходные иконографические трактовки повернутой в фас морды хищника в искусстве Евразии многочисленны и во многом обусловлены общими универсальными подходами в изображении головы животного. Их можно встретить как на окуневских стелах, так и среди украшений буддийских храмов (маски Тао-те), в бронзовом литье средневековых культур Урала и Западной Сибири, иньского и джоуского Китая, хуннских тканях и, конечно, в скифо-сибирском искусстве [13, рис. 137; 19, с. 28–67, рис. 20–22, 25–27, 30, 34–54; 56, 57; 20, с. 123; 21, с. 190, рис. 29; 22, с. 133–136, рис. 18; 23, с. 126]. Их сходство позволяет различным ученым выдвигать версии о происхождении данных иконографических вариантов в различных культурах. Так, В.Е. Ларичев увязывает изображения повернутой в фас морды хищника с индоевропейской традицией, которая представлена окуневским искусством, и считает, что появление таких изображений в джоуском Китае, как прототипов масок Тао-те, связано с контактами китайцев с их северными соседями [20, с. 123]. В литературе, посвященной анализу скифского искусства, существуют довольно противоречивые точки зрения на происхождение иконографического варианта изображения морды хищника, повернутой в фас, которая представлена на костяных изделиях из Верхнего Приобья. Так, прототипы им Е.В. Переводчикова обнаруживает в иньском и джоуском Китае [22, с. 136]. А.Г. Боровка, наоборот, связывает появление данной иконографической трактовки морды хищника с греческим искусством и приводит им аналогии опять же среди изображений на бронзовых сосудах из Китая эпохи Джоу, которые, по его мнению, происходят от подобных образцов распространенных среди скифоидных культур [19, с. 28–67]. Он понимает, что в его построениях существуют значительные хронологические несоответствия, так как джоуские сосуды древнее скифских изделий, украшенных повернутыми в фас мордами хищников, но то обстоятельство, что среди других произведений скифского звериного стиля эти изображения находят много параллелей, а для искусства Китая они, на его взгляд, менее характерны, по его мнению, не позволяет связывать их происхождение с Китаем [19, с. 66].

На наш взгляд, сходные иконографические трактовки повернутой в фас морды животного в искусстве различных культур вполне могли возникнуть самостоятельно, об этом свидетельствуют универсальные приемы изображения головы животного. Данные традиции передачи морды хищника в скифо-сибирском искусстве, несомненно, самобытны. Иконография анализируемых нами изображений морды хищника из породы кошачьих, повернутой в фас, находит параллели среди скульптурных изображений кошачьих, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле, где вид сверху очень близок к рассматриваемой композиции [6, табл. XX-7, 10; XLII-1, 5; LIV-3; LXXVIII-1, 3, 5; 24, табл. XXIII-20, 27, XV-1 и т.д.]. Также переданы морды кошачьих во многих сценах терзания. В искусстве культур скифо-сибирского мира художники при изображении хищников определенной породы часто придерживались довольно строгих канонов. Возможно, этим и объясняется отсутствие пасти на большинстве рассматриваемых нами изображений, так как на бляхах со сценами терзания, которые, возможно, служили образцами, хищник показан вцепившимся зубами в противника и его морда передается совершенно аналогично отдельным ее вариантам [24, табл. VI-3, 4, VIII-5, 6, и т.д.]. Как отмечалось многими исследователями, в скифском искусстве довольно широко распространен прием, когда часть изображения заменяет целое. Не исключено, что и в случае, когда отдельно представлена морда кошачьего хищника в фас, животное представлялось древним художникам и зрителям «терзающим», и это отдельное изображение заменяло развернутые сцены терзания.

Авторы раскопок могильников, где найдены костяные изделия с изображениями морд кошачьего хищника, относят эти памятники к V–III или IV–III вв. до н.э. [1, с. 69; 3, с. 140; 5, с. 15]. III в. до н.э. и V в. до н.э. соответственно датируются изображения на наконечниках из Уландрыка-I и

Барбургазы-I [10, с. 132; 14, с. 113]. V–IV в. до н.э. датируются иссыкские находки [15, с. 39]. К этому времени относятся и находки близких изображений из царских курганов пазырыкской культуры (Пазырыкские курганы, Первый Туэктинский курган, Катандинский курган) [25, с. 22–23].

В целом резьба на костяных изделиях из Новотроицкого могильника и Усть-Иштовки-I отражает художественный пласт изображений, характерных для каменной культуры V–III вв. до н.э., который наибольшую близость обнаруживает с пазырыкскими материалами, это проявляется не только в сходстве иконографических решений, но и в одинаковом стилистическом оформлении различных деталей. Для изображений, представленных в более ранних памятниках VI–V вв. до н.э., прежде всего в староалейских, такой близости не прослеживается. И если некоторые детали иконографии иногда и совпадают, что является скорее универсальным явлением в скифо-сибирском искусстве, то стилистических параллелей довольно мало.

Примечания

1. Алехин Ю.П. Охранные раскопки на могильнике Усть-Иштовка-I // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск, 1991.
2. Бородавский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. Новосибирск, 1997.
3. Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Результаты исследования памятника эпохи раннего железа Усть-Иштовка-I на Алтае // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996.
4. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине-второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997.
5. Уманский А.П. Новотроицкие курганы // Нижнее Причумышье: очерки истории и культуры. Барнаул, 1997.
6. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
7. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
8. Полосьмак Н.В. Пазырыкские аналогии в могильниках Синьцзана // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998.
9. Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. Новосибирск, 1999.
10. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
11. Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М. 1967.
12. Переводчикова Е.В. Скифский звериный стиль как изобразительная система (по материалам Прикубанья) // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995.
13. Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири. Новосибирск, 1992.
14. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992.
15. Акишев К.А. Курган Иссык. М., 1978.
16. Акишев К.А. Древнее золото Казахстана. Алма-Ата, 1983.
17. Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники эпохи Днепровского лесостепного Правобережья. Киев, 1989.
18. Манцевич А.П. Курган Солоха. Л., 1987.
19. Боровка Г. Распространение древнегреческого сюжета через Скифию и Бактрию в Древний Китай // Донецкий археологический сборник. Донецк, 1994. Вып. 5.
20. Ларичев В.Е. Азия далекая и таинственная. Новосибирск, 1968.
21. Подольский М.Л. Овладение бесконечностью (опыт типологического подхода к окуневскому искусству) // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997.
22. Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М., 1994.
23. Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М., 1996.
24. Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. М.; Л., 1962.
25. Марсадалов Л.С. Археологические памятники IX–III веков до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): Автореф. дис. ... докт. археол. наук. СПб., 2000.

ФОМИНСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ МАЛЫЙ ИТКУЛЬ-1

Поселение Малый Иткуль-1 находится на южном берегу оз. Малый Иткуль, в 1 км к ЮЮЗ от истока р. Иткуль по ее правому берегу и в 4 км к северо-западу от бывшего с. Сошниково Зонального района. Озеро Малый Иткуль входит в систему р. Иткуль, включающую также оз. Большой Иткуль и впадающую в последнее р. Буланиха (рис. 1а). Общий рельеф местности – дюнно-равнинный со сложными микроформами эолового происхождения: песчаными грядами и дюнами, сформировавшимися 13–15 тысяч лет назад. Окрестности озера покрыты смешанным лесом, в западной части – сосновым бором. Озерный котлован по краям заболочен, а р. Иткуль является естественной границей Верх-Обского бора и Бийско-Чумышской лесостепи [1, с. 31–32; 2].

По левому берегу р. Иткуль у ее истока на семи гривах длиной от 150 до 850 м, шириной от 30 до 100 м и высотой от 2 до 5 м находится около 100 разновременных жилищных западин. Группа из 18 западин, получившая наименование Малый Иткуль-1, занимает одну из 5-метровых глив в северо-восточной, наиболее близкой к истоку р. Иткуль части комплекса. Размеры западин от 3х4 до 5х7 м, глубина 0,2–0,4 м. Западины вытянуты вдоль берега озера по длинной оси гривы с запада на восток. Часть западин – одиночные. Другие группируются по две-три (рис. 1б).

Поселение Малый Иткуль-1 было открыто в 1956 г. Б.Х. Кадиковым. В 1989 г. автор данной статьи раскопал на памятнике группу из трех западин, расположенных в западной части гривы. Площадь раскопа составила 220 кв. м. (рис. 1в), материалы частично опубликованы [3; 4]. Поселение – двухслойное. Культурные остатки залегали в слое серого песка: находки эпохи камня – на глубине 0,35–0,55 м, эпохи железа – на глубине 0,15–0,25 м. В верхнем культурном слое зафиксированы 12 ям, в том числе столбовых, и три кострища. Ямы имели различную форму, размеры и глубину, но, как и в кострищах, находки в них практически отсутствовали. Слабой была и насыщенность культурного слоя. При выборке его найдены обломки камня, отдельные фрагменты и скопление керамики, развал сосуда (рис. 2.-3, 4, 8–9; 3.-1), а также оселок (рис. 4.-2). Контуров трех построек были прослежены сразу под дерном на глубине 0,15 м по более темному заполнению (рис. 1в).

Постройка 1 располагалась в центральной части раскопа. Котлован ее имел подпрямоугольную форму, размеры составляли 5,0х5,5 м (длинная ось ЮВ–СЗ). Стенки его были отвесные и неровные, в средней части длинной северо-восточной стенки имелся выход коридорного типа размерами 1,0х1,5 м. Глубина постройки 1 составила 0,55–0,7 м, мощность – 0,45–0,55 м. Вдоль стен котлована в юго-восточной его половине и в центре прослеживались прослой гумусированного песка с углями, скорее всего, остатки сгоревших и перегнивших стен и кровли.

У дна постройки 1 найдены четыре развала сосуда и скопления керамики (рис. 3.-4, 8, 9): на входе и у юго-восточной стенки. Южнее входа находилась очаговая яма размерами 0,55х0,8 м, заглубленная в дно на 0,1 м. Заполнение очага было прокалено. На выходе и у северо-западной стенки прослежены шесть столбовых ямок диаметром 0,15–0,45 м, заглубленных в дно на 0,1–0,25 м. К южному углу постройки почти вплотную примыкала костровая яма размерами 0,5х1,1 м, глубиной 1,1 м и мощностью 0,95 м.

Постройка 2 находилась в западной части раскопа в 3 м к западу от постройки 1. Котлован ее имел подпрямоугольную форму и размеры 5,0х5,5 м (длинная ось СВ–ЮЗ). Стенки котлована были отвесными и прямыми за исключением юго-восточной. В средней части короткой северо-восточной стенки имелся выход коридорного типа размерами 0,9х1,5 м. Глубина постройки 2 составила 0,5–0,6 м, мощность 0,35–0,45 м. В юго-западной части вдоль стен котлована прослеживался прослой гумусированного песка с углями и кусками сгоревших жердей, скорее всего, остатки сгоревших стен и кровли.

У дна постройки 2 найдены шесть развалов сосудов и скоплений керамики (рис. 2.-1, 2, 5–7; 3.-3, 5, 7, 10–12): вдоль стен в южной части, у входа и в центре. У юго-восточной стенки обнаружен точи́льный брусок (рис. 4.-1), в центре – железный рыболовный крючок (рис. 4.-3). В юго-восточном углу находилась очаговая яма размерами 0,75х0,8 м, заглубленная в дно на 0,2 м. Заполнение очага представляло собой прокаленный песок и угли. У стен котлована в северной и восточной частях

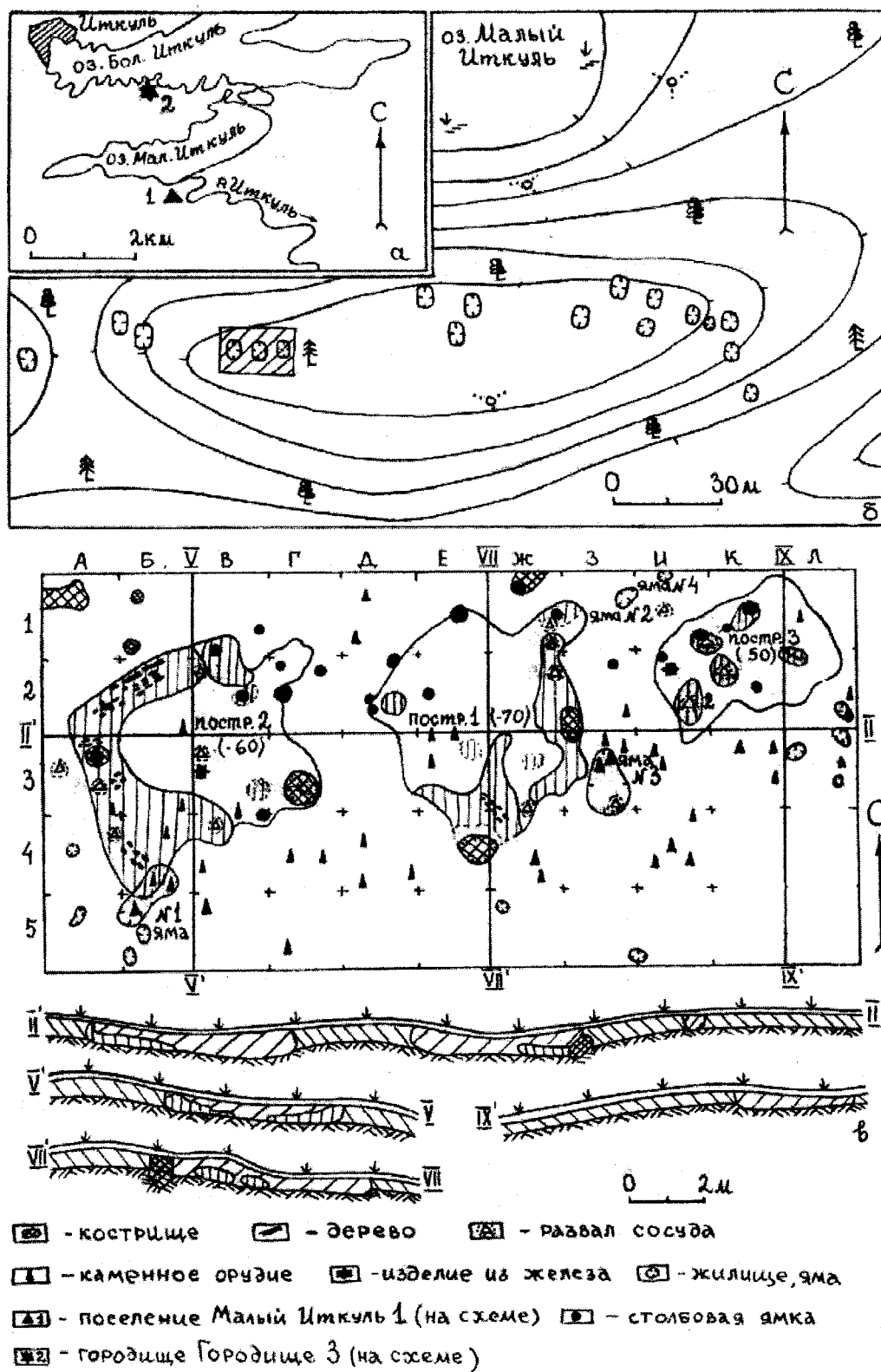

Рис. 1. Схема расположения (а), план (б), план раскопа и разрезы (в) поселения Малый Иткуль-1

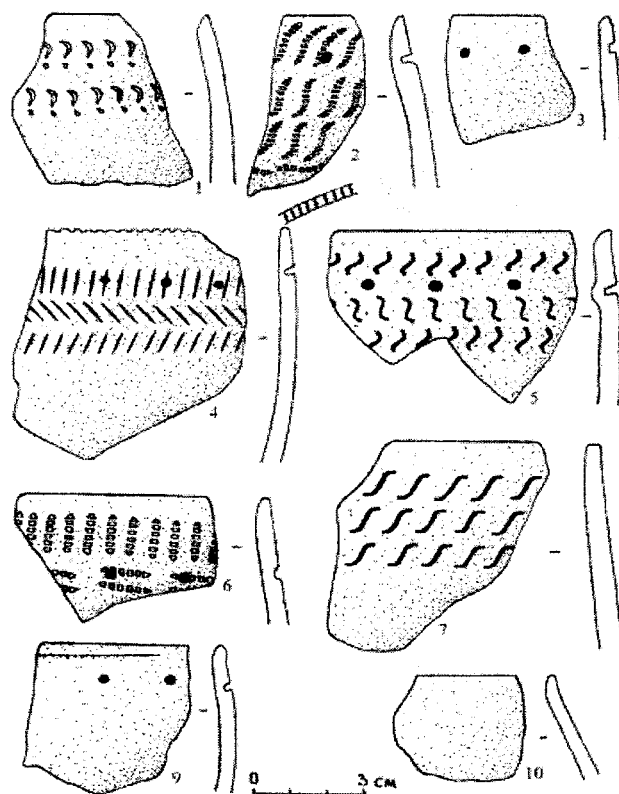

Рис. 2. Керамика поселения Малый Иткуль-1

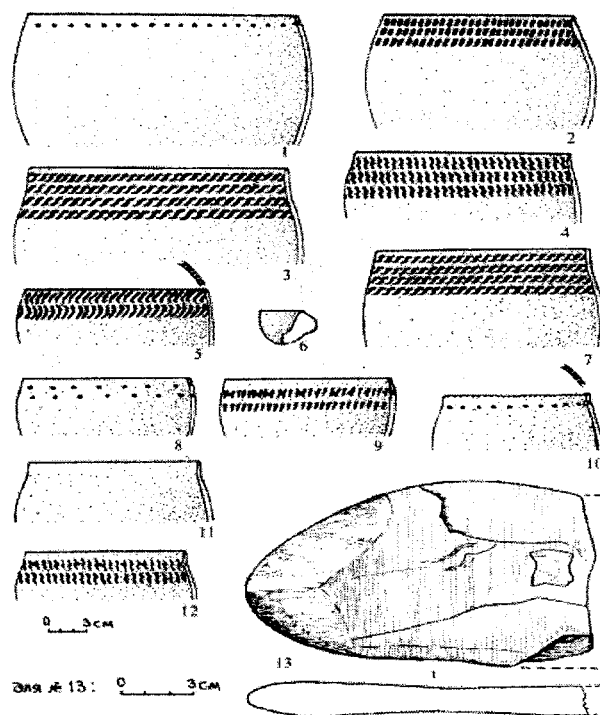

Рис. 3. Керамика (1-12) и обломок куранта (13) с поселения Малый Иткуль-1

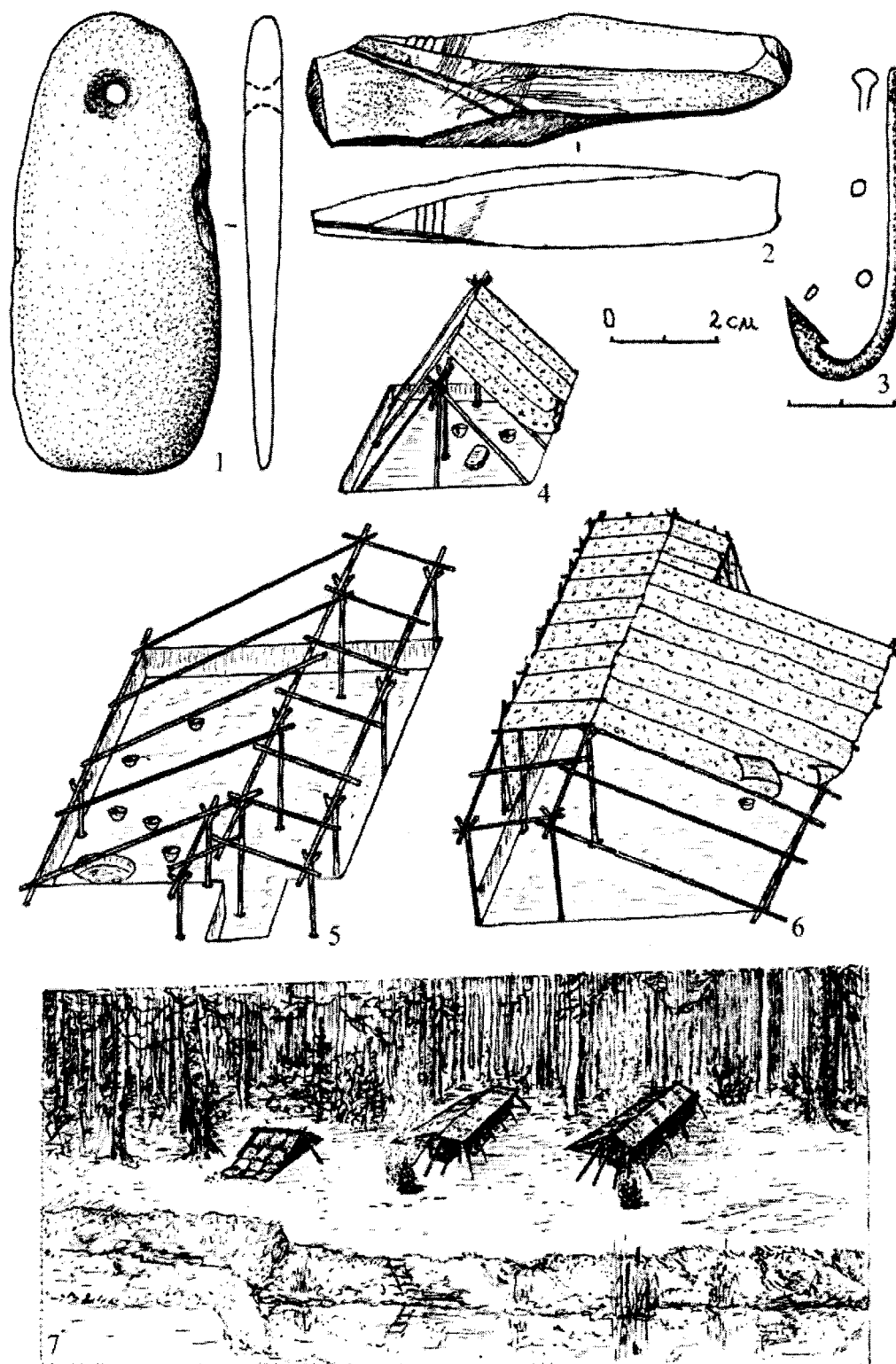

Рис. 4. 1, 2 – точильные бруски; 3 – рыболовный крючок; 4 – реконструкция хозяйственной постройки; 5, 6, 7 – жилищ и поселка поселения Малый Иткуль-1

постройки 2 зафиксированы шесть столбовых ямок диаметром 0,2–0,5 м, заглубленные в дно на 0,1–0,2 м. В трех из них имелись остатки сгоревших столбиков диаметром 5–7 см, еще две столбовые ямки находились рядом со входом за пределами котлована. Все ямки, как и в постройке 1, в разрезе вертикальные.

Постройка 3 была в раскопе крайней с востока и находилась в 2 м от постройки 1. Форма ее подпрямоугольная, размеры составляли 3,0х4,5 м (длинная ось ЮЗ–СВ). Стенки котлована были вертикальными, юго-восточная в плане – неровная. В верхней части котлована прослежен прослой гумусированного песка с углями, скорее всего, остатки сгоревшей и перегнившей кровли. Глубина постройки 3 составила 0,45–0,5 м, мощность 0,3–0,35 м. Выход не прослеживался, очаг отсутствовал. Вдоль северо-западной стенки зафиксированы четыре столбовые ямки, еще одна – у юго-восточной стенки. Диаметр ямок 0,3–0,5 м, глубина в дне котлована 0,1–0,25 м. Во всех ямках найдены угли или остатки сгоревших столбиков. На дне и в заполнении постройки 3 найдены три скопления керамики (рис. 3.-2,6), обломки куранта (рис. 3.-13) и железного рыболовного крючка.

Керамика, полученная при раскопках верхнего слоя поселения Малый Иткуль-1, представлена фрагментами более чем 30 слабопрофилированных круглодонных сосудов. Формы их приземистые: диаметр устья примерно равен высоте сосуда. Горловины выражены слабо или не выражены совсем. Срезы венчиков – плоские, реже округлые и приостренные. Венчик одного сосуда имеет карнизик. Четыре сосуда не орнаментированы (рис. 2.-9; 3.-6, 11). Орнамент на остальных занимает не более одной трети верхней части. В орнаментальной композиции использовались один-два элемента в одну-четыре строки.

Наиболее распространенный элемент орнамента – ямки в одну (11 сосудов – рис. 2.-3, 8; 3.-1, 10) или две строки (2 сосуда – рис. 3.-8). Ямки встречаются и в сочетании с другими элементами (10 сосудов): отгисками гребенчатого и гладкого штампов, гребенчатой и гладкой уточками и их двучленной имитацией (рис. 2.-2, 4–6; 3.-9, 12). Все вышеперечисленные виды орнаментов встречаются и отдельно, без ямок (8 сосудов – рис. 2.-1, 7; 3.-2, 4). У шести сосудов орнаментированы срезы венчиков, что иногда приводило к образованию волнистого края (рис. 3.-5, 10; 2.-4).

Сосуды Малого Иткуля-1 типичны для фоминской керамики. В орнаментации имеется целый ряд черт, характерных именно для поздних этапов кулайской культуры: ямки, нанесенные поверх других видов орнамента, внутренние карнизики и плоские срезы венчиков, равная доля гладкой и гребенчатой уточки, появление двучленного штампа, обеднение и уплотнение самой орнаментальной композиции [5, с. 49–50; 6, с. 88, 90–91, 121]. Почти отсутствуют карнизики и появляется сочетание горизонтальных и вертикальных полос орнамента (рис. 2.-2, 6) – черта, характерная для сошниковского этапа одинцовской культуры [7, рис. 7.-1, 3; 8.-3–5]. Но форма сосудов типична именно для фоминской керамики. Все это позволяет датировать верхний слой Малого Иткуля-1 в пределах I–III вв. н.э. Возможно и сужение датировки в сторону омоложения до II–III вв. н.э. Последний вывод подтверждает и радиоуглеродная дата по постройке 2 : 260 ± 25 г. н.э. (СОАН – 2850).

Изделия, обнаруженные при раскопках Малого Иткуля-1, свидетельствуют только о части занятий обитателей этого поселка: металлообработке в ее последней стадии (точильные бруски), рыболовстве (железные крючки) и переработке продуктов собирательства или земледелия (обломок куранта). Никаких достоверных свидетельств земледелия на фоминских памятниках пока не найдено. Нет таковых и для кулайцев Новосибирского Приобья, хотя Т.Н. Троицкая и предполагает наличие земледелия [5, с. 53–54]. У обитавших позднее в северных предгорьях Алтая кумандинцев одним из основных занятий вплоть до начала XX в. было именно собирательство, доля же мотыжного земледелия отдельными исследователями определяется по-разному [8, с. 72–86; 9, с. 31–32, 63–64; 10, с. 94]. Учитывая помимо этого также место расположения самого поселения (густой лес, слабо гумусированные песчаные и супесчаные почвы), вероятнее всего, следует трактовать найденный на Малом Иткуле-1 курант как орудие для переработки продуктов собирательства.

Небольшое количество найденных на Малом Иткуле-1 костей принадлежит одной особи лошади (определения А.В. Гальченко). Следует отметить, что при раскопках других фоминских и одинцовских поселков Малого и Большого Иткуля (Малый Иткуль-1, 2; Городище-1, 2, 3; Сошниково-1) из домашних животных найдены только кости лошади, из диких – лося. Едва ли на каж-

дом из этих поселений производился забой лошадей. По крайней мере отчасти такие находки следует трактовать как остатки заготовленной впрок (на промысел?) мясной пищи. Большая роль коневодства у носителей кулайской культуры отмечается всеми исследователями. Большое значение имели охота и рыболовство [5, с. 53–55; 6, с. 125–134]. Наши раскопки подтверждают такие выводы и для фоминцев Алтая.

Постройки Малого Иткуля-1 по глубине котлована (0,3–0,55 м) относятся к полуназемным. Предположение ряда авторов [6, с. 17; 7, с. 194] о зависимости глубины котлованов от степени промерзания грунта вполне приемлемо и в нашем случае. Предназначение самих построек различно. Если постройки 1 и 2 можно однозначно трактовать как жилища, то отсутствие очага в постройке 3 говорит в пользу хозяйственного ее использования. Площадь построек 1 и 2 (около 30 кв. м) также обычна как для фоминских памятников, так и для более поздних, генетически с ними связанных раннеодинцовских. Обычно на этих памятниках реконструируется каркасная или срубная конструкция стен и двух-четырёхскатная кровля [4, с. 303–305; 5, с. 54; 6, с. 17–18, 47–48; 7, с. 193–194].

Постройки Малого Иткуля-1, судя по незначительному количеству столбовых ямок, отсутствию бревен сруба, имели каркасную конструкцию стен. В постройках 1 и 2 столбовые ямки располагались в два ряда: один ряд – вдоль северной стенки, второй – параллельно ему, ближе к центру. Диаметр сохранившихся сгоревших столбиков соответствует жердям. Противоположная столбам южная стенка имеет неровные края; в постройке 2 рядом с этой стеной имелся еще один столб. У этой же стенки, а также с восточной стороны прослежены и гумусированные пятна (остатки стен и кровли). В них зафиксированы угли и в незначительном количестве куски таких же, как и в столбовых ямках, жердей. Столбовые ямки на входе частично продолжают линию центральных и боковых столбов и свидетельствуют о наличии кровли и над этой частью котлована (рис. 1в).

Вероятнее всего реконструировать жилища (постройки 1 и 2) следующим образом. После выкапывания котлована в его дно в неглубокие ямки устанавливали два ряда вертикальных столбов – жердей, на которые опирались продольные жерди перекрытия. Характер их крепления между собой неясен: в сибирской этнографии зафиксировано несколько таких способов. Наиболее простейший из них – установка опорных столбов с развилкой [11, с. 43–44]. Жерди поперечного перекрытия укладывались одним концом на край котлована, либо на продольную жердь, державшуюся на одном опорном столбе в центре стенки и на углах котлована. После разборки или сгорания конструкции стенка котлована осыпалась и становилась неровной. Крыша на выходе также опиралась на два ряда столбов. Сам выход был направлен в сторону озера и имел характер тамбура (рис. 4-5). Направление жилища выходом к водоему – способ, обычный для многих народов, он может быть объяснен различными причинами бытового и производственного характера.

Крыша жилищ перекрывалась каким-то легким материалом, возможно, вываренной в щелоке берестой. Использование бересты для покрытия стен и крыши практиковалось всеми коренными народами Западной Сибири [10, с. 87–88; 11, с. 32–35; 12, с. 174]. Применялась береста и носителями кулайской культуры, что нашло отражение в их погребальной обрядности [5, с. 67–70; 6, с. 50–51; 13, с. 141]. Берестяное покрытие в нижней части могло прижиматься дерновыми кирпичами, а сверху – ветками. Таким образом, с трех сторон стены жилища были слегка наклонными или вертикальными, одна (южная) стена – покатая. Эта южная стена одновременно была и крышей, что конструктивно сближает наши постройки с жилищами сибирских народов типа балаганов или шалашей [8, рис. 29–31; 10, табл. 1; 11, рис. 60]. Вторая (северная) половина крыши могла быть плоской или слегка покатой (рис. 4/-6).

Внутренний интерьер жилищ полностью реконструировать невозможно. Необычно расположение очага у стенки. По этнографическим данным, очаг в жилищах, как правило, находился в центре, иногда несколько смещаясь к выходу. В нашем случае очаг также находился близко к выходу. Помимо прочего, он мог использоваться в качестве дымокура, а сам выход – как дымоход. Наличие над очагом низкой покатой крыши, слабая его мощность заставляют предполагать использование для приготовления пищи кострищ за пределами жилищ. Подобная практика зафиксирована у целого ряда сибирских народов [11, с. 37, рис. 67; 14, с. 27]. Левая от входа часть жилищ Малого Иткуля-1 использовалась в качестве хозяйственной: именно здесь расположен

очаг и найдены почти все развалы сосудов и скопления керамики. Более высокая правая половина, скорее всего, была жилой. Таким же образом функционально делились жилища у многих сибирских народов.

Постройка 3 по своему назначению была хозяйственной и использовалась обитателями жилищ 1 и 2 в качестве кладовой. Об этом свидетельствуют найденные здесь развалы сосудов, скопления керамики и сломанные вещи. Конструкция ее отлична от таковой в постройках 1 и 2. В дне котлована постройки 3 зафиксирован ряд столбов вдоль длинной северной стенки, еще один столб – у южной. Скорее всего, каркас состоял из трех вертикальных столбов – жердей, стоящих поперек котлована. С северной стороны к ним были прислонены две наклонные жерди, упирающиеся одним концом в ямки у коротких стен котлована. Покрытие крыши было аналогично покрытию жилищ 1 и 2, а сама постройка 3 представляла собой двускатный шалаш. Одна из его коротких стенок закрывалась берестой и ветками. Другая могла служить открытым выходом (рис. 4.-4). Подобные шалаши использовались практически всеми коренными народами Западной Сибири [10, табл. 1; 11, рис. 60, 67, с. 55]. Оговоримся, что предлагаемая нами реконструкция жилищ и хозяйственной постройки Малого Иткуля-1 только приблизительно отражает реальную картину домостроительной техники обитателей этого поселка.

О количестве жилищ в поселке судить сложно: уже на соседней гриве раскопки дали материалы одинцовской культуры. Не исключено, что часть жилищных западин Малого Иткуля-1 относится не к I–III вв. н.э., а к другим хронологическим периодам. Даже сами раскопанные нами объекты располагались компактно и обособленно. Более точную, даже без раскопок, картину дают единовременные Малому Иткулю-1 городища. В зависимости от площади западин, количество их на кулайских городищах Малого и Большого Иткуля (Городища-1, 3, 9, Малый Иткуль-4 и др.) колеблется от одного до шести. Такое число жилищ сходно с обычными размерами традиционных поселков коренных народов Северного Алтая и Западной Сибири и соответствует совместному проживанию нескольких семей [9, с. 122; 14, с. 21–22, 25–26].

Кратковременный, сезонный характер поселения Малый Иткуль-1 сомнений не вызывает. В пользу такого вывода говорит в первую очередь слабая мощность культурного слоя. Временными или сезонными поселками являются практически все кулайские и одинцовские памятники Алтая. Сложнее обстоит дело с определением времени года, когда функционировали жилища Малого Иткуля-1. Споро-пыльцевые анализы по одинцовским и кулайским городищам и поселениям Малый Иткуль-1, 2, Городище-1, 2, 3, Сошниково-1 (определения споро-пыльцевой лаборатории ТГРЭ) свидетельствуют о сходстве природных условий этого района в течение первой половины – середины I тыс. н.э., может быть, большей влажности климата в начале тысячелетия по сравнению с современным. По нашему мнению, котлованы жилищ сооружались в этот момент, когда грунт был еще мерзлым и выкапывались на глубину, позволяющую сохранить пол жилища сухим и теплым. Сами постройки были достаточно легкими, не приспособленными к низким температурам, а потому жилища могли быть построены в конце марта – апреле. Именно в апреле переезжали из зимнего стационарного поселения в летнее ханты, а при первых снегопадах возвращались обратно [14, с. 25]. Учитывая более суровые условия Средней Оби, постройки Малого Иткуля-1 могли использоваться до конца октября – начала ноября. Весенне-летне-осенний период – наиболее благоприятный и продуктивный для занятий охотой, рыболовством и собирательством, а место расположения поселка (бор, озеро) полностью соответствует реконструируемому хозяйственно-культурному типу фоминцев.

Примечания

1. Малолетко А.М. Палеогеография Предалтайской части Западной Сибири в мезозое и кайнозое. Томск, 1972.
2. Барышников Г.Я. Эоловые образования предгорий Алтая и их связь с климатом прошлых эпох // Современные геоморфологические процессы на территории Алтайского края. Бийск, 1984.
3. Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Верхнеобские памятники Малого Иткуля // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990.
4. Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Кулайская культура // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1994. Т. 1. Кн. 1.

-
5. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979.
  6. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984.
  7. Казаков А.А. Городище Сошниково-1 // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998.
  8. Потапов Л.П. Разложение родового строя у племен Северного Алтая. Материальное производство. М.; Л., 1935.
  9. Сатлаев Ф. Кумандинцы: Историко-этнографический очерк. Горно-Алтайск, 1974.
  10. Славнин В.Д. Типы жилищ кумандинцев // Жилища народов Западной Сибири. Томск, 1991.
  11. Лукина Н.В., Бардина П.Е. Постройки // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1994. Т. 1. Кн 2.
  12. Кимеев В.М., Притчин А.В. Жилища и хозяйственные постройки шорцев // Жилища народов Западной Сибири. Томск, 1991.
  13. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. МИА № 48. М.; Л., 1956.
  14. Лукина Н.В., Бардина П.Е. Поселения Западной Сибири по этнографическим данным // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1994. Т. 1. Кн 2.

СЛУЧАЙНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ С ВЕРХНЕГО ЧУМЫША (ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЯ С. ПОБЕДА)

Отрезок верхнего течения р. Чумыш от с. Черемшанка Ельцовского района до сел Степь-Чумыш и Победа Целинного является одним из самых насыщенных археологическими памятниками регионов Алтайского края. Этому есть несколько объяснений: во-первых, в с. Победа функционирует краеведческий музей, бессменным руководителем которого много лет работает П.Ф. Рыженко; во-вторых, указанный район благоприятен для различных видов присваивающего и производящего хозяйства. Чумыш, прорезая Салаирский кряж, является прекрасным связующим звеном различных регионов Саяно-Алтая и имеет широкую и водообильную пойму с многочисленными притоками, изобилующую богатой флорой и фауной. Все это постоянно привлекало в долину Чумыша древнего человека. Наиболее ранними свидетельствами освоения Причумышья стали многочисленные находки каменных артефактов мустьерской эпохи, происходящие как из сборов с отмели реки, так и из взорванной в районе с. Черемшанка пещеры [1; 2]. Случайные находки местных жителей, самого П.Ф. Рыженко и участников его краеведческого кружка с 60-х гг. концентрировались сначала в школьном, а затем и в поселковом музее. Большая часть мест, откуда они происходили, обследована археологами. В результате зафиксировано около сотни разновременных и разнокультурных археологических памятников, опубликованных почти в тридцати научных статьях, монографиях и учебных пособиях. Цель настоящей работы – картографирование и описание наиболее ярких случайных находок, хранящихся в музее с. Победа. Это описание будет произведено по нескольким хронологическим блокам: находки каменного, бронзового, раннего железного века, средневековья и этнографии.

Каменный век. К этому периоду нами отнесены восемь костяных орудий палеолитического времени, а также три, видимо, неолитических артефакта. Многочисленные и разновременные каменные изделия от леваллуазских острий и нуклеусов до неолитических шлифованных топоров частично опубликованы в нескольких статьях [1; 3–11].

Костяные (2) и роговой гарпуны (определения сделаны А.В. Гальченко и П.А. Косинцевым).

1. *Полный двусторонний гарпун.* Обнаружен П.Ф. Рыженко в начале 60-х гг. на правобережной отмели р. Чумыш в юго-восточной части с. Победа. Цвет темно-серый, кость частично минерализована, что характерно для органических остатков из аллювиальных горизонтов долины реки. Сохранность изделия отличная, следов окатанности нет, размеры 16,5х1,7х0,6 см. Изготовлено из трубчатой кости крупного копытного. Предположительный алгоритм оформления гарпуна:

- продольное расщепление диафизной трубки, подгонка заготовки по длине и ширине;
- вырезание (вытачивание?) заготовки с зауживающимися концами овального сечения;
- оформление боковых «крыльев» заготовки с помощью скобления каменным инструментом, оставившем многочисленные параллельные борозды;
- вырезание подтреугольных выемок в «крыльях», образующих зубцы гарпуна, расположенные попеременно по шесть с обеих сторон;
- приострение жалец зубцов абразивной подточкой и углубление их оснований несколькими соединяющимися пропилами;
- оформление насада: пропиливание в начале насада подтрапцевидной выемки и нанесение насечек для закрепления в древке. Более крупные нарезки оформлены на стыке рядов зубцов и насада, при этом две нанесены на жальце последнего зубца. Ниже крепежной выемки по краю подтреугольного насада нанесены пропилкой мелкие риски: с одной стороны – 15, с другой – 16.
- шлифовка законченного изделия.

Получившийся наконечник имеет центральный округлый в сечении стержень с попеременно расположенными по краям зубцами с оттянутыми вниз острыми жальцами (рис. 2.-3).

2. *Обломок двустороннего гарпуна.* Обнаружен П.Ф. Рыженко в 1983 г. на левобережной отмели Чумыша в районе старого моста, соединяющего села Степь-Чумыш и Победу. Цвет темно-серый, кость частично минерализована. Сохранность аналогична предыдущему изделию. Верхняя треть гарпуна отломана в более позднее время. Размеры 16–16,5х1,8х0,9 см. Изготовлен из

трубчатой кости крупного копытного так же, как и предыдущий наконечник. Законченное изделие имело центральный округлый в сечении стержень, от которого по краям отходили попеременно расположенные зубцы. В отличие от первого гарпуна зубцы крупнее и реже: 5 – с одной стороны и 4 – с другой (не исключено немного большее количество зубцов, если допустить увеличение длины изделия). Зубцы разных краев немного отличаются по форме: со стороны подпрямоугольного крепежного выреза выемка, выделяющая зубец, более округлая, а жальце имеет плавные очертания; противоположный ряд образуют зубцы треугольной формы. Четко видны пропилы, моделирующие структуру гарпуна (рис. 2.-5). Насад треугольный, по его краям также нанесены риски: 9 – со стороны выреза и 8 – с противоположной.

3. *Полный двусторонний гарпун*. Обнаружен П.Ф. Рыженко там же, где и предыдущий, в 1997 г. Цвет светло-коричневый, рог частично минерализован. Сохранность изделия отличная, хотя имеются поздние отломы трех зубцов. Размеры 18,5х1,7х0,9 см. Изготовлено из рога северного оленя. Один фас изделия частично сохраняет остатки поверхности рога, хотя и несколько стертые шлифовкой. Алгоритм изготовления наконечника несколько иной, отличия связаны с другим сырьем:

- оформление заготовки из рогового отростка путем срезания изогнутых поверхностей в ее верхней трети и в нижней части;
- обрезание и обскабливание роговой массы до придания заготовке необходимой овально-линзовидной в сечении формы;
- далее процесс изготовления аналогичен костяным гарпунам – вырезание треугольных выемок для зубцов, подтрапцевидных для крепления и оформления насада.

Готовое изделие существенно отличалось от уже описанных не только более крупными размерами, но и большим количеством более мелких и часто посаженных зубцов (13 и 12), наличием двух крепежных выемок и существенным сужением толщины пера к острию. Последнее возможно связано с особенностью субстрата заготовки (рис. 2.-4). Зубцы, также оформленные с помощью пропила, имеют закругленные очертания, а их жальца сильнее оттянуты вниз. На треугольном насаде, отделенном от рядов зубцов двумя неровными крепежными выемками, фиксируются по краям риски (9 – с одной стороны и 10 – с другой).

В целом же наконечники гарпунов достаточно схожи между собой и несомненно предназначены для охоты на животных, а не для добычи рыбы. Подобные изделия в Сибири не встречены, их обработка, размеры, расположение зубцов и насады вызывают явные верхнепалеолитические мадленские ассоциации. Этому не противоречит сохранность и частичная минерализация наконечников.

Наконечники копий (2).

4. *Полный цельнокостяной наконечник с режущими лезвиями и уплощенным насадом*. Найден П.Ф. Рыженко на правобережной отмели Чумыша в районе северной окраины с. Победа. Цвет темно-коричневый, кость частично минерализована. Имеется незначительный поздний облом острия изделия и кромки насада. Размеры 23,5–24х1,4х0,7 см. Изготовлено из трубчатой кости крупного копытного по схеме и алгоритму, аналогичному процессу оформления костяных гарпунов. Существенные отличия заключаются в следующем:

- узкие боковые «крылья» заготовки не превращены вырезами в зубцы, а заточены шлифовкой до остроты ножа;
- насад оформлен двумя срезами костной массы с фасов наконечника и имеет неровноподпрямоугольное сечение.

Законченная форма наконечника более всего напоминает восточноевропейские «веретенообразные» палеолитические наконечники округлого сечения [12, с. 242] и наконечник копья из Мальты [13, табл. 9]. Однако отличие побединского копья не только в сырье, но, прежде всего, в наличии узких режущих перьев вдоль обоих краев наконечника. Подобного оформления наконечников копий авторам неизвестно (рис. 2.-2).

5. *Полный наконечник с одним продольным пазом*. Найден П.Ф. Рыженко в конце 70-х гг. на отмели правобережья Чумыша в районе устья р. Шамониха. Цвет коричневатого-серый, рог частично минерализован. Размеры 20х1,8х0,85 см. Сохранность хорошая. Наконечник изготовлен из слегка изогнутой роговой пластины и хорошо зашлифован, поэтому восстановить алгоритм его оформления сложно. Естественная поверхность рога срезана по всей поверхности. Сечение наконечника уплощенно-овальное, острие пера сужено, насад округлый и уплощенный. Имеются мно-

гочисленные короткие нарезки для сцепления с древком и крепления обмотки (рис. 1.-2). По всей поверхности сохранились затертые следы выборки рога долотовидным инструментом. Паз глубиной до 3 мм и шириной 1,5–3 мм начинается в 3 см ниже острия и заканчивается в 6 см выше основания – насада. Последний имеет округлую форму, 13 поперечных и 4 косых нарезки для закрепления в древке.

Подобные наконечники известны в кокоревской культуре Енисея [14].

Находка стольких наконечников метательного охотничьего вооружения на небольшом отрезке реки наводит на мысль о существовании здесь в позднесартанскую эпоху традиционного места охоты на переправляющихся через реку животных (покол). Только в случае промаха копья могли попасть в аллювий реки и сохраниться до нашего времени в таком прекрасном состоянии. К сожалению, многочисленные находки ископаемой плейстоценовой фауны на Чумыше трудно синхронизировать с временем бытования охарактеризованных наконечников копий и гарпунов. Интересен в этой связи факт обнаружения второго наконечника копья кокоревского типа на р. Алей (Соловьиная Лука) вместе с фауной плейстоценового времени и обломком челюсти человека.

6. *Кинжал из ребра бизона*. Найден П.Ф. Рыженко в 1973 г. на левобережной отмели Чумыша около северо-восточной окраины с. Черемшанка. Цвет темно-коричневый, кость минерализована. Размеры 30,8х2,8х1,2–1,4 см. Имеются поздние выкрошенности как по фасу, так и по краю изделия. Сохранность хорошая, окатанность слабая. Восстанавливается алгоритм оформления кинжала:

- обрезка ребра бизона до необходимой длины и ширины (следов, характеризующих этот процесс не сохранилось);
- удаление рельефа эпифиза ребра и превращение его в своеобразное навершие кинжала;
- оформление рукояти путем оббивки, наносимой по краю с внутренней стороны на наружную;
- удаление костной массы на предполагаемом лезвии кинжала с краев и фаса. Возможно, использовались долотовидное орудие и абразивная шлифовка;
- осклабывание и шлифовка законченного изделия, заточка острия.

В законченном виде кинжал представлял собой чуть изогнутое в профиль изделие с рукоятью длиной 12–13 см и сужающимся к концу приостренным уплощенно-овальным в сечении лезвием (рис. 2.-1). Лезвие имело также два фасовых желобка – естественный и вырезанный искусственно резцом. Второй желобок имеет неровные очертания и многочисленные царапины от срывающегося каменного инструмента. Кинжал предназначен только для колющего удара. От наконечника копья его отличает наличие выраженной «рубчатой» (из-за отшлифованных фасеток оббивки) рукояти, крупные размеры и отсутствие насада. Подобные орудия авторам неизвестны. Сохранность изделия, свидетельствующая о его первоначальном «аллювиальном» захоронении, позволяет предположить использование кинжала при добывании животных во время покола.

7. *Орудие с бородкой*. Найдено П.Ф. Рыженко на правобережной отмели р. Чумыш (северо-восточная окраина с. Победа) в конце 80-х гг. Цвет темно-серый. Кость минерализована. Изделие обломано и довольно сильно окатано, т.е. место нахождения нельзя считать первоначальным. Из-за окатанности технология оформления орудия не восстанавливается, как и часть кости, послужившая заготовкой. Отчасти бородка по очертаниям напоминает зубцы гарпунов (рис. 2.-6). Назначение орудия непонятно.

8. *Обрезанный отросток рога северного оленя*. Обнаружен в 90-х гг. П.Ф. Рыженко на отмели р. Чумыш около старого моста (левый берег). Рог минерализован, имеет следы подрезания и выдолбленную выемку на обломе. Возможно, этот обрезок является заготовкой для оформления орудия. Минерализация и коричневый цвет свидетельствуют о плейстоценовом возрасте находки (рис. 1.-3).

9. *Утяжелитель составного рыболовного крючка*. Найден П.Ф. Рыженко в конце 70-х гг. на левобережной отмели р. Чумыш в районе подвесного моста (северо-восточная окраина с. Победа). Размеры 6,9х0,85х0,7 см. Утяжелитель овального сечения, изготовлен из темно-коричневой яшмовидной породы способом «граненой» шлифовки. Головка для крепления линия оформлена в виде выступа на сужающемся веретенообразном цевье. Спинка цевья более прямая. От обушка на спинку пропилен паз шириной 1,5 мм, глубиной 0,5 мм. На противоположном крае нанесены шесть пропилов, охватывающих треть окружности утяжелителя. Судя по этим особенностям, жальце из кости или когтя животного было обращено на сторону с пропилами и частично закреплялось так называемым «затылком» в пазу на спинке цевья [15, с. 99]. Хотя пропорции и принци-

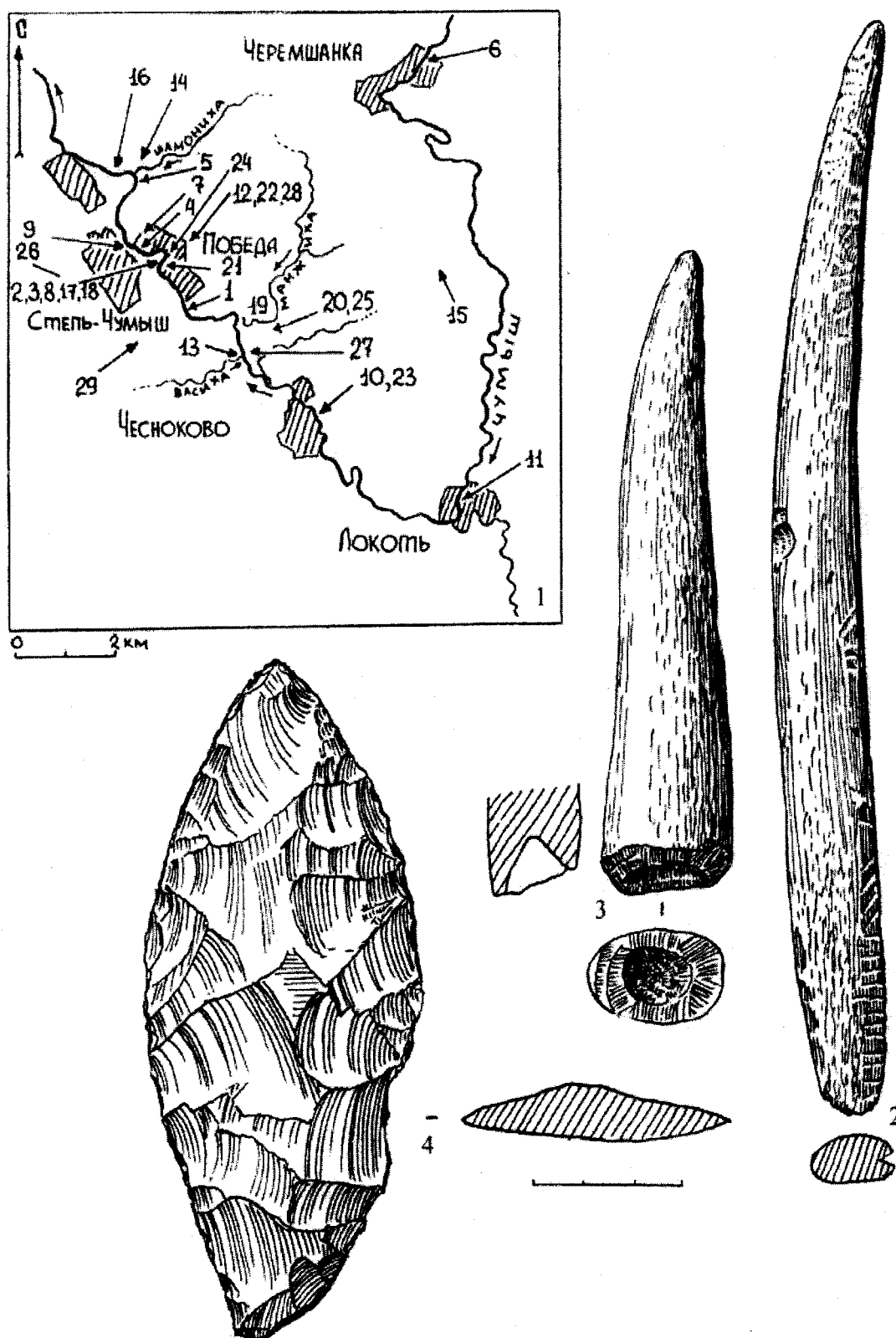

Рис. 1. Схема расположения пунктов случайных находок из Верхнего Причумышья (1) и изделия каменного века

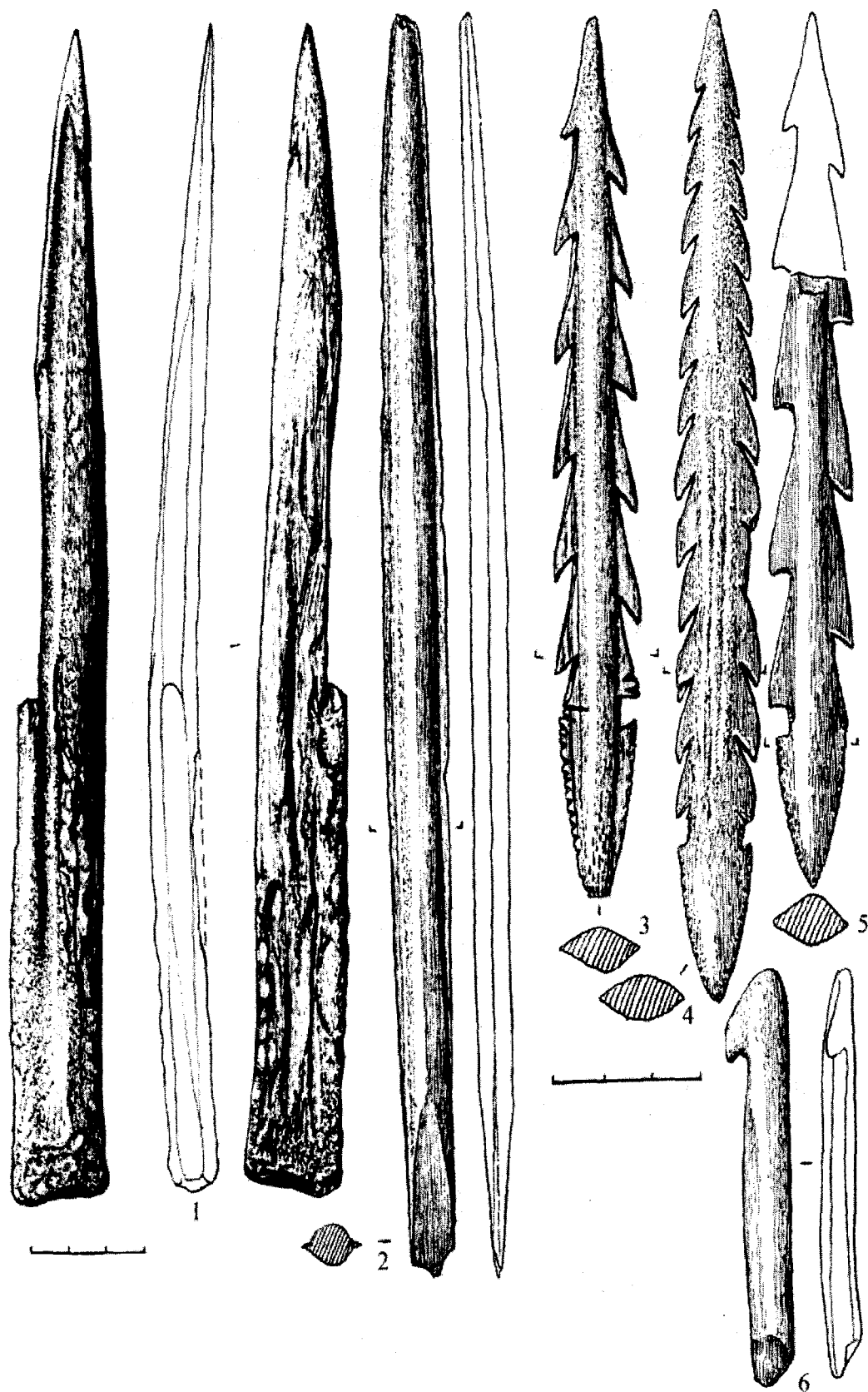

Рис. 2. Палеолитические костяные и роговое (4) изделия из окрестностей сел Победа и Черемшанка

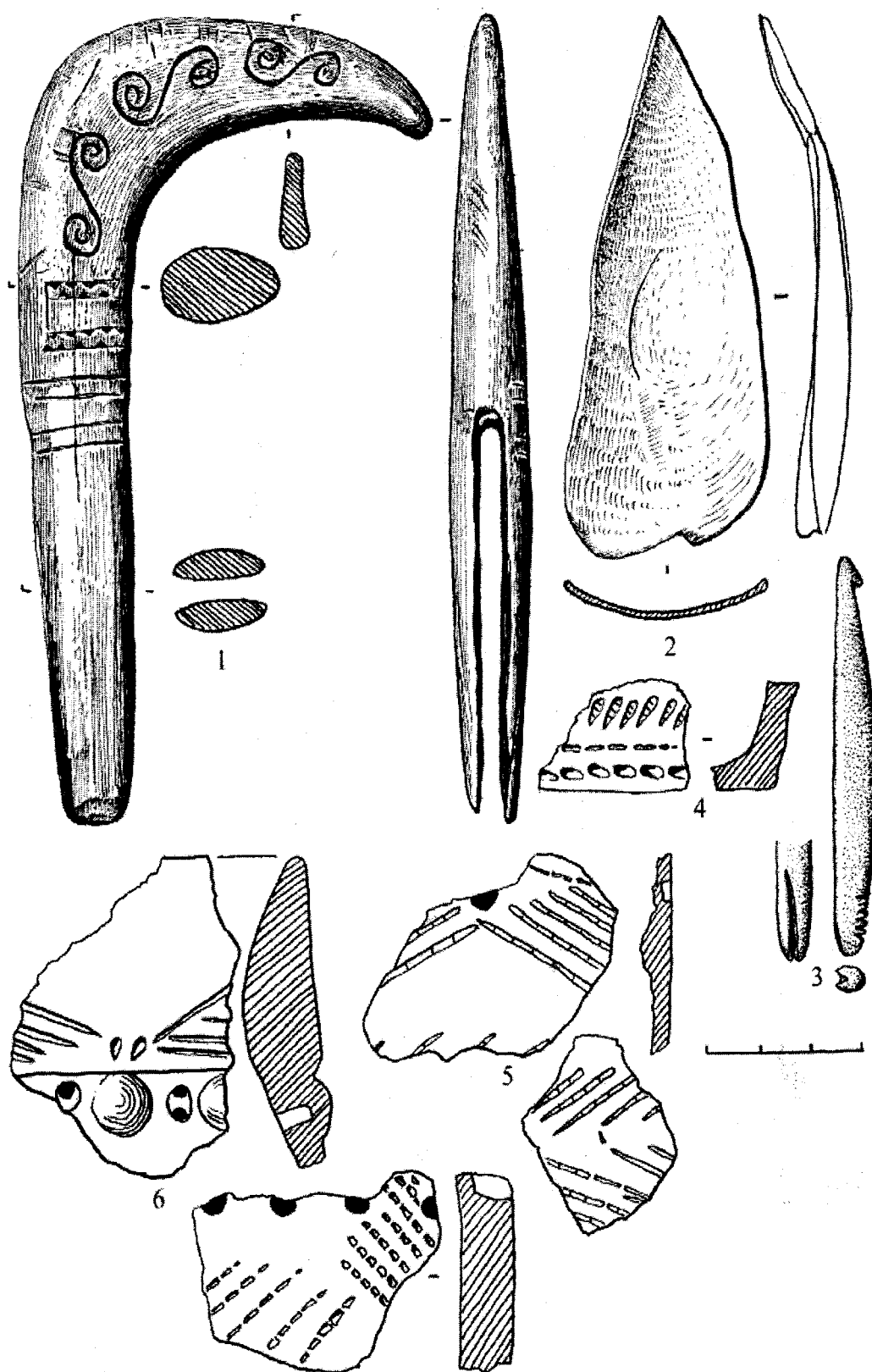

Рис. 3. Находки неолита (3) и бронзового века с Верхнего Причумышья

пиальная конструкция утяжелителя обычны для сибирского неолита, указанные особенности позволяют рассматривать изделие как новый тип составного рыболовного крючка (рис. 3.-3).

10. *Костяная лопаточка (ложка-совок)*. Найдена П.Ф. Рыженко в конце 80-х гг. на пашне 50-метрового правого борта долины Чумыша напротив с. Чесноково. В одном из логов расположено оз. Живаево. Изделие вырезано из трубчатой кости крупного копытного, его размеры 9,2х4х0,15 см. Поверхность хорошо высоблена и отшлифована (рис. 3.-2). Подобные изделия характерны для неолитических культур Прибайкалья, но не являются датирующим инвентарем. А.П. Окладников дал название этим оригинальным предметам «ложки-совки» и отметил, что они «в отличие от настоящих ложек не имеют резкого перехода от резервуара к ручке. Последняя специально не выделяется» [16, с. 87]. В неолитических комплексах Алтая подобные изделия неизвестны.

11. *Нож-бифас*. Найден П.Ф. Рыженко на левобережной отмели р. Чумыш в районе с. Локоть в 60-х гг. Размеры 12,5х5,5х1 см (рис. 1.-4). Форма клинка миндалевидная, на нижней части одного края оформлены оббивкой и ретушью небольшие выемки, выделяющие рукоять изделия (?). Оба фаса заготовки обработаны широкими встречными сколами и ретушью. Возможная датировка ножа – неолит.

Бронзовый век. Исследования в Верхнем Причумышье позволили выявить достаточно большое количество андроновских комплексов (стационарных поселений, культурных горизонтов на многослойных памятниках, грунтовых и курганных могильников), зафиксированы также отдельные находки ирменской и корчажкинской культур. Подобный диспаритет различных отделов бронзового века не совсем объясним, возможно, ранние и поздние памятники в его рамках еще не обнаружены. Материалы из музея с. Победы, хотя и немногочисленные, позволяют надеяться на открытие ярких объектов как раннего, так и позднего бронзового века.

12. *Костяное навершие*. Обнаружено П.Ф. Рыженко в 70-х гг. в окрестностях с. Победа. Сохранность изделия отличная, цвет коричневый. Размеры: высота – 13,8 см, ширина – от 2 до 3 см, толщина – до 1,3 см. Навершие имеет «Г»-образную форму, длина изгиба – 7,8 см. В нижней части навершие имеет прорезь длиной 7 см и шириной 0,4 см. Один фас изделия является лицевым и украшен орнаментом, противоположный его не имеет. Для изготовления использована лопатка рога лося. Лицевая сторона хорошо зашлифована и заполирована. На изгибе нанесены резные «S»-видные фигуры с закрученными спиралью окончаниями, ниже, уже на вертикальном стержне, нанесены поперечные пояски шириной 0,3–0,4 см. Два верхних пояска заполнены орнаментом, два нижних – пустые, оформленные только двумя резными линиями. Орнамент нанесен путем вырезания маленьких равнобедренных треугольников, опущенных вершинами вниз. Треугольники расположены попеременно, поэтому орнамент может рассматриваться двояко: с одной стороны – два пояска треугольников, с другой – змейка с изгибами. И тот, и другой мотив характерен для культур раннего бронзового века. Общий облик навершия имеет явную зооморфную форму, а точнее форму птицы с длинным слегка загнутым книзу клювом (рис. 3.-1). Подобное изделие происходит из могилы 50 кургана 25 кротовского могильника Сопка-2 [17, рис. 27-5], однако на нем более реалистично проработана голова птицы, видимо, ворона. Для орнамента костяных изделий из комплекса кротовской культуры могильника Сопка-2 характерны также мотивы орнамента пояска навершия из Победы. При этом они фиксируются и как композиция [17, рис. 27.-29], и как отдельные элементы. Видимо, к подобным изделиям относится и случайная находка А.П. Уманского из Кытмановского района, расположенного ниже по течению Чумыша [18]. По-видимому, чумышские навершия следует отнести ко времени существования на Алтае елунинской культуры. Это подтверждают отдельные находки елунинской керамики на многослойных поселениях Усть-Васиха-2 [10] и Степь-Чумыш (рис. 3.-4). Как уже отмечалось, поздние этапы бронзового века представлены пока очень фрагментарно, поэтому важны даже мелкие фрагменты керамики, закрывающие хронологические лакуны. Такими являются находки П.Ф. Рыженко: фрагмент ирменского сосуда на р. Осиха, правого притока Чумыша, впадающей в него выше с. Победа (рис. 3.-6) и обломки, видимо, корчажкинских сосудов с многослойного поселения Куюк-1, расположенного выше Победы по течению Чумыша на его левом берегу (рис. 3.-5).

Ранний железный век. Эта эпоха представлена в верхнем Причумышье наибольшим количеством случайных находок, поселений, грунтовых и курганных могильников [7–9]. Сведения и

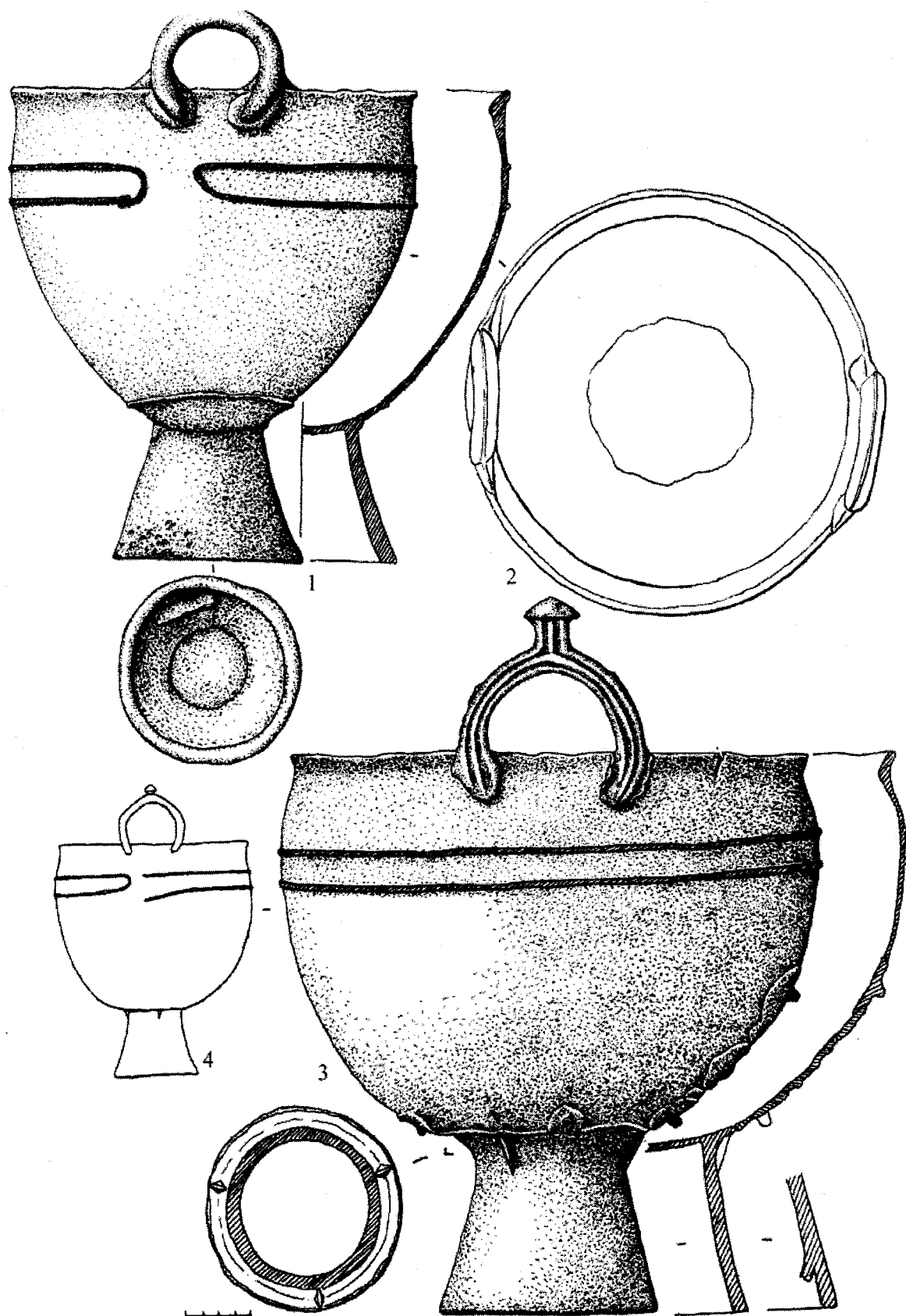

Рис. 4. Бронзовые котлы с рек Шамони́ха (1, 2) и Васи́ха (3, 4)

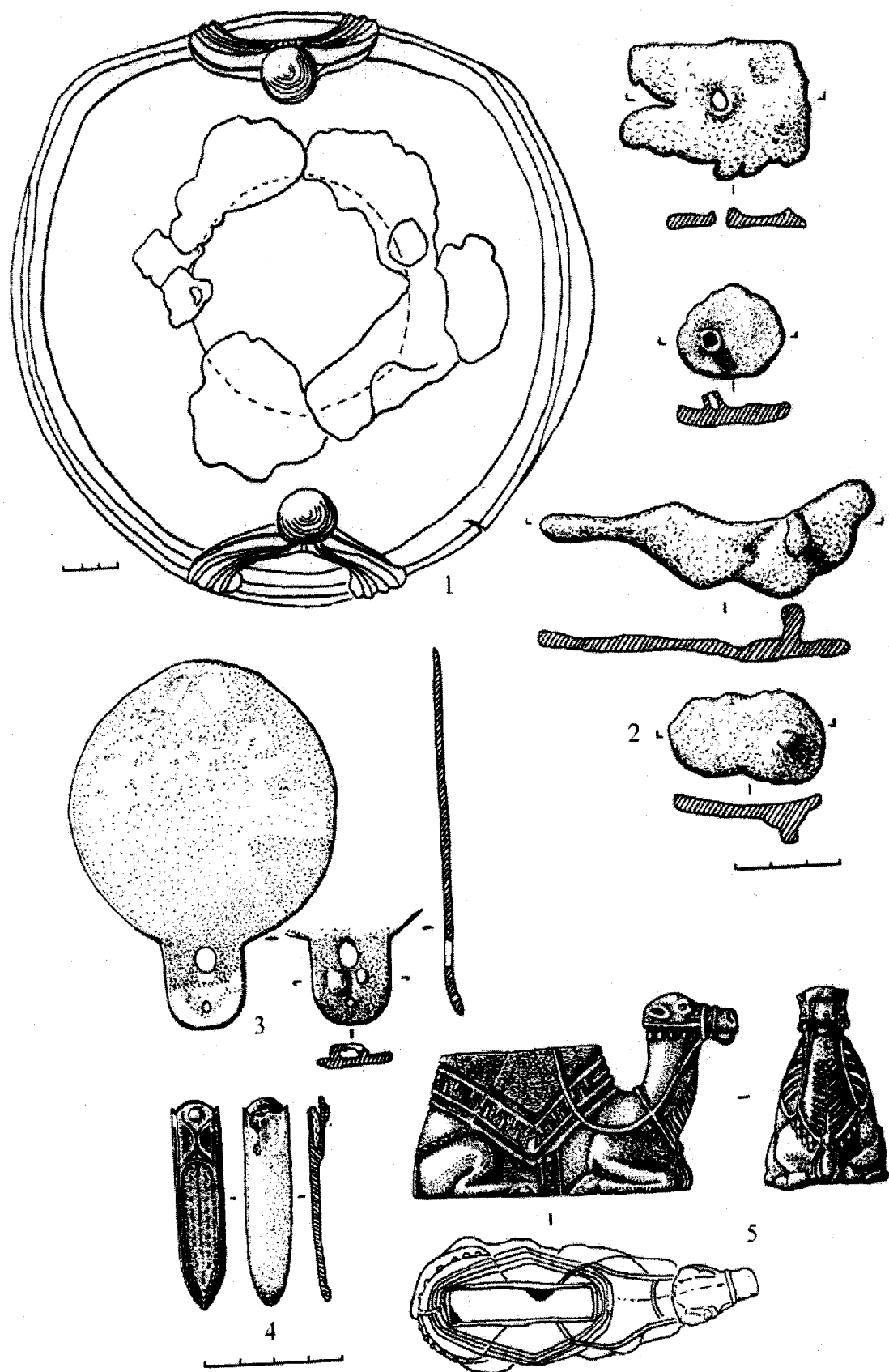

Рис. 5. Находки раннего железного века (1, 2, 3) и средневековья с Верхнего Причумышья

схематичные рисунки случайных находок, хранящихся в музее с. Победа, уже публиковались ранее, однако, на наш взгляд, необходимо остановиться на них еще раз и описать более подробно. Прежде всего это два бронзовых котла, бронзовое зеркало, голова мраморной античной скульптуры. Кроме этого, мы приводим точное описание места находок и морфологического облика костяных наконечников стрел, рисунки которых опубликованы в 1997 г. одним из авторов [9]. Ссылки в тексте будут даны на рисунки в указанной работе.

13. *Бронзовый котел. Могильник Усть-Васиха-1.* Котел обнаружен в конце 70-х гг. П.Ф. Рыженко вместе с черепом человека в осыпи мыса, образованного левобережьем р. Васиха и левым бортом р. Чумыш [7] (рис. 1). Видимо, в начале мыса находился одиночный курган раннего железного века. Подобные одиночные курганы диаметром 10–12 м и высотой до 1 м встречены в районе с. Победы еще в трех пунктах. Котел немного поврежден (смят), видимо, при сползании в р. Васиху, так как найден уже частично погруженным в ее аллювий. Изделие отлито в двух формах – отдельно поддон с тремя «поддерживающими» ребрами жесткости и тулово вместе с ручками. По-видимому, модели ручек изготовлены отдельно от модели тулова, так как создается ощущение их «врезанности» в край котла (рис. 4.-3, 4; 5.-1). В 6 см ниже края котла имеется рельефный двойной валик, образованный оттиском веревки на сырой форме. Веревка была сложена вдвое и опоясывала двумя полосами все тулово котла. Кончики веревки не соединены. После окончания отливки обе части были сварены бронзой. В ходе длительного использования котла нижняя часть тулова в месте сварки изнашивалась (прогорела?) и неоднократно чинилась. Фиксируется девять заплаток снаружи изделия и шести изнутри (рис. 4.-3, 4). Внешний вид заплаток, часто с выступающими стерженьками и трубочками, напоминает раскованные поясные бляхи или иные изделия (рис. 5.-2). Изнутри поддона (нижняя треть) фиксируется уступ, видимо, оставшийся от литейного хода для заливки расплавленного металла в форму. Рукояти котла имеют грибовидные навершия и слегка наклонены вовнутрь котла (рис. 5.-1). Снаружи плоскости ручек украшены двумя желобками, образующими три валика-ребра. Подобным образом оформлена и ножка навершия.

14. *Бронзовый котел. Могильник Усть-Шаманиха-3.* Случайная находка бронзового котла на поддоне в конце 70-х гг. на правом берегу р. Шаманиха в ее устьевой зоне. Не исключено то, что и в данном случае находка связана с разрушенным оврагом погребением, аналогичным Усть-Васихе-1. Котел сварен из трех частей, отлитых раздельно: поддон, тулово (рис. 4.-1, 2) и две ручки без наверший и других украшений. Ручки приварены к тулову котла снаружи. На тулове имеются оттиски веревки, сложенной вдвое, кончики веревки соединены. Изнутри на поддоне также фиксируется остаток литейного хода (рис. 4.-1). В целом котел гораздо меньше васихинского и выглядит массивнее и новее.

15. *Бронзовое зеркало. Курганный могильник Первомайский.* Случайная находка П.Ф. Рыженко в 60-х гг. на площади, занятой курганами Первомайского могильника. До начала массовой распахки земель в годы поднятия целины этот могильник насчитывал свыше сотни насыпей различной высоты и диаметра. В настоящее время их осталось меньше половины. Памятник занимает высокий 100-метровый мыс правого берега р. Чумыш на восточном изгибе «Чумышского локтя». Зеркало представляет собой не совсем ровный округлый диск диаметром около 7,7 см и толщиной до 2–2,2 мм с подовальной ручкой размерами 2,3х2,1 см. Ручка отлита вместе с диском зеркала (рис. 5.-3). В ручке имеются два отверстия: овальное, размерами 0,5х0,6 см, в основании ручки и более маленькое круглое, диаметром 0,2 см, на краю ручки. На оборотной стороне ручки между отверстиями имеются остатки сломанной подовальной петли, также отлитой вместе с ручкой и диском. Нижняя треть рукояти зеркала отогнута на лицевую сторону. Хотя подобные зеркала – обычная находка на памятниках быстринской и пазырыкской культур, некоторые особенности оформления ручки делают первомайское зеркало редким типом. Прежде всего рукоять не является петлей и имеет два отверстия. Кроме этого, между отверстиями расположена еще и поперечная петля. Если зеркала с двумя отверстиями на ручке изредка встречаются [20, с. 265], то сочетание отверстий и петли нам неизвестно.

16. *Мраморная голова, отколотая от скульптуры (?).* Обнаружена в с. Красное Знамя в 1960-х гг. при копке погреба на глубине 1,5–2 м. Поскольку для разрыхления грунта применялся лом, несколько ударов пришлось по мраморной голове, принятой за валун. В результате оказалась сколотой левая верхняя часть лица, оббит подбородок и нос, образовались трещины. П.Ф. Рыжен-

ко подобрал скульптуру спустя несколько дней, поэтому отбитые части найти не удалось. Располагалось село на мысе, образованном правым берегом р. Шамониха и правым бортом долины р. Чумыш. Буквально в 200 м северо-восточнее находки головы находится овраг, откуда происходят бронзовый котел (Усть-Шамониха-3), а напротив, на левом берегу Шамонихи, многослойное поселение и могильник сrostкинской культуры Усть-Шамониха-1. В настоящее время села Красное Знамя уже нет, но мыс сильно изуродован активной антропогенной деятельностью. При обследовании место находки точно определить не удалось, однако мы предполагаем наличие здесь быстринского могильника и присвоили ему название Усть-Шамониха-2.

Голова скульптуры имеет размеры 18,5х12,5х16 см. В древности она была сколота на уровне нижней части шеи, плоскость неровного скола подшлифована для того, чтобы голова могла стоять в вертикальном положении. При установке лицо смотрит немного вверх. Скульптура изображает молодую женщину, смотрящую прямо перед собой. Скульптору удалось передать своеобразное «отсутствие выражения» глазам скульптуры. В сочетании с чуть презрительным разрезом губ и спокойными очертаниями лица создается ощущение отрешенности изображенной женщины от земных проблем и страстей и даже некоторое пренебрежение к ним. Подобное выражение лица в античных скульптурных традициях художники передавали Коре Персефоне [21, табл. CI-8]. Символика возрождения передана манерой изображения волос скульптур, образующих своеобразные переплетающиеся лозы или стебли (рис. 6.-3). Толщина этих локонов-стеблей увеличивается сверху вниз. Волосы образуют строгую прическу с прямым пробором до уровня темени, уложенную вокруг головы довольно плотно и скрывающую уши. Глубокими прорезями в мраморе выделены глаза, зрачки, ноздри, а также складки губ. Рельеф лица моделирован плавно, мрамор отполирован. На висках, под глазами и вокруг носа и губ нанесены тонкие параллельные линии – граффити, призванные, видимо, создать эффект затененности мрамора (рис. 6.-1) и усилить передачу рельефа лица. О происхождении скульптуры можно только догадываться. Несомненно ее эллинистическое происхождение, связанное, видимо, с Бактрией или Парфией.

Рис. 6. Мраморная голова с устья р. Шамониха

Не исключено, что скульптура является военным трофеем воина-быстрянца, участвовавшего в набеге сакских племен на Бактрию в 30-х гг. II в. до н.э. [22, с. 206]. Предположительное определение антропологического облика скульптуры, сделанное С.С. Тур, характеризует прототип скульптуры как южного узколицего европеоида, что не противоречит нашим предположениям.

Эпоха поздней древности. К этому периоду относится серия случайных находок костяных наконечников стрел.

17. В 1960 г. П.Ф. Рыженко обнаружил один такой *наконечник* на песчаной косе у подвесного моста с. Победа, на левом берегу р. Чумыш. Изделие имеет черешковый насад, перо килевидной формы, ромбовидное в поперечном сечении. При переходе пера в черешок образуется упор в виде двух уступов-плечиков, приостренных дополнительными пазами [9, рис. 3.-3]. Длина пера составляет 8,4 см, тах ширина – 2 см, тах толщина – 0,8 см. Длина черешка – 3,4 см.

18. Через 30 лет в этом же пункте О. Дуплинским был найден еще один *наконечник стрелы*. Он имеет черешковый насад, перо килевидной формы, ромбовидное в сечении. Переход пера в насад оформлен аналогично первому экземпляру [9, рис. 3.-2]. Длина пера составляет 6,2 см, тах ширина – 1,8 см, тах толщина – 0,6 см. Длина черешка – 3,8 см.

19. В 1960 г. на р. Манжихе найден и доставлен в музей с. Победа *наконечник стрелы* с черешковым насадом, пером треугольной формы, треугольным в поперечном сечении. Перо при переходе в насад образует слабовыраженные покатые плечики [9, рис. 3.-7]. Длина пера – 8,5 см, тах ширина – 1,2 см, тах толщина – 0,7 см. Длина черешка – 2,8 см.

20. В 1971 г. у пос. Манжиха в «разрушенном погребении» был найден еще один *наконечник стрелы*. Он имеет черешковый насад и килевидное перо, ромбовидного сечения. Переход пера в черешок образуют прямые плечики [9, рис. 3.-1]. Длина пера составляет 7,5 см, тах ширина – 2,4 см, тах толщина – 0,7 см. Длина черешка – 2,5 см.

21. В 1964 г. П.Ф. Рыженко на отмели правого берега р. Чумыш, ниже переездного моста с. Победа, нашел «*ярусный*» *наконечник стрелы*. Изделие имеет втульчатый насад «бочонковидной» формы с диаметром отверстия 1,2 см. Насад переходит в круглый стержень тах диаметром 0,9 см, заканчивающийся коротким треугольным пером с двумя острыми плечиками-шипами [9, рис. 3-8]. В сечении перо ромбовидное, его длина 0,9 см, тах ширина – 1,2 см, тах толщина – 0,5 см. Стержень, соединяющий перо с насадом, имеет длину 3,5 см. Длина насада – 2,8 см, тах ширина – 1,8 см, тах толщина – 1,4 см.

22. В 1970 г. на «песках» в с. Победа И. Мансков при копке столбовой ямы на огороде, на глубине 20–25 см от поверхности обнаружил наконечник стрелы хорошей сохранности. Он имеет черешковый насад, килевидное перо ромбовидного сечения, с упором из прямых заостренных плечиков, на торцах которых вырезаны дополнительные пазы [9, рис. 3-6]. Перо наконечника длиной 7,4 см, его тах ширина – 1,6 см, тах толщина – 0,8 см. Длина черешка – 4,4 см.

Все шесть костяных наконечников стрел из Побединского музея находят ближайшие аналогии среди изделий кулайской археологической культуры, обнаруженных в памятниках Новосибирского Приобья и Лесостепного Алтая и на этом основании могут быть датированы в рамках конца III в. до н.э.–III в. н.э. [23, табл. LI; 24, рис. 2; 25, табл. VII]. Учитывая то, что в Лесостепном Алтае такие наконечники встречаются в памятниках фоминского этапа кулайской культуры, хронологию побединских находок можно сузить до конца I–III вв. н.э. [24, с. 162].

Обнаружение кулайских наконечников стрел в окрестностях с. Победа не является единственным фактом для Верхнего Причумышья. Аналогичный наконечник найден А.П. Уманским в фоминском погребении на грунтовом могильнике Куюк-1/3 – Татарские могилки [26, рис. 6-6]. Это свидетельствует о включении данного района в область расселения позднекулайских племен.

Эпоха раннего средневековья.

23. К этому периоду относится одна случайная находка *бронзового наконечника ремня от узды* верхового коня. Данный предмет был обнаружен П.Ф. Рыженко в с. Чесноково на песке правого берега р. Чумыш. Лицевая часть наконечника покрыта позолотой. Его длина составляет 5,5 см, тах ширина – 1,3 см. Изделие имеет килевидную форму со сложнофигурным основанием в виде полукруга и двух острых выступов по бокам (рис. 5.-4). Лицевая часть наконечника разделена на два орнаментированных поля. Нижнее из них углублено и украшено вертикальными рядами имитации зерни с крупными и мелкими шариками. Верхнее поле имеет прорезной геомет-

рический орнамент из двух полукружий, обращенных друг к другу, внутри которых сделано по два ряда мелких насечек. С изнанки основания наконечника есть полость для вкладывания кожаного ремня, который крепился с помощью заклепки. Данное изделие относится к типам украшений конского снаряжения, характерных для шадринцевского этапа сrostкинской культуры и датируется 2-й половиной X–1-й половиной XI вв. н.э. [27, с. 172].

Чесноковская находка дополняет собой список пунктов сrostкинской культуры в Верхнем Причумышье, которых известно в этом районе не много. Пока это одиночное погребение 2-й половины IX–1-й половины X вв. н.э. на памятнике Усть-Шамониха-1 [8, рис. 6; 28, с. 86-87] и грунтовое коллективное погребение 2 половины XI–XII вв. н.э. на могильнике Куюк-1/3 (Татарские могилки, Степной Чумыш-2) [26, с. 125–126, рис. 1, 2].

Эпоха развитого средневековья. Этот период представлен случайными находками оружия из трех пунктов.

24. В 1974 г. в с. Победа (правый берег р. Чумыш) Н.Н. Морозовым на своем огороде были найдены два железных наконечника стрел. Оба изделия имеют черешковый насад, округлый в сечении, длиной 5,3–5,4 см. Перо наконечников асимметрично-ромбической формы, плоское (шестиугольное) в поперечном сечении. Оба экземпляра снабжены шайбовыми упорами, у одного он круглый, у другого – шестигранный [9, рис. 7-4, 5]. Длина пера 7,6–7,7 см, тах ширина – 3,9–4,3 см, тах толщина – 0,2–0,4 см. Обе находки относятся к типу наконечников стрел, широко распространенных в Евразийских степях в XIII–XIV вв. н.э., а своим происхождением связаны с монгольским комплексом вооружения [30, рис. 57.-5, 8; 59.-3; 61.-7].

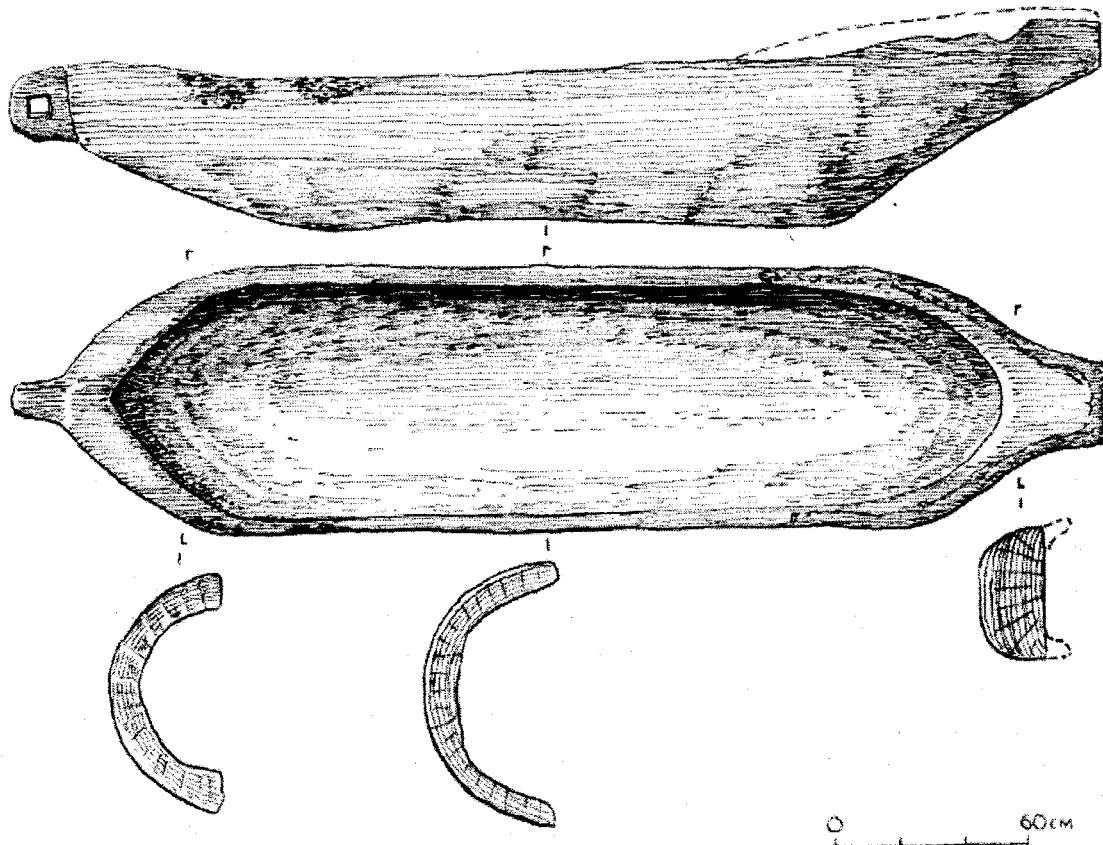

Рис. 7. Долбленая лодка с оз. Радионово (окрестности с. Победа)

25. На территории с. Манжиха при поправке дороги П.Ф. Рыженко обнаружен железный *наконечник дротика*. Изделие имеет коническую форму и состоит из пера и деформированной втулки [9, рис. 7.-1]. Перо круглое в сечении, длиной 8 см, диаметром (тах) 1,2 см. Длина втулки – 9,2 см. Наиболее близкие аналогии находит среди метательного оружия монголов XIII–XIV вв. н.э. [30, рис. 74.-8].

26. На спуске в с. Степной Чумыш, в отвале дороги от с. Шалап, П.Ф. Рыженко был найден железный *наконечник копья*. Он имеет плоское, вытянутомбической формы перо, длина которого 10,5 см, тах ширина – 2,2 см, тах толщина – 0,6 см. Втулка наконечника свернута в трубку, у ее основания проделано отверстие для закрепления древка. Ее длина составляет 13,4 см, диаметр у основания – 2 см [9, рис. 7-2]. Этот наконечник копья обнаруживает наиболее тесные аналогии с оружием таранного удара монголов XIII–XIV вв. н.э. [30, рис. 74-4, 5].

Следует отметить, что данная серия находок представляет первые пункты в Верхнем Причумышье, которые могут быть отнесены к монгольскому времени.

Эпоха позднего средневековья – этнографическое время. Находки этого периода датировать достаточно сложно из-за слабой изученности материальной культуры прерусского времени и начала русского заселения Алтая. Тем не менее материал последних веков II тыс. н.э. постепенно накапливается и его необходимо вводить в научный оборот.

27. *Лодка-долбленка*. Обнаружена П.Ф. Рыженко при впадении р. Повеляихи в оз. Радионово, расположенное в 2 км юго-восточнее с. Победа в правобережной пойме р. Чумыш. По-видимому, лодкой пользовались шорцы или первые русские переселенцы Причумышья для рыбной ловли (в том числе лучения) в пойменных старичных озерах, а затем она была брошена и затонула в пойменном аллювии. Из-за понижения базиса эрозии Чумыша и врезания его в собственные аллювиальные отложения, понизился уровень озера Радионово и челнок оказался доступен для исследования. П.Ф. Рыженко перевез его в музей с. Победа, где он несколько лет стоял перед крыльцом на открытом воздухе. Это привело к прогрессирующему разрушению лодки, вследствие чего она разломилась пополам. В 90-х гг. челнок перевезен в АККМ, где сейчас и хранится. Длина лодки – 3,34 м, ширина – 0,66 м, высота – от 0,4 до 0,6 м. Толщина стенок – от 6 до 12 см. Для изготовления использовалась сосна диаметром 70-80 см. В целом лодка в разрезе сохранила очертания бревна, хотя в процессе выдалбливания сердцевины дно изнутри было слегка уплощено. За счет этого толщина дна увеличена, так как снаружи днище сохранилось округлым. Нос и корма слегка приподняты, при этом на корме больше высота стенок (рис. 7). На носу вырублено подпрямоугольно-овальное «чальное кольцо» с прямоугольным отверстием. Корма имеет подпрямоугольный суживающийся выступ. На носу фиксируются пятна обугленности от горения лучин с левого борта при ночном лове рыбы острогой. Находка подобной лодки-долбленки раскрывает новый массив источников и по рыболовству в этот период времени, и по традиции деревообработки. Следует отметить, что очертания лодки напоминают очертания более крупных русских лодий со слегка приподнятой кормой.

28. *Скульптура лежащего верблюда*. Обнаружена местными жителями в окрестностях Степь-Чумыша и передана в музей. По-видимому, представляет собой навершие, украшавшее какое-либо средство передвижения телеутов или шорцев. Скульптурка отлита из свинца в двухстворчатой литейной форме, пустотелая и имеет прямоугольный вырез, оформленный как горб верблюда, судя по очертаниям астраханского бактриана. Традиция изображения лежащего верблюда существует у кочевых народов с эпохи раннего железа. Побединская скульптура отличается от более ранних изображений металлом (свинец) и детальной проработкой системы упряжи, свидетельствующей о знакомстве художника с ее особенностями (рис. 5.-4).

29. В 1992 г. южнее новостроечного района с. Победа в логу Солоновка выше водозабора в берегу подмытом ручьем В. Зеленин нашел интересный предмет. Это короткая железная «сабля» [8, рис. 7.-3]. Изделие имеет сильноизогнутый клинок длиной 25,7 см, тах прогиб которого составляет 3,5 см. Ширина клинка у основания – 2,4 см, к острию он расширяется до 4,4 см, образуя емлань. Длина последней – 6 см. Мах толщина полотна – 0,4 см. Клинок снабжен двумя лезвиями, со стороны выпуклого края полотна и по емлани, что придает «сабле» не только рубяще-режущую, но и колющую функцию. Перед обухом полотно клинка заужено на ширину в 0,4 см. Рукоять изделия слегка наклонена в сторону лезвия, имеет рельефную внутреннюю часть и загнутое

навершие, раскованное в форме «рыбьего хвоста». Длина рукояти – 11,3 см, ширина – 2,1 см, толщина – до 1,5 см. Отдельного перекрестия у «сабли» нет, в месте перехода рукояти в клинок выкована небольшая перекладина длиной 2 см, тах шириной – 1 см, толщиной – 0,5 см, которая сужается к лезвию.

Точных аналогов побединской «сабле» нам найти не удалось, но признаки оформления ее клинка позволяют датировать данное изделие периодом позднего средневековья. Оформление навершия рукояти характерно для турецкой оружейной традиции XV–XVIII вв. н.э.

Появление в Верхнем Причумышье таких изделий, как свинцовая фигурка верблюда и железная «сабля», по нашему мнению, связано с влиянием мусульманского мира и могло иметь место в период военной активности Джунгарского ханства в XVII–1-й половине XVIII вв. н.э.

В заключение необходимо отметить, что археологическая коллекция случайных находок, собранная в Побединском историко-краеведческом музее, освещает все основные периоды истории Верхнего Причумышья и имеет большое значение для изучения исторического и культурного наследия как данного региона, так и прилегающих к нему территорий.

Работа подготовлена при поддержке грантов РГНФ №00-01-00374а и РФФИ №00-06-80393.

Примечания

1. Кунгуров А.Л. Палеолитические находки в предгорьях Алтая // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1987.
2. Кунгуров А.Л. Андроновские поселения восточных районов Алтайского края // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999.
3. Кунгуров А.Л. Работы Бийского отряда // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1987.
4. Кунгуров А.Л. Три палеолитические коллекции из фондов АККМ // Алтайский сборник. Барнаул, 1993. Вып. XVII.
5. Кунгуров А.Л. Палеолит и мезолит Алтая. Барнаул, 1993.
6. Кунгуров А.Л. Палеолитическая стоянка Куяк-5 на Чумыше // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул, 1995. Ч. II.
7. Кунгуров А.Л. Погребальные комплексы быстрианской культуры на Чумыше // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995.
8. Кунгуров А.Л. Неолит верхнего Причумышья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997.
9. Кунгуров А.Л. Памятники железного века верхнего Причумышья (по материалам краеведческого музея с. Победа) // Алтайский сборник. Барнаул, 1997. Вып. XVII.
10. Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Усть-Васиха-2 на Чумыше // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998.
11. Кунгуров А.Л., Маркин М.М. Палеолитические памятники среднего Причумышья // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул, 1995. Ч. II.
12. Палеолит СССР. М., 1984.
13. Герасимов М. Мальта. Палеолитическая стоянка (предварительные данные). Результат работ 1928/29 г. Иркутск, 1931.
14. Абрамова З.А., Гречкина Т.Ю. Об охоте и охотничьем вооружении в позднем палеолите Восточной Сибири // Каменный век. М., 1985. КСИА. Вып. 181.
15. Исаенко В.Ф. Древнее рыболовство в полесье // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита–раннего металла. Л., 1991.
16. Окладников А.П. Верхоленский могильник – памятник древней культуры народов Сибири. Новосибирск, 1978.
17. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.
18. Уманский А.П. Новые памятники андроновской культуры на Алтае // ИЛАИ. Кемерово, 1967. Вып. 1.
19. Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Курганы быстрианской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996.
20. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
21. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
22. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.

-
23. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956.
  24. Горбунов В.В. Ритуальные захоронения животных кулайской культуры (грунтовый могильник Обские Плеса-II) // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996.
  25. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979.
  26. Уманский А.П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
  27. Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сrostкинской культуры Шадринцево-1 // Археология, антропология, этнография Сибири. Барнаул, 1996.
  28. Горбунов В.В. Погребение IX–X вв. на р. Чумыш // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992.
  29. Ширин Ю.В. Новые исследования многослойного памятника Степной Чумыш-2 // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1994.
  30. Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991.

ПРЕДМЕТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ РАЗРУШЕННОГО ЗАХОРОНЕНИЯ ПАМЯТНИКА УСТЬ-АЛЕЙКА-5

В июне 1981 г. при проведении строительных работ у с. Усть-Алейка Калманского района Алтайского края была обнаружена могила, в которой находилось «богатое» женское погребение. Найденные тогда вещи были переданы в Алтайский краевой краеведческий музей (АККМ, ныне – Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ), г. Барнаул), где они и сейчас хранятся в коллекции №14483. Вместе с предметами находится записка следующего содержания: «с. Усть-Алейка, 300 м от старого (пересохшего) русла Алея. Курган, высота ~1 м. Женское захоронение, лежала на боку (?). Гроб деревянный, внутри обложен берестой. Найдено рабочими при строительстве цеха по производству гранул (из) трав, муки, середина июня 1981 г.».

Обнаруженное захоронение и вещи из него представляют особый интерес, так как они относятся к пока еще недостаточно изученному на Алтае монгольскому времени. В связи с тем, что на протяжении около двух десятков лет эти материалы должным образом не были введены в научный оборот, в настоящей статье предлагаем имеющиеся у нас данные различного характера (автор благодарен руководству и сотрудникам АГКМа за предоставленную возможность неодноразно и подробным образом работать с коллекцией №14483).

Погребения монгольской эпохи ранее уже были зафиксированы прямо в центральной части села Усть-Алейка при проведении строительных работ. Результаты исследования этих объектов и полученные материалы полностью опубликованы [1–2], обнаруженный грунтовый могильник получил название Усть-Алейка, клуб [3, с. 19].

Найденное еще одно средневековое захоронение привлекло внимание археологов. В августе 1981 г. по «горячим следам» место, по сути дела разрушенной, могилы обследовал В.Б. Бородаев. Им же были выяснены подробные обстоятельства обнаружения памятника, получившего обозначение Усть-Алейка-5 (рис. 1.-6). Собранные тогда сведения кратко и в популярной форме нашли отражение в газетной публикации, подготовленной В.Б. Бородаевым, тогдашним сотрудником Лаборатории археологии, этнографии и истории Алтайского госуниверситета [4, с. 4]. Для представления более четкой картины произошедших событий следует продублировать некоторые данные, приводимые в статье, которая называлась «Усть-Алейские находки»: «...Копая яму под столб, экскаваторщик совхоза «Ягодный» П.Д. Кириченко задел древнее захоронение. Машинист агрегата витаминной муки В.С. Храпов, остановив дальнейшие работы, сообщил о находке местным краеведам – учителям Усть-Алейской средней школы Д.Т. Юртайкину и С.В. Головину, которые тщательно собрали остатки предметов, положенных в могилу вместе с умершей... Все эти вещи были сданы учительницей истории Усть-Алейской школы Н.П. Частухиной в Алтайский краеведческий музей». В этой же газетной публикации был указан перечень находок и представлены фотографии двух из них: «...уникальное украшение головного убора из двух тонких серебряных пластинок с тисненым орнаментом» и украшенный вышивкой обрывок одежды «...из узорчатой шелковой ткани».

Основываясь на комплексе рассмотренных предметов, В.Б. Бородаев датировал разрушенное погребение из Усть-Алейки-5 XIII–XIV вв., сопоставил его с захоронениями половцев и предпринял попытку анализа вышивки на уцелевшем фрагменте ткани. В конце цитируемой газетной статьи указывалось на «...большую научную ценность усть-алейского могильника» и на то, что «...планируется продолжить его раскопки летом 1982 года» [4]. И действительно, такие исследования на памятнике В.Б. Бородаевым производились, однако результаты их уже на протяжении многих лет остаются неизвестными.

В 1994 г. при проведении картографирования археологических объектов Калманского района место нахождения интересующих нас предметов обследовано В.В. Горбуновым (результаты этой работы находятся в НПЦ «Наследие» и в архиве Музея археологии и этнографии при АГУ).

Сообщенные в газете сведения о памятнике Усть-Алейка-5 и размещение одной из находок в экспозиции АГКМа (см. стенд «Изделия монгольского времени»: 7. Металлическое украшение головного убора. Могильник Усть-Алейка, Калманский район) были учтены при подготовке по-

собий по истории Алтая для учащихся и учителей общеобразовательных школ [5, с. 149–150; 6, рис. 88.-16].

Можно согласиться с мнением В.Б. Бородаева о большой научной ценности и действительной значимости усть-алейских материалов, хранящихся в АГКМе. Однако для данного утверждения необходимо и тщательное изучение обнаруженных изделий с привлечением широкого круга специалистов, а также при получении необходимых естественно-научных анализов. Для этой работы потребуется несколько публикаций и заключений. Задача нашей статьи, помещенной в данный научный сборник, заключается прежде всего в том, чтобы представить находки в имеющемся объеме и привлечь внимание ученых для решения целого ряда актуальных проблем средневековой археологии. В связи с этим предлагаем описать предметы монгольского времени из коллекции №14483 АГКМа примерно в том виде, как они обозначены в Книге поступлений с некоторыми комментариями автора, помещенными в скобки:

«Материалы раскопок и сборов у с. Усть-Алейка Калманского района. Бородаев В.Б., 1981 г. Усть-Алейка-5, могила 1:

1. ОФ 14483/3, А-755 – обрывок одежды с вышивкой 15х4 см (рис. 1.-1, вид с двух сторон и разрез).
2. ОФ 14483/4, А-756 – обрывок ткани 11х4 см (этот фрагмент плохой сохранности на рисунках не представлен).
3. ОФ 14483/6, А-758 – бронзовое кольцо с тканью (серьга, рис. 1.-2).
4. ОФ 14483/2, А-754 – бронзовый перстень (рис. 1.-4).
5. ОФ 14483/1 – часть украшения головного убора (рис. 2).
6. ОФ 14483/5 – деревянный гребень (представлен небольшим фрагментом, по которому неясно был ли гребень двусторонним или нет; рис. 1.-5).
7. ОФ 14483/7 – бусина» (возможно, связана с серьгой, рис. 1.-3).

(Все рисунки предметов, приводимые в статье, сделаны А.Л. Кунгуровым, за что автор выражает ему особую благодарность.)

Из перечисленных выше предметов наибольшее внимание, конечно же, привлекает предмет, который, вероятно, был частью и украшением головного убора (рис. 2). Изделие изготовлено из скрепленных металлических листов, оформленных чеканкой искусным мастером. В Лаборатории минералогии и геохимии Томского государственного университета получены результаты полуквантитативного спектрального анализа пробы от этой вещи: Cu – >>1; Ag – >>1; As – 0,3; Au – 0,2; Bi – 0,1; Pb – 0,05; Si – 0,05; Sb – 0,05; Ca – 0,03; Fe – 0,01; Ti – 0,01; Na – 0,01; Mg – 0,01; Ni – 0,005; Al – 0,005; Zn – 0,003; Co – 0,003; Sn – 0,003; V – 0,003; Mn – 0,002; Tl – 0,001; Cr – 0,001; Ge – 0,0003; In – 0,0002 (в весовых процентах, т.е. сотая часть какой-либо массы, например, 1 вес.% = 10 кг/т; исполнитель Е.Д. Агапова). Эти данные свидетельствуют о сложном сплаве, основу которого составляют медь и серебро при значительном содержании мышьяка и золота.

В настоящее время изделие, находящееся, как уже выше сказано, в экспозиции музея, сильно покрыто медным окислом и с внешней стороны орнамент очень плохо различим. Однако в некоторых местах виден металл беловато-желтого цвета, свидетельствующий о наличии в нем благородных компонентов. Для более тщательного изучения и должного музейного экспонирования этого своеобразного изделия обязательно необходима очистка корродированной поверхности, а затем консервация и реставрация. С внутренней стороны у рассматриваемой вещи медного окисла значительно меньше и поэтому хорошо просматриваются многие детали оформления всех составляющих частей предмета (см. рис. 2.-2). С одной стороны к металлу «прикипели» остатки ткани, возможно, как раз от несохранившегося головного убора. К основной металлической пластине в трех местах прикреплен дополнительный «козырек» (рис. 2.-3), оформленный аналогичным образом, как и сам «венчик». Кроме этого имеется еще одна маленькая неорнаментированная пластинка, удерживаемая двумя фиксаторами (рис. 2.-1, 2). Сквозные отверстия на основной пластине служили для пришивания всего изделия к основе головного убора. Некоторые края у рассматриваемой вещи обломаны.

Ближайшей аналогией этому металлическому предмету из Усть-Алейки-5 является находка, обнаруженная в могиле «часовенногорского типа» №17 памятника Кудыргэ в Горном Алтае [7, с. 44, 47–48; табл. XXVI.-1]. Украшение также связано с женским погребением, в кото-

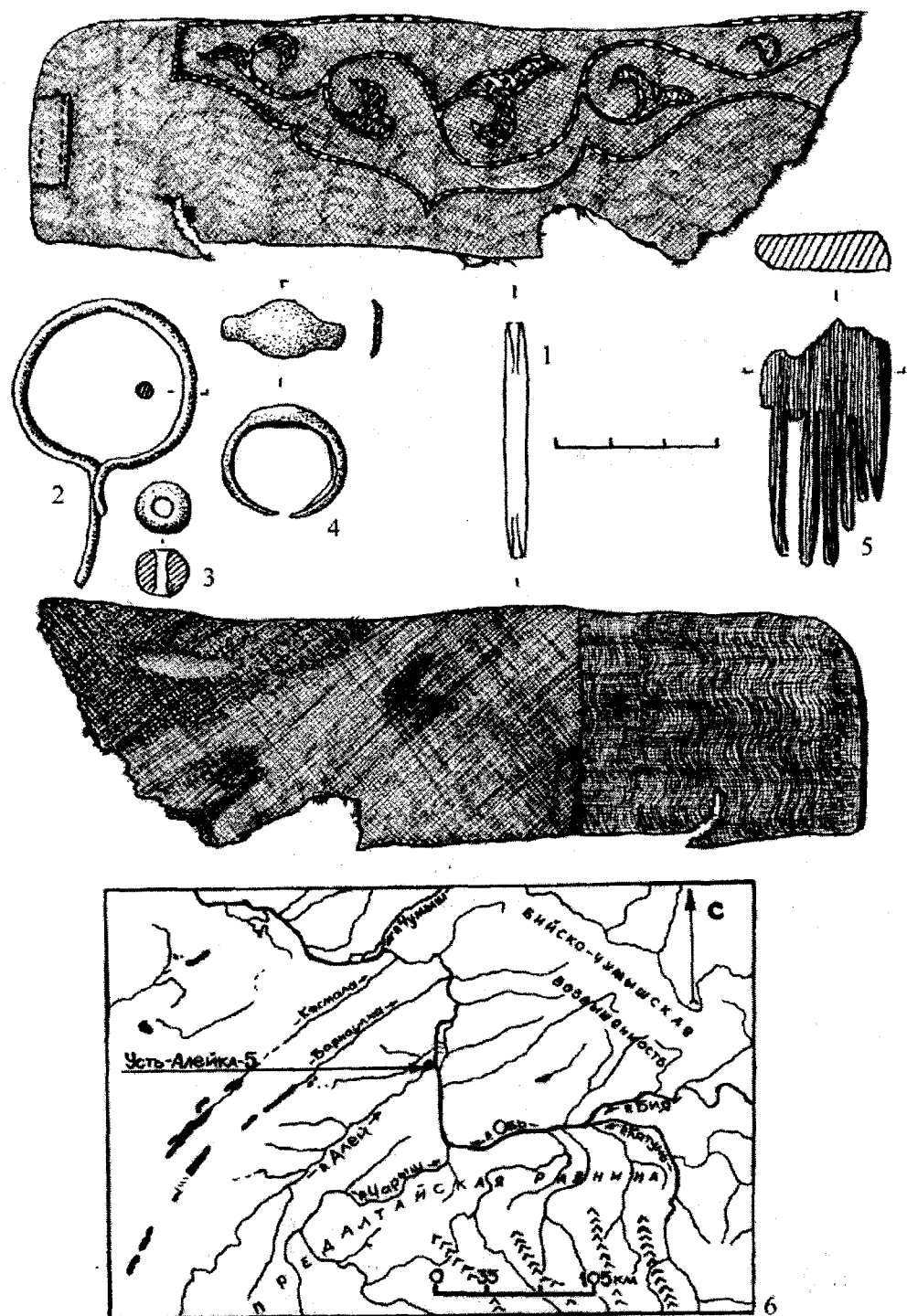

Рис. 1. Усть-Алейка-5. Материалы из разрушенного погребения:
1 – ткань (вид с двух сторон); 2 – бронзовая серьга; 3 – бусина; 4 – бронзовый перстень; 5 – фрагмент
деревянного гребня; 6 – местонахождение памятника

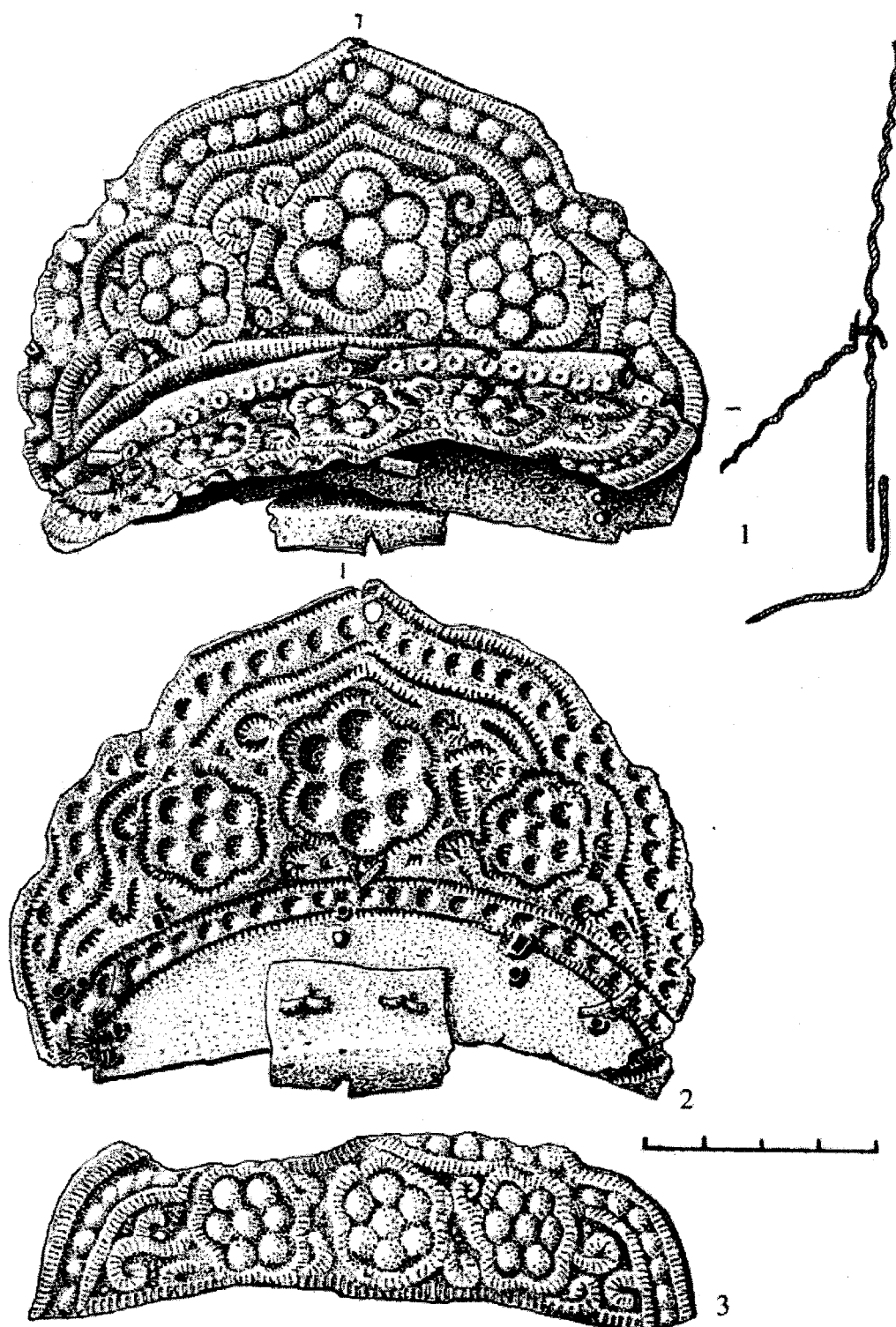

Рис. 2. Усть-Алейка-5. Металлическое изделие:
1 – вид спереди, разрез; 2 – вид сзади; 3 – «kozyrek».

ром умершая лежала вытянуто на спине с согнутыми и сложенными на животе руками, головой на север. В Кудыргэ захоронение находилось в деревянной колоде, покрытой досками и установленной в могильную яму под каменной курганной насыпью. О рассматриваемой аналогичной находке А.А. Гаврилова пишет так: «Над черепом серебряное украшение шапки с тисненным орнаментом...» [7].

Оба указанных изделия сближает не только характер использования, но и близкая форма, а также орнаментальное оформление. Хотя рисунок опубликованного предмета из Кудыргэ оставляет желать лучшего и требуется, конечно же, его более точная и качественная прорисовка, тем не менее предварительный сравнительный анализ все же провести можно. Изделие из могилы №17 памятника Кудыргэ сохранилось не полностью, но общая форма вещи в виде «венца» (короны) устанавливается и обнаруживает близость с усть-алейской находкой. А.А. Гаврилова указывает, что изделие из Горного Алтая изготовлено тиснением, однако подтвердить или опровергнуть использование такой технологической операции ювелирного ремесла весьма трудно без рассмотрения самой вещи. Что касается усть-алейской находки, то здесь мы склонны считать, что нанесение орнамента осуществлялось несколько иной техникой. В связи с данным предположением рассмотрим такие приемы ювелирного дела, как тиснение и ручная чеканка.

Техника тиснения действительно широко использовалась мастерами в монгольское время. Однако это касалось в основном изготовления тонких нашивных бляшек, штампованных, как правило, для украшения одежды и некоторых других вещей (см. например, [8, рис. 48, 51]). Фрагменты таких изделий нами уже обнаруживались в Алтайском Приобье на курганном могильнике Телеутский Взвоз-I, датируемом XIII–XIV вв. [9, с. 301–305]. Поэтому рассмотрим данную технологическую операцию подробнее. Тиснение – это техника художественной обработки кожи, листового металла и т.д. вдавливанием на их поверхности рельефных изображений узора [10, с. 607]. При тиснении тонкую пластинку металла накладывали на подушку из вара, смолы или свинца, укрепленную на специальной мягкой наковальне. Ударяя деревянным молотком по **штампу**, наставленному на пластинку, получали четкий рельефный оттиск на металле. При тиснении более сложных изделий лист металла закладывался между матрицей с выпуклым рисунком и подушкой, по которой наносились удары. Многообразие имеющихся бляшек должно свидетельствовать о самых разнообразных штампах (см. подробнее: [11, с. 222–223, 262]). Таким образом, при использовании техники тиснения необходимы были **матрицы**, которые позволяли получать массовую продукцию при очень экономном расходовании материала [12, с. 165–166].

В случае с усть-алейской находкой, судя по технике нанесения орнамента, на наш взгляд, использовалась чеканка, т.е. получение рельефных изображений на тонких металлических листах путем ручной выколотки. Это подтверждается еще и тем, что заполнение пространства взятой пластины после нанесения основных элементов далее происходило различными путями, в чем уже отразилась фантазия мастера-чеканщика. Однако не стоит исключать и вариант комбинирования технологических операций, когда часть элементов делалась тиснением, а затем дальнейшее оформление осуществлялось чеканкой. Поэтому следует указать, что в данном случае мы излагаем предварительные наблюдения, так как это изделие должно полностью исследоваться в рамках определенной программы изучения ювелирного ремесла эпохи средневековья [13].

В заключение анализа металлического изделия из Усть-Алейки-5 остановимся еще на некоторых аспектах. Так основным элементом орнамента рассматриваемого «венчика» является «шестилепестковый цветок». В центре большой пластины он крупнее, чем по краям и на «kozyрьке». Кроме того, изделие имеет окантовку по контуру орнаментированных частей, повторяющую общую форму каждого листа с наличием дополнительного набора разных элементов. Следует еще отметить присутствие характерного для искусства кочевников развитого средневековья (и более позднего времени) мотива в виде «закрученных бараньих рогов» [14, с. 91]. Некоторую схожесть имеющегося орнаментального оформления мы находим и на изделиях из Кудыргэ. А.А. Гаврилова так описывает узор на металлическом украшении головного убора: «...по краю пластинки – тисненный ряд перлов между двумя тисненными же рядами, имитирующими зернь. В центре цветок в виде лотоса, у сохранившегося края шестилепестковый цветок» [7, с. 47–48]. Последний элемент присутствует и на другом изделии из Кудыргэ – на серебряной пластине, которой была обтянута березовая палочка [7, табл. XXVI.-3а, б]. Необходимо указать, что такой орнаменталь-

ный элемент, как многолепестковая розетка, является частым отражением одного из характерных вариантов растительного декора золотоордынского времени и встречается на самых разных изделиях: на поливных и металлических сосудах [12, с. 166], на бляхах для украшения одежды, уздечных ремней [14, табл. I.-1; 8, рис. 46.-3, 51.-5], на накладках луки седла [7, с. 48; 15, с. 197], на зеркалах [16] и т.д.

Традиция украшать головные уборы металлическими предметами была довольно распространена в монгольскую эпоху [12, с. 169, рис. 60.-1-4; 14; 15, с. 198; 17, с. 198]. Данный факт в комплексе с другими показателями можно рассматривать как отражение определенного социального статуса погребенных людей. На это обратила внимание А.А. Гаврилова, указав на особое расположение «богатой» могилы №17 на памятнике Кудыргэ в Горном Алтае [7, с. 45]. По поводу женских головных уборов монгольского времени есть уже серия работ, где приводятся не только письменные и графические свидетельства, но и даются возможные реконструкции внешнего вида таких изделий по найденным в археологических памятниках предметам [8, с. 132-133; 17, с. 36-37]. Подобная перспектива имеется и на Алтае в связи с находками на курганном могильнике Телеутский Взвоз-I необходимых материалов [9; 18].

Что касается остальных предметов, обнаруженных на памятнике Усть-Алейка-5, то они имеют широкий круг аналогий изделиям монгольского времени, обнаруженным при исследованиях археологических объектов Восточной Европы, Средней Азии, Казахстана, Южной Сибири и Монголии [7, табл. XXXI.-79; 8, с. 126-128, рис. 39.-2, 47.-5, 55.-11; 12, с. 171-172, 176-179; 15, с. 199-200, рис. 72, 73; 17; 19, рис. 1.-4; 55.-11; 20, abb. 6.-14; и др.].

Следует специально остановиться на обнаруженных в могиле Усть-Алейки-5 фрагментах тканей. Аналогии таким вещам можно привести уже достаточное число. На разном исследовательском уровне проводились анализы некоторых тканей и изделий из них [7, с. 45, 48-49, 73, табл. XXVIII; 14, табл. IV-7; 15, с. 194-195, 197; 21, с. 251, 257-258; 22, с. 30-48, 8, с. 132; и др.], но, конечно, нужна отдельная серьезная работа по накопленному значительному массиву данных по эпохе развитого средневековья. В этом плане важно указать на недавнюю полную публикацию материалов, полученных в 1959 г. Монгольской археологической экспедицией АН СССР под руководством С.В. Киселева на р. Онон в Читинской области. Тогда при раскопках погребения был обнаружен богатый погребальный инвентарь, среди которого находился полный набор одежды монгольского времени [23].

Таким образом, представленные находки и их предварительный анализ дают возможность дополнить конкретными данными сведения об одном из интересных периодов эпохи развитого средневековья. К настоящему времени на Алтае уже накоплено достаточное количество материалов [24], чтобы представить обобщающую характеристику культуры населения монгольского времени и приступить к решению имеющихся проблем.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 00-06-80393.

Примечания

1. Бородаев В.Б. Разведочные работы на Северном Алтае // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1987.

2. Кунгуров А.Л. Реконструкция погребального обряда и предметов материальной культуры грунтового могильника монгольского времени у с. Усть-Алейка // материальная культура и проблемы археологической реконструкции. Новосибирск, 1991.

3. Кунгуров А.Л. Отчет о работах Среднекатунской археологической экспедиции Алтайского госуниверситета летом 1987 г. в с. Усть-Сема Шебалинского района Горно-Алтайской а.о. и в с. Усть-Алейка Калманского района Алтайского края. Барнаул, 1988. (Архив Музея археологии и этнографии Алтая при АГУ. №107).

4. Бородаев В. Усть-Алейские находки // Алтайская правда. 1982. 18 июня.

5. Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф., Шамшин А.Б. История Алтая. Ч. I: Древний Алтай: Пособие для учителей. Барнаул, 1997.

6. Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф., Шамшин А.Б. История Алтая. Ч. I: Древний Алтай: Учебное пособие для общеобразовательных учебных заведений (10 кл.). Барнаул, 1997.

7. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
8. Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек, 1996.
9. Тишкин А.А., Казаков А.А., Горбунов В.В. Исследование курганов монгольского времени на могильнике Телеутский Взвоз I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. III. Материалы V Итоговой сессии ИАиЭ СО РАН, посвященные 40-летию СО РАН и 30-летию ИИФиФ СО РАН. Декабрь 1997 г. Новосибирск, 1997.
10. Апполон. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура. Терминологический словарь. М., 1997.
11. Рындина Н.В. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // Новые методы археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции. М., 1963. Т. III. МИА. №117.
12. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.
13. Ениосова Н.В., Сарачева Т.Г. Средневековое ювелирное ремесло Европы: основные аспекты в истории изучения // Древности Евразии. М., 1997.
14. Максимова А.Г. Погребение воина XIV века // Вестник АН КазССР. Алма-Ата, 1965. №5.
15. Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
16. Мерц В.К., Тишкин А.А. Погребение монгольского времени на берегу р. Шидерты в Казахстане // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI.
17. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. М., 1966.
18. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Завершение раскопок курганов монгольского времени на памятнике Телеутский Взвоз-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 1998 г. Новосибирск, 1998. Т. IV.
19. Казаков А.Л. Аварийные работы в Павловском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V. Ч. 2.
20. Anke B., Moskalev M.I., Soltobaev O.A., Tabaldiev K.Š. Ausgrabungen auf dem Gräberfeld von Süttü-Bulak, Raj. Kočkorka, Kyrgystan // Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Band 3. Berlin, 1997.
21. Маргулан А.Х. Раскопки погребения воина XIV века в долине реки Нуры // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 7: Археология. Алма-Ата, 1959.
22. Викторова Л.Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.
23. Баяр Д. Алтан ургийн язгууртны нэгэн булшийг судалсан нь. Улаанбаатар хот, 2000. 33-р тал, 31 зураг.
24. Тишкин А.А. Проблемы изучения культуры населения монгольского времени лесостепной зоны Алтая // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Материалы междунар. науч. конф. Т. I. Археология. Этнология: Улан-Удэ, 2000.
25. Арсланова Ф.Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968.

Т.В. Тишкина

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ ГУЛЯЕВ (1851–1918 гг.) (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ЖИЗНЕННОГО ПУТИ)

*Посвящается 150-летию
со дня рождения Н.С. Гуляева*

Благодаря оформлению в 1991 г. в Алтайском государственном краеведческом музее (АГКМ) личного фонда Н.С. Гуляева, а также регулярному проведению историко-архивных конференций «Гуляевские чтения» (1993, 1995, 1998, 2000 гг.), в последние годы появились разнообразные публикации, авторы которых освещают различные стороны деятельности известного алтайского краеведа (см.: [1–5] и др.). Между тем в биографии Н.С. Гуляева еще остается множество неизвестных и спорных моментов, требующих проведения дальнейших исследований. Например, совершенно не изученными являются детские и юношеские годы, а также период, когда формировалась личность и происходили знакомства с известными людьми, повлиявшими на определение круга его интересов. В данной статье уделено внимание именно этим этапам жизненного пути Н.С. Гуляева. В основу работы легли ранее неиспользованные архивные материалы.

Николай Степанович Гуляев родился 9 (21) мая 1851 г. в Петербурге, в семье титулярного советника С.И. Гуляева, служившего столоначальником в отделении частных золотых промыслов Департамента горных и соляных дел Министерства финансов. Примечательно, что старший брат, родившийся 10 июня 1844 г., также носил имя Николай. В связи с этим домашние называли братьев Коля-старший и Коля-младший.

В 1859 г. после назначения отца советником отделения частных золотых промыслов Алтайского горного правления семья отправилась в Барнаул. Дети хворали в пути. Младший Коля в Москве простудился и переболел корью. Гуляевы добрались до Барнаула в августе 1859 года.

Родители предполагали, что по достижении необходимого возраста для поступления в Горный Институт они направят младшего Николая в Петербург. Однако с 1861 г. прием пансионеров, обучавшихся в этом заведении за счет заводов, был прекращен. В связи с такими преобразованиями, горные офицеры и чиновники Министерства финансов стали получать пособие в размере 200 руб. для домашнего воспитания сыновей. Следует отметить, что оно лишь частично компенсировало расходы по обучению. В Барнауле опытные учителя соглашались поступать на службу лишь при оплате в 400 руб. за год.

Первоначально с детьми Гуляевых занималась гувернантка Наталья Евграфовна Баранова. Родители внимательно следили за обучением детей. Отсутствие в магазинах Барнаула необходимых учебных пособий и детских книг вынуждало С.И. Гуляева обращаться к друзьям в Петербург с просьбами о необходимых приобретениях. Выполнением заказов часто занималась Э.А. Хрекова. Кроме того, Гуляевы получали книги из специализированных магазинов столицы. Так, 2 июля 1860 г. торговое учреждение П.И. Крашенинникова направило С.И. Гуляеву на 45 руб. 20 коп. двенадцать изданий, в том числе «Азбуки» на русском, немецком, французском языке, «Библейскую Священную историю», «Детство» и «Отрочество» Л.Н. Толстого и др. В январе 1861 г. книжный магазин В.П. Печаткина выполнил заказ на 104 руб. 88 коп. Среди 34 изданий имелись и те, которые предназначались для детей: «Русские сказки» Авдеевой, «Русская хрестоматия» Галахова, «Немецкая грамматика» Кизеветтера и др. В декабре того же года магазин М.О. Вольфа направил Гуляевым на 110 руб. 40 коп. «Журнал для детей», русско-французский и франко-русский словари, «Всеобщую историю» Берте, «Всеобщую географию» Ободовского, две детские книги на немецком языке и прочие издания (ЦХАФ АК. Ф. 163. Д. 320. Л. 10, 13, 17). Регулярное приобретение книг происходило и в последующие годы.

Осенью 1862 г. младший Николай стал посещать уроки французского и немецкого языков в Окружном Горном училище. Немецкий язык преподавал В.В. Радлов, который ставил своему ученику высокие баллы. Дома Николая обучали русскому языку, музыке, привлекали для участия в домашнем театре.

В декабре 1863 г. С.И. Гуляев в качестве сопровождающего второго зимнего каравана с частным золотом отправился в Петербург. С собою он взял сына. Поездка произвела на Николая огромное впечатление. Он увидел с каким уважением и вниманием в столичных ученых обществах относятся к разнообразным занятиям отца. За содействие в развитии российской промышленности Вольное Экономическое общество назначило С.И. Гуляеву медаль (апрель 1864 г.), а Русское энтомологическое общество избрало его своим членом. Позднее, будучи гимназистом, в письме к отцу Николай отмечал «...очень рад, папаша, что к Вам так относятся ученые Общества, я бы и сам желал дослужиться до такого уважения, какое Вы получаете» (ЦХАФ АК. Ф. 163. Д. 17. Л. 73–74).

Во время пребывания в столице Гуляевы посетили студию художника И.Н. Гейзера, мастерские Политехнического института, осмотрели музей Экономического общества, где обратили внимание на модели земледельческих орудий. Планировали также побывать на лекции о фотографии в зале Городской Думы. Кроме этого, они присутствовали на заседаниях Энтомологического общества, получили приглашение на лекцию секретаря этой организации Ю.И. Симашко.

Неизгладимое впечатление произвели на Николая музыкальный концерт на Дворцовой набережной и спектакли «Юдифь» и «Гроза» в Мариинском театре. В письме к матери от 26 января 1864 г. он описывал посещение оперы «Жизнь за царя»: «...Я... плакал... особенно когда набежали поляки к Сусанину, когда он прощался со своей дочерью».

В Петербурге С.И. Гуляев занимался выяснением вопроса об открытии в Барнауле классической гимназии и приглашением для нее преподавателей. В 1864 г. из столицы в Барнаул с Гуляевыми выехали две гувернантки. В Казани Степан Иванович встречался с В.А. Груницким, преподавателем зоологии, ботаники и европейских языков, желавшим поступить на службу в гимназию. Однако, несмотря на все усилия местной власти и частных лиц, гимназия в Барнауле так и не была открыта. Заранее приглашенные учителя стали давать частные уроки. С детьми Гуляевых занимался В.А. Груницкий, а также Н.В. Сорокин, который, по воспоминаниям Н.С. Гуляева, увлекательно преподавал естественную историю.

В августе 1865 г. мать повезла Николая в Томск. Благодаря основательной домашней подготовке мальчик выдержал вступительный экзамен и был зачислен в третий класс Томской губернской классической гимназии. Там же заканчивал обучение старший брат Николай. Степан Иванович, желавший видеть детей образованными людьми, в своих письмах часто отмечал: «Учитесь, друзья мои, прилежно, ибо от этого зависит Ваша будущность. Знание, принадлежавшее Вам, добытое собственным трудом, составляет неоценимое сокровище, которое нельзя купить ни за какие деньги. Знание, кроме пользы в материальном отношении, доставляет самое приятное удовольствие для человека мыслящего, а мыслящими людьми я желаю Вас видеть, друзья мои» (ЦХАФ АК. Ф. 163. Д. 14. Л. 69).

В Томске братья жили на квартире Егора Васильевича Кремлянского. Из-за одинаковых имен часто возникали всевозможные недоразумения. Сестра Елизавета в одном нашла оригинальный выход, сделав на одежде метки: «1. Н. Гуляев... 2. Н. Гуляев». А впоследствии и на официальных документах Николай Степанович ставил подпись – Гуляев 2-й.

Томскую гимназию младший Николай посещал в течение шести лет. В архивных фондах «С.И. и Н.С. Гуляевы» (ЦХАФ АК) и «Николай Степанович Гуляев» (АГКМ) сохранилась объемная переписка членов семьи за этот период времени. Так, Степан Иванович в своих письмах сообщал сыну о городских новостях и собственных занятиях (о сборе сведений по рыболовству на Телецком озере, об алтайских минеральных ключах, о горном воске (изокерите), об опытах по окраске овчин, производстве обуви из ткани, о том, что пишет заметки о торговле с Китаем и т.д.). В назидательных целях отец делал выписки для Николая из полученных писем, например, от академика К.М. Бэра (тогдашнего Председателя Энтомологического общества) или от барона Ф.Р. Остен-Сакена (Секретаря Императорского Русского Географического Общества), в которых высоко оценивалась научная и общественная значимость его занятий. Благодаря общению с отцом постепенно формировались представления Н. Гуляева о важнейших жизненных критериях. В частности, он писал Степану Ивановичу: «...может, и я буду такой, как Вы, чего мне очень хочется, я считаю Вас, без всякой лести, как посторонний, ученым, умным человеком» (ЦХАФ АК. Ф. 163. Д. 17. Л. 71).

Во время учебы в гимназии Николаю трудно давались точные науки, особенно алгебра. По

этому предмету в августе 1868 г. ему назначили переэкзаменовку за IV класс. Таким образом, за три учебных года Николай смог закончить лишь два класса. Родные тревожились по этому поводу. Сестра Елизавета писала ему: «Не следуй примеру Коли большого; не оставайся в классе по два года, а то придется... выйти из гимназии около 30 лет» (ЦХАФ АК. Ф. 163. Д. 16. Л. 19–20). Николай вынужден был и в старших классах брать дополнительные уроки по алгебре. Согласно сохранившейся рукописной копии «Аттестат об окончании Н.С. Гуляевым Томской губернской классической гимназии от 12 июня 1871 г.», знания оценивались на «отлично» лишь по катехизису, учению и Богослужению и французскому языку; по четыре балла он получил за священную и церковную истории, русский, латинский и славянский языки, русскую словесность и сочинение, а также по древней, средней, новой и русской истории, арифметике, тригонометрии. Успехи в русской географии, алгебре, геометрии, космографии, физике и немецкому языку были оценены в три балла (АГКМ. Ф. 4. Д. 6. Л. 1–2).

В Томске Николай увлекся музицированием. Зимой 1869 г. и в 1870 г. он регулярно брал уроки игры на скрипке у преподавателя Кунцевича. «В музыке, как мне кажется, я делаю успехи... благодаря способностям дело идет ладно. Жду не могу дожидаться струн, смычка...», – писал он родителям (АГКМ. Ф. 4. Д. 15. Л. 15–16). Позднее, во время учебы в Петербурге, Н. Гуляев посещал музыкальную школу и продолжал совершенствоваться в игре на скрипке и пении. Но затем оказалось, что голос у него пропал и занятия вокалом стали бессмысленными. Тем не менее любовь к музыке сохранилась на всю жизнь.

Пользуясь услугами библиотеки гимназии, Николай по несколько раз перечитывал произведения Тургенева, Панаева, Островского, Золя и других известных писателей. Чтобы быть в курсе политических новостей, он просил отца выписать из Петербурга популярные издания «Воскресный досуг» и «Будильник».

По окончании гимназии Н. Гуляев решает поступить на юридический факультет Петербургского университета и 4 июля 1871 г. отправляется в столицу. Для зачисления на данный факультет требовалось сдать экзамены по русскому языку, русской словесности и истории. В тот год было подано большое количество заявлений от желающих получить юридическое образование. Николай писал сочинение на тему «Летопись Нестора», выдержал сложный экзамен по русской истории. На экзамене по словесности профессор-экзаменатор заинтересовался фамилией молодого человека и, выяснив, что он сын известного собирателя фольклора С.И. Гуляева, задал вопрос о былинах. Позднее, в письме к родителям, Николай отметил, что хорошо подготовил этот вопрос, но получил только четыре балла.

По результатам экзаменов Н. Гуляев был зачислен в число студентов. Поступили в университет и его друзья-гимназисты Гартт, Балахнин. Совместно они наняли квартиру на Васильевском острове между Большим и Средним проспектами в доме №42. О месте жительства Николай сообщил родителям, что «комната довольно порядочная за 14 руб.». Однако вскоре хорошие отношения между товарищами изменились, стали возникать размолвки. Средства, которые С.И. Гуляев мог выделять на проживание сына, оказались для столицы незначительными. Друг семьи, петербуржец В.С. Печеркин, в своем письме в Барнаул от 26 августа 1871 г. сетовал: «Жизнь здесь становится все дороже, а в особенности квартиры. Сыну Вашему Николаю Степановичу надо расчетливее жить. Нынче летом... у Сытного рынка... открыли кухмистерскую, для бедных студентов и других учащихся и чиновников под попечительством Великой Княгини Елены Павловны... Обед из двух блюд, супа или щей или борща и жаркое; а в праздники и пироги с фаршем, квас и хлеб превосходные, таких нигде не найти. Плата за обед 18 коп.» (ЦХАФ АК. Ф. 163. Д. 34. Л. 267).

Из-за недостатка денег Николай был вынужден экономить на питании и в результате заболел. Кроме общей слабости организма, стали беспокоить боли в сердце. Доктор Борштедт из Максимилиановской лечебницы поставил диагноз – сильное малокровие и назначил лекарства (желудочные капли, бромистый калий), но они не помогали. Стыдясь надевать свою потертую шубу, Николай носил легкое пальто и, ко всему прочему, сильно простудился. Чтобы поправить материальное положение он пытался устроиться домашним учителем, но условия, предложенные хозяевами, не удовлетворили. Гуляев счел «не совсем выгодным» давать уроки лишь «за стол и квартиру», не понравилось ему и поведение хозяйки. В письме к родителям Николай отметил, что «...первый раз в жизни... пришлось видеть подобную сплетницу, да еще петербургскую» (АГКМ.

Ф. 4. Д. 15. Л. 24). Юношу разочаровала столичная жизнь, где «...кроме пакостей и подлостей, которые встречаются на каждом шагу, ничего не увидишь. Здесь только и слышатся слова: деньги и протекции» (там же, л. 23).

В январе 1872 г. в Петербург прибыл командированный для сопровождения каравана с серебром С.И. Гуляев. Вместе с ним приехала жена – Александра Филипповна. Они жили в столице до начала мая. Встреча с родителями поддержала Николая, но он не смог сдать курсовые экзамены и отложил их на осень. Во время летних каникул Николай Гуляев совместно со своим другом-студентом Иваном Платоновым совершил заграничное путешествие по городам Германии. Необходимые средства (200 руб.) ему выдал отец. Эти расходы вызвали в семье материальные затруднения и родители были вынуждены отказаться от ранее запланированных покупок в столице.

В начале июня 1872 г. Н.Гуляев и И. Платонов отправились поездом через Вильно и Гродно в Варшаву, а затем в Берлин. Благодаря сохранившимся датированным письмам Николая к родителям и брату, удалось восстановить подробный маршрут путешествия: Берлин–Потсдам–Шарлоттенбург–Дрезден–Пильниц–Люмен–Шандау–Лейпциг–Баден–Баден–Страсбург–Майнц–Бинген–Кобленц–Эмс [7, с. 54].

Для осмотра музеев и других достопримечательностей Дрездена путешественники прожили там неделю. 15 июня Н. Гуляев посетил Цвингер и увидел картину Рафаэля. После он написал родителям восторженное письмо: «Главное замечательное сокровище Дрездена сикстинскую Мадонну Рафаэля я видел. Действительно – замечательное произведение, чем дольше смотришь, тем больше хочется смотреть на нее, невольно приходят на мысль слова из французских стихов, написанных к Мадонне Рафаэля: «Ты Ее видел Рафаэль и дал возможность Ее нам видеть!» (АГКМ. Ф. 4. Д. 16. Л. 7–8).

Друзья планировали совершить пешую экскурсию по Саксонской Швейцарии и 19 июня отправились пароходом по р. Эльбе из Дрездена в Пильниц. Вскоре И. Платонов заболел и уехал в Россию. У Н. Гуляева возникли проблемы материального характера, поэтому 28 августа в письме из Эмса он попросил помощи у знакомого С.И. Гуляева. В Петербург Николай вернулся лишь 16 сентября, опоздав к пересдаче экзаменов. В результате он остался студентом первого курса, о чем и сообщил отцу в письмах от 22 и 25 сентября. Затем в течение длительного времени родители писем не получали. Они даже не знали, где живет сын, и отправляли свои послания на адрес И. Платонова. Мать считала, что причины молчания Николая связаны с его чувством вины перед родными, оттого что он не перешел на следующий курс. В своем письме она отмечала: «...так, как ты занимался, это немыслимо было, а тут еще твое путешествие за границу и остальное вылетело из головы...» (ЦХАФ АК. Ф. 163. Д. 28. Л. 27). С.И. Гуляев тяжело переживал неудачи сына, беспокоили его и финансовые трудности в семье. В декабре 1872 г. он напомнил Николаю, что потратил в течение полугода на его нужды и на поездку за границу более 550 руб.: «Я, в молодые годы, жил на собственные средства; давал уроки и сам учился. Многие товарищи твои-студенты живут стипендиями, что же делать-то? Хоть бы за стол и квартиру учил ребят грамоте? ...Я крайне огорчен и страдаю морально, не видя ничего отрадного в окружающий среде и семье. ...Да хранит тебя Бог от искушений! А ты сам, имеющий волю, избегай увлечений; учись для собственной пользы и отечества и будь честен не на словах, а на деле» (там же, л. 141).

В феврале 1873 г. из письма столичных знакомых Гуляевы узнали, что их сын пытается найти место службы. Весной Николай сообщил отцу, что вновь не сдавал экзамены, так как был серьезно болен и почти два месяца пролежал в клинике. Его беспокоили сухой кашель и боли в правом легком. Тяжелыми оказались последствия неудачной операции по удалению гнойного нарыва на теле. Лечащий врач рекомендовал молодому человеку покинуть Петербург: «...ехать домой пить кумыс и есть хорошенько». Друг семьи Д. Елин в письме к Степану Ивановичу также высказал мнение о том, что Николаю «...не следует жить в Питере, как климат, так и все против него... Коля пусть лучше отдохнет у Вас да поправится... и если хочет в университет, то только не в С. Петербургский, здесь он пропадет за ничто, мне его право жаль, но что же делать, может и в Казани или Москве учиться» (ЦХАФ АК. Ф. 163. Д. 31. Л. 67–68).

Летом в семье Гуляевых обсуждался вопрос о переводе Николая в Казанский университет, однако мнения родственников разделились. Старшая сестра Е.С. Словцова считала: «...лучше бы ему поступить на службу в Барнауле, чем тащиться такую даль и рисковать вновь заболеть. Казанские студенты большею частью кутилы... и самый бесшабашный народ, так что Коля при своей... натуре легко увле-

чется всем этим и... ничего не получит для себя» (ЦХАФ АК. Ф. 163. Д. 16. Л. 54).

11 октября 1873 г. Н. Гуляев, «как пробывший два года на первом курсе и переводного экзамена недержавший», был исключен из числа студентов юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета (АГКМ. Ф. 4. Д. 7. Л. 1). Через год, в октябре 1874 г., он подал прошение и был принят на первый курс физико-математического факультета (разряд естественных наук) Императорского Казанского университета. Зять И.Я. Словцов считал, что Николай и на этот раз ошибся в выборе будущей специальности. В своем письме к С.И. Гуляеву он отмечал, что с отъездом в Петербург ведущих профессоров университета П.И. Вагнера, А.Н. Бутикова и Якоби факультет утратил былую значимость, но более всего он сомневался: «...едва ли у Коли хватит терпения задалбливать тысячами различные названия, без знания которых и теперь еще обойтись нельзя».

Действительно, учеба Николаю не давалась и в Казани. По решению Совета университета 28 августа 1875 г. Н. Гуляев был оставлен на первом курсе еще на год, а 24 октября по постановлению Правления университета «...уволен из числа студентов... за невнос платы за слушание лекций за 1 половину 1875/76 академического года...». Сохранившееся в подлиннике «Свидетельство об увольнении Н.С. Гуляева из числа студентов Казанского университета от 17 сентября 1876 г. за № 1799» сообщает, что «...поведения он был довольно хорошего» (АГКМ. Ф. 4. Д. 7. Л. 1). Содержание этого архивного документа опровергает широко распространенное утверждение, что Н. Гуляев был вынужден покинуть университет и бежать за границу, «...скрываясь от преследований царской охранки...» за участие в революционных кружках [8, с. 11; 9, с. 66].

В сохранившемся письме И.Я. Словцова к С.И. Гуляеву от 24 июня 1876 г. имеется краткое упоминание о том, что Николай покинул Казань, уклонившись от исполнения судебного постановления о двухнедельном содержании под арестом «...за побитие полицейского чиновника». Уезжая из города, он не позаботился о своих документах. Свидетельство о рождении и аттестат об окончании гимназии остались в канцелярии университета.

Добравшись до Барнаула, Н. Гуляев отбыл предписанное ему наказание в местной полиции. Его определили в отгороженное ширмами помещение с диваном и столом для занятий. Заключенному прислуживал старик Мусохранов, по словам С.И. Гуляева «...ходивший за ним как дядька». Отец и старший брат Александр регулярно навещали Николая. Ему разрешили прогулки за городом, во время которых он собирал коллекцию насекомых для И.Я. Словцова.

После освобождения из-под ареста Николай проводил время по своему усмотрению: ездил в поле, в лес, охотился; вместе с сестрой Надеждой занимался пополнением коллекции насекомых. Отдохнув, он объявил отцу о своем желании отправиться в Омск и там определиться на службу. Было решено, что он поселится в доме Словцовых, но будет сам оплачивать свое содержание. Отец несколько раз серьезно беседовал с сыном перед отъездом, просил его устроиться на службу и не требовать «...по широкой натуре своей жертв и пособий». В письме к жене Степан Иванович отмечал, что Николай «...не окончил курса, впрочем он настолько образован, что обладает достаточными для дальнейшего служебного поприща знаниями. Главный недостаток в нем впечатлительная, страстная и правдивая натура, заносчивость; благородное дон-кихотство. Я умолял его быть насколько можно сдержаннее, терпеливее и снисходительнее к недостаткам других, чтобы избежать многих неприятностей на жизненном поприще. Доказывал невозможность переделать общество по своему идеалу. Дай Бог, чтобы он сохранил навсегда добрые и честные помыслы...» (ЦХАФ АК. Ф. 163. Д. 14. Л. 106).

Чтобы избежать езды на перекладных, С.И. Гуляев специально для этого путешествия купил за 23 руб. «обер-офицерский» тарантас, на котором Николай и отправился в Омск. Там его ждали Словцовы и гостившая у них Александра Филипповна. Из-за плохой дороги и осенней распутицы Николай добрался до города лишь на восьмые сутки (15 октября), потратив в пути 54 руб. Измученный путешествием, он заболел. А.Ф. Гуляева сообщала мужу, что у сына «...три раза были припадки, подобные тому, как были и в Петербурге». Из-за болезни сердца и задержки в получении документов из университета, Николай отложил устройство на службу, а отцу написал: «...Иван Яковлевич тоже советует не торопиться, а предлагает хорошенько осмотреться и чтобы ко мне пригляделись».

Осенью 1876 г. Н.С. Гуляев подготовил в газеты «Сибирь» и «Петербургские ведомости» со-

общения об экспедиции Норденшельда, с членами которой ему удалось встретиться в Омске. Кроме того, на досуге он задумал написать несколько злободневных корреспонденций в виде писем из Барнаула и просил сестру Надежду содействовать ему в сборе необходимого материала, а также выслать «Историю заселения Зырянского рудника». И.Я. Словцов считал, что Николаю следовало бы заняться «чем-нибудь на поприще научной литературы», чтобы приобрести навыки, необходимые при изложении своих мыслей. Отец советовал: «...друг мой, не ленись писать... что бы ни было, письма ли, рассказ ли о чем-нибудь. Умение владеть нашим языком, дело важное, приятное...» (ЦХАФ АК. Ф. 163. Д. 28. Л. 173–174). Иван Яковлевич старался подыскать Николаю конкретную тему и необходимые материалы для ее изучения, чтобы заинтересовать его и подтолкнуть к самостоятельным исследованиям, которые в будущем помогли бы избранию места службы по душе или заполнили досуг полезными увлечениями. Кропотливые занятия по определению насекомых, собранных летом в окрестностях Барнаула, не увлекли молодого человека. Поэтому Иван Яковлевич обратился к С.И. Гуляеву с предложением прислать сыну небольшое задание с самыми подробными инструкциями. Отец отправил некоторые материалы, требующие разработки, но в январе 1877 г. Николай вновь заболел. «Днем еще кое-как перемагается, а вечером сердцебиение и нервное расстройство организма дают сильно себя чувствовать: не спит иногда до 4 часов утра. Медицинские волхования трех докторов, которые у нас бывают почти каждый день, совершенно не приносят никакой пользы», – сообщал И.Я. Словцов Гуляевым в Барнаул (ЦХАФ АК. Ф. 163. Д. 33. Л. 160). Все же Николай, по просьбе Словцова, занялся перепиской полученной из Тобольска рукописи «Российские Государственные преступники, приговором Верховного Уголовного суда осужденные к различным казням и наказаниям». Она содержала список всех декабристов с указанием их роли и участия в восстании 1825 г., поэтому Н. Гуляев снял копию и для отца. Занятия с присланными С.И. Гуляевым материалами не заинтересовали его.

В феврале 1877 г. С.И. Гуляев отправил в Омск для публикации свою рукопись «Об открытии золотых россыпей в Киргизской степи». После прочтения этого труда И.Я. Словцов решил устроить для Н. Гуляева путешествие в Киргизскую степь с целью сбора разнообразных коллекций и различных сведений по предварительно составленной обширной программе [10, с. 18–23]. Советуясь с С.И. Гуляевым относительно задуманного, он утверждал, что поездка по степи может стать благоприятной и для поправки здоровья Николая. Иван Яковлевич считал полезным посещение Калкоманских озер и грязей, находящихся в окрестностях Павлодара. Эти грязи, содержащие сернистые соединения и целебные органические вещества, считались полезными при лечении ревматизма, наружных кожных заболеваний и привлекали множество паломников. Заинтересовавшись составом целебных источников, Словцов летом 1876 г. возил банки с образцами грязей в Петербург и передал их в университетскую лабораторию, а Д.И. Менделеев обязывался определить их органическое содержание.

Проект путешествия был одобрен С.И. Гуляевым, а Николай чрезвычайно заинтересовался поездкой и будущими работами. В июне 1877 г. он в качестве спутника геодезиста С.Т. Мирошниченко отправился в Киргизскую степь. Заранее был разработан маршрут: «...через Павлодар, Калкоман, Баянаул, Каркаралы, Актау, к реке Сарасу и оттуда в Акмолинск». В треугольнике между «Акмолами, Каркаралами и Актау» С.Т. Мирошниченко следовало выполнить 20 астрономических наблюдений. От И.Я. Словцова Н. Гуляев получил 55 руб. на случай непредвиденного возвращения назад, 25 руб. были переданы С.Т. Мирошниченко для дорожных расходов. До этого 40 руб. потратили на приобретение для Николая необходимых принадлежностей. Путешественника снабдили специальными молотками, ружьем, неводом, удочками, банками со спиртом для препарирования, бумагой для гербария, коробками для насекомых, приспособлениями и инструментами для набивания чучел птиц. Весь этот багаж едва уместился в пяти тюках. Окончательный подсчет расходов путешествия составил 195 руб.

От Словцова Н. Гуляев получил множество разнообразных инструкций, в частности, по собиранию горных пород Киргизской степи, по обследованию сопок в окрестностях Баянаула, а также требование регулярно и тщательно вести дневник путешествия (ежедневно и не менее 20 строк). Предполагалось, что экспедиция продлится до сентября, преодолев более 4000 верст пути верхом на лошадях. Иногда за день путешественники совершали переход в 50 верст, но в основном они старались придерживаться однообразного распорядка: вставали в 5 утра, обедали в полдень,

укладывались на отдых уже в 8 часов вечера, устав от дневных физических трудов. Во время поездки Н. Гуляев занимался составлением различных коллекций и гербария, который по отзывам И.Я. Словцова собран был «...весьма тщательно», хотя на некоторых образцах корни и цветы оказались отделенными. Николай изучал и фиксировал местные названия трав, во время остановки в Каркарале приготовил небольшую коллекцию бабочек (на два ящика). Отдельно от С.Т. Мирошниченко Н. Гуляев отправился в Кентские горы. Здесь ему удалось собрать образцы местных пород, в том числе небольшие кристаллы «дымчатого горного хрусталя» и прозрачный минерал зеленовато-голубого цвета длиной чуть более 13 см (впоследствии определенный Словцовым как «топаз, уральский вид»). Однако тук с образцами горных пород потерялся в дороге, а в Омск Н. Гуляев привез лишь несколько экземпляров.

Как и предполагал И.Я. Словцов, путешествие оздоровило Николая. В Омск он вернулся возмужавшим, даже пополневшим, загорелым и окрепшим, сердечные приступы совершенно перестали беспокоить его. В октябре Гуляев по приглашению своего товарища ветеринара Мезюкова побывал на озере Денгиз. Отец и И.Я. Словцов советовали Николаю в первую очередь заняться перепиской путевого дневника, а подготовленный на его основе доклад представить вниманию членов местного Отдела Императорского Русского Географического Общества (ИРГО). В дальнейшем планировалось опубликовать рукопись, отредактированную С.И. Гуляевым и дополненную по необходимости некоторыми сведениями. В этом случае, как считал И.Я. Словцов, труд Н. Гуляева стал бы полезен обществу, а для самого автора послужил бы рекомендацией для получения перспективных поручений ИРГО.

Следует отметить, что Западно-Сибирский отдел ИРГО, открытый в Омске летом 1877 г., хотя и находился в стадии становления, объединяя небольшое число энтузиастов, но предоставлял каждому члену организации широкие возможности. Так, в июне 1878 г. предполагалось выпустить в свет первый сборник Отдела с разнообразными статьями. К сотрудничеству приглашались все желающие. Во всех проектах Отдела деятельное участие принимал генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков. Благодаря его содействию было отведено помещение для музея и библиотеки, а к ежегодно выделяемым государственным казначейством на содержание организации 2 тыс. руб. дополнительно предоставлялось еще 500 руб.

Несмотря на загруженность служебными делами, а рабочие дни воспитателя Омской Сибирской военной гимназии И.Я. Словцова зимой 1878 г. длились с 8 часов утра до 16 часов 30 минут и с 17 до 20 часов вечера, при регулярных дежурствах каждые четвертые сутки, он все свое свободное время посвящал делам Западно-Сибирского отдела ИРГО. Будучи неутомимым тружеником, Иван Яковлевич настаивал, чтобы Н. Гуляев в течение зимы тщательно разобрал привезенный из путешествия гербарий, сделал полные определения степных растений и при этом твердо овладел научной терминологией. «Николай неисправим: балбесничает по-прежнему», – жаловался Словцов в письмах к С.И. Гуляеву. В феврале 1878 г. Николай Степанович получил из Казанского университета свидетельство о том, что был в нем вольнослушателем, но аттестат об окончании гимназии оказался затерянным, что затрудняло устройство на службу. Для разрешения этой проблемы И.Я. Словцов рекомендовал С.И. Гуляеву в крайнем случае обратиться за помощью к известному ученому В.В. Радлову. Родственники пытались найти выход из сложившейся ситуации.

В начале февраля 1878 г. в Омск прибыла экспедиция под руководством Г.Н. Потанина в составе Березовского, Потаниной и Каламейцева. На 8 февраля в Западно-Сибирском Отделе ИРГО были назначены «Публичные чтения о Монголии». Тогда же состоялось личное знакомство путешественника с И.Я. Словцовым и Н.С. Гуляевым. Много лет спустя Николай Степанович писал о Г.Н. Потанине: «...я с великой гордостью могу его назвать не только моим учителем, вселившим во мне с малых лет любовь, перешедшую в страсть к коллекционированию естественно-исторических предметов, но и высокочтимым другом...» (ЦХАФ АК. Ф. 163. Д. 236. Л. 1). И.Я. Словцов подружился со спутником Г.Н. Потанина Каламейцевым, который, по отзывам художника И.Н. Гейзера, считался лучшим мастером-чучельником Петербурга. В Омске препаратор предполагал заняться изготовлением 40 экземпляров чучел птиц специально для ИРГО. Чтобы перенять приемы искусства таксидермии, Словцов пригласил Каламейцева в свой дом, где он прожил до весны. Мастер делился своими знаниями с хозяином дома и помогал Н. Гуляеву в совершенствовании

нии навыков по изготовлению чучел.

В марте 1878 г. Николай закончил работу над рукописью о путешествии в Киргизскую степь и отправил текст на рассмотрение С.И. Гуляеву. Как начинающий исследователь, он полагался на опыт отца и рассчитывал при помощи замечаний и рекомендаций сделать в ней необходимые поправки. В ожидании отзыва от Степана Ивановича Н. Гуляев по приглашению своего товарища – помощника акцизного наблюдателя Коноваленко – уехал в Калачинские урманы (темнохвойный лес. – Т.Т.).

В это же время И.Я. Словцов увлекся сбором сведений о деятельности горного специалиста и медика П.И. Шангина. Ранее, в 1876 г., С.И. Гуляев переслал ему интересную рукопись – путевой журнал неизвестного автора, руководившего разведочной экспедицией по поиску минералов в Алтайских горах. Словцов сумел установить автора рукописи, так как отыскал аналогичный текст П.И. Шангина, дословно переведенный на немецкий язык в сочинении Палласа. Занимаясь изучением научного наследия горного специалиста, И.Я. Словцов утвердился в желании отправиться летом в путешествие по Кокчетавскому округу с целью осмотра достопримечательностей и сбора материалов для «очерка степного оазиса». В экспедицию он пригласил Н. Гуляева с тем, чтобы тот помогал составлять коллекции и продолжал заниматься самостоятельными исследованиями, а также «писать на месте свои впечатления».

Заручившись финансовой поддержкой Западно-Сибирского отдела ИРГО, ассигновавшего на данное мероприятие 200 руб., будущие путешественники занялись подготовкой экспедиции. По их просьбе из Барнаула были доставлены книги Горного журнала, которые должны были пригодиться для предварительного знакомства с местностью. Словцов И.Я. и Н. Гуляев штудировали публикации о минеральных богатствах края, изучали гербарии, собранные разными лицами в районах горной линии по р. Ишиму и Сарасу, а также занимались составлением маршрута поездки. С помощью С.И. Гуляева они приготовили необходимые для экспедиции приборы и инструменты: горный компас, геологический молоток для добывания образцов горных пород и др.

В начале июня 1878 г. И.Я. Словцов, Н. Гуляев и В.И. Жданов выехали в Петропавловск, чтобы купить там лошадей и отыскать опытного проводника [14, с. 11]. Затем верхом на лошадях, а иногда в экипаже, они отправились старым караванным Хивинским трактом по правому берегу р. Ишим до местности, издавна носившей название Джагаин-агач, «...где река делает крутой поворот, переменяя свое течение с ЮЗ на СВ...». Оттуда путешественники повернули на восток к Акмолинску, посетили Кокчетав, добрались до Кокчетавского хребта и затем прямым путем через степь возвратились в Омск, проделав, по подсчетам И.Я. Словцова, за два месяца экспедиции почти 1700 верст. Во время поездки они занимались изучением минерального богатства Северного Казахстана и составлением коллекции горных пород, описанием типичных для данной местности природных явлений (марево, миражи и др.), определением высот некоторых гор, пытались наметить границу черноземной почвы. Кроме того, И.Я. Словцов и Н. Гуляев исследовали местную флору, собрали гербарий из 320 видов растений и пришли к выводу, что подобные образцы имеются как на Алтае, так и в европейских степях. Между тем встреченные виды пресмыкающихся были определены как европейские, а орнитологические наблюдения и коллекция из 230 видов птиц побудили путешественников предпринять попытку выделить границы фауны Арала, Каспия, Западной Сибири и европейской части России. Впоследствии в письме к С.И. Гуляеву И.Я. Словцов отмечал: «Страна, подлежащая нашим наблюдениям, представляет... во всех отношениях географический феномен, требующий многолетнего изучения» (ЦХАФ АК. Ф. 163. Д. 33. Л. 211).

Путешественники обращали свое внимание и на археологические памятники. Они обнаружили несколько древних орудий труда, осмотрели встречавшиеся на пути каменные бабы и курганы, представлявшие собой «насыпи из камней», и пришли к выводу, что «...страны по правую сторону Ишима были населены в очень отдаленные времена» (там же, л. 215). Обследуя курганы, И.Я. Словцов отметил, что насыпи некоторых из них полностью состоят из гранитного щебня и более крупных остроконечных гранитных обломков. Для описания подобных объектов, в насыпях которых отсутствовали почва и булыжники, он использовал термин «каменные бугры», отметив, что во время поездки такие памятники впервые встретились в окрестностях горы Джемальтау, где при обследовании местности было выявлено более 10 сходных археологических пунктов.

Затем большое число таких памятников исследователи зафиксировали в окрестностях Сактыктавской станции. И.Я. Словцов писал, что они там «...расположены большею частью на высоких гранитных холмах, сложены из кусков гранита, не отличаются особенной вышиной и размерами; самый большой курган не более сажени вышины и сажень 15 в окружности» (там же, л. 238). Путешественники заметили одну особенность: археологические объекты в основном расположены вблизи гранитных сопок и отсутствуют в равнинных районах правого берега р. Ишим до Петропавловска. Позднее в письме к С.И. Гуляеву И.Я. Словцов сообщил о предпринятых во время экспедиции раскопках одного археологического памятника. Эти работы пришлось осуществлять тайно и ночью, опасаясь реакции местных жителей, которые хотя и считали курганы не могилами своих предков, а калмыков, но оберегали их. После снятия каменной насыпи, состоящей сверху из обломков гранита весом «от 20 фунтов до 4 и более пудов» и щебня, исследователи обнаружили выбитую в гранитном выходе погребальную камеру глубиной в два аршина. При сооружении могилы использовалось природное углубление в камне, образовавшееся в результате выветривания. В яме сохранились остатки «склепа из березовых жердей» и скелет человека. Путешественники по каким-то причинам не зафиксировали положение костей, но обратили внимание на череп («с узким лбом и расширенный слишком в затылке и во многих местах рассеченный»), который они взяли с собой (там же, л. 243).

В Омск И.Я. Словцов и Н. Гуляев также увезли каменное изваяние, найденное у южного берега озера Большой Денгиз. В качестве подарка Западно-Сибирскому отделу ИРГО предназначались еще два изваяния. Словцов отметил особенности месторасположения этих древних памятников: «...все встреченные мною каменные бабы поставлены на открытых степях, между горами и в лесах их я не видал». Путешественники пытались узнать, каким народом сооружены изваяния, но все опросы местных жителей оказались тщетными. «Киргизы самые старые ничего не знают о происхождении их, называют иногда калмыцкими, иногда китайскими; о казаках и говорить нечего», — писал впоследствии Иван Яковлевич (там же, л. 238). Доставленные в Омск каменные изваяния были сфотографированы во дворе дома Словцовых специально приглашенным мастером, причем каждое из них снималось с задней и передней стороны.

В Омск путешественники вернулись в начале августа 1878 г. Вскоре Н. Гуляев отправился в Барнаул навестить родителей. Так как он по-прежнему не имел места службы, а лишь предполагал приступить к работе в Тюмени, то на семейном совете было решено просить И.Я. Словцова обратиться к знакомому чиновнику с ходатайством о предоставлении места в Барнауле. Однако Иван Яковлевич не смог сразу выполнить эту просьбу. В начале сентября Словцовы получили телеграмму, в которой сообщалось, что Николай выехал в Тюмень. Вскоре Ивану Яковлевичу удалось обсудить с одним из чиновников возможность получения места службы в Барнауле, но для осуществления перевода из Тюмени требовалось прошение родителей и оплата проезда к новому месту назначения за свой счет. Переписка по этому поводу по разным причинам вводила в заблуждения и Словцовых, и Гуляевых. В конце концов было принято решение прекратить ходатайствование о переводе Николая в Барнаул.

По возвращении из экспедиции И.Я. Словцов в течение месяца болел и был вынужден соблюдать постельный режим. После выздоровления он приступил к составлению письменного отчета о поездке для Западно-Сибирского отдела ИРГО. Для заседаний членов организации им были подготовлены «Краткий очерк геологического строения Кокчетавских сопот», а также доклады о флоре и фауне Киргизских степей. Один экземпляр всех своих рукописей он отправил на ознакомление С.И. Гуляеву с просьбой высказать мнение о возможности их издания или же обстоятельной переработке с дополнением текста. Степан Иванович внимательно изучил полученные материалы и сделал пометки в разделе систематического описания животных и растений. Кроме того, его заинтересовали сведения об археологических памятниках. В это время С.И. Гуляев готовил для Антропологического общества статью с рисунками древностей, копию которой предполагал отправить и в Берлинское Географическое общество. К собранным для работы обширным материалам, состоящим из описаний и чертежей, он считал необходимым присоединить сведения о каменных изваяниях из Киргизской степи. В ответ на такую просьбу И.Я. Словцов отправил шесть фотографических снимков привезенных из путешествия изваяний, сообщил их точные местонахождения и свои наблюдения, а также написал: «Предоставляю Вам перерисовать и присоеди-

нить дополнением к... готовящимся к изданию материалам» (там же, л. 237).

Николай Гуляев, возвратившись из Тюмени в Омск, в начале 1879 г. был зачислен в акцизное ведомство, но без жалованья, так как был вынужден ожидать освобождения штатного места. Попытки ходатайств И.Я. Словцова о востребовании через канцелярию Генерал-губернатора документов Н. Гуляева оставались безрезультатными.

5 января 1879 г. Н. Гуляев оказался инициатором ссоры с титулярным советником К.А. Протопоповым и участником последующего судебного разбирательства. Суть конфликта заключалась в том, что в номер гостиницы «Москва», во время дружеского обеда по случаю предстоящего отъезда К.А. Протопопова незванно и бесцеремонно в шубе вошел Н. Гуляев. Несмотря на протесты и бурные возражения хозяина, он прошел в комнату, переговорил со своим знакомым прокурором Е.М. Ромашевым и удалился. Через два часа он появился вновь, потребовал объяснений от К.А. Протопопова и «...нанес обиду действием безо всякого к тому повода». Оскорбленный Протопопов обратился в суд с иском о привлечении Н. Гуляева «...к уголовной ответственности по 130 и 135 статьям Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». Судебное разбирательство вызвало живой общественный интерес. По мнению И.Я. Словцова «...Коля был прав, хотя для уравнивания оскорблений можно было бы использовать другие средства» (там же, л. 234). Учитывая чрезмерную горячность Н. Гуляева и несдержанность в словах, Иван Яковлевич рекомендовал ему отказаться от самостоятельного ведения дела. Для защиты Николая был приглашен лучший адвокат Омска, бывший советник Томского губернского суда и хороший знакомый семьи Словцовых – Клеринов.

Судебное заседание состоялось 3 апреля 1879 г., Кабинет мирового судьи был заполнен публикой, интересующейся исходом дела. Ажиотаж вызывало и участие в процессе свидетелей со стороны потерпевшего: вице-губернатора М.К. Курбановского, Омского уездного начальника А.П. Пицальникова, Акмолинского областного прокурора Е.М. Ромашева. Сам К.А. Протопопов, получивший пост прокурора в г. Семипалатинске, не смог приехать в Омск. Суд длился более двух часов. В результате выяснилось, что в прошении истец намеренно указал о своем непродолжительном знакомстве с Н. Гуляевым, с которым якобы впервые встретился в доме И.Я. Словцова. Между тем вызванный адвокат свидетель, преподаватель женской гимназии Водянинов, указал, что Гуляев и Протопопов одновременно учились в Казанском университете и поддерживали тесные взаимоотношения до 1874 г. Свидетельские показания о происшествии в гостиничном номере также оказались различными. Лишь в результате длительных прений судье Д. Поповскому удалось выяснить повод, объясняющий действия ответчика. В заключении было оглашено решение подвергнуть Н. Гуляева «...за нарушение порядка, и ввиду тяжелого оскорбления действием, аресту на гауптвахту на две недели». После прочтения приговора адвокат Клеринов в свою очередь подал встречный иск об оскорблении своего подзащитного словами, зафиксированными в тексте судебного прошения К.А. Протопопова, где Н. Гуляев был причислен к категории людей «...чуждыми элементарных понятий о праве и обязанности...» и упоминалось об общественной опасности со стороны «...человека, который не имеет никакого уважения к человеческой личности, к ее правам, считает себя свободным от всяких обязанностей, допускает бесприкословно такое же отношение со стороны других и к самому себе, человека, видящего только в кулаке доказательство своих мнимых прав, признающего главенство лишь грубой физической силы...» (ЦХАФ АК. Ф. 163. Д. 7. Л. 52–53).

Непредвиденность иска, оглашенного адвокатом, заставила судью врасплох и вынудила произнести целую речь в защиту К.А. Протопопова о необдуманности фраз, зафиксированных в тексте заявления. В результате публика поддержала прошение адвоката, но судья постановил: «...ввиду соображений нечаянности и необдуманности Протопопова освободить его от суда и ответственности». Для принятия окончательного решения постановление суда было передано в Областное Правление. Однако, сочувствуя Н.С. Гуляеву, чиновники г. Омска опасались испортить свои карьеры снисходительным отношением к наказанию ответчика и откладывали рассмотрение этого вопроса. Гуляев продолжал жить в Омске и ожидал документов из канцелярии Тобольского губернатора, утверждающих его назначение бухгалтером акцизного ведомства в г. Тюмени. Отец по-прежнему оказывал ему материальную поддержку.

В июне 1879 г. Н. Гуляев перебрался в деревню Закламину (в 10 верстах от Омска), где, по

словам навещавшего его И.Я. Словцова, «охотится, неводит, толстеет». Изредка в течение лета он приезжал в город. Семья Словцовых готовилась к переезду, так как еще весной Иван Яковлевич получил предложение занять пост директора Тюменского реального училища. В августе 1879 г. Словцовы переехали в Тюмень, а Н. Гуляев остался в Омске.

Следует отметить, что длительное проживание в семье Словцовых и тесное общение с ее главой оказало огромное влияние на Н.С. Гуляева. В конце 70-х гг. XIX в. имя Ивана Яковлевича Словцова было достаточно известным в научных кругах. Он являлся действительным членом ИРГО, сотрудничал с Московским энтомологическим обществом, участвовал в работе Международного конгресса ориенталистов (Санкт-Петербург, 1876 г.). За гербарий, представленный в Шведскую Академию наук, Словцову была присуждена серебряная медаль им. К. Линнея. Пользуясь гостеприимством родственников, Н. Гуляев имел возможность наблюдать за формированием многочисленных коллекций (минералогической, палеонтологической, орнитологической и др.) Ивана Яковлевича и изучать их. В письме, датированном 1876 г., И.Я. Словцов отмечал: «Теперь у меня семь стенных шкапов одних только птиц; шкап с пресмыкающимися и шкап с беспозвоночными» (о значительности собрания свидетельствует и тот факт, что при переезде в Тюмень общий вес упакованных коллекций составил 200 пудов. – *Т.Т.*). Под влиянием Словцова Гуляев увлекся сбором собственной минералогической коллекции и впоследствии регулярно занимался ее пополнением [12, с. 118–123]. Благодаря И.Я. Словцову Николай Степанович получил возможность знакомства и общения с путешественниками, посещавшими Омск: с членами шведской экспедиции Норденшельда; с ученым-энтомологом Гедеманом; с И.С. Поляковым, посланным Российской Академией наук для обследования Обдорского края и др. В ноябре 1876 г. Гуляев познакомился с Н.М. Ядринцевым, прибывшим в Омск на службу.

Отъезд Словцовых стал началом самостоятельной жизни Николая Степановича. Его одиночество и неопределенное положение беспокоили родственников. В письме от 29 сентября 1879 г. к С.И. Гуляеву И.Я. Словцов отмечал: «...Коля в Омске без нас начал попивать, что прежде за ним не замечалось. В Тюмень не поехал, а в Омске ему будет плохо. Придется Вам, под видом приглашения погостить, перетащить его в Барнаул и продержат, пока буря не утихнет» (ЦХАФ АК. Ф. 163. Д. 33. Л. 296). Однако Н. Гуляев не сразу вернулся в родительский дом. Из записей С.И. Гуляева в «Реестре писем» следует, что Николай продолжал жить в Омске. В реестре не всегда разделены получатели (старший Николай служил в Томске), но, учитывая только конкретные пометки, например, «Коле 2-му», можно утверждать, что с сентября 1879 по октябрь 1884 г. из Барнаула в Омск было направлено более 40 посланий, в том числе семь посылок, несколько денежных переводов на общую сумму 495 руб., а также телеграммы и письма (ЦХАФ АК. Ф. 163. Д. 40. Л. 69–108). О занятиях Николая Степановича в этот период известно очень мало. В начале августа 1881 г. он получил доверенность от Главного Агентства Северного страхового общества, находящегося в Тюмени о праве «...наблюдения за остающимися в г. Омске страхователями». Представитель общества С. Тихонов передал Гуляеву «Инструкцию агентам», списки ранее застрахованных объектов и другие документы. В служебные обязанности Николая Степановича входило исполнение всех правил, изложенных в инструкции и последующих распоряжениях Правления организации, «без задержек и в точности», а в затруднительных ситуациях рекомендовалось обращаться за содействием к местным властям (АГКМ. Ф. 4. Д. 8. Л. 1–2). В своем письме С.И. Гуляев наставлял сына: «Трудись же, друг мой, исполняя свою обязанность добросовестно и честно... Прошу тебя, ...избегай той среды, которая любит безудержные оргии, и особенно в настоящем твоём положении, когда ты имеешь возможность жить при порядочной обстановке... Натура у тебя честная и дай Бог, чтобы направление не изменилось увлечением к донокхотству» (ЦХАФ АК. Ф. 163. Д. 292. Л. 83).

Однако страховым агентом Н.С. Гуляев прослужил недолго. Уже 5 января 1882 года Начальник штаба Западно-Сибирского военного округа обращается к нему как к «...доверенному контрагенту по перевозке водою Туркестанских новобранцев» (ЦХАФ АК. Ф. 163. Д. 294. Л. 75–76).

С 1 марта 1882 по 1 января 1883 г. Н.С. Гуляев управлял в Омске делами пароходства «Товарищества Курбатова и Игнатовых» (ЦХАФ АК. Ф. 163. Д. 7. Л. 110–111). Он заключал контракты на доставку грузов и следил за их своевременным выполнением, наблюдал за работой грузчиков на пристани, ежемесячно представлял для Главной конторы в Тюмень отчетные счета с указани-

ем расхода или получения денежных сумм и материалов.

В октябре 1884 г. Н.С. Гуляев уехал в Тюмень. На адрес Словцовых Степан Иванович направил письмо и телеграмму с пометкой «передать Гуляеву». Затем из записей в «Реестре писем» становится известно, что с июня по сентябрь 1887 г. послания Н.С. Гуляеву направлялись «на канал» или «в контору Обь-Енисейского канала» (ЦХАФ АК. Ф. 163. Д. 40. Л. 112). Указанные свидетельства позволяют корректировать сведения, приведенные в некрологах о том, что в 1881 г. Николай Степанович переехал в Барнаул для заведования типографией, принадлежавшей его отцу, и пробыл на этой службе до 1892 г. [13–14, с. 66]. Эти непроверенные данные из указанных источников до сих пор используются в различных публикациях.

В заключение стоит указать, что введение в научный оборот сведений из ранее неиспользованных архивных документов дает возможность точнее воссоздать биографию Николая Степановича Гуляева и понять пути формирования его краеведческих интересов.

Примечания

1. Фомина А.А. Библиотека Гуляевых: поиски и находки // Гуляевские чтения. Вып. 1: Материалы первой, второй и третьей ист.-архив. конф. Барнаул, 1998.
2. Шалаева Н.В. С.И. Гуляев и Н.С. Гуляев и развитие музейного дела на Алтае (вторая половина XIX–начало XX века) // Гуляевские чтения. Вып. 1: Материалы первой, второй и третьей ист.-архив. конф. Барнаул, 1998.
3. Колесников А.А. Личный фонд Н.С. Гуляева в Алтайском краевом краеведческом музее // Гуляевские чтения. Вып. 1: Материалы первой, второй и третьей ист.-архив. конф. Барнаул, 1998.
4. Фомина А.А. Реноме Н.С. Гуляева в библиотечном мире Алтая // Гуляевские чтения. Вып. 1: Материалы первой, второй и третьей ист.-архив. конф. Барнаул, 1998.
5. Тишкин А.А., Тишкина Т.В. Деятельность Н.С. Гуляева в Обществе любителей исследования Алтая (1891–1902 гг.) // Гуляевские чтения. Вып. 1: Материалы первой, второй и третьей ист.-архив. конф. Барнаул, 1998.
6. Гришаев В.Ф. Судьба наследия отца и сына Гуляевых // Гуляевские чтения. Вып. 1: Материалы первой, второй и третьей ист.-архив. конф. Барнаул, 1998.
7. Колесников А.А. Документы о поездке Н.С. Гуляева за границу в 1872 г. в фондах Алтайского краевого краеведческого музея // Гуляевские чтения. Вып. 1: Материалы первой, второй и третьей ист.-архив. конф. Барнаул, 1998.
8. Петренко В.С. 140 лет со дня рождения архивиста, краеведа Н.С. Гуляева (1851–1918) // Страницы истории Алтая. 1991: Библиографический указатель. Барнаул, 1990.
9. Петренко В.С. Что не под силу даже солидным ученым обществам // Алтайский сборник. Барнаул, 1991. Вып. 14.
10. Тишкин А.А., Тишкина Т.В. Путешествия Н.С. Гуляева в «Киргизскую степь» // Алтайский архивист: Информационно-методический бюллетень управления архивного дела администрации Алтайского края. Барнаул, 2000.
11. Словцов И.Я. Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд, Акмолинской области, в 1878 году // Записки Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Омск, 1897. Кн. XXI.
12. Тишкина Т.В. Минералогические собрания Н.С. Гуляева // 300 лет горно-геологической службе России: история горно-рудного дела, геологическое строение и полезные ископаемые Алтая: Материалы региональной науч.-практ. конф. (14–15 апреля 2000 г.). Барнаул, 2000.
13. Николай Степанович Гуляев. Некролог // Жизнь Алтая. 1918. №138. 13 дек.
14. Друг. Николай Степанович Гуляев. Некролог // Сибирский рассвет. Барнаул, 1919. №1.

П.В. ХАВСКИЙ – ЗАКОНОВЕД, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РУССКОЙ ИСТОРИИ И ГЕНЕАЛОГИИ

В прошлом среди историков, сыгравших крупную роль в развитии науки, можно назвать ряд ученых, бывших юристами по своему образованию. Достаточно упомянуть имена М.Ф. Владимирского-Буданова, В.И. Сергеевича, С.В. Юшкова, С.Б. Веселовского. К таким ученым принадлежал и П.В. Хавский.

П.В. Хавский родился 4 июня 1783 г. в г. Егорьевске Рязанской губернии. Его отец, Василий Алексеевич Хавский (1760–1801), сын священника, с 1779 г. состоял на гражданской службе в должности копииста в Егорьевском Нижнем земском суде. Здесь же, с такой же должности 20 декабря 1793 г. начал свою гражданскую службу и П.В. Хавский. В 1796 г. ему было поручено приводить к присяге императору Павлу крестьян и духовных лиц Егорьевского уезда.

В 1807 г., имея уже звание губернского секретаря, П.В. Хавский был определен протоколистом в Егорьевскую дворянскую опеку; здесь он числился при предводителе дворянства Г.П. Оболенском, а в 1807 г. занимался набором милиции. В следующем году он получил повышение и перевелся в Рязанское губернское правление. В августе 1809 г. П.В. Хавский был перемещен в 7-й департамент Правительствующего Сената. Через два года произведен в титулярные советники, а с 22 октября 1812 г. П.В. Хавский был назначен служить в Петербург в Министерство юстиции, где занимался юрисконсультскими делами. Здесь П.В. Хавский 10 мая 1813 г. подал министру юстиции И.И. Дмитриеву на рассмотрение проект о сокращении «юстицких книг» вотчинной коллегии путем исключения уничтоженных статей и о замене их новыми, печатными книгами. Несколько лет спустя главнейшие чиновники империи обсудили это новшество, признали его практически целесообразным и утвердили от имени Государственного Совета 28 декабря 1821 г. Этот проект положил основание периодическому изданию сенатских объявлений для текущих запрещений и разрешений, налагаемых на имения. Для приведения в надлежащий порядок прежних «юстицких книг» в Москве была учреждена комиссия, председателем которой с 1829 г. состоял П.В. Хавский.

После года службы в должности секретаря 1-го отделения 5-го департамента Сената П.В. Хавский перевелся в Москву (где находился 6-й департамент Сената). Одновременно в 1815–1817 гг. он слушал в Московском университете лекции по юридическим наукам.

В Московском университете в процессе освоения знаний большое влияние на П.В. Хавского оказали такие вузовские профессора, как И.И. Давыдов и М.М. Снегирев. И.И. Давыдов (1817–1847 гг.), являясь академиком, профессором русской словесности в своих разнообразных ученых занятиях любил философское направление и в то же время стремился к математической точности и систематизированию. Скорее всего, именно И.И. Давыдов привил интерес П.В. Хавскому к творчеству Н.М. Карамзина, поскольку профессор не расставался с Карамзиным как с любимым отечественным писателем. И.И. Давыдов был хорошо знаком с академиком Д.М. Периовицким и, вероятно, рассказывал П.В. Хавскому о его основных разработках, которые были использованы впоследствии Петром Васильевичем для построения хронологических выводов. Отношения И.И. Давыдова и П. В. Хавского были не просто отношениями профессора и студента, а более близкими, родственными отношениями. В ноябре 1819 г. П.В. Хавский женился на Анне Ивановне Давыдовой, сестре Ивана Ивановича.

У профессора естественного, политического и народного права М.М. Снегирева (1796–1820 гг.) П.В. Хавский слушал лекции по юридическим наукам. В своем усердии, неутомимости и постоянстве в труде, а также благодаря правдолюбию и честности М.М. Снегирев мог быть прекрасным примером для подражания у своих студентов. Вероятно, немалая заслуга М.М. Снегирева состояла в том, что его слушатель П.В. Хавский добился больших высот на поприще юриспруденции.

После прослушивания лекций П.В. Хавскому было поручено преподавать русскую историю и юриспруденцию в канцелярии Сената сенатским чиновникам, готовившимся в аудиторы. В напечатанной в 1818 г. для этой цели лекции П.В. Хавский подвергал критическому разбору почти

всю существовавшую тогда литературу по юриспруденции и настаивал на необходимости теоретического образования и знакомства с историей законодательства и для юриста-практика.

В 1817 г. появилась книга П.В. Хавского «О наследстве завещательном, родственном и выморочном», историко-догматическое исследование, свидетельствующее о непосредственном знакомстве автора с нашим законодательством, несмотря на тогдашнее хаотическое его состояние. Автор ставил целью своего труда познакомить соотечественников с предметом, знание которого необходимо для всех и для каждого, т. е. с вопросами собственности. Эта книга получила высокую оценку М.М. Сперанского: «Нахожу, что она имеет главные достоинства, свойственные сочинениям такого рода: порядок, расположение, ясность слога и такую меру обозрения, которая объемлет важнейшие и труднейшие вопросы...» [1, с.11].

Сочинение о наследстве обратило внимание правительства на его автора, и 31 октября 1817 г. П.В. Хавский получил диплом на звание Корреспондента Комиссии составления законов. Кроме того, 24 января 1818 г. он был пожалован кавалером ордена св. Владимира 4-й степени и получил потомственное дворянство. Являясь Корреспондентом Комиссии составления законов, П.В. Хавский при ее содействии предпринял обширное издание «Собрание российских законов». Целью их было расположить в хронологическом порядке весь законодательный материал, чтобы по всем предметам российского законодательства заменить недостаток и неверность юридических книг. В основание этого собрания П.В. Хавский кладет верную мысль о необходимости издания «копий с законодательных памятников по старшинству времени составления их, без всякого сокращения против оригинала» ибо «новый закон объясняется прежним» [2, с. 5]. (Идея П.В. Хавского об издании точных копий с оригиналов в хронологическом порядке осуществилась лишь при императоре Николае I в издании Полного собрания законов.) В семи объемистых томах П.В. Хавский издал законодательный материал о наследстве и вексельном праве. За отличные способности и познания в законодательстве, которые доставили ему место в кругу людей просвященных, Главное правление училищ выдало ему похвальное свидетельство, которое при производстве П.В. Хавского в коллежские асессоры и статские советники, должно было служить ему вместо аттестата.

В 1822 г. П.В. Хавский был назначен редактором Комиссии по составлению законов и результатом его участия в трудах комиссии явились систематические собрания указов о дворянах, купцах, Государственном Совете, Сенате и министерствах, а также законов гражданских и уголовных, о судоустройстве и судопроизводстве гражданском и уголовном и других, что составило с прежними всего 16 томов.

П.В. Хавский был хорошо знаком с Н.М. Карамзиным и В.А. Жуковским, советами которых он часто пользовался. Так, после смерти императора Александра I, по их предложению, П.В. Хавский публикует статьи «Взгляд на историю Российских законов, изданных в царствование императора Александра I». Опубликованные П.В. Хавским законы и собранная им обширная библиотека по юриспруденции явились основой для издания Полного собрания законов.

Юридическая деятельность П.В. Хавского способствовала установлению прочной репутации его как знатока теории и практики российского законодательства. По упразднении Комиссии составления законов в апреле 1826 г. П.В. Хавский назначается старшим чиновником при библиотеке и архиве 2-го Отделения Собственно Его Императорского Величества Канцелярии. Кроме этого, он принимает приглашение принять участие в комиссии М.М. Сперанского по изданию Полного собрания законов Российской империи и временно переезжает в столицу. В своих воспоминаниях Петр Васильевич называл имена людей, которые составляли в это время круг его петербургских знакомых: это и доживавший последние свои дни придворный историограф Н.М. Карамзин, и бывшие однокашники А.С. Пушкина по лицей, а в то время «коллеги» П.В. Хавского по службе во 2-м Отделении М.А. Корф и М.Л. Яковлев, и скандально знаменитые столичные издатели Ф.В. Булгарин и Н.И. Греч и др. Одним словом, жизнь в столице свела его со знаменитыми людьми того времени и способствовала, вероятно, развитию его честолюбивых побуждений.

В Петербурге П.В. Хавский стал одним из самых деятельных сотрудников М.М. Сперанского. Совместно с другими чиновниками 2-го отделения он провел грандиозную работу по собиранию законодательных актов начиная с Соборного Уложения. В результате этого в 1830 г. были изданы 45 томов первого Полного собрания законов Российской империи, включающего законодательные акты от Соборного Уложения до начала правления Николая I. В первопрестольный

город П.В. Хавский возвратился уже человеком, приобретшим за годы столичной жизни определенный вес в обществе; не случайно в 40-е гг. газеты пишут о нем как о знаменитом юристе-ветеране. Дальнейшая его служба также протекала довольно успешно.

В 1829 г. П.В. Хавскому, М.М. Солнцеву и М.А. Дмитриеву министром юстиции было поручено осмотреть сенатские архивы в Москве и выработать проект их описания. Составленный ими проект об учреждении комиссии для описания Московских архивов сенатского, государственного и вотчинного в 1835 г. был утвержден министром юстиции Д.В. Дашковым. П.В. Хавский, как один из составителей проекта, был назначен постоянным членом комитета и горячо взялся за дело. Члены комитета разделили между собой изучение архивов, и на долю П.В. Хавского выпало изучение Вотчинного и Разрядного архивов. Во время частых дискуссий в комиссии П.В. Хавскому нередко приходилось оставаться при особом мнении, и многие из его мыслей были осуществлены министерским распоряжением при ревизии дел комитета. Как ни скромны были результаты деятельности комитета, значительная часть их несомненно принадлежит П.В. Хавскому. За активное участие в работе по изучению архивов П.В. Хавский был награжден различными орденами и знаком отличия. Во время занятий в комитете П.В. Хавский в 1837 г. был определен за обер-прокурорский стол в Правительствующем Сенате, потом переведен в 1-е отделение 6-го департамента. Благодаря усердной и честной службе П.В. Хавскому была поручена ответственная работа: ревизия нескольких государственных учреждений. Так, в 1840 г. ему доверили ежемесячное свидетельство денежных сумм Московского Сенатского казначейства (дело, которым он занимался на протяжении 25 лет); в 1841 г. поручена ревизия Канцелярии общего собрания Правительствующего Сената; а в 1842 г. – ревизия отчетов за 1841 г. Сенатского казначейства и др.

В сентябре 1844 г. П.В. Хавский был определен по ордену св. Станислава 2-й степени на пенсию, с окладом 115 руб. серебром. Однако спокойная размеренная жизнь на заслуженном отдыхе не очень привлекла П.В. Хавского и он продолжил трудиться на пользу отечеству. В 1846 г. П.В. Хавскому был поручен разбор в Сенатском архиве дел по секретной части, а в 1851 г. он был переведен на службу в 8-й департамент Сената. Спустя десятилетие П.В. Хавский снова стал корреспондентом 2-го Отделения Собственной Его Величества Канцелярии, и ему было поручено заняться отысканием в пяти московских архивах, а также в других хранилищах и доставкой во 2-е Отделение указов, положений и пр., а также составить реестр прежним, до царствования Алексея Михайловича, уложениям, указам и т.п., по княжениям и царствованиям российских государей. В апреле 1865 г. П.В. Хавский был назначен инспектором Московских сенатских архивов, с совмещением его прежних должностей. Наконец, в 1868 г. П.В. Хавский был назначен членом консультации, учрежденной при министерстве юстиции и в 1873 г., в день празднования 80-летнего юбилея служебной деятельности, пожалован чином действительного тайного советника, а затем еще два года, до конца жизни, оставался на государственной службе.

Благодаря своей огромной работоспособности П.В. Хавский успевал везде: исполнял служебные обязанности, занимался благотворительностью, помогал в издании журнала Комитета бедных, принимал экзамены у воспитанников Московского Александрийского училища и Константиновского Межевого института, преподавал церковную хронологию в Набилковском доме призрения сирот, работал в архивах, писал и публиковал свои многочисленные труды по различным вопросам. Об огромном трудолюбии П.В. Хавского говорит тот факт, что за свою долгую трудовую жизнь он всего четыре раза был в отпуске. Помимо гражданской службы П.В. Хавский более 30 лет своей жизни прослужил старостою в приходской церкви святых Афанасия и Кирилла, расположенной на Сивцевом вражке в Москве. За строительство данной церкви П.В. Хавский в 1864 г. был даже пожалован золотой медалью с императорским портретом.

Несмотря на многочисленные и ответственные служебные обязанности, П.В. Хавский находил время для изучения русской истории, хронологии и генеалогии. Необходимо отметить, что в данной статье будут рассмотрены заслуги П.В. Хавского, касающиеся изучения истории Москвы и генеалогии рода Романовых.

П.В. Хавский был человеком, который многие часы, дни и годы потратил на разбор архивных фондов, описание документов. И все это было для него не повинностью, не нагрузкой, а таким естественным делом, без которого жить он не мог. Выполнение человеческой потребности становилось выполнением жизненного долга. Полем деятельности для П.В. Хавского являлись фонды ста-

ринных архивов Министерства юстиции, Министерства иностранных дел, Московской дворцовой конторы, Сенатского архива, Патриаршей библиотеки и библиотеки Московской синодальной типографии. Большой опыт работы в архивах позволил П. В. Хавскому сделать вывод о том, что многие архивы недоступны ученому свету из-за плохого их описания. Поэтому он предложил свою систему описания, которая и в настоящие дни существует в архивах, т.е. указание на место хранения, номер книги и страницы.

Изучая архивный материал по поручению министра юстиции в целях упорядочивания указов российских государей или Археографической комиссии по составлению свода русских летописей, П. В. Хавский встречал источники, которые наталкивали его и на другие темы. Появлялся импульс к написанию специальных статей, книг. Так, с 1835 г. П. В. Хавский по распоряжению министра юстиции работал над описанием Вотчинного и Разрядного архивов в Москве. А уже 10 сентября 1839 г. появился его «Указатель источников истории и географии Москвы», подытоживший работу П. В. Хавского в Московских архивах. Подтверждение этому мы находим в первых строчках книги П. В. Хавского: «Этим новым указанием, по возможности полным, любители древностей познакомлены с материалами, сохраняемыми в Московских Государственных архивах» [3, с. 11]. Заслуга П. В. Хавского как раз и заключается в том, что он воспользовался этими материалами, разобрал их по предметам и издал в системе.

Во вступлении к указанному труду автор предупреждал, что в его задачу не входило решать исторические споры и устанавливать истины; его целью было собирание материалов, «рассеянных в книгах, частью включая свои собственные, отысканные в архивах» [3, с. 3]. В предисловии раскрывается огромный труд историка в архивах, который, имея перед собой тысячи рукописей и книг, мог только перелистывать их, «читать же с наблюдательностью историка не позволили» ему «ни время, ни способы, ни силы» [3, с. 4].

Большинство перечисленных в книге исторических фактов рассказывают о Москве как о столице Российского государства, где происходили главные для страны события: рождение членов царской семьи, присоединение к Московскому государству княжеств, прием послов, защита Москвы от татар, заложение и строительство храмов и т.д. Книга особенно интересна и содержательна тем, что в ней отмечено множество бытовых подробностей, теперь забытых не только историками, но и знатоками Москвы. Так, в параграфе от 28 июля 1817 г. упоминается «об отдаче принадлежащих Московскому Воспитательному дому Островских и Устьенских бань с перевозами чрез Москву-реку», от 12 февраля 1835 г. – высочайшее положение о мерах к прекращению нищенства в Москве. Всего в книге П. В. Хавского 2038 параграфов, последний относится к 14 сентября 1839 г. – дню выезда императора Николая I из Москвы.

Объемистый труд «Указатель источников истории и географии Москвы» под разными названиями выдержал еще два издания: в 1847 г. он был издан с небольшими изменениями под заглавием «Семисотлетие Москвы 1147–1847», в 1868 г. появилось третье издание под названием «Древность Москвы».

К юбилею Москвы в 1847 г. вышел новый обзор источников П. В. Хавского под названием «Семисотлетие Москвы 1147–1847, или Указатель источников, ее топографии и истории за семь веков». На титульном листе книги отмечены торжественные дни «4–5 апреля 1847 года, в день семисотлетнего юбилея, совершившегося со дня исторической известности Москвы». Свой труд П. В. Хавский посвятил Московскому обществу истории и древностей российских при Московском университете.

Книга составлена по такому же принципу, как и указатель 1839 г., только параграфы значительно расширены и включено подробное описание большого количества имеющихся планов по Москве. Первые страницы в книге посвящены юбилею Москвы, основание которой большинство историков, в том числе и Н. М. Карамзин, относили к 1147 г. П. В. Хавский поддерживает мнение великого историографа, который, по его словам, «заставил всех заниматься русской историей».

В первой части дается описание (до 1740 г.) Кремля, Китай-города, Белого города, «деревянного» Земляного города, мест за Земляным городом и речек с указанием на планы Москвы 1739, 1796, 1843 гг. Интересно, что характеристика исторических источников дана была П. В. Хавским еще в первом издании «Указателя» (1839), на параграфы которого он постоянно ссылается в более позднем издании. Например, в «Указателе» 1847 г. даются выписки об истории Троицкой церкви

из подлинных книг Патриаршего приказа, а прочесть о них автор отсылает к первому изданию своей книги: «1689 г. Книга, сочиненная по Указу Царей Иоанна и Петра Алексеевичей и Царевны Софии Алексеевны из Патриаршего Казенного приказа городу Москве; описаны все церкви и дворы. Вся книга в лист, 839 страниц, хранится в Государственном Архиве в Москве в числе грамот, особенно в присутствии. В этой книге упоминается о прежних писцовых книгах и жалованных грамотах. Она составляет древний и подробный указатель церквей Москвы в Кремле и прочих частях, также о всех церковных землях» [4, с. 465]. В книге П.В. Хавского практически можно было найти краткую историю любой московской церкви.

Вторая глава посвящена истории московских сел и слобод; автор в этом случае использовал не только архивные источники, но и большое количество вышедшей к этому времени исторической литературы и опубликованных документов: летописи, путеводители по Москве, исторические сочинения, адрес-календари, «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел».

Указом 1714 г. было велено селиться купцам и мещанам в слободах Напрудной, Мещанской, Семеновской, Кобыльской, Симоновой, Чудовке, Грузинской и др. О них автор нашел точные сведения в архиве Межевой канцелярии. В дальнейшем многие слободы были переименованы в улицы (свод их помещен в алфавите в конце книги).

В прошлом столетии, видимо, были еще живы воспоминания о моровой язве, свирепствовавшей в Москве в 1771 г., поэтому следующая глава посвящена состоянию города после этой страшной эпидемии. Ссылаясь на книгу А.Ф. Шафонского «Описание моровой язвы, бывшей в Москве с 1770 по 1772 год» (СПб., 1787), П.В. Хавский приводит новое изменение частей города.

Специальная глава посвящена подробному «Описанию Москвы с 1840 г.», где кроме уже указанных печатных источников автором использованы планы, сохраняемые в частных домах Москвы. Описание города составлено по кварталам, начиная с Кремля, которому присвоен первый номер, второй – в Китай-городе, третий – правая сторона Ильинской улицы и т.д. Так, например, описание Арбатской части П.В. Хавский составлял «по частному плану, сохраняющемуся в арбатском частном доме, за подписью полицмейстера Миллера и советника Ладыгина» [4, с. 511].

В конце книги имеется «Азбучный указатель источников топографии и истории Москвы».

В 1868 г. вышло третье издание Указателя, дополненное по предметам географии, хронологии и генеалогии, под названием «Древность Москвы, или указатель ее топографии и истории». Это сочинение представляет собою плод огромного кропотливого труда и рисует картину возрастания и изменения Москвы в топографическом и административном отношениях в разные эпохи. В нем дано подробное описание празднования Московского семисотлетия на Красной площади и в других местах Москвы. Полностью напечатано слово протоиерея Сергея Григорьевича Терновского, произнесенное им на праздновании. Дополнительно приведена информация об общем количестве сломанных в 1812 г. церквей, перечислены их названия. Необходимо заметить, что интерес П.В. Хавского к церковной истории не случаен. Выполняя служебные обязанности, связанные с должностью старосты в приходской церкви, П.В. Хавский более 30 лет изучал историю московских храмов и монастырей. Свою исследовательскую работу по этой теме он тесно сочетал с публикаторской. Он был уверен, что «не лишнее будет обратить внимание просвещенных любителей отечественной старины на предмет первейших Московских памятников зодчества» [5, с. 381–383]. Кроме «Указателя по истории и географии Москвы», в котором было представлено достаточно много информации по данному вопросу, им были изданы ряд книг и газетных статей. В книге «Московский Покровский собор, называемый церковью Василия Блаженного» П.В. Хавский рассказал об истории построения Покровского собора и о церквях, принадлежащих собору; в работе «Краткая история московского женского Никитского монастыря», помимо истории самого монастыря, написал о двух церквях при монастыре, о живущих в монастыре, о мощах святого великомученика Никиты, хранящихся в нем; в газетной статье «Положение Ризы Господней» изложил историю создания церкви Положение Ризы Господней.

Не только справочный, но и познавательный характер носит изданный П.В. Хавским в 1839 г. «Указатель дорог от Кремля Московского к заставам и к границам Московского уезда». Во вступлении к книге автор говорит о том, что каждому русскому необходимо знать географическое положение Московского уезда, так как каждое селение в нем ознаменовано каким-нибудь событи-

ем, принадлежащим к отечественной истории. Далее П.В. Хавский, рассказывая о вышедшем в 1783 г. атласе Калужской губернии, ратует за издание такого же по Московскому уезду. Все дороги им расписаны, начиная со старых Московских застав, тракты от которых шли к старым русским городам. Небольшие главки в книге названы «указанием»; в первом параграфе называется застава и путь от Кремля на определенное направление (например, Троицкая застава от Кремля на северо-восток); затем перечисляются все пункты, встречающиеся по дороге к заставе от Кремля. В указателе дается и происхождение названия застав. Так, наименование Троицкой заставы произошло от Троицкой лавры и Троицкой дороги, и Троицкая дорога называлась также Сергиевская, Переяславская, Ростовская, Ярославская, Архангельская, т.е. по тем городам, куда шел из Москвы тракт.

Много внимания П.В. Хавский уделял выяснению имен и географических названий, встречающихся в актах. Отдельные главы книги посвящены рельефным возвышенностям, рекам и водоемам, окружавшим Москву, большая часть которых сейчас уже не существует. Историки могут узнать из книги П.В. Хавского названия старинных волостей и станов, окружавших Московский уезд. В конце книги помещен ценный «Азбучный список предметов, обозначенных в указателе дорог».

Исследовательская тематика П.В. Хавского не ограничивалась изучением истории любимого города. Он внес определенный вклад и в изучение генеалогии рода Романовых, представляет большой интерес ряд наблюдений и замечаний, сделанных им в 1854 г. во вступлении ко второму изданию «Древности Москвы». В восьмом томе «Истории Государства Российского» П.В. Хавский приводит слова историографа Н.М. Карамзина, высказанные им при издании родословных владельцев князей российских: «Оставляю другому сочинять полные росписи» [6, с. 3]. При этом П.В. Хавский недоумевает, что прошло «почти четыре десятилетия, и никто из наших господ любителей и исследователей отечественной истории не занялся правильным составлением родословных великих князей Московских» [6, с. 47]. Под правильными родословными П.В. Хавский подразумевал такие родословные, в которых бы «означены были степени рождений и происхождение предков каждого лица от отца и матери, дедов, бабок и пр., чтобы лица, отделявшиеся от семьи замужеством, были показаны вторично в тех родах, в которые поступили» [6, с. 48]. Отсутствие таких родословных, по его мнению явилось препятствием для того, чтобы «судить с точностью о таком предмете», как история Москвы.

В 1851 г. по данной проблеме П.В. Хавский написал статью «Об источниках истории Москвы и Императорского Московского университета», три года спустя вторым изданием напечатал книгу «Древность Москвы», в которой повторил этот труд. В данных работах П.В. Хавским были кратко описаны 30 степеней рода Романовых начиная с Рюрика.

Изучению генеалогии рода Романовых посвящена также книга П.В. Хавского «Московский Архангельский собор, или Историческое исследование о родословиях святого мученика князя Черниговского Михаила и российских великих князей, опочивающих в Московском Архангельском соборе». Главной задачей автора было составление родословия русских князей и определение места, которое занимает в нем князь Михаил Черниговский. Основной причиной обращения П.В. Хавского к исследованию родословия святого князя Михаила Черниговского стал «недостаток в Российской истории вообще родословий Российских великих князей». Главным итогом книги стал вывод о том, что «святой князь Черниговский показывается в трудах Российской истории различно: от 7 до 12 степеней». В связи с такой неточностью, считает П.В. Хавский, «произошли смешения в общей русской истории».

Большое научное значение имеют изыскания П.В. Хавского по генеалогии рода Романовых, основанные на анализе всей имеющейся к тому времени исторической литературе. Приводя эпиграфии в соборе, автор сравнивает их со статьей «Надписи, означающие лета преставления высочайших персон фамилии царской в Московском Архангельском соборе, сообщенные господином бригадиром Сумароковым». К книге дано приложение: выписка об Архангельском соборе из сочинения Александра Ратшина «Полное собрание исторических сведений» (М., 1825); список архиереев собора взят П.В. Хавским из «Истории Российской Иерархии» Евгения Болховитинова (Киев, 1827, т. I, ч. 1), роспись царским панихидам, «Житие святых великого князя Михаила Черниговского и боярина Федорова», «Житие святого царевича и великого князя Димитрия».

П.В. Хавский продолжил заявленную в книге «Московский Архангельский собор» тему в работе «Генеалогические исследования родословной росписи рода Романовых». «Если бы полувековые занятия мои хронологией и генеалогией были одним только повторением... по сим предметам всего того, что уже высказано в Истории Государства Российского, то я почел бы труд свой излишним представлением давно известных истин, но по исследованиям нашим находим исправить общую ошибку в толках генеалогии и хронологии», – заявил в первых же строках своего труда П.В. Хавский [1, с. 5]. В частности, автор «исправляет ошибку» в вопросе происхождения прародительницы государя Александра II, Евдокии, «урожденной княжны Суздальской из фамилии Горбатов, предки которой были государями России, в том числе 29-й государь Ярослав, составляющий 10-ю степень рождений начиная с Рюрика, родитель Св. Александра Невского и брата его Андрея 32-го государя России, который состоит предком Суздальской княжны Евдокии, потом супруги Никиты Романовича, матери Патриарха Филарета, бабки царя Михаила Федоровича» [1, с. 6].

Но особенно интересны рассуждения П.В. Хавского «по предмету форм родословных», высказанные в указанной работе. Многие столетия историками продолжались разработки форм родословных. П.В. Хавский считал, что «необходимо составлять родословные по правилам юридическим, а не выдуманным историками». Автор книги утверждал, что «прежде родословные были писаны и печатаны многими образцами без правил, подобно письму вязью» [1, с. 10]. По этой причине «доселе не имеем такой формы родословных, что видны были в них линии нисходящие, восходящие, боковые, или братья родные, единокровные, единоутробные и сводные» [1, с. 10]. Все это заставило П.В. Хавского составить форму, без которой невозможно «понимать линий родства предков и потомства». Еще в 1817 г., когда занимался юридической наукой, он провозгласил идею, что «как в геометрии необходимы проблемы и теоремы, так и в практическом судопроизводстве нужно знать формы родословных» [7, с. 43]. Уже тогда он представил правила новых форм родословных и издал труд «О наследстве завещательном, родственном и выморочном», в котором изложил 40 образцов родословных. П.В. Хавский отправил экземпляры данной книги для критического рассмотрения и замечаний в бывшую комиссию составления законов, некоторым государственным особам, Пензенскому гражданскому губернатору, впоследствии графу М.М. Сперанскому, историографу Н.М. Карамзину и пр. В результате новая форма родословных, предложенная П.В. Хавским, была одобрена комиссией и М.М. Сперанским и принята за основу в первых редакциях X тома Свода Российских законов.

В книге «Генеалогические исследования родословной росписи рода Романовых» П.В. Хавский продолжил работу по составлению краткой родословной по форме, предложенной в 1817 г. Для составления 24 родословных им был заимствован материал у Н.М. Карамзина и Строева. Кроме этого, П.В. Хавский составил более 50 новых родословных исторических лиц: Боривая, Гостомысла, Новгородского Вадима и братьев Рюрика Синова и Трувора, а также славянских князей Оскольда и Дира.

Появившаяся через несколько лет книга П.В. Хавского «Краткая история московского женского Никитского монастыря» (М., 1866) также связана с увлечением историка генеалогией царской фамилии. В указанной работе автор изложил все известные ему исторические источники, описал историю самого монастыря. По словам П.В. Хавского, монастырь был устроен Никитой Романовичем Юрьевым, дедом царя Михаила Федоровича, и был знаменит тем, что мать Петра Великого, Наталья Кирилловна, имела вблизи монастыря дом; здесь находили успокоение царские кормилицы, и Никитский монастырь всегда принадлежал императорскому дому. П.В. Хавский замечает, что монастырь постоянно получает императорское жалованье, денежные вклады, но это, с сожалением пишет автор, не обеспечивает его существование.

Заканчивая характеристику П.В. Хавского как исследователя истории Москвы и генеалогии рода Романовых, необходимо сказать о том, что он совмещал в одном лице архивиста, источниковеда и историка, т.е. выполнял черновую работу, а выявляя и систематизируя материалы, изучал их. Его труды, основанные на многочисленных архивных источниках, на опубликованной к тому времени исторической литературе, на разнообразных документах, таких как летописи, путеводители по Москве, исторические сочинения, адрес-календари, являются ценнейшим источником в общем процессе сохранения и передачи культурного наследия от одного поколения к другому. В этом заключается его основная заслуга.

Но кроме того, необходимо также заметить, что при ценности ряда источниковедческих приемов его методологии был присущ формально-юридический подход к изучению исторических источников. В большей степени это объясняется воздействием той государственно-правовой школы, из которой вышел П.В. Хавский. Но от этого значимость его трудов не становится меньшей.

Широкая эрудиция и активная исследовательская и публикаторская деятельность П.В. Хавского обратили на себя внимание научной общественности и он был избран членом многих научных обществ. Он являлся действительным членом Императорского Московского общества истории и древностей российских; действительным членом Одесского общества истории и древностей, членом совета Лазаревского института восточных языков, корреспондентом Археографической комиссии при Министерстве Народного Просвещения, действительным статским советником и разных орденов кавалером.

П.В. Хавский прожил большую творческую плодотворную жизнь. Его заслуги получили общественное признание и он был удостоен ряда почетных наград. П.В. Хавский был кавалером орденов: св. Станислава 1-й степени, св. Владимира 3-й степени, св. Анны 2-го класса с алмазными украшениями, имел знак отличия беспорочной службы за 60 лет, бронзовые медали за 1812, 1853, 1856 гг.

П.В. Хавский скоропостижно умер 22 января 1876 г. в Москве. По поводу этого печального события в прессе было не мало некрологов. Все они были написаны очень тепло и давали характеристику П.В. Хавскому как ученому и человеку. Тело покойного П.В. Хавского отпевали в церкви святых Афанасия и Кирилла. По свидетельству многочисленных московских газет, это событие происходило при громадном стечении народа. Факт этот говорит о том, что не случайным было утверждение автора одного из некрологов, гласящее, что «Петра Васильевича знала вся Москва» [8, с. 1]. Похоронен П.В. Хавский был на кладбище в историческом Даниловом монастыре (монастырский некрополь уничтожен в 1930-е гг.). На памятнике П.В. Хавского современники, отдавая дань его огромному трудолюбию, посвятили ему краткую эпитафию: «Мир праху твоему, честный труженник» [9, с. 3]. Эти слова как нельзя лучше характеризуют преуспевающего чиновника и увлеченного исследователя П.В. Хавского.

Примечания

1. Хавский П.В. Генеалогические исследования родословной росписи рода Романовых. М., 1863.
2. Собрание российских законов. М., 1823. Кн. 1.
3. Указатель источников истории и географии Москвы с древним ее уездом, расположенный в хронологическом порядке, по княжениям и царствованиям российских государей, со включением царствования государя императора Николая Павловича. М., 1839.
4. Семисотлетие Москвы в 1147–1847, или Указатель источников ее топографии и истории за семь веков. М., 1847.
5. Московский Покровский собор // МВ. 1842. №52.
6. Древность Москвы, или Указатель источников ее топографии и истории. 2-е изд. М., 1854.
7. Хавский П.В. О наследстве завещательном, родственном и выморочном: В 4-х кн. М., 1817–1819.
8. Русский мир. 1876. № 27.
9. Гатагова Л.С. Хавский П.В. // Сб. Историки и краеведы Москвы: Некрополь: Библиографический справочник, 1996.

О ВЛИЯНИИ СВЯТОЧНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ НА ДАТИРОВАНИЕ ЛЕТОПИСНЫХ СОБЫТИЙ

Традиция древнерусского летописания зародилась из подражания уже существовавшим западноевропейским анналам и хроникам. Она прошла длительный путь развития от изложения сказаний и легенд до «реалистичных» рассказов с множеством подробностей и деталей, вплоть до указания дня недели и часа, в который произошло то или иное событие. Постепенно складывался принцип распределения событий древнерусской истории по годам, позже к нему прибавилось указание календарных дат и других дополнительных сведений, например, ссылка на индикт, святочное или пасхальное обозначение и др.

Впервые упоминание календарных дат мы обнаруживаем в достаточно ранний период русского летописания, в дохристианскую эпоху. Первое употребление календарной даты во Владимирском летописце связано с использованием не юлианского счета времени, а с применением святочного обозначения. Так, читаем: «В лето 6376. Нача царствовати Василии сынъ Михаила царя, царства 18 лет и 11 месяць. И при сем трус бысть въ Цариграде 40 днѣи, почень *на память Полиекта*» (здесь и далее курсив мой. – Н.И.) [1, с. 15]. В современном месяцеслове можно найти сведения о сильнейших землетрясениях, происходивших в древности, они вносились в святцы так же, как и имена святых. Однако в современном православном календаре ни одно землетрясение не совпадает с днем памяти святого Полиекта. Скорее всего, появление памяти святого можно объяснить заимствованием хронологических сведений из греческих хроник или византийских месяцесловов, которые легли в основу большинства хронологических расчетов, сделанных древнерусскими летописцами.

Другое упоминание календарной даты находим в том же Владимирском летописце под 6405 г. (здесь и далее летосчисление будет вестись только от Сотворения мира. – Н.И.). Речь идет о переложении греческих книг на славянский язык. «Мефедии же посади два попа, и преложи вся книги, исполни от Греческа языка въ Словенскъ 6 месяци, *от марта месяца до дванадесяти шестого дни октября месяца...*» [1, с. 17].

Первая собственно русская календарная дата появляется в летописях позже и связана с именем Владимира Крестителя, а именно с днем его смерти: «...умре Владимиръ месяца *июля 15...*». Относительно регулярное использование календарных дат в летописании начинается в начале XI в., а со второй половины XI в. оно окончательно утвердилось в русском летописании.

Как уже было сказано выше, русские летописцы для датирования событий по дням года использовали не только юлианский календарь, но и святочные обозначения. Святцы, или иначе месяцесловы, представляли собой список наиболее значимых для христиан праздников и дней памяти святых угодников, распределенных в течение юлианского года.

Ни для кого не секрет, что существует несколько редакций летописных сводов. Для каждой отдельно взятой редакции и даже отдельно взятого списка летописец или переписчик летописи делал свои хронологические расчеты, в соответствии с убеждением в их верности и с теми дополнительными источниками, которые находились у него под рукой. Поэтому в разных летописях мы находим разные датировки одного и того же события.

Цель данной статьи – выяснение одной из причин появления разночтений в календарной датировке событий древнерусской истории, а именно влияние святочных обозначений на дневное датирование в русском летописании. Для достижения этой цели проводился сравнительный анализ нескольких списков: Лаврентьевской летописи, Владимирского и Пискаревского летописцев, Новгородской Первой летописи старшего извода по Синодальному списку и Новгородской первой летописи младшего извода по Комиссионному списку, а также привлечение других летописных списков.

В основу анализа был положен метод сравнения параллельных чтений, традиционно применяемый в источниковедческих исследованиях. Необходимо отметить, что, производя сопоставление двух летописных списков, во внимание бралось только сочетание юлианских чисел со святочными обозначениями или без таковых, если есть все основания предполагать, что святочное обозначение могло повлиять на юлианскую дату, но было утеряно или намерено исключено при переписке. Пасхальный календарь, а также календарно-недельный счет дней и другие дневные обо-

значения, которые часто можно обнаружить в летописи, нами во внимание не брались. Таким образом, основными элементами сравнения стали юлианская дата и святочное обозначение, зафиксированные за описанием одних и тех же исторических сюжетов в разных летописных списках.

Итак, для большей наглядности назовем условно: А – юлианское число; Б – святочное обозначение. Производя построчное сравнение двух избранных нами летописных списков, мы можем получить следующие результаты:

1. $A = 0$ в тех случаях, когда в одной летописи есть юлианская дата, а в другом списке мы обнаруживаем только описание события без датировки. Так, в Пискаревском летописце под 6746 г. находим рассказ о пленении князя Василки Константиновича татарами и о том, как пытали и убили его татары в Шерньском лесу «месяца *марта* 4». Во Владимирском летописце описывается тот же сюжет, но дата не обозначена.

2. $B = 0$. В летописях можно встретить и такое разночтение в датировке. В одном списке указано имя святого, в день памяти которого по версии последнего переписчика произошло то или иное событие, а в другом списке дата вовсе опущена. К примеру, в Лаврентьевском списке смерть Владимира Константиновича, князя Угличского, датируется (6757 г. – Н.И.) *на память святого первомученика Стефана*. Во Владимирском списке даты нет вообще. Трудность заключается в том, чтобы определить, когда по юлианскому календарю отмечалась память первомученика Стефана. В современных святцах день памяти этого святого приходится на 28 ноября. Однако во многих более древних греческих месяцесловах при различных богослужебных книгах память святого Стефана отмечалась в разные дни: и 20 октября, и 28 октября, и 29 ноября. В Минеях митрополита Макария XVI в. память этого мученика записана под 29 ноября. В этой связи, для того чтобы «восстановить» первоначальную дату, нужно попытаться выяснить, какой именно редакцией святцев пользовался последний переписчик летописи. Данный случай нельзя отнести к разности в датировках, так как святочное обозначение имеется только в одном списке, в другом нет никаких указаний на дату, поэтому сравнивать два списка на предмет разночтений не имеет смысла. Но существование такого вида различий в датировках для разных списков имеет место, и мы не можем игнорировать его.

3. $AB = 0$, т.е. в одном списке присутствует и юлианская дата, и имя святого, память которого отмечается в этот день, а в другом нет ни юлианской даты, ни имени святого. Приведем пример, в Лаврентьевской летописи под 6718 г. читаем: «Того ж лета, месяца *июня* в 18 день, на память стаго мученика Леонтия и дружины его. Родися Константину сын Всеволодь, а в святем крещении нарекоша ему имя Иоан» [2, стлб. 435]. То же сообщение о рождении сына у Константина Мудрого во Владимирском летописце выглядит по-другому: «В се же лето родися князю Константину сынъ князь Иван» [1, с. 83]. Вряд ли это могло быть простым сокращением при переписывании летописи. Скорее всего, составитель Владимирского летописца не знал дату рождения Всеволода-Ивана. Такое сочетание, когда в одном летописном списке есть дата, а в другом ее нет, можно встретить довольно часто в летописях.

4. $AB = A$, т.е. в одной летописи есть оба обозначения (юлианское число и память святого), в другой же мы находим только число юлианского календаря. Так, в Лаврентьевском списке о рождении у того же Константина другого сына сказано: «В лето 6717, месяца *декабря* в 7 день, на память святого отьца Амбросья епископа. Родися сынъ блгочтивому и х[ри]столюбивому князю Константину и нарекоша имя ему в святем крещении Василии, и бысть радос велика в граде Ростове» [2, стлб. 434]. Во Владимирском летописце об этом написано проще: «...месяца *декабря* 7 день родися князю Константину сынъ Василеи» [1, с. 83].

Все вышеозначенные примеры вряд ли можно отнести к разночтениям в датировке исторических событий, поскольку в них даты не вступают в противоречие между собой, чаще всего они дополняют друг друга. Наибольший же интерес для историка представляют даты, которые явно противоречат друг другу. Среди них можно встретить следующие виды разночтений:

1. Если условное юлианское число А равно условному юлианскому числу А', так как оба числа датируют одно и то же событие. Такой тип разночтений достаточно распространен в летописях и появление некоторых из них (разночтений) поддается логическому объяснению. Так, можно встретить такое сочетание дат в разных списках, когда в одной летописи стоит дата, а в другой летописи тоже число, но с добавлением десятка (восемь – восемнадцать, девять – девятнадцать и т.д.). Например, смерть Владимира Мономаха в Лаврентьевском списке датируется 19 мая, а во

Владимирском – 9 мая. Такое было возможно, если при написании цифр, а они, как известно, обозначались старославянскими буквами под титло, титло было либо прописано нечетко, либо одна из букв не попадала под титло. Возможен был и такой вариант, один из элементов старославянской буквы не был прописан отчетливо или же стерся со временем, тогда переписчик не мог разобрать, что именно написано и писал наугад или же по своему усмотрению.

Некоторые описки объяснить довольно сложно, а порой невозможно, особенно, если нет никаких дополнительных сведений. В Лаврентьевской летописи читаем о том, что Всеволод Олегович сел в Киеве на великое княжение в 6646 г. «*месяца марта въ 5 день*» [2, стлб. 306], а во Владимирском летописце – «*месяца марта 30*» [1, с. 61]. Еще пример, в Пискаревском списке епископ Ростовский Лука, преставился и был положен во Владимире в церкви святой Богородицы «*ноября 5*» [3, с. 80]. По версии Лаврентьевской летописи, он умер 10 ноября, а захоронен был «*въ 11 ноября*» [2, стлб. 407–408], в Московском-Академическом списке есть приписка к этому сообщению «на память святыхъ Мины, и Виктора, и Викентия». Довольно трудно объяснить данные примеры описок нечетким написанием букв. В данном случае буквы не имеют ничего близкого в написании.

Весьма распространенной среди такого рода «ошибок» является расхождение в один-два дня. Например, смерть Феоктиста, епископа Черниговского, по Лаврентьевскому списку датируется (6621 г.) 11 января, по Радзивилловскому списку – 12 января, а во Владимирском летописце – 14 января. Другой пример. Смерть Всеволода Олеговича произошла в Вышгороде в 6654 г., по версии Лаврентьевской летописи – 30 июля, а по Радзивилловскому, Московскому Академическому и Владимирскому спискам – 1 июля. В Троицком списке записана совершенно другая дата – 1 августа. Существование такого вида различий в датировке может быть объяснено как элементарными описками переписчиков, так и тем, что они использовали при написании разные редакции святцев, в которых память одному и тому же святому могла отмечаться в разные дни календаря, при этом разница могла составлять один-два дня, что мы и наблюдаем в летописях. При дальнейшем редактировании святочные обозначения могли выпасть, а остались лишь юлианские даты.

2. Возможно и такое сочетание дат: $AB = A^1$. Это означает, что в одной летописи есть число юлианского календаря и имя святого, а в другой нет имени святого, но есть совершенно другая календарная дата. Так, смерть Всеволода Большое Гнездо по Лаврентьевскому списку датируется 6720 г. «*мсяца апреля въ 13 день, на память стаго Мартина, папы Римского*» [2, стлб. 436]. В Пискаревском летописце обозначена иная дата – 15 апреля. Интересно отметить, что в современном православном календаре память святого Мартина отмечается 14 апреля. В некоторых древних богослужебных книгах эта память записана 13 апреля, например, в месяцеслове Мстиславого Евангелия XII в. и в Минеях митрополита Макария XVI в., однако под 15 апреля ни в одних известных святцах этот угодник не отмечен. Еще один пример, Олег Рязанский преставился, по версии Лаврентьевской летописи, в страстную неделю и положен был в церкви святого Спаса «*м(с)ца мая въ 20, на память святой мученицу Фотиньи Самаряныни*» [2, стлб. 475]. Во Владимирском летописце это событие датируется «*декабря 20 день*» [1, с. 92]. Ясно, что датировка Владимирского летописца не верна. Если исходить из того, что князь Олег действительно умер в страстную неделю, то последняя никак не могла быть в декабре, так как она приходится на последнюю неделю Великого поста, а Великий пост бывает только весной. Возможно, летописец ориентировался на святочное обозначение, на память мученицы Фотины Самаряныни, ее память могла в каких-то святцах быть отмечена 20 декабря. В современном месяцеслове память этой святой расположена 20 марта.

3. $AB = A^1B$ в том случае, если в одной летописи записано и имя святого и юлианская дата, а в другом списке зафиксировано то же святочное обозначение, но с другой юлианской датой. Например, великий пожар во Владимире (6693 г.) в Лаврентьевской летописи датируется так: «*месяца апреля въ 18 день на память святого Семеона, Оужика Господня*» [2, стлб. 392]. Летописцы Владимирского и Симеоновского летописцев, видимо, пользовались другой редакцией святцев, память этого святого приходилась в них на 27 апреля. Под этим же числом святой Симеон, сродник Господен записан и в современном православном календаре. В древних месяцесловах (IX–XI вв.) встречается память мученика Симеона под 18 числом (18 сентября и 18 февраля), но ни разу эта память не зафиксирована под 18 апреля. Возможно, что составитель Лаврентьевского списка пользовался какой-то особой редакцией святцев, в которых память святого Симеона отмечалась 18 апреля, но более вероятно, что это описка, которую он же исправляет под 6702 г., когда та же память записывается под 27 апреля.

4. Может также встретиться и такая разновидность разночтений: $AB = A^1(B)$, имеется в виду, что в одном списке присутствуют и юлианская дата, и имя святого, в другом же есть еще одна юлианская дата без имени святого, но она изменена под влиянием святочного обозначения. К примеру, поход 6707 г. Всеволода Юрьевича на половцев состоялся, по данным Симеоновского списка, «месяца *Апреля въ 1 день, на память святого апостола Иакова*» [4, с. 59]. Во Владимирском же летописце этот поход датируется иначе, «месяца апреля 30 день» [1, с. 79]. Скорее всего, вторая дата была исправлена переписчиком в соответствии с теми святыми, которыми он пользовался.

Другой пример. В Лаврентьевской летописи ярко описано убийство шести князей, совершенное Глебом Владимировичем Рязанским вместе с его братом Константином в 6725 г. О дате, когда это произошло, сказано так: «Си же злоба сключися мсяца *июня въ 20 день, на память святого пророка Ильи огньнаго въ схождение*». В Пискаревском списке та же дата, но без памяти святому. Во Владимирском летописце это событие датируется иначе, не 20 июня, а 20 июля, и эта дата, на наш взгляд, является более верной, поскольку Ильин день и в древности, и сейчас отмечали 20 июля по старому стилю. Только в двух древних месяцесловах мы можем обнаружить память святого Ильи в июне месяце, но не 20, а 14 июня. Один месяцеслов находится при греческом Евангелии VIII–IX вв., другой – при греческом Апостоле IX–X вв. [5, с. 218]. Однако в данном случае мы, скорее всего, имеем дело с опiskой при написании месяца. Такая замена созвучных названий месяцев (июнь–июль) – довольно часто встречающееся явление в летописных списках. Таким образом, наличие в одном из летописных списков святочного обозначения помогает восстановить истинную дату события.

5. $AB = AB^1$, т.е. под одинаковой датой для одного и того же события в летописи записаны разные имена святых. Вот пример такого типа разночтений. В Синодальном списке Новгородской Первой летописи знаменитая битва Александра Невского на Чудском озере датируется так: «А бишася мсяца *апреля въ 5, на память святого мученика Клавдия, на похвалу святых Богородица, в субботу*» [6, с. 78]. В Новгородской Первой летописи младшего извода по Комиссионному списку стоит та же дата, но с другим именем святого. «А бися *апреля въ 5, на память святого мученика Феодула, на похвалу святых Богородица, в субботу*» [6, с. 296]. Таким образом, в данном случае мы столкнулись с явным использованием разных редакций святцев.

6. И, наконец, случаи, когда $AB = A^1B^1$, т.е. в двух списках идет совершенно разная датировка одного и того же события. Примером такого вида разночтений может служить описание рождения сына Константина у великого князя Всеволода в 6694 г. В Лаврентьевском списке это событие датируется «*мая въ 18 день, на память святого муч[еника] Потапья*» [2, стлб. 396–397]. В Симеоновском летописце оно датируется иначе: «...Том же лете, того же мсяца *Маиа въ 18 день, на память святого мучаника Феодота, в субботу...*» [4, с. 48]. В этом эпизоде мы, вероятнее всего, имеем дело с использованием разных редакций святцев.

Таким образом, все приведенные аргументы подтверждают нашу версию о том, что одной из причин разночтений дат в летописях является использование авторами разных редакций месяцесловов.

Примечания

1. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. XXX.
2. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку // Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 1.
3. Поздниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы // Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. XXXIV.
4. Симеоновская летопись. Сокровенное сказание монголов // Русские летописи. Рязань, 1997. Т. 1.
5. Сергей. Полный месяцеслов Востока / Репринт. Т. 2: Святой Восток. М., 1997. Ч. 1.
6. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА К ТЕКСТУ «ЖИТИЯ ФЕОДОСИЯ»

Когда речь идет о древнейших памятниках отечественной литературы, для нас становятся значимыми любые мельчайшие детали их текстологической характеристики. С помощью историко-хронологических приемов мы имеем возможность объяснить одно из датирующих показаний старейшего древнерусского агиографического произведения «Жития преподобного отца нашего Феодосия, игумена печерского», написанного в 80-е гг. XI в. киево-печерским монахом Нестором. Это показание до сих пор еще не привлекало внимания исследователей, но тем не менее очевидно нуждается в текстологической и содержательной интерпретации.

Излагая сюжет о введении в Киево-Печерском монастыре Студийского Устава, автор «Жития...» описал практическую деятельность Феодосия, направленную на утверждение в обители уставных норм. Помимо административных распоряжений игумен использовал здесь и пример личного благочестия, из чего самым показательным, по мнению Нестора, было его затворничество в пещере в дни Великого поста. Тут, однако, Нестор употребил весьма странную датировку: «По вся же дѣни святыихъ Мясопуць святыи отъць нашъ Феодосій отхожаше въ святую свою пещеру» (здесь и далее курсив и вставки в текст мои. – С.Ц.) [1, с. 334]. Совершенно безупречный, с точки зрения древнерусской грамматики, перевод этой фразы, сделанный О.В. Твороговым и попавший в современные издания памятника («на все дни святого Мясопуста отец наш Феодосий уходил в святую пещеру свою») [1, с. 335; 2, с. 295], выглядит все же неудовлетворительным, так как заставляет считать, что киево-печерский игумен проводил в затворничестве дни Мясопустной седмицы, хотя из контекста ясно, что его «жесточество» начиналось 14 днями позже, когда и наступал Великий пост. Кстати, сам агиограф далее сделал поправку, подтверждающую обоснованность наших сомнений: «И се же якоже бѣ отходя въ постыныя дѣни въ прѣжѣреченую пещеру» [1, с. 374]. Становится ясно, что в Успенский список «Жития...» вкралась ошибка переписчика, искавшего первоначальный несторовский текст: вместо слов «по (т.е. после) святому Мясопусту» появилось «по вся же дни святого Мясопуста». Выходит, что другой вариант перевода несторовской фразы, сделанный также О.В. Твороговым и казавшийся несколько вольным («всегда после Мясопуста») [3, с. 107], точнее передает ее истинное содержание.

Однако и такая конъектура к тексту «Жития...» требует объяснения, поскольку она лишь смягчает, но не устраняет смысловую несуразицу текста. В самом деле, между последним днем Мясопустной седмицы и началом Великого поста в структуре пасхального года располагаются еще семь сыропустных дней. Кажется поэтому, что Нестор был бы более точен, если б написал об уходе Феодосия «по святому Сыропусту». Выясняется все же, что здесь мы имеем дело не с ошибкой автора «Жития...» или его переписчика, а с проявлением особенностей древнерусского пасхально-седмичного счета.

В пасхально-недельном счете использовались два вида группировки дней в семидневные циклы. Первый из них полностью повторяется в современном гражданском счете: циклы открывались понедельником и заканчивались неделей (воскресением). Многие современные исследователи при анализе древнерусских недельных показаний по привычке применяют именно этот способ счета, но он не был единственным. Второй порядок счета семидневных циклов полагал их начало в недельный (воскресный) день и окончание в субботу; он фиксируется в источниках ничуть не реже привычного для нас способа исчисления (например: «Въ 7-и же день <недели> почи Богъ от дѣлъ своихъ, иже есть субота» [4, т. 1, стлб. 88]; «въ два дни, сирѣчь в понедѣльник и въ вторник, по тришъды, а въторой троична въ срѣду и въ четвърг, а третии въ пятокъ и въ суботу. Тако съкончяются... недѣли пѣть» [5, т. 3, с. 438]). Этот порядок счета применялся и в Ветхом Завете, о чем знали русские авторы и переводчики, называвшие циклы воскресенья–суббота «седмерицей» («седмерицю чтуть жидовьскыя дѣти от Моисина Закона» [6, с. 139]; «и честять вѣща жидове седмерицю» [5, т. 1, с. 262] и др.), причем, они предпринимали даже попытки согласования двух видов семидневок: «Христос Богъ почи от дѣл своихъ въ 7-и день, а въ 1-и день създа Богъ свѣтъ» [7, с. 154]. По всей видимости, прав был исследователь Пасхалии XIX в. П.В.Хавский, выделяя в структуре пасхального года «неделю» (цикл понедельник–воскресенье) и «седмицу»

(цикл воскресенье–суббота) [8, с. 161], и поэтому мы будем в дальнейшем придерживаться этих обозначений, хотя, конечно, они не отражают стадийных изменений в реальной календарно-пасхальной терминологии: так, например, в древнерусских церковно-служебных книгах XI–XII вв. оба вида семидневок назывались «неделей», в то время как слово «седмерица» встречается только в переводной литературе, а в XVIII–XX вв. русская православная церковь стала использовать слово «седмица» (от «седмерица») в качестве универсального названия для обозначения всех семидневных циклов.

Соотношение различных схем счета древнерусских семидневок Великого поста

Первая схема счета		Вторая схема счета		Третья схема счета	
№ седмицы	Дни недели	№ седмицы	Дни недели	№ седмицы	Дни недели
Первая	Понедельник	Первая	1-я неделя Понедельник Вторник Среда Четверг Пятница Суббота	Первая	Сыропустная неделя Понедельник Вторник Среда Четверг Пятница Суббота
	Вторник				2-я неделя
	Среда				Понедельник
	Четверг				Вторник
	Пятница				Среда
	Суббота				Четверг
Вторая	1-я неделя	Вторая	2-я неделя Понедельник Вторник Среда Четверг Пятница Суббота	Вторая	Пятница
	Понедельник				Суббота
	Вторник				3-я неделя
	Среда				Понедельник
	Четверг				Вторник...
	Пятница				
Третья	Суббота	Третья	3-я неделя Понедельник Вторник...	Третья	Суббота
	2-я неделя				
	Понедельник				
	Вторник...				

Суть различия «недели» и «седмицы» заключается еще и в том, что первый вариант счета подразумевает перенесение пасхального названия недели (воскресенье) на предшествующие ей шесть дней (понедельник–суббота), тогда как во втором случае название недели распространяется на последующие за ней шесть дней. В структуре современного пасхального года оба способа счета семидневок довольно четко отделяются друг от друга: начальные его семидневки (мытаря и фарисея, блудного сына, Мясопустная и Сыропустная) и семидневки Великого поста (первая, или Федорова, вторая, третья, или Крестопоклонная, четвертая, пятая, шестая, или Вербная, седьмая, или Страстная) до Страстной субботы включительно считаются первым способом, далее от Пасхи начинается счет «ветхозаветных» седмиц (первая, или Светлая, вторая, или Фомина, третья, или мироносиц, четвертая, или расслабленного, пятая, или Самарянина, шестая, или Слепого, седьмая, или св. отцов) и продолжается он до субботы накануне Пятидесятницы, сам этот праздник не входит в состав какой-либо седмицы, а после него вновь начинается счет в порядке понедельник – неделя и продолжается уже до окончания пасхального года.

В древнерусских списках Триоди и служебных Евангелий XI–XII вв. отмечается в принципе такое же чередование двух способов счета, но очевидно также и то, что в ту эпоху не сложилось еще четкого их разграничения. Для нас особо интересны примеры нестандартного счета предпасхальных семидневок. Еще Н.В. Степанов, изучавший летописные известия времен Нестора, отмечал эпизодические случаи использования древнерусскими писателями «седмичного» способа в счете заключительных семидневок Великого поста [9, с. 22–23; 10, с. 26]. Мы можем дополнить эти наблюдения и доказать, что не только последние, но и первые семидневки поста, вопреки схеме Триоди, исчислялись от недели.

Так, например, в Лаврентьевском списке «Повести временных лет» в рассказе 6604 г. о Кулачской битве датирующие показания располагались следующим образом: появление дружины Олега Святославича на Клязьме – «наста Феодорова недѣля (т.е. семидневка) поста и приспѣ Феодорова субота»; сбор дружины Мстислава Владимировича – «въ тѣ день и в другиѣ», т.е. в субботу и воскресенье, когда, по расписанию Триоди, Федорова семидневка должна уже заканчиваться; приход Вячеслава Владимировича на помощь брату – «в четвергъ Феодоровы недѣли» [4, т. 1, стлб. 238–239], следовательно, Федорова семидневка поста, в представлении автора последней даты, начиналась в Федорово воскресенье и заканчивалась в следующую субботу. Параллельный рассказ ипатьевской редакции «Повести...» расставляет датирующие элементы по расписанию Триоди: «Наста Феодорова недѣля 1 <поста> и приспѣ... Феодорова субота,... и прииде Вячеславъ у четвертокъ по Федоровой недѣлѣ поста» [4, т. 2, стлб. 229].

Трудно поверить, однако, в то, что Великий пост начинался с опозданием на шесть дней, как это получалось по второй схеме счета великопостных семидневок. Скорее всего, вторая схема, как и предполагал Н.В. Степанов, вступала в действие только с середины поста, от Средокрестной семидневки. Однако последовательные приверженцы «седмичного» счета находили выход из положения, передвинув начало поста с Федорова понедельника на предшествующее ему Сыропустное (Масленое) воскресенье, создав третью схему счета великопостных семидневок (см. табл.). Такой порядок отмечается в ряде памятников: «Пандекты» Никона Черногорца – «сочтите собѣ от седьмыя недѣли исполнь днии осмь и именуите его нарочита День Страстень» [5, т. 4, с. 144], т.е. окончание седьмой семидневки поста здесь относится к субботе накануне Страстной семидневки, следовательно, начало отсчета этих «семи недель» приходится на Масленое воскресенье; «Златая матица» – «неделя о мытари и фарисеи зачинається за 2 недели чести до Вѣликаго поста» [7, с. 152], но на самом деле в этом интервале должно быть три недели (воскресенья) – о блудном сыне, Мясопустная и Сыропустная, значит последняя из них уже включалась в пост; одно из поучений Иоанна Златоуста было посвящено «неделе Сыроястной», но в нем же говорится: «Честнымъ бо и божественнымъ святого поста днемъ приспѣвшимъ, в первую недѣлю Великаго поста» [5, т. 1, с. 282]; Новгородская первая летопись рассказывает о том, что князь Андрей Александрович приехал в Новгород «и сѣде на столѣ в недѣлю Сыропустную» и тут же добавляет: «Того же говѣния (т.е. в том же Великом посту, что начался в Сыропустное воскресенье) посла великий князь Андрѣи Романа... к городу Свѣискому» [11, с. 327–328].

Применение третьей схемы счета великопостных «седмериц» объясняет, вероятно, и возникновение понятия «Преполовление поста». В письменности XI–XII вв. мы не встречаем этого пасхально-недельного ориентира, но позже он становится весьма распространенным и применяется даже в летописных датировках, например, в Новгородской первой летописи: «На Преполовление праздника Владычня» [11, с. 381]. Его недельно-счетное значение раскрывает Лаврентьевская летопись, которая одно из событий 6735 г. датирует 14 марта «в Преполовление святого поста» [4, т. 1, стлб. 449]. Ясно, что здесь имелся в виду 1227 г., когда Пасха была 11 апреля, начало поста (Федоров понедельник по современной, или первой схеме счета) – 22 февраля, а 14 марта было третьей (Средокрестной) неделей (воскресенье) поста. Понятно также, что середина («Преполовление») поста в данном случае была высчитана не по второй схеме счета, так как согласно ей, 14 марта было вторым воскресеньем поста, а после него следовало еще четыре великопостных воскресенья. Можно допустить, что середина определялась по первой схеме счета и имела в виду третий воскресный день поста, после которого следовало еще три воскресенья до Пасхи, но число дней в этих «половинах» будет все же неодинаковым, так что, вероятнее всего, появление термина «преполовление» в рамках третьей схемы: до 14 марта от Масленого воскресенья (21 февраля) проходило три полных семидневки, от 14 до 20 марта проходила срединная семидневка, а после нее пост продолжался еще три полных семидневки.

По всей видимости, разноречие в счете предпасхальных семидневок объясняется тем, что на Руси имели хождение какие-то архаичные церковно-служебные книги, содержавшие служебный стандарт, отличный от константинопольского. Это предположение подтверждается, например, тем, что в древнерусских списках Триоди отмечаются два варианта ее деления на Постную и Цветную части: в одних списках Постная Триодь продолжается до Великой субботы, т.е. субботы накануне Пасхи, а с пасхальной службы начинается Цветная Триодь, и это деление отражало первый поряд-

док счета семидневок; в других границей двух частей гимнографической книги являлась пятница накануне Лазаревой субботы (т.е. шестой субботы поста) [12, с. 31–33], что соответствовало второму или третьему вариантам счета.

Вообще же одновременное использование «недельного» и «седмичного» счета великопостных семидневок отражало возникшее еще в глубокой древности различие в понимании содержательной подоплеки поста. По одной версии, более близкой к конкретным евангельским сюжетам, первые 40 дней поста (от первого понедельника до шестой пятницы включительно) посвящались пребыванию Иисуса Христа в Иорданской пустыне, а последние дни (от шестой субботы до седьмой субботы) – трагическим событиям последних часов его жизни. Именно так описывал Великий пост киево-печерский летописец 70-х гг. XI в.: «Богъ даль есть намъ 40 днии сию на очищение души, се бо есть десятина, даема от тѣла Богу днии, бо есть от года до года 300, и 60, и 5, а от сихъ днии десятии день въздаяти Богови десятину, еже есть постъ 40-тний... Постъ днии начинаем от прѣваго понедѣльника наставше Феодоровои недѣли, кончается же ся в пятокъ Лазаревъ, а Страстная недѣля уставлена есть поститися страстии ради Господень» [4 т. 1, стлб. 184–186; т. 2, стлб. 174–176]. Также излагались смысл и схема поста и в других источниках: «И Христось алка 40 днии, намъ образъ... показая»; «въспоминание... четыредесять днии, въ няже убо постивъся Господь и Спасъ нашъ Исусъ Христось по крещении»; «наканун Лазарев (т.е. в пятницу накануне шестой, Лазаревой субботы поста), в си бо день кончается пост 40, начинаем от прѣваго понедельника наставшеи Федоровои недели, кончается в пяток Лазарев» [5 т. 4, с. 31; 13, с. 622; 14, прим. 275]. Для исчисления «четыредесятного» поста более подходили «седмичные» схемы счета, так как в конце одной из «ветхозаветных» семидневок заканчивался и 40-дневный срок.

По другим представлениям, восходившим к поучениям Иоанна Златоуста (V в.), все 48 постных дней (от понедельника Федоровой недели до Страстной субботы включительно) воспринимались как цельная, без внутренних подразделений, форма сопричастности верующих ко всем земным страданиям Сына Божьего: «Яко же начасте от прѣваго дни поститися, тако и до Воскресенья Господня доидѣте»; «вся жи си 7 недѣль десятина суть Божия»; «рече блаженни апостоль: ...7 недѣль есть поста святаго, честнѣиши же всѣхъ есть 7-я недѣля» [5, т. 2, с. 71; т. 3, с. 299; 15, с. 45–46]. Кормчая предусматривала даже специальные меры для «стирания» границы между двумя частями поста: «Не подобаетъ въ четырнадцатый постъ въ послѣднюю недѣлю (т.е. на шестой семидневке поста) въ четвертъкъ (т.е. перед пятницей и перед Лазаревой субботой) раздрушати постъ,... но подобаетъ всю недѣлю (от пятницы шестой седмицы до Страстной субботы) поститися сухоядущимъ» [16, с. 276]. Для такой трактовки более приемлемой была сквозная нумерация всех предпасхальных семидневок, исчисляемых по «недельным» циклам.

Все рассуждения об исчислении великопостных семидневок нужны нам для того, чтобы доказать использование Нестором третьей схемы их счета. В «Чтении о Борисе и Глебе» в рассказе об исцелении «жены сухорукой» есть прямое указание на начало Великого поста уже в Сыропустную неделю (воскресенье): «Пребысть же тако до святаго и Великого поста, наставши же недѣли Маслопустнѣи, взявши же и несоша ю» [17, с. 24] (см. также и в статье 6582 г. «Повести временных лет»: «Феодосий бо обычаи имяше: *приходяще постному времени, в недѣлю Масленую вечеръ*, по обычаю цѣловавъ братию всю и поучивъ ихъ, како проводить постное время,... и тако изидяше из монастыря, взямая мало коврижекъ, <и> вшедь в печеру» [4, т. 1, стлб. 183, 185; т. 2, стлб. 173, 175] и в Прилуцком Прологе: «Имяше же обычаи Феодосьи: въ дни Великаго поста входяше в пещеру <в> *Масленую недѣлю*» [5, т. 2, с. 451; т. 3, с. 304]). «Житие Феодосия» показывает, что и последние семидневки поста Нестор также исчислял по «седмичному» образцу: «Ту же (в пещере) затворяшеся (Феодосий) единъ до Вербной недѣли, и въ пятькъ тоя недѣли... прихожааше къ братии» [1, с. 334]. «Вербной» в пасхальном году называлась пятая неделя (воскресенье) поста, но ясно, что автор «Жития...» здесь подразумевал всю Вербную семидневку. Ее построение Нестором станет понятным, если мы обратимся к параллельному рассказу 6582 г. «Повести временных лет»: здесь говорится о том, что Феодосий возвращался в монастырь «въ пятокъ на канунъ Лазаревъ», а затем «празднова... недѣлю Цвѣтную (но не Вербную!)» [4, т. 1, стлб. 185–186; т. 2, стлб. 175–176]. Лазарево воскресенье и Цветная неделя – это соответственно шестая суббота и шестое воскресенье поста, значит Вербная пятница в рассказе «Жития...» следовала за Вербным воскресеньем. В современном пасхальном году Вербной называется шестая седмица

поста, хотя ее воскресный день такого названия не носит (впрочем, как и пятое воскресенье) и называется «Цветной неделей». Исчезновение Вербного воскресения отражает, кстати, совмещение «недельного» и «седмичного» способов счета, случившееся, вероятно, достаточно давно. Например, в «Золотой цепи» после поучений Иоанна Златоуста, посвященных пяти неделям (воскресеньям) поста, следует «Слово на Вербницы», не связанное с конкретным недельным днем [15, с. 48]. Цветная неделя, как шестая неделя поста, упоминается и в ряде других памятников [5, т. 3, с. 176; 7, с. 153].

Итак, в представлении Нестора Великий пост начинался еще в Сыропустное (Масленое) воскресенье, и его дни исчислялись «ветхозаветными» «седмичными» циклами (от воскресенья до субботы). Получалось, что Сыропустная неделя (воскресенье) отрывалась от первых шести дней Сыропустной семидневки (понедельник–суббота) и прикреплялась к великопостным дням. Эти шесть дней, оставшиеся без недели, дающей им название, автоматически присоединялись к предыдущей Мясопустной неделе, а само название «святой Мясопуст» стало распространяться уже на все 13 дней, предшествующих посту (точнее, Сыропустному воскресенью). Совсем не случайно, слово «Мясопуст» употреблялось в источниках XI–XII вв. в значении какого-то периода времени и без связи с конкретными днями Мясопустной седмицы (статья 6600 г. «Повести временных лет»: «От Филипова дне до Мясопуста» [4, т. 1, стлб. 215; т. 2, стлб. 206]; «Чудеса св. Николы Чудотворца»: «Бѣ же время святыи Мясопустъ» [5, т. 1, с. 495]). Уместно вспомнить и о том, что даже в XVI в. в России сохранялась память о непрерывных двухнедельных масленичных празднествах накануне Великого поста [18, с. 118–119], что было следствием «спайки» мясопустных и сыропустных дней в единый предпасхальный хронологический цикл. Именно в таком значении и употребил название «Мясопуст» Нестор, описывая уход Феодосия в пещеру для соблюдения великопостных обрядов в Сыропустное воскресенье «после святого Мясопуста».

Примечания

1. Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы. XI– начало XII в. М., 1978.
2. Повести Древней Руси: XI–XII века. Л., 1983.
3. Изборник: Сборник произведений литературы Древней Руси. М., 1969.
4. Полное собрание русских летописей. Т. 1–2. М., 1962.
5. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 1–2. М., 1988–1991.
6. Истрин В.М. Книги временныя и образныя Георгия мниа: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе: Текст, исследования и словарь. Т. 1: Текст. Пг., 1920.
7. Бобров А.Г. Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси. СПб., 1994.
8. Хавский П.В. Неделя и седмица // Северная пчела. 1846. №41.
9. Степанов Н.В. Единицы счета времени (до XIII века) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям // Чтения в обществе истории и древностей российских. Кн. 4 (231). М., 1909.
10. Степанов Н.В. Календарно-хронологические факторы Ипатьевской летописи до XIII века // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1915. Т. 20. Кн. 2.
11. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950.
12. Момина М.А. Вопросы классификации славянской Триоди // Труды Отдела древней русской литературы института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Л., 1983. Т. 27.
13. Изборник 1076 года / Под ред. И.С. Коткова. М., 1965.
14. Арцыбашев Н.С. Повествование о России. М., 1838. Т. 1, кн. 2.
15. Филарет (Гумилевский). Содержание рукописи «Златая чепь», принадлежащей к началу XIV в. и хранящейся в б-ке Сергиевой Лавры // Чтения в обществе истории и древностей российских. №2. М., 1846.
16. Древне-славянская Кормчая XIV титулов без толкований / Труд В.П. Бенешевича. СПб., 1906. Т. 1. Вып. 2.
17. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Приг. к печати Д.И. Абрамович. Пг., 1916.
18. [Снегирев И.М.] Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1858. Вып. 2.

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ЧАСТИ «ПОУЧЕНИЯ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА»

Поучение Владимира Мономаха является уникальным памятником древнерусской письменности и политической мысли XII в. Поучение Владимира Мономаха дошло до нас в единственном списке, в составе Лаврентьевской летописи под 6604 г. от Сотворения Мира [1, стлб. 247–251] и не связано ни с предыдущей, ни с последующей частью Повести временных лет в целом и данной летописной статьей в частности. Само Поучение Владимира Мономаха состоит из нескольких частей: непосредственно «Поучения», автобиографии князя и письма Олегу Святославичу. «Молитва, приписываемая Мономаху и заключающая его сочинения, ему не принадлежит» [2, с. 111].

Поучение Владимира Мономаха давно привлекает пристальное внимание ученых. Авторство Владимира Мономаха не вызывает сомнений у исследователей, но взгляды на причины, побудившие его написать это произведение, и «адресатов» послания разделились. Условно можно выделить две точки зрения на рассматриваемую проблему.

Ряд ученых рассматривает Поучение Владимира Мономаха как памятник политической и философской мысли, пронизанный идеями гуманизма и миролюбия. Сам Владимир Мономах предстает как князь, заботящийся о мире в Русской земле и величии Руси на международной арене, стремящийся не допустить усобиц и братоубийственных войн, призывающий к миру и согласию на основе «отних» традиций [2, с. 111–115; 3, с. 122–130; 4, с. 84].

Другие исследователи рассматривают Поучение Владимира Мономаха как узконаправленный, тактически выверенный шаг в политической борьбе Владимира Мономаха за киевское княжение. При рассмотрении в таком ракурсе Поучение Владимира Мономаха предстает как произведение, созданное для сиюминутной политической необходимости, адресованное киевской правящей верхушке и служившее одним из средств достижения единственной цели – киевского стола [5, с. 272].

Немало споров вызывает и хронология автобиографии Владимира Всеволодовича Мономаха. В этой части Поучения Владимира Мономаха ни разу не употребляются точные даты летосчисления от сотворения мира, но сюжетно-смысловое сходство некоторых известий рассматриваемого источника с аналогичными сведениями Повести временных лет позволяет нам синхронизировать их и произвести датировку этих событий. Впервые такую попытку предприняли Н.М. Карамзин и Н.С. Арцыбашев, а затем и ряд других ученых [6, с. 29–46; 7, с. 239–261]. До последнего времени исследователей ставил в тупик тот факт, что абсолютная хронология Повести временных лет и относительная последовательность событий Поучения Владимира Мономаха часто противоречат друг другу; при этом считалось, что Повесть временных лет «строго соблюдала правильную очередность происшествий». Но на данном этапе развития исторической науки мы знаем, что текст Повести временных лет подвергался многократной редакторской обработке, и не только текстологической, но и хронологической. Следовательно, «видимая очередность летописных известий... может оцениваться как весьма условная» [8, с. 5–10].

Самым ярким примером такого противоречия служит датировка первого похода Владимира Мономаха. Владимир Всеволодович родился в 1053 г. за год до смерти Ярослава Мудрого. В Повести временных лет об этих известиях сообщается под 6561 и 6562 гг. соответственно [1, стлб. 161–162].

По сведениям Поучения Владимира Мономаха Владимир Всеволодович впервые отправился в поход в возрасте 13 лет [1, стлб. 247]. В вопросе даты этого похода не существует единого мнения. Одни исследователи датируют его 1066 г., опираясь на дату рождения Владимира Мономаха [5, с. 269–271; 9, с. 95–97]; другие – 1068 г., связывая первый поход Владимира Всеволодовича с киевским восстанием, вокняжением Всеслава Полоцкого в Киеве и бегством Изяслава и Всеволода из охваченного восстанием города [4, с. 140–141; 10, с. 19–35].

Какая же из гипотез верна? На наш взгляд, обе. Так как нет оснований сомневаться в показаниях Поучения Владимира Мономаха относительно возраста князя Владимира Всеволодовича в период его первого похода и в показаниях Повести временных лет относительно года рождения Мономаха, то можно определенно датировать этот поход 1066 г.

Что же касается связи его с киевским восстанием, то оно также не вызывает сомнений, что убедительно доказано рядом исследователей. Но датировка восстания в Киеве 1068 г., принятая учеными, не дает возможности синхронизировать эти события. Последние исследования в области хронологии Повести временных лет доказали, что восстание в Киеве произошло не в сентябре 1068 г., а в сентябре 1066 г. [11, с. 33–35]. Следовательно, в 1066 г., когда Владимиру Мономаху исполнилось 13 лет, в Киеве произошло восстание, в результате которого на 7 месяцев киевское княжение получил Всеслав Полоцкий, Изяслав бежал в Польшу, а Всеволод – в свой удел.

Выяснив начальную дату автобиографии Владимира Всеволодовича, обратимся к блоку известий Поучения Владимира Мономаха от первого похода – «первое к Ростову идох...» до «...оттуда паки на лето Володимерю опять» [1, стлб. 247]. М.П. Погодин в рамках этого периода каждое известие выделил в отдельный год, оговаривая, что «строгой точности в писании по памяти искать нечего» [9, с. 96]. По его мнению, в указанном отрывке отражен период с 1067 по 1074 г.

Б.А. Рыбаков рассматривал выделенный нами фрагмент текста в рамках периода 1066–1078 гг., не исследуя его подробно [5, с. 269].

В.А. Кучкин, подробно исследовавший данную часть текста, пришел к выводу, что все события в рамках этого фрагмента относятся к периоду осень 1068–весна-лето 1069 гг., связав первый поход Мономаха с бегством из охваченного восстанием Киева, которое им датируется 1068 г., поход «...к Берестию...» – зимой 1069 г., а выход из Переяславля «...по Велици дни... на Сутейску мира творить с ляхы» – весной 1069 г. [10, с. 19–32]. Выше мы уже указывали, что киевское восстание произошло осенью 1066 г., следовательно, можно утверждать, что в выделенном нами фрагменте речь идет о событиях осени 1066–весны-лета 1067 гг.

Не меньше вопросов вызывает часть Поучения Владимира Мономаха, которая соответствует 6604 г. от Сотворения Мира в Повести временных лет. Этой летописной статье посвящена обширная научная литература, четко выявлены ее неоднородность и многочисленные хронологические наслоения [11, с. 30–31; 12, с. 226–229]. Несмотря на это, не было предпринято попытки синхронизировать известия этой статьи с Поучением Владимира Мономаха, и это неудивительно, так как в Поучении Владимира Мономаха все эти события описываются двумя предложениями: «И Стародубу идохом на Олга, зане ся баше приложилъ к половцем. И на Богъ идохом, с Святополком на Боняка за Рось» [1, стлб. 249]. Тем не менее столь краткое описание событий все же позволяет нам более четко восстановить последовательность событий мая–июня 1096 г.

Осада Стародуба, длившаяся 33 дня, окончилась в конце первой–начале второй декады июня, так как, выйдя из Чернигова 3 мая, Олегу и его преследователям (Святополку и Владимиру Мономаху) понадобилось какое-то время, чтобы добраться до Стародуба, расположенного на расстоянии примерно в 200 км к северу от Чернигова. В период осады половцы (союзники Олега?) совершали набеги на Киевское и Переяславское княжества, о чем говорит Повесть временных лет [1, стлб. 230–236]. После снятия осады, по сведениям летописи, князья отправились «в свояси». Затем каким-то образом они оказались на правом берегу Днепра, идя к Переяславлю, осажденному Тугорканом 30 мая 1096 г., и сразились с ним только 19 июля того же года, после чего 20 июля Боняк напал на Киев и разграбил Киево-Печерский монастырь. Идти от Стародуба, или даже от Киева, к Переяславлю по правому берегу Днепра не было никакого смысла, так как князьям пришлось бы дважды переправляться вброд сначала через Днепр, затем через Трубеж. Но даже если предположить, что братья двигались из Стародуба к Переяславлю этим путем, то переход не мог занять почти полтора месяца. Если далее рассматривать показания Повести временных лет, то также не выдерживает критики сообщение о нападении Боняка на Киев 20 июля 1096 г. Во-первых, князья с дружинами находились в переяславских землях, по этой причине половцы вряд ли могли незамеченными подойти к Киеву; во-вторых, от Переяславля до Киева можно пройти менее чем за сутки. Следовательно, даже если бы Боняк и напал на Киев 20 июля 1096 г., то по крайней мере князья могли отрезать ему путь к отступлению и сразиться с ним, но ни о чем подобном ни в Повести временных лет, ни в Поучении Владимира Мономаха не сообщается.

На наш взгляд, события развивались следующим образом. Святополк и Владимир Мономах, завершив осаду Стародуба, еще не вернулись в свои княжества, когда Боняк совершил набег на Киев, так как, исходя из сведений летописи, можно заключить, что князя в городе не было. Произошло это не 20 июля 1096 г., как говорится в Повести временных лет, а 20 июня 1096 г. [13, с. 16–17].

Указанный день является пятницей в сентябрьском 6604 г. Почему в сентябрьском? Потому что эта запись была сделана в Киево-Печерском монастыре, где, как известно, использовался сентябрьский константинопольский счет лет [11, с. 65–68]. После набега на Киев Боняк стремительно отступил, и Мономах со Святополком двинулись вслед за ним «...на Богъ... за Рось». Возвращаясь из этого похода, князя, находившиеся на правом берегу Днепра, узнали о нападении Тугоркана на Переяславль. Переправившись через Днепр в районе Заруба, они подошли к р. Трубеж и, перейдя ее вброд, разбили половцев 19 июля 1096 г.

Такое расположение событий вполне логично с точки зрения хронологии и географии, а также согласуется с показаниями Поучения Владимира Мономаха, которые, несмотря на свою лаконичность, дают возможность распутать переплетение известий в статье 6604 г. Повести временных лет.

В рамках данной статьи мы попытались рассмотреть лишь два незначительных эпизода автобиографии Владимира Мономаха, коснувшись рассмотрения некоторых вопросов хронологии. Из всего вышеизложенного мы можем сделать вывод о том, что хронология Поучения Владимира Мономаха еще нуждается в серьезном изучении.

Примечания

1. Полное Собрание Русских Летописей. М. 1963. Т. 1.
2. Лихачев Д.С. Великое наследие. М., 1975.
3. Замалеев А.Ф. Философская мысль в средневековой Руси. Л., 1987.
4. Орлов А.С. Владимир Мономах. М.; Л., 1946.
5. Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
6. Арцыбашев Н.С. Повествование о России. М., 1838. Т. I. Кн. 2.
7. Карамзин Н.М. История государства российского. М., 1991. Т. II.
8. Цыб С.В. Летописный источник Поучения Владимира Мономаха // Гуманитарные науки в Сибири. 1994. №4.
9. Погодин М.П. Хронологический указатель древней русской истории: Статья третья // Ученые записки II-го Отделения Императорской Академии наук. СПб., 1863. Кн. VII. Вып. 2.
10. Кучкин В.А. «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х годов XI века // Вопросы истории. 1985. №11.
11. Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». Барнаул, 1995.
12. Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
13. Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

ОЧЕРК ПО ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИЮ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА СО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX–НАЧАЛА XX вв.

Среди демографических процессов миграция населения (от латинского *migratio* – переход, переселение) занимает особое место. Ей присущи инерционный характер, моментальная реакция на социально-экономические, политические и другие изменения в обществе. Миграция населения может активно и быстро воздействовать на демографическую ситуацию, уменьшая или увеличивая численность населения, изменяя его половозрастную и семейную структуру, да и сами стереотипы демографического поведения. При этом миграционное (территориальное, механическое) движение населения нужно рассматривать как совокупность передвижения людей относительно мест жительства. Существуют различные классификации и типологии миграционного движения, иногда значительно различающиеся по форме и своим составляющим в зависимости от принадлежности исследователей, изучающих такое многогранное явление, как миграция, к той или иной науке (географии, этнографии, экологии, истории, демографии), от того или иного типа государственного устройства и т.п.

Со второй половины XIX в. в Сибири в целом и на юге ее западной половины в частности происходит территориальное перераспределение русского населения, что явилось следствием прихода сюда мощных потоков переселенцев. Русское старожильческое население Сибири начинает испытывать значительное влияние с их стороны, особенно это отразилось на демографической структуре населения и характере его размещения. Основу переселенцев численно, экономически и культурно составляло крестьянство, огромный трудовой потенциал которого и природа предопределили специфику территориального размещения переселенцев. Произошло постепенное вовлечение в хозяйственный оборот миллионов десятин целинной земли. Созданная переселенцами сеть населенных пунктов составила основу дальнейшего развития сельского населения, оказав влияние на его структурные и демографические характеристики.

В данной статье речь пойдет об историографии переселенческих процессов на территории Алтайского (до 1896 г. – Алтайского горного) округа Томской губернии. Эта территория стала своего рода классическим сибирским регионом, где в полной мере нашли свое отражение все стороны переселенческого движения в Сибирь. Переселения были доминантой в развитии народонаселения Алтайского округа, который тем самым был вовлечен в круг «миграционных арен» Российской империи. Именно массовый приток переселенцев, а следовательно, и возросший трудовой потенциал превратили слабо освоенный сибирский регион в крупнейший аграрный комплекс империи. Внешние притоки переселенцев из других губерний и областей России на территорию Алтайского округа и территориальная специфика их первоначального оседания во многом предопределили пути и характер освоения региона.

Тема крестьянских миграций в Сибирь весьма популярна среди исследователей. На сегодняшний день историческая литература по проблеме миграций сельскохозяйственного населения объединяет весьма значительный по объему и многообразный по содержанию, подходам, привлеченным источникам и, наконец, научной значимости предлагаемых выводов комплекс (см., например: [1–3] и др.). Существенное место в нем принадлежит работам, посвященным (исключительно или в том числе) анализу направлений, а также емкости крестьянских миграционных потоков дореволюционного времени. Тем не менее ряд проблем не нашел должного освещения. Малоизученность демографической структуры, территориального размещения и других аспектов переселенческого движения характерна не только для исследований по истории переселенческого движения сельского населения в Алтайский округ, но и для работ по миграциям населения в целом.

Многие исследователи так или иначе затрагивали территориальные и демографические аспекты переселений как в Сибирь, так и непосредственно в Алтайский округ. В работах большинства авторов находили отражение вопросы переселенческой и демографической политики (под демографической политикой понимается ряд социальных, экономических, юридических и других мероприятий, направленных на изменение процесса воспроизводства населения [4]), динамики, структуры, характе-

ра переселенческих потоков на территорию Алтайского округа. С разных методологических позиций, разными терминами и с разными целями исследователи пытались определить некие общие моменты: семейный состав переселенцев (прежде всего соотношение мужчин и женщин), динамику их притока, места оседания, экономическое, социальное положение и многое другое.

Утверждая в целом значительный вклад отечественной историографии в освещение истории миграций сельскохозяйственного населения, в данной статье не ставится задача сколько-нибудь подробного историографического анализа этой проблемы. Цель обзора – акцентировать внимание на основных направлениях исследований, где так или иначе затрагивается комплекс проблем, связанных с анализом интенсивности, направленности, демографической структуры миграционных потоков на территорию Алтайского округа.

Уже в конце XIX–начале XX вв. вышло много статей и книг, посвященных переселенческому вопросу. В монографии М.Б. Шейнфельда даны оценки взглядов историков дооктябрьского периода на переселенческое движение в целом [5]. Более специальное исследование трудов по переселению в Сибирь, опубликованных в конце XIX–начале XX вв., нашло свое отражение в работах Л.М. Горюшкина и Н.А. Миненко, где глубоко и весьма обстоятельно проанализированы концепции авторов различных направлений по переселенческому вопросу [6–7]. Нельзя не согласиться с тем, что колонизация была одной из главных черт исторического развития Сибири в составе России [6, с. 100]. Движение переселенцев представляло собой многоаспектный канал связей населения Сибири (хозяйственных, культурных, родственных и др.) с центром страны, однако в отечественной историографии в качестве центральной темы утвердилась именно хозяйственная роль переселений. С этой позиции экономическая и социальная, в частности, этническая история миграций были рассмотрены весьма подробно. Особенности же демографической структуры и территориального размещения переселенческих потоков не получили должного освещения ни в дореволюционной, ни в советской историографии, более того, проблемы анализа пространственного распределения переселенцев и их демографических характеристик специально в историографии вообще не формулировались. Тем не менее в разном контексте рассматривался ряд вопросов, имеющих отношение к указанной проблематике: основные характеристики переселенческой политики; общая динамика численности переселенческих потоков; влияние переселений на демографическую структуру сибирского народонаселения.

Само понятие «переселенец» не было новым для Алтайского округа, поскольку еще до реформы 1865 г. крестьяне в ряде случаев получали разрешение на поселение на его территории. А в Смоленской волости Бийского уезда особых ограничений на переселение не было, и туда активно шли переселенцы. Однако с момента официального разрешения на переселения в Алтайский округ, последовавшего только в 1865 г., переселенцы постепенно стали играть решающую роль в формировании населения округа. Констатация все возрастающей доли переселенцев в структуре народонаселения округа относится к 80-м гг. XIX в., что было обусловлено как налаживанием более упорядоченной системы учета переселенцев и населения в целом, так и рядом факторов экономического, политического, демографического характера [8, с. 17]. В это время складывается весьма своеобразное направление по изучению миграционных процессов – его можно назвать опытным или практическим. Это было своего рода «эмпирическое бытовое наблюдение» без особых обобщающих выводов [9, с. 398]. В этот период активно формировалась документальная база для изучения проблем переселений, поскольку многие исследователи сами принимали участие в ее сборе.

Главной причиной переселенческого движения в дореволюционной историографии считали прирост населения, приводивший к относительному сокращению земельной площади у крестьян и аграрному перенаселению в центре страны [10, с. 19; 11–13]. Вместе с тем общий рост народонаселения в европейской части страны, по мнению А.А. Кауфмана, сочетался с агрикультурным кризисом, когда низкая агротехника в условиях быстрого прироста населения и культурной отсталости крестьян не позволяла им поднять доходность хозяйств, вынуждая к переселению [14, с. 12].

В свою очередь, динамика переселений, их рост или спад объяснялись главным образом состоянием урожайности (низкие урожаи в центре страны способствовали росту переселенческого движения, высокие – сдерживали его), а также наличием удобных земель в Сибири и ходом землеустроительных работ [15, с. 85, 94]. Исследование динамики переселенческих процессов в Сибирь было одной из излюбленных тем в работах авторов досоветского периода [8; 16–27]. Однако

богатый статистический материал, приведенный в этих работах, требует весьма строгого критического подхода.

Наиболее заметным исследованием, где были проанализированы количественные аспекты переселений, стала работа С.Л. Чудновского, опубликованная в 1889 г. Она отличается солидной источниковой базой. Основная часть книги базируется на материалах, собранных автором в ходе статистико-экономических исследований 1884–1885 гг. [8, с. 154]. В этой работе опорными пунктами исследования переселенческого движения стали:

- количественная сторона переселенческого потока на Алтай;
- из каких губерний направлялись переселенцы;
- основные причины, побудившие к переселению;
- обусловленность выбора переселенцами того или иного района в пределах Алтайского округа;
- наличные средства в момент переселения;
- расходы и проблемы, связанные с заселением новых мест, и ряд других аспектов.

Причины переселений С.Л. Чудновский видел в малоземелье, недостаточности душевого надела, особенно усиливается переселение, по его мнению, тогда, когда «присоединяется неурожай, пожар, падеж скота и т.д.» [8, с. 50]. Эти замечания кажутся нам справедливыми, хотя и не исчерпывающими. Особое внимание автор уделил анализу территориального размещения и географии мест выхода переселенцев. Основными источниками для анализа общего хода переселений на Алтай до 1885 г. были материалы Алтайского горного правления, Томской казенной палаты и Томского губернского статистического комитета, при рассмотрении переселений в 1886–1889 гг. автор обращается к сведениям из газет и отчета Л. Чарушина. Автор признает отрывочность и неодинаковую полноту данных за отдельные годы, в связи с чем количественные показатели переселенческого движения не передают целостного представления ситуации [8, с. 151]. Картина динамики переселений в Алтайский округ, по данным С.Л. Чудновского, представлялась в следующем виде: в 1887 г. переселилось 15827 чел., в 1888 г. – 17201 и в 1889 г. – 1706 чел. [8, с. 123]. Однако по другим данным в эти годы переселилось, соответственно: 15970, 18031 и 1748 душ обоего пола [25, с. 252]. По справедливому замечанию П.А. Голубева, причина скорее всего в том, что отдельные исследователи переселенческого движения, подводя итоги переселений за ряд лет, за отдельные годы подсчитывают число ревизских душ переселенцев, за другие – количество душ обоего пола, получая при этом данные значительно ниже действительных [22, с. 130]. Тем не менее исследование С.Л. Чудновского ценно прежде всего тем, что он один из первых попытался представить общую количественную картину переселений на Алтай с 1866 по 1888 г. и «облек ее в плоть и кровь» материалами личных обследований 1884–1885 гг.

Количественный анализ переселенческих потоков приведен и в работе А.А. Кауфмана [8]. Здесь опубликован солидный статистический анализ обследования хозяйственного положения переселенцев, проведенного в 1894 г. по заданию Кабинета Комитетом Сибирской железной дороги и охватившего переселенцев, водворившихся в Томской губернии в 1880–1894 гг. В работе А.А. Кауфмана нашли свое отражение аграрно-переселенческие концепции, получившие дальнейшее развитие в других его работах, а именно при выборе критериев оценки переселенческого движения и его методологических позиций [14, с. 29]. Наряду с приемами аналитической обработки цифровых данных А.А. Кауфманом была использована методология статистики, основанная на неокантианской классификации наук В. Виндельбанда–Г. Риккерта. В связи с этим А.А. Кауфман полагал, что статистика изучает «индивидуальные явления», формирующиеся под действием случайных причин [30, с. 30]. Помимо всего прочего, А.А. Кауфман отрицал представление переселений как явление, характерное исключительно для русских. Напротив, он полагал, что миграции играли «важную роль в экономической, культурной и политической истории всех времен и народов» [16, с. 5–9]. Причину переселений А.А. Кауфман видел как в перенаселении в центре страны, так и в «известных бродячих наклонностях», «трудно уловимых движениях народной психологии» [16, с. 191–193]. Так или иначе, в работах А.А. Кауфмана нашли свое комплексное отражение многие основные вопросы колонизации: причины переселенческого движения, состав переселенцев и условия их передвижения, устройство и положение новоселов в Сибири, влияние переселений на крестьянское землевладение в местах выхода и на развитие сельского хозяйства в Сибири. Практически все работы А.А. Кауфмана были связаны с его практичес-

кой деятельностью как чиновника Министерства земледелия и госимуществ по обследованию в 1880–1890-е гг. крестьян и переселенцев, поэтому они насыщены статистическим материалом. Однако подход к изучению переселений А.А. Кауфман осуществлял прежде всего как статистик и экономист, что придает особую ценность его работам, где он представляет широкое использование статистических методов при обработке материалов обследований и переписей. Кауфман видел и учитывал недостатки проведения обследований. Анализируя статистические материалы 1886–1890 гг., он отмечал, что проведение их сбора осуществлялось по разным программам и в статистическом отношении многие данные по уездам практически несопоставимы [31].

Другим видным исследователем переселений был Н.М. Ядринцев. Он был в числе первых, чье внимание привлек вопрос о правительственной политике государства и Кабинета по отношению к переселенцам. В начале 1890-х гг. Н.М. Ядринцев рассмотрел основные формы и итоги переселенческой политики на территории Алтайского округа. Им были выявлены факторы, оказавшие воздействие на те или иные позиции переселенческой политики, включая усугубление аграрного кризиса в европейской части России и рост переселенческого движения. Н.М. Ядринцев выступал за вольнонародную колонизацию, отводя главную роль в ней крестьянским массам [32]. В этой точке зрения нашли свое полное отражение идеи о двух началах в истории Сибири – свободного и самодержавного. С позиций нашей темы особая заслуга Н.М. Ядринцева в изучении переселенческого движения заключается в том, что он одним из первых определил главные места выхода переселенцев («Центральная полоса», Приуралье и Малороссия), а также в использовании сведений, собранных им в экспедициях Западно-Сибирского отдела Российского географического общества по Томской губернии на Алтае. На их основании, с частичным использованием статистических данных Главного управления Алтайского округа, автор смог дать количественную характеристику переселенческого движения как на территории Алтайского округа, так и Сибири в целом [18–19].

Общая характеристика количественной и территориальной специфики переселений в Сибирь представлена в аналитической работе Я.Ф. Ставровского и В.В. Алексеева, вышедшей в 1906 г. В ней дан подробнейший анализ переселений в Сибирь в 1885–1904 гг. [10]. Авторами этого исследования были приведены количественные характеристики переселенческих потоков с обозначением основных мест выхода переселенцев.

Следует отметить еще две работы. Н.В. Турчанинов исследовал итоги переселенческого движения в Сибирь в 1896–1914 гг. [35]. В 1911 г. вышел «Краткий исторический очерк колонизации Томской губернии», где сделана попытка целостного рассмотрения истории колонизации Сибири [35]. В этих трудах содержится ценный фактический материал о динамике переселенческого движения в Сибирь, количестве ходок, прямом и обратном движении переселенцев. Авторы верно оценивали технические недостатки регистрации переселения в Челябинске: не регистрировались переселенцы, прибывшие в Сибирь по грунтовым дорогам, шедшие в степной край через станцию Кинель, часть переселенцев ускользала от регистрации.

В технике проведения и анализа обследований переселенцев у исследователей было много общего, и в то же время наблюдался ряд особенностей. В работах таких исследователей, как С.Н. Южаков, Н.А. Карышев, К.Р. Качоровский, Н.П. Ограновский содержится ценный фактический материал о численности переселенцев в Сибирь. Все эти исследования проникнуты сочувствием к переселенцам, в них присутствует и критика переселенческой политики правительства, но авторы останавливались, как правило, на описании или же констатации того или иного явления или события [36–39].

Крупным обобщающим официальным изданием, где нашел свое отражение целый комплекс вопросов, связанных с переселенческими процессами на территорию Сибири, стал трехтомник «Азиатская Россия», изданный к 300-летию царствования Романовых [40]. В каждом томе этого издания есть разделы, посвященные количественной характеристике переселенческого движения, подчеркивается значимая роль правительственных мероприятий в области регулирования переселенческого движения.

Таким образом, в работах дореволюционных исследователей представлены некоторые географические аспекты расселения переселенцев: места выхода и отчасти места вселения. В качестве демографических аспектов переселенческих масс выступали численность переселенцев и рассмотрение географии мест выхода мигрантов.

Первоначально в советской историографии особое внимание было уделено пересмотру методологической основы анализа статистических данных. Наметился постепенный отказ от представления в исследованиях широкого статистического материала, изменились акценты исследований миграций. Если раньше переселения выступали как составная часть истории народонаселения, то теперь их начинают рассматривать как явление, подчиненное экономическим законам развития страны. Особенно остро этот переход отразился в дискуссиях, развернувшихся в советской исторической науке в период с 20-х до середины 30-х гг. С одной стороны, это работы В.П. Воинина, И.Л. Ямзина, В.Я. Нагнибеды, А.П. Яхонтова, где преимущественно использовались методы дореволюционной статистики [41–43], а с другой – работа С.М. Дубровского, где исследование проводилось уже на основе марксистской методологии истории [44].

После этого в историографии наблюдается своеобразная лакуна: вплоть до 50-х гг. проблемы миграций не получили какого-то нового рассмотрения, более того, этими проблемами практически никто серьезно не занимался.

К началу 70-х гг. XX в. в советской исторической науке появился целый ряд работ, посвященных вопросам освоения Сибири и ее отдельных районов: монографии В.В. Покшишевского, Л.Ф. Склярова, Е.И. Соловьевой [45–47]. Однако исследователи освещали, главным образом, процесс переселенческого движения в период столыпинской аграрной реформы. Лишь в монографии В.В. Покшишевского переселенческий процесс в Сибирь рассмотрен на протяжении всего пореформенного периода. Работа представляет собой историко-географический очерк. Процесс заселения Сибири во второй половине XIX в. рассмотрен автором как один из этапов колонизации. Автор достаточно широко использует материалы регистрации переселенцев в Челябинске. Несомненной заслугой В.В. Покшишевского стало привлечение статистических материалов для изучения переселенческого движения в Сибирь [45, с. 165]. В монографии проанализированы природно-ландшафтные особенности мест оседания переселенцев в Сибирь, где Алтай, с точки зрения автора, занимал одну из ведущих позиций. Рассматриваемая работа является попыткой отразить общую картину заселения Сибири с позиций исторической географии.

По мнению В.В. Покшишевского, изучение исторической географии населения может иметь научную основу только в том случае, если в ходе этого изучения будет раскрыт весьма широкий круг географических связей колонизационного процесса. В частности, он считал, что необходимо дать характеристику природных условий, осветить процесс расселения в зависимости от хозяйственно-географических условий, установить влияние колонизации на развитие динамики народонаселения на территории изучаемой территории, наконец, вскрыть связь двух «полюсов» колонизационного процесса – выселения и вселения, оседания переселенческих контингентов.

Ценность данного исследования заключается в том, что это первая работа, основанная на широком историко-географическом анализе, где переселение рассматривается в контексте взаимодействия между обществом и географической средой. Автор стремится установить прежде всего общую картину заселения, но при этом акцентирует внимание на отдельных регионах, в том числе и на Алтае. В целом, по его мнению, миграции населения представляют собой сложный социальный процесс, суть которого неотделима от конкретного географического проявления. Автор верно подмечает, что возможны различные комбинации социально-исторических условий, определяющих движущие силы географических перемещений людских масс. Различным же, по его мнению, бывает взаиморасположение районов выхода переселенцев и их оседания, различна ландшафтная обстановка отдельных заселяемых областей, «которые можно назвать «миграционными театрами» [45, с. 6]. Все это создает большое разнообразие самих миграционных процессов, поэтому нужно, чтобы исследование их велось с учетом географической конкретности. В работе В.В. Покшишевского характеризуются главным образом географические и количественные аспекты переселенческого движения. В целом автор дал вполне исчерпывающую для того времени историко-географическую характеристику переселений в Сибирь.

Появление в 60–70-е гг. ряда работ расширило представление об особенностях переселения на территорию Алтая, определило основные методологические подходы к изучению самого процесса переселения. В связи с переселением стали рассматривать более широкий комплекс проблем: экономических, культурных, а также специфику природно-климатических условий.

ния. Особый интерес представляют разделы, подготовленные Е.И. Соловьевой, И.Н. Новиковым, Г.П. Жидковым, Ф.Г. Сафроновым, К.Б. Шустовым по истории переселенческого движения и хозяйственного освоения Сибири, а также В.Г. Тюкавкиным, И.А. Асаланхановым, Л.М. Сабуровым по истории сибирского крестьянства на рубеже XIX–XX вв. В этих разделах дана характеристика сельского народонаселения, структуры крестьянских семей, политики царизма по крестьянскому вопросу. Однако здесь затрагивалась не столько демографическая структура переселенческой массы, сколько влияние переселений на изменение демографической структуры населения в местах оседания. Учитывая обобщающий характер работы, мы не можем не отметить ее важность в плане анализа влияний переселенческого движения на демографическое состояние населения как Томской губернии, так и Сибири в целом. Однако масштабность рассматриваемой работы не позволила осветить все аспекты крестьянских переселений.

В ряде историко-этнографических работ были подняты новые моменты изучаемой проблемы. Особое внимание привлекает работа московского этнографа В.А. Липинской, где, в частности, дается общая характеристика переселенческих семей. Автор не задается целью дать исчерпывающий анализ демографической структуры семьи, но выделяет основные моменты, характерные для того или иного периода. Для второй половины XIX в., по ее мнению, среди переселенцев имеют определенное место крупные (до 22 человек) и смешанные (3–5 поколений) переселенческие семьи [64]. Особое внимание автор уделяет возрастным рамкам переселенцев как относительно взрослого населения, так и детей.

В последнее десятилетие наблюдается постепенное возрастание интереса к историко-демографическим и географическим аспектам переселения в Алтайский округ.

Пространственно-демографические аспекты переселения нашли свое отражение в работах группы барнаульских историков, вышедших в последние годы [65–68]. Здесь через призму истории освоения населенных пунктов анализируются пространственные особенности заселения территории Алтайского округа (края). Исследователи, в частности, отмечают необходимость использования в демографических исследованиях списков населенных мест и других материалов по истории населенных пунктов, так как процесс их основания является одним из основных аспектов освоения региона.

Так, в статье А.А. Храмова затрагиваются аспекты земельного обеспечения крестьян переселенцев с 1898 по 1917 г. [68]. Исходя из утверждения, что с конца XIX в. распределение переселенцев шло по двум направлениям: в старожильческие и новые селения, автор предлагает весьма интересную и плодотворную в научном плане градацию волостей в каждом уезде, а именно по поселению в старожильческое селение, по оседанию в переселенческих участках и по наличию переселенцев, поселившихся и в старожильческих, и в переселенческих селениях. Это положение дает возможность оценить потенциальный уровень той или иной волости в приеме переселенцев на свою территорию. В сжатом виде представления о переселении на Алтай были изложены автором в «Энциклопедии Алтайского края» [69, с. 274].

В других работах той же группы историков Алтайского университета более предметно рассматриваются пространственные аспекты переселения в Алтайский округ [70–72]. В рамках проводимых научно-исследовательских работ этой группы были разработаны основные методологические и технологические принципы использования пространственного анализа и компьютерного картографирования в исторических исследованиях [73–75]. Впоследствии эта теоретическая основа пространственного анализа нашла свое воплощение на изучении конкретных социально-экономических и демографических процессов на юге Западной Сибири в XVIII–XX вв.

В целом историографический обзор показывает, что наибольшее отражение нашли анализ численности миграционных потоков и некоторые историко-географические аспекты переселений в Алтайский округ с 1865 по 1905 г. Демографические же аспекты переселенческого движения главным образом констатировались, а не исследовались. Но, даже констатируя, исследователи останавливались преимущественно на рассмотрении соотношения полов в переселенческом движении населения, а возрастные характеристики оставались вне поля зрения. Этот факт представляется более чем удивительным. Ведь, являясь основной составляющей частью населения Алтайского округа, переселенцы не меньше, чем старожилы, влияли на хозяйственный потенциал той или иной территории. Анализ же половозрастной структуры дает ответы на вопросы о характере трудовых ресурсов и демографическом состоянии народонаселения Алтайского округа в целом.

Примечания

1. Якименко Н.А. Советская историография переселения крестьян в Сибирь и на Дальний Восток (1861–1917 гг.) // История СССР. 1980. №5.
2. Шелестов Д.К. Демография: история и современность. М., 1983.
3. Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в.–1917 г.) // История СССР. 1980. №3.
4. Советский энциклопедический словарь. М., 1988.
5. Шейнфельд М.Б. Историография Сибири (конец XIX–начало XX в.): Монография. Красноярск, 1973.
6. Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI–начало XX в.). Новосибирск, 1984.
7. Горюшкин Л.М. Досоветская историография переселенческого движения в Сибирь в период капитализма // Исторические записки. М., 1985. Т. 112.
8. Чудновский Л.С. Переселенческое дело на Алтае (статистико-экономический очерк). Иркутск. 1889.
9. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1981. Т. 1.
10. Ставровский Я.В., Алексеев В.В. Переселение в Сибирь. СПб., 1906.
11. Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и в других европейских государствах. СПб., 1896. Т. 1–2.
12. Исаев А.А. Как относятся в Сибири к переселенцам // Русская мысль. 1890 Кн. XII.
13. Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб., 1891.
14. Кауфман А.А. К вопросу о причинах и вероятной будущности русских переселений // Труды Юридического общества, состоящего при Императорском Московском университете. 1898. Т. 8.
15. Введенский И. Землеустройство и колонизация // Вопросы колонизации. 1912. №11.
16. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905.
17. Кауфман А.А. Земельный вопрос и переселение // Сибирские переселения на исходе XX в. СПб., 1901.
18. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. М., 1882.
19. Ядринцев Н.М. Десятилетие переселенческого дела // Вестник Европы. 1891. Кн. 8.
20. Овсянkin И. Колонизация и переселенческое дело // Алтай. Историко-статистический сборник экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890.
21. Голубев П. Земледелие. Скотоводство // Алтай. Историко-статистический сборник экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890.
22. Голубев П. Сибирская жизнь и положение переселенцев на Алтае // Юридический вестник. 1892. №5–6.
23. Исаев А. Переселенческое дело с начала 80-х годов // Северный вестник. 1895. Кн. 1.
24. Материалы по переселению в Алтайский округ в 1888–1892 гг. // Алтайский сборник. 1894.
25. Очерк переселенческого дела в Алтайском округе 1884–1894 гг. Барнаул, 1900.
26. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб., 1900.
27. Итоги переселенческого движения за время 1896 по 1909 гг. Барнаул, 1910.
28. Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев водворенных на казенных землях Томской губернии, по данным произведенного в 1894 г. по поручению господина Томского губернатора подворного исследования. СПб., 1895. Т. 1–2.
29. Кауфман А.А. Сибирские переселения на исходе XIX века: Ист.-стат. очерк. СПб., 1901.
30. Кауфман А.А. Статистика. Ее приемы и ее значение для общественных наук. М., 1911.
31. Крестьянское землепользование и хозяйство в Томской и Тобольской губерниях. СПб., 1894.
32. Ядринцев Н.М. Крепостнические традиции в Сибири // Восточное обозрение. 1882. №1.
33. Ядринцев Н.М. Переселенческий вопрос // Восточное обозрение. 1889. №1.
34. Турчанинов Н.В. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. СПб., 1910.
35. Краткий исторический очерк колонизации Томской губернии. Томск, 1911.
36. Южаков С.Н. Переселенческий вопрос // Северный вестник. 1886. №8.
37. Карышев Н.А. К переселенческому вопросу // Русское богатство. 1898. №5.
38. Качоровский К.Р. Крестьянское хозяйство и переселение. (Итоги размеров и результаты переселенческого движения за истекшее тридцатилетие) // Русская мысль. 1894. №6.
39. Ограновский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Т. 3. Вып. 1: Население. Переселенческий вопрос. Саратов, 1914.
40. Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1: Люди и порядки за Уралом; Т. 2: Земля и хозяйство; Т.3. Приложение.
41. Вошинин В.П. Переселение // О земле. М., 1921. Вып. 1.
42. Вошинин В.П., Ямзин И.Л. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926.
43. Яхонтов А.П. Переселение и колонизация. Харьков, 1926.
44. Дубровский С.М. Столыпинская аграрная реформа. Л., 1925.

45. Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951.
46. Складорова Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской реформы. Л., 1962.
47. Соловьева Е.И. Переселенческая политика царизма в период столыпинской аграрной реформы // Общественно-политическое движение в Сибири в 1861–1917 гг. Новосибирск, 1967.
48. Асальханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX–начала XX в. Новосибирск, 1975.
49. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск, 1967.
50. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973.
51. История Сибири. Л., 1968. Т. 3.
52. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.
53. Зверев В.А. Русская крестьянская семья. Новосибирск, 1982.
54. Минжуренко А.В. Переселенческая деревня Западной Сибири. Томск, 1977.
55. Островский И.В. Материалы сельскохозяйственных переписей.
56. Слепцов Е.Я. Старожильческая деревня в Западной Сибири (середина 80-х годов XIX в.–1917 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1978.
57. Томилова Н.К. Переселение крестьян в Алтайский округ (1865–1899) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3.
58. Томилова Н.К. Основные районы выселения переселенцев на Алтай в 60–70-е годы XIX в. Экономическое положение крестьянства в районах выхода // Вопросы истории Сибири. Томск, 1969. Вып. 4.
59. Томилова Н.К. Переселенческая политика Кабинета во второй половине XIX в. // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 13.
60. Колесников А.Д. Определение численности населения по итогам ревизий и на промежуточные даты // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1982. Вып. 2.
61. Жидков Г.П. Переселенческая политика Кабинета в 1865–1905 гг. // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973.
62. Жидков Г.П. Размеры крестьянских переселений на Алтай в эпоху капитализма // Материалы к научной конференции Усть-Каменогорского пед. ин-та. Усть-Каменогорск, 1969.
63. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.
64. Липинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае XVIII–начало XX века. М., 1996.
65. Булыгин Ю.С. Образование и развитие населенных пунктов Алтайского края (к оценке репрезентативности источниковой базы) // История. Карта. Компьютер. Барнаул, 1998.
66. Владимиров В.Н., Колдаков Д.В. Образование населенных пунктов Алтайского края: история во времени и пространстве // История. Карта. Компьютер. Барнаул, 1998.
67. Владимиров В.Н., Колдаков Д.В., Силина И.Г., Токарев В.В. Пространственные аспекты истории Алтая // Круг идей: Традиции и тенденции исторической информатики: Труды IV конференции Ассоциации «История и Компьютер». М., 1997.
68. Храмов А.А. Земельное обеспечение крестьян Алтайского округа в конце XIX–начале XX вв.: переселенческие аспекты // История. Карта. Компьютер. Барнаул, 1998.
69. Энциклопедия Алтайского края. Барнаул, 1996. Т. II.
70. Булыгин Ю.С., Владимиров В.Н., Колдаков Д.В., Силина И.Г., Токарев В.В., Храмов А.А. Историко-картографические исследования на историческом факультете Алтайского государственного университета // Историческая и современная картография в развитии Алтайского региона: Тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 1997.
71. Владимиров В.Н., Силина И.Г., Храмов А.А. О возможностях исследования истории заселения территории заселения территории Алтайского округа методами пространственного анализа // Компьютер и экономическая история. Барнаул, 1997.
72. Владимиров В.Н., Силина И.Г. Историко-пространственные аспекты переселенческого движения на территорию Алтайского округа в конце XIX–начале XX вв. // Информационный бюллетень ассоциации «История и Компьютер» 1998. №23.
73. Владимиров В.Н. Пространственный анализ и компьютерное картографирование в изучении социально-экономических процессов в Сибири XIX–начала XX вв. // Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 1997.
74. Владимиров В.Н. Назад к пространственному анализу? // Круг идей: макро- и микроподходы в исторической информатике: Труды V конференции Ассоциации «История и компьютер». Минск, 1998.
75. Володимиров В.М., Силина І.Г. Комп'ютер в Історичному картографуванні: від ілюстрації до аналізу. // Джерелознавчі та історіографічні проблеми історії України. Мова науки термінологія. Дніпропетровськ. 1997.

Работа выполнена по гранту Минобразования Г00-1.2.-193 и РГНФ №00-01-00229

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кунгуров А.Л., Маркин М.М.</i> Каменные индустрии многослойного памятника Камешок-1	3
<i>Маркин М.М., Платонова С.Г., Семибратов В.П.</i> Комплекс памятников эпохи камня горы Камешок (южные отроги Салаирского кряжа)	8
<i>Малолетко А.М., Уткин Ю.В.</i> Минералы кремнезема, кварцевые и халцедоновые породы как сырье для изготовления каменных орудий в древности (археологический аспект).....	13
<i>Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю.</i> Ранние культурные слои Малого Иткуля-1 и Городища-3	18
<i>Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В.</i> Проблемы большемысской культуры в Верхнем Приобье	28
<i>Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П.</i> Некоторые планиграфические наблюдения на погребально-поминальных комплексах Верхнего Приобья эпохи ранней бронзы	40
<i>Грушин С.П.</i> Основные элементы погребального обряда населения Верхнего Приобья в эпоху ранней бронзы	50
<i>Кунгуров А.Л., Папин Д.В.</i> Могильник-5 археологического комплекса Малый Гоньбинский Кordon-1.....	56
<i>Тур С.С., Фролов Я.В.</i> О происхождении большереченской культуры Верхнего Приобья переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа (VIII–VI вв. до н.э.)	69
<i>Дашковский П.К.</i> Основные аспекты изучения этнокультурной ситуации в Горном Алтае в VI–II вв. до н.э.	82
<i>Мамадаков Ю.Т., Неверов С.В.</i> Аварийные исследования курганов у с. Кастахта	90
<i>Фролов Я.В.</i> Интерпретация изображений на двух костяных пластинах из погребений раннего железного века Верхнего Приобья	98
<i>Абдулганеев М.Т.</i> Фоминский комплекс поселения Малый Иткуль-1	103
<i>Кунгуров А.Л., Горбунов В.В.</i> Случайные находки с Верхнего Чумыша (по материалам музея с. Победа)	111
<i>Тишкин А.А.</i> Предметы материальной культуры монгольского времени из разрушенного захоронения памятника Усть-Алейка-5	127
<i>Тишкина Т.В.</i> Николай Степанович Гуляев (1851–1918 гг.) (первая половина жизненного пути)	134
<i>Курсакова Е.Н.</i> П.В. Хавский – законовед, исследователь русской истории и генеалогии	146
<i>Иванова Н.П.</i> О влиянии святочных обозначений на датирование летописных событий	154
<i>Цыб С.В.</i> Хронологическая заметка к тексту «Жития Феодосия»	158
<i>Борисов С.А.</i> К вопросу о хронологии автобиографической части «Поучения Владимира Мономаха»	163
<i>Силина И.Г.</i> Очерк по историографии истории переселенческих процессов на территорию Алтайского округа со второй половины XIX–начала XX вв.	166

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ
И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ**

Сборник научных трудов

Редактор – Н.Я. Тырышкина

Компьютерная верстка – Д.В. Тырышкин

Издательская лицензия № 020261 от 14 января 1997 г.

Подписано в печать 16.03.2001. Формат 84х108/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Уч.-изд.л. 19,7.
Тираж 350 экз. Заказ № 156

Типография «Азбука»
656099, г. Барнаул, пр. Красноармейский, 98-а